

НОВАЯ **И** **НОВЕЙШАЯ** **ИСТОРИЯ**

В номере:

40 ЛЕТ НАШЕМУ ЖУРНАЛУ

**ПЕРВЫЕ УРОКИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 90-е ГОДЫ**

**ОБСУЖДЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАТИКИ И КВАНТИТАТИВНОЙ
ИСТОРИИ**

**О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО
НАУЧНОГО ФОНДА**

**СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И КИТАЙ В 20-е ГОДЫ.
ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА МИД РОССИИ**

ПОСОЛ МОСКВЫ ПРИ ШЕСТИ ПРЕЗИДЕНТАХ США

**ПОЗИЦИЯ США В СВЯЗИ С ВВОДОМ СОВЕТСКИХ ВОЙСК
В АФГАНИСТАН В 1979 г. ПО ДОКУМЕНТАМ
ИЗ АРХИВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США**

К. МАРКС И М.А. БАКУНИН: БОРЬБА ИДЕЙ И АМБИЦИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И СУЩНОСТЬ ЮГОСЛАВИЗМА. XIX в.

НОВОЕ О ШВЕДСКИХ ПРЕДКАХ В.И. ЛЕНИНА

**Н.П. РЕЗАНОВ И ПЕРВОЕ РУССКОЕ
КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ 1803–1806 гг.**

3

1997

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

№ 3

МАЙ – ИЮНЬ

1997

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЖУРНАЛУ "НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ" В СВЯЗИ С 40-ЛЕТИЕМ	3
СТАТЬИ	
Академик Богомолов О.Т., Глинкина С.П. Первые уроки экономической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы 90-х годов	6
Семенов Е.В. О деятельности Российского гуманитарного научного фонда в 1996 г.....	21
Фрейдзон В.И. Исторические корни и сущность югославизма. XIX в.....	31
Линь Цзюнь (КНР). Советская дипломатия и Китай в 20-е годы. По документам архива МИД России.....	46
Твардовская В.А., Итенберг Б.С. К. Маркс и М.А. Бакунин: борьба идей и амбиций.....	58
В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ РАН	
Член-корр. РАН Чубарьян А.О. Институту всеобщей истории РАН – 60 лет.....	78
Карасев А.В. 50-летие Института славяноведения и балканистики РАН.....	82
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ	
Методологические проблемы исторической информатики и квантитативной истории.	87
Бородкин Л.И., Пиотух Н.В. Вступление; Доорн П. (Нидерланды). Еще раз о методологии. Старое и прекрасное: "мыльная опера" о непонимании между историками и моделями; Таллер М. (Германия). Комментарии к статье П. Доорна.....	88
ИЗ АРХИВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США	
Позиция руководства США в связи с вводом советских войск в Афганистан в 1979 г. Предисловие Дж. Хершберга (США).....	107
ИЗ ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ	
Член-корр. РАН Федоренко Н.Т. "Токийская тетрадь". Размышления о конфуцианстве.....	139

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Бакман К. (Швеция). Новое о шведских предках В.И. Ленина.....	160
Академик Болховитинов Н.Н. Н.П. Резанов и первое русское кругосветное плавание 1803–1806 гг. ...	167
Кретинин С.В. (Воронеж). Отто Бауэр (1882–1938) и австромарксизм (окончание).....	187

ИСТОРИОГРАФИЯ

Член-корр. РАН Мясников В.С. Реформы и революции в Китае.....	208
Лебедев И.В. Посол Москвы при шести президентах США.....	216

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

Письмо посла США в Москве в 1987–1991 гг. Дж. Мэтлока.....	226
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Михайленко А.Н. В.Л. М у с а т о в. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996.....	231
Орлов А.С. В.Л. М а л ь к о в. "Манхэттенский проект". Разведка и дипломатия. М., 1995.....	232
Академик Трухановский В.Г., Остапенко Г.С. Монархи Европы. Судьбы династий. М., 1996.....	235

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Голиков А.Г. Кафедра источниковедения отечественной истории исторического факультета МГУ.....	241
Глинкин А.Н., Шемякин Я.Г. Первый европейский конгресс латиноамериканцев.....	243
Сергеев Е.Ю. Научный семинар "США и внешний мир".....	245
Ревякин А.В. Из истории европейской интеграции.....	247

Хроника

В.Г. Ревуненкову – 85 лет.....	250
Дабагян Э.С. К 250-летию со дня рождения Франсиско де Миранды.....	252
<u>А.Я. Манусевич</u>	253

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.Н. Севостьянов (главный редактор)

В.А. Виноградов, В.Н. Виноградов, В.Д. Вознесенский (ответственный секретарь),
Т.М. Исламов, Н.П. Калмыков, И.В. Лебедев, В.Н. Малов, И.И. Орлик,
А.В. Ревякин, Л.П. Репина, В.В. Рогинский, В.С. Рыкин, Н.И. Смоленский,
В.В. Согрин, С.Л. Тихвинский, Е.И. Тряпицын (зам. главного редактора),
А.О. Чубарьян, Е.Ф. Язьков

Адрес редакции: 117810, Москва, ГСП–1, Мароновский пер., 26.

Тел. 230-79-78

*Поздравления журналу
"Новая и новейшая история"
в связи с 40-летием*

**ОТ ПРЕЗИДИУМА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Президиум Российской академии наук с удовлетворением отмечает, что журнал "Новая и новейшая история" за 40 лет своей деятельности приобрел прочный авторитет среди гуманитарных научных журналов Российской академии наук.

Важна роль журнала на современном этапе развития отечественной исторической науки, воспринимающей плюралистический подход к изучению проблем истории. В этих условиях существенное значение имеет все более активное обращение журнала к вопросам теории познания истории, к разработке новых направлений в исторических исследованиях с учетом опыта мировой исторической науки.

Журнал призван возможно шире предоставлять свои страницы для публикации новых архивных материалов, для исследований, основанных прежде всего на ценных документальных источниках, дающих научно-объективную картину исторических событий.

Заслуживают внимания усилия журнала по приобщению к историческим знаниям широких читательских масс, полезно его стремление к постоянному взаимодействию с преподавателями истории в высшей и средней школе в решении их проблем.

Желаем журналу "Новая и новейшая история" дальнейших творческих достижений на благо российской науки.

Президент РАН
академик **Ю.С. Осипов**

Вице-президент РАН
академик **В.Н. Кудрявцев**

Главный ученый секретарь РАН
академик **Н.А. Платэ**

**ОТ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Отделение истории РАН сердечно поздравляет членов редколлегии и сотрудников редакции журнала "Новая и новейшая история" с 40-летием его основания.

В течение всей своей деятельности журнал находится на передовой линии отечественной исторической науки, освещая актуальные научные проблемы всеобщей истории, отражая творческие достижения и вместе с тем сложности и трудности развития в этой области науки, как и в исторической науке в целом.

В последние годы журнал активно участвует в процессе освобождения исторической науки от господствовавших ранее идеологических догм и схематизма, отстаивает многообразие научных методик, подходов, взглядов. Журнал при этом занимает взвешенные позиции, освещая острые вопросы, избегает конъюнктурщины, проводит на своих страницах научные дискуссии по узловым проблемам новой и новейшей истории, содействует разработке учеными новых подходов в освещении этих вопросов.

Особого внимания заслуживают систематически публикуемые в журнале материалы по волнующим всех отечественных исследователей проблемам философии истории.

Следует отметить и последовательную линию журнала на широкую публикацию новых документальных материалов из ведущих отечественных и зарубежных архивов, а также конкретных исследований на основе впервые вводимых в научный оборот документов.

Журнал проявляет пристальный и обоснованный интерес и к общим проблемам отечественной исторической науки, обсуждаемым в последние годы в рамках Отделения истории РАН, целеустремленно расширяет и укрепляет связи с научными институтами, входящими в Отделение истории РАН.

Отделение истории РАН желает коллективу журнала "Новая и новейшая история" сил, здоровья и дальнейших творческих успехов в его благотворной деятельности, активно способствующей развитию отечественной исторической науки.

Академик-секретарь Отделения истории РАН,
академик **А.А. Фурсенко**

ОТ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Журнал "Новая и новейшая история" отмечает свое 40-летие. Будучи печатным органом Института всеобщей истории РАН, журнал всегда играл существенную роль в научно-исследовательской деятельности института.

В журнале постоянно находили и находят свое отражение все основные направления научной работы института: теория и методология истории, экономическая история и история международных отношений, зарубежная историография, история первой и второй мировых войн, новая и новейшая история стран Западной Европы, США, Канады, Латинской Америки, Африки.

Своими публикациями журнал содействовал подготовке институтом таких фундаментальных обобщающих изданий, как "Всемирная история", "История Европы", "История США", и других многотомных изданий.

Журнал способствует курсу института на поиск новых подходов в научно-исследовательской работе по кардинальным проблемам всеобщей истории, особенно в области философии истории, сравнительного изучения истории и теории цивилизации.

Существенно, что при этом журнал уделяет внимание преемственности в развитии отечественной исторической науки, систематически публикуя материалы о видных российских историках прошлого, внесших крупный вклад в науку.

Журнал широко публикует исследования сотрудников института, проведенные на основе новых документальных, в том числе архивных источников, в частности, по истории Коминтерна, истории "холодной войны" и другим темам.

На страницах журнала освещается научная работа секторов и отделов института, действующих в его рамках ассоциаций и научных центров, дается широкая информация о проводимых в институте обсуждениях актуальных проблем истории. Особое место при этом занимают материалы крупных международных научных конференций, организуемых с участием института.

Большие усилия прилагает журнал к привлечению широких читательских масс к историческим знаниям. Этому способствует стремление журнала придать своим публикациям яркую литературную форму изложения, что особенно удается в области широко используемого журналом биографического жанра.

Сегодня перед журналом стоят новые важные задачи. Институт заинтересован в активном участии журнала в продолжении курса института на обновление наших исторических представлений, в реализации ряда крупных исследовательских проектов, разрабатываемых институтом. Мы нуждаемся, например, в новом видении истории XIX в., в новых подходах ко многим проблемам XX столетия. Сейчас в отечественной и мировой историографии большое внимание обращено на анализ сквозных тем в истории, на историю повседневности, на новые подходы к вечной теме – "человек в истории".

Одна из важных задач журнала состоит в публикации материалов, связанных с интеграцией науки и образования, с преподаванием истории в средней и высшей школе, с анализом новых учебников и учебных пособий.

Коллектив Института всеобщей истории РАН, поздравляя журнал "Новая и новейшая история", будет и дальше развивать и укреплять с ним тесные научно-организационные связи.

Директор Института всеобщей истории РАН
член-корр. РАН **А.О. Чубарьян**

ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Деканат и коллектив исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова поздравляет своих коллег по журналу "Новая и новейшая история" с его 40-летием.

Ведущие профессора истфака принимали активное участие в становлении и дальнейшем совершенствовании журнала, в определении главных направлений его деятельности.

Трудно переоценить познавательное значение помещаемых в журнале научных материалов для преподавателей, аспирантов и студентов не только истфака МГУ, но и других вузов как в Москве, так и вне ее.

В настоящих условиях под руководством академика Г.Н. Севостьянова журнал является ведущим органом исторической науки. Он представляет большой интерес не только для специалистов по всеобщей истории, но и для исследователей всех областей исторического знания. Важно, что в условиях множества точек зрения в исторической науке журнал стремится занимать взвешенную, научно-объективную позицию, публикуя строго документированные, свободные от субъективных предубеждений статьи. Особенно привлекает внимание преподавателей и студентов разнообразие помещаемых в журнале материалов – от серьезных дискуссий по крупным методологическим проблемам до ярких биографических очерков.

Журнал широко освещает опыт научной и преподавательской работы кафедр истфака МГУ, а также кафедр всеобщей истории в вузах разных городов России. Это необходимо в условиях возникшей в последние годы большой разобщенности наших историков, в том числе и преподавателей.

Желаем коллективу журнала "Новая и новейшая история" и дальше крепить и развивать связи с многочисленным корпусом преподавателей и студентов истфака МГУ, других вузов страны, успешно трудиться на благо отечественной исторической науки.

Декан исторического факультета МГУ
профессор **С.П. Карпов**

© 1997 г.

Академик О.Т. БОГОМОЛОВ, С.П. ГЛИНКИНА

ПЕРВЫЕ УРОКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 90-х ГОДОВ

Более шести лет назад в странах Центральной и Восточной Европы в результате "бархатных", практически бескровных, кроме Румынии, революций коммунистические режимы пали. Прежняя общественно-политическая и экономическая система исторически исчерпала себя. Она перестала быть фактором развития и оказалась не в состоянии обеспечить экономический рост и устойчивое повышение жизненного уровня большинства населения.

Движущей силой антитоталитарных, демократических революций явилась анти-системная оппозиция, опирающаяся на массовое общественное движение. Наиболее прагматично настроенная часть номенклатуры предпочла обменять власть на собственность, практически "без боя" оставив прежние позиции. Демонтаж системы "партийного государства" протекал в форме мягкой агонии реального социализма.

Выбор был сделан в пользу политической демократии, правового государства, смешанной экономики с сильным частным сектором, соблюдения прав человека. За истекшие годы приобретен бесценный исторический опыт преобразований – преобразований трудных, болезненных, порой трагических, о чем свидетельствуют события в бывшей Югославии, Албании, Болгарии.

Процесс трансформации в странах Центральной и Восточной Европы далек от своего завершения, однако уже сегодня позволительно сделать ряд выводов и обобщений, которые могут быть небезыntenесными российской общественности и полезными российским реформаторам.

СТАРТОВЫЕ УСЛОВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ

Страны Центральной и Восточной Европы приступили к системной трансформации экономики и политической системы, имея разные стартовые условия, что в значительной степени определило достигнутые ими на сегодняшний день результаты. Среди важных различий "на старте" – накопленный опыт практического реформирования плановой экономики. Так, в Венгрии к концу 80-х годов были достигнуты ощутимые результаты в либерализации экономической жизни (цен, доходов, внешней торговли, материально-технического обеспечения), создана двухуровневая банковская система, принято законодательство, позволившее начать разгосударствление собственности, вступил в силу закон о банкротстве, по существу, начал складываться рынок товаров, рабочей силы и капиталов. За годы экономических реформ рыночный образ мышления удалось внедрить в широкие слои общества, сформировался мощный слой менеджеров, способных успешно функционировать в новых экономических условиях. Имевшийся у страны "рыночный задел" был после 1989 г. оценен Западом: в Венгрию было направлено около половины всех осуществленных в Центральной и Восточной Европе капиталовложений.

В Польше, ассоциирующейся в российском общественном сознании с шоковыми

методами преобразований, к началу трансформации – с середины 1989 г. – по госценам реализовывалось уже менее 30% наименований потребительских товаров и услуг, в том числе 42% ассортимента продовольственных товаров. Доля договорных цен в торговле средствами производства составляла 86%, а сырьем и материалами – 89%. К концу 1989 г. свободными стали более 90% цен.

Следует признать, что для стран Центральной и Восточной Европы коллапс социализма был достаточно неожиданным. И это доказывается, среди прочего, и анализом дискуссий, которые велись накануне революционных преобразований даже в таких наиболее либеральных, с точки зрения возможностей широкого обсуждения идей, странах, как Польша, Венгрия, Югославия. Дискуссии, главным образом, вращались в русле социал-демократических идей, велись вокруг теории "рыночного социализма", базировавшейся на противопоставлении – и попытке оптимального совмещения – централизации и децентрализации, этатизма и деэтатизма, плана и рынка, на сохранении преобладающей государственной собственности, которая в рамках данной концепции не считается препятствием для повышения эффективности общественного производства. Речь шла о разработке, совершенствовании концепции, практическая реализация которой, по словам "отца венгерской экономической реформы" Р. Ньерша, последний раз в истории имела шанс быть реализованной в 1968 г. "Я думаю, – сказал он в одном из интервью, данных в связи с 25-й годовщиной венгерской экономической реформы, – что в историческом смысле 1968 г. был последней возможностью для стран восточноевропейского региона, прежде всего, для Венгрии, Чехословакии и Югославии, прорыва государственного социализма в рыночный социализм"¹.

Надежды на социал-демократический вариант развития не оправдались, однако, ни в одной из восточноевропейских стран. Маятник истории резко качнулся вправо. Концепция демократического социализма была отброшена. Характерно в этом отношении полное горечи высказывание венгерского реформатора Имре Пожгаи в письме II съезду Венгерской Социалистической партии (1990 г.), в котором он объявляет о своем намерении выйти из ее рядов: "Одним из самых крупных достижений того революционного 1989 г. был слом государственной партии и вслед за этим партийного государства. Вторым таким достижением должно было бы стать создание социалистической партии, европейской по стилю, но все же соответствующей нам, венграм. Этого, однако, не произошло и не могло произойти, так как из-под обломков прежней системы мы вышли с тяжелыми потрясениями. А когда мы вышли на поверхность, изменилось положение всей Восточной Европы"². О чем идет речь?

В течение долгих лет сохранение социалистического содружества как фактора в глобальном соперничестве с Западом являлось приоритетной задачей советской внешней политики. На такую позицию советского руководства оказывали влияние невозможность допустить изменения сложившегося после второй мировой войны статус-кво, реалии противостояния двух военно-политических блоков, идеологическая борьба. Решение этой задачи достигалось всеми доступными средствами, включая военные, причем не только Советским Союзом, но и Соединенными Штатами Америки.

Волне бархатных революций в странах Центральной и Восточной Европы предшествовало резкое изменение курса советского политического руководства в отношении к социалистическим странам. Прежняя патерналистская система отношений начала демонтироваться в надежде на возникновение нового типа сотрудничества, основанного на подлинном партнерстве, учете взаимных интересов, праве выбора собственного пути. Можно согласиться с В.Л. Мусатовым, который пишет, что "волна демократических антитоталитарных революций 1989 г. была логическим следствием изменения внешнеполитического курса СССР, тем более что здание социализма было серьезно подорвано кризисами и конфликтами 50–80-х годов"³.

¹ Nepszabadsag, 2.I.1993.

² Nepszabadsag, 10.XI.1990.

³ Мусатов В. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996, с. 8.

Таким образом, к коренным преобразованиям своих экономик и политических систем страны Центральной и Юго-Восточной Европы приступили в принципиально новой геополитической ситуации. Отсутствие исторического опыта такого рода трансформирования, неразработанность в странах концепции трансформации осложняли ее осуществление⁴. Все это предопределило в значительной мере ход развития событий на начальном этапе преобразований и появление для многих довольно неожиданных результатов.

Охватившая общество волна революционного ниспровержения социалистических порядков открыла шлюзы для распространения в экономической сфере западного либерализма, монетаризма, отвергающих любые формы социальной инженерии, утверждающих, что рыночная система обладает способностью автоматического, на основе саморегулирования, приводить себя в равновесие. Однако успешная реализация основных постулатов либерализма и монетаризма оказалась фактически блокированной отсутствием адекватно реагирующих на сигналы рынка субъектов хозяйствования, а также необходимых институтов рынка, призванных инициировать такие сигналы.

При этом в 1989–1990 гг. в постсоциалистических странах общество жило "ожиданиями" автоматического появления плодов либерализации. Преобладающим как среди политиков, так и в широких научных кругах стало мнение, согласно которому экономические трудности возникают не внутри рыночного механизма, а являются результатом ошибочных действий ответственных за экономическую политику государственных органов. Как следствие этого повсеместно началось вытеснение государства из экономики, однако в отличие от России мистификация всеисили либерализма и монетаризма в странах Центральной и Восточной Европы продолжалась недолго. Отход от их крайних проявлений начался уже через год–полтора после старта либеральных реформ. Он произошел под влиянием проблем, с которыми столкнулись восточноевропейские страны. Среди них резкое сокращение валового внутреннего продукта, опасное сокращение инвестиций в экономику, падение жизненного уровня населения при углубляющейся социальной дифференциации в обществе. Следует отметить, что осознание необходимости разумной корректировки политики реформ у руководства этих стран и общественности наступило в условиях значительно менее глубокого кризиса, чем имеющий место в современной России.

В результате начался поиск не "оптимальных" с точки зрения чистоты либеральной теории рецептов реформирования, а прагматичных решений. В большинстве названных стран победил разумный прагматизм и был осуществлен отход от чрезмерной идеологизации экономических преобразований, что позволило странам решить многие проблемы трансформации более успешно, чем они решаются в России.

ЧЕМУ УЧИТ ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Нельзя не отметить, что быстрый демонтаж старой системы управления, приведший к появлению условий для переноса центра тяжести процесса принятия экономических решений на микроуровень, проходил в большинстве стран значительно более продуманно, чем в России. Одна из иллюзий первоначальных концепций преобразований – о возможности возникновения в них "саморегулирующихся" рынков – была преодолена достаточно быстро. Было осознано, что сохранение за государственным аппаратом контроля за экономическими процессами – необходимое условие успешного проведения рыночных реформ. В тех странах, где эта идеология была воплощена в жизнь наиболее последовательно, достигнуты наибольшие успехи на пути продвижения к рынку – Чехия, Венгрия, Польша, Словакия.

Государственное регулирование сохранилось, хотя, естественно, изменились его

⁴ Вестник научной информации, ИМЭПИ РАН. 1996. № 2, с. 27.

способы и оно перестало быть всеобъемлющим. В ряде стран на государственном уровне все еще разрабатывается и контролируется распределение продукции, полученной по импорту за счет валютных резервов, внешних кредитов, международной помощи. Через госзаказы на продукцию и услуги формируются государственные резервы, обеспечиваются нужды обороны, образования, здравоохранения, выполнение государственных международных обязательств.

Более взвешенным оказался подход в большинстве стран к переходу от централизованного к рыночному ценообразованию. Во-вторых, отнюдь не везде освобождение цен явилось продуктом исключительно периода системной трансформации, исходная точка которого традиционно датируется началом 90-х годов. Не только в Венгрии, где процесс освобождения цен растянулся на два десятилетия, но даже в таких подвергшихся "шоку" странах, как Польша, он был значительно более длительным и продуманным, чем в России.

В бывшей ЧСФР либерализация была проведена поэтапно и – что важно – при насыщенном товарном рынке. Закон о ценах определил способы регулирования и категории цен; одновременно правительство разработало перечень товаров и услуг с указанием способа ценообразования в каждом конкретном случае. Под давлением обстоятельств в ряде случаев предпринимались некоторые меры по восстановлению в той или иной форме прежде либерализованных цен. Так, в 1993 г. в Чехии была отменена либерализация цен на коммунальные и транспортные услуги в связи с введением новых налогов, в частности на добавленную стоимость. В настоящее время сохраняется централизованное регулирование наиболее уязвимых в социальном отношении цен: тарифы на коммунальные услуги, транспорт, связь, здравоохранение.

В Польше после предельно широкого освобождения цен в 1989 г. постепенно началось частичное восстановление государственного, в том числе и административного, хотя и видоизмененного, их регулирования. Административные ограничения вновь были распространены на цены товаров и услуг, доля которых в оптовой торговле составляет около 12% и в розничной – около 15%. Причем государственное регулирование цен осуществляется таким образом, чтобы цены на ряд социально значимых товаров повышались не скачкообразно, а постепенно: их рост до сих пор составляет 0,8 индекса розничных цен в предыдущем квартале.

Существенно отличалась от российской и политика дерегулирования доходов во всех восточноевропейских странах. Здесь государства, опасаясь развертывания спирали "цены – доходы – издержки – цены", подходили к ее реализации крайне осторожно. Низкая по сравнению с ценами подвижность заработной платы повсеместно рассматривалась как важный механизм борьбы с инфляцией.

Так, в Чехо-Словакии с самого начала радикальной экономической реформы (с 1 января 1991 г.) правительство взяло под жесткий контроль динамику заработной платы. Ежегодным Генеральным трехсторонним соглашением (правительство, работодатели, профсоюзы) устанавливался так называемый ориентировочный прирост номинальной заработной платы, который рассчитывался ежеквартально, что позволило гибко реагировать на соотношение темпов роста цен и заработной платы. Каждый работодатель, принимая решение о формировании фонда оплаты труда, обязан был "вписаться" в рамки государственного регулирования заработной платы, превышение установленного норматива прироста заработной платы облагалось налогом по прогрессивной шкале.

После достижения в 1993 г. экономической стабилизации в Чешской Республике произошла дальнейшая либерализация заработной платы, однако государственное регулирование сохранилось. Правительство ввело механизм регулирования заработной платы, основанный на повышении страховых тарифов, отчислений на социальное обеспечение и в фонд занятости. Если рост средней заработной платы за квартал более чем на 5% превышал рост розничных цен, величина страховых взносов повышалась – на социальное обеспечение с 27 до 30%, в фонд занятости – с 3 до 6%.

Некоторые чешские специалисты считают, что санкции за сверхнормативный прирост заработной платы стали тем самым более жесткими. Правительство оставляет за собой право в случае неэффективности этой меры принимать и другие, корректирующие динамику номинальной заработной платы.

Как и во внутриэкономических процессах, либерализация во внешнеэкономической сфере не развивалась равномерно по всем направлениям. Хотя старая, основанная на внешнеторговой монополии система была ликвидирована во всех рассматриваемых странах очень быстро, отдельные административные методы регулирования потоков товаров и услуг между странами (лицензии, квоты, прямые запреты) в той или иной степени сохраняются до настоящего времени. Создание открытой экономики здесь сочетается с разумным протекционизмом и строгим контролем за разворачивающимися процессами и действиями субъектов хозяйствования, что позволяет избежать многих известных российской практике негативных явлений и процессов.

Страны провели либерализацию цен и приступили к поэтапной и взвешенной отмене валютных ограничений. Анализ показывает, что те из них, что применили режимы централизованно регулируемого валютного курса, будь то жесткая фиксация, как в Чехии, или "ползучая привязка", как в Венгрии, Польше, смогли сдержать раскручивание инфляционной спирали, обеспечили большую устойчивость сделок и стабильность партнерских связей.

Подтвердив стремление достичь обратимости национальных валют, страны подошли к реализации этой цели чрезвычайно осмотрительно. Так, с самого начала реформ подавляющее большинство из них ввело правило обязательной продажи субъектами хозяйствования государству 100% валютной выручки, полученной за экспорт товаров и услуг, с зачислением на их счета эквивалента в национальной валюте. Только по мере укрепления валютного положения в Венгрии, Чехии и Словакии предприятия получили право открывать валютные счета в национальных коммерческих банках, в Польше такого права они не имеют до настоящего времени. Такой подход к отмене валютных ограничений сыграл среди прочего важную роль в недопущении в большинстве стран Центральной и Восточной Европы "валютизации" платежного оборота.

Еще более осторожна политика стран Центральной и Восточной Европы в сфере отмены ограничений по экспорту капитала. По существу, в каждой из них сохраняется весьма жесткое регулирование операций по покупке недвижимости за границей, а также портфельных инвестиций. В ряде стран наблюдается определенная либерализация в сфере прямых инвестиций за границу, однако прибыль от них должна быть обязательно репатрирована в отечественные коммерческие банки.

Важнейшим инструментом государственного регулирования внешнеэкономической деятельности являются таможенные правила. Анализ существующих в рассматриваемых странах таможенных режимов свидетельствует о том, что их внешнеэкономическая политика эволюционирует в сторону усиления протекционизма, защиты внутреннего рынка (в пределах, установленных для них подписанными в последние годы международными договорами и соглашениями). Для всех стран характерна антиимпортная направленность таможенного режима с целью защиты производителей от иностранных конкурентов. Имеют место и экспортные ограничения, как правило, временные, исключаящие вымывание товаров с отечественного рынка. Дополнением к тарифным ограничениям в этих странах служит применение системы разрешений. Так, в Венгрии лицензируется 7–8% импорта и до 30% экспорта⁵.

Среди мер защиты отечественного производителя и потребителя, активно используемых странами, установление при осуществлении импорта нормативов качества и условий обязательного наличия сервиса.

Страны Центральной и Восточной Европы на практике поняли, что чрезмерная либерализация импорта оборачивается жесткой конкуренцией, непосильной для

⁵ Уроки реформ в странах Центральной и Восточной Европы (под ред. О.Т. Богомолова). М., ИМЭПИ РАН, 1996.

национального производителя. В Венгрии ее на себе испытало 45 из 50 отраслей, 80% продукции. Аналогичные проблемы возникли и в Польше. Не случайно именно в этих странах развернулась дискуссия о необходимости ограничения иностранного присутствия в экономике. Усилилось давление производителей, отраслевое лоббирование с целью ужесточения правил импортного режима и привлечения иностранного капитала. Своевременные меры – повышение тарифов на импорт в Венгрии, разработка селективной таможенной системы в Польше – позволяют уберечь внутренний рынок от разрушения, а национального производителя – от полного уничтожения.

Куда более сложным делом, чем либерализация экономической жизни, оказалось формирование институциональной инфраструктуры рыночной экономики. Сегодня уже очевидным для стран Центральной и Восточной Европы (но не для многих представителей российской экономической и политической элиты) становится вывод о том, что "правовые институты скопировать легко, но превращение их в эффективно работающие требует длительного процесса восприятия чужого опыта и поведенческой адаптации. Подходы менеджеров и предпринимателей к проблемам координации в децентрализованной рыночной экономике зависят прежде всего от институциональной среды, в которой они действуют"⁶.

Формирование институционально-правовой системы, отвечающей условиям рыночной экономики, – весьма сложный процесс, требующий значительных капиталовложений, на пути которого стоит общая незрелость рыночного механизма в постсоциалистических странах. В свою очередь специфика складывающихся институтов рынка накладывает отпечаток на характер функционирования их экономик.

Все еще в стадии становления, по критериям современной рыночной экономики, находится банковский сектор. По оценкам западных экспертов, страны Центральной и Восточной Европы по уровню развития банковского сектора Европы (по объемам капитала и качеству его функционирования) располагаются примерно в следующей последовательности: Венгрия, Чехия, Польша, Словакия, Румыния, Болгария. Из стран бывшей СФРЮ особо выделяются Словения и в меньшей мере Хорватия. Банковское дело в СРЮ (Сербии и Черногории) и Македонии в значительной степени все еще сохраняют черты, унаследованные от прежней самоуправленческой системы хозяйствования⁷. В наиболее развитых странах региона усиливается присутствие западного банковского капитала и развертывается конкуренция на рынках банковского продукта.

За истекшие годы реформирования в Венгрии, Чехии, Польше сложились такие институты рынков, как фондовые биржи и учреждения, обслуживающие внебиржевой оборот ценных бумаг. Постепенно расширяется количество участников таких оборотов, особенно там, где наиболее успешно продвигается приватизация государственной собственности и привлечение иностранного производственного капитала. Однако рынок денег и капитала остается все еще очень слабым. До 80% их оборота относится к внебиржевой торговле. Примерно такая же доля биржевого оборота приходится на государственные ценные бумаги, преимущественно краткосрочные.

Опыт показывает, что чем менее разнообразны и масштабны финансовые рынки, тем менее совершенен автоматический механизм приведения в равновесие рынка денежного, что является одной из причин того, что меры финансовой стабилизации не приводят к достижению желанной и необходимой для динамизации экономики прочной экономической сбалансированности. Действующий в странах финансово-кредитный механизм оказывается годным лишь для грубой регулировки как монетарной сферы, так и размещения ресурсов.

Со значительными трудностями столкнулись страны Центральной и Восточной Европы в решении задачи формирования адекватных рынку субъектов хозяйствования

⁶ Раймент П. Трудный путь к рыночной экономике: реальности и иллюзии. – Мировая экономика и международные отношения, 1996, № 5, с. 68.

⁷ Кулигин П.И. Реформа банковской системы в странах ЦВЕ. М., ИМЭПИ РАН, 1996.

на основе приватизации государственных предприятий. Первоначальные надежды на возможность преобразования отношений собственности в результате "кавалерийской атаки" не оправдались. Попытки приватизации "любой ценой" вылились в развитие стихийных неконтролируемых форм разгосударствления собственности, практически в ее разбазаривание. К чести этих стран, этот процесс был вовремя осознан и в большинстве из них остановлен. В Польше, например, путем судебных процессов, рассмотревших вопросы правомерности заключенных ранее сделок.

В результате приватизационный процесс в большинстве рассматриваемых стран в последующие годы разворачивался медленнее, чем в России, шел в основном по официальным контролируемым каналам, носил более продуманный рациональный характер.

Малая приватизация в этих странах осуществлялась при большем учете интересов потребителей, чем в России. Так, в Чехии и Словакии для предотвращения переориентации деятельности купленного объекта на более прибыльную, но менее общественно значимую в Закон о малой приватизации был включен специальный раздел об обязанностях нового владельца. В нем предусматривалось, что лицо, ставшее собственником приватизационного объекта, может в течение двух лет продать его только отечественному гражданину. Если на аукционе покупался продовольственный магазин, то его работа должна была возобновиться не позднее, чем через семь дней со дня покупки, а специализация сохранялась минимум на два года. В случае нарушения данного пункта закона на нового собственника налагались высокие штрафы.

Малая приватизация в странах Центральной и Восточной Европы в основном завершена. Небольшие предприятия торговли, общественного питания и сферы услуг в большинстве своем распроданы за "живые" деньги.

По целому ряду причин: отсутствие необходимых денежных ресурсов у населения, слабый приток иностранного капитала, нежелание правительств в таких условиях превращать приватизацию в акт чисто формальной смены юридического лица, низкая доходность приватизируемых предприятий – процесс большой приватизации разворачивался медленнее, чем планировалось первоначально. Невозможно привести точные данные о числе приватизированных предприятий, поскольку везде, за исключением Венгрии, к ним статистика относит даже предприятия, ставшие акционерными обществами со стопроцентным или преобладающим участием государства. Ввиду этого официально публикуемые данные относительно доли частного сектора – от 40 до 60% ВВП – следует считать чрезмерно завышенными.

На начальном этапе приватизации в Центральной и Восточной Европе господствовала иллюзия, согласно которой иностранный капитал станет локомотивом приватизационного процесса. Надежды не оправдались. Исключением стала лишь Венгрия, где сегодня каждое четвертое предприятие в промышленности является совместным. В 1990–1992 гг. иностранные участники, получив разнообразные финансовые льготы, приобрели в Венгрии государственное имущество на сумму 1,3 млрд. долл., обеспечив 70–80% поступлений в госбюджет от приватизации. Для таких отраслей венгерской промышленности, как наукоемкие отрасли машиностроения и фармацевтика, привлечение иностранного капитала, по мнению венгерских аналитиков, оказалось единственным путем спасения в сложившихся условиях.

Принципиальное значение для будущего венгерской промышленности имеют транснациональные корпорации, 35 из которых постоянно присутствуют на венгерском рынке и с помощью которых началась динамичная смена структуры венгерского производства, создан ряд принципиально новых отраслей.

Признавая в целом позитивную роль иностранного капитала в формировании современной отраслевой структуры экономики стран Центральной и Восточной Европы, следует иметь в виду и ее теневую сторону. Так, с очевидностью проявляется стремление западных инвесторов к монополизации целых отраслей и производств; нередки случаи, когда участие в приватизации иностранных фирм имеет единственную цель – ликвидацию сильного конкурента. В Венгрии под контроль

иностранный капитал, причем на льготных условиях, попали такие отрасли промышленности, как цементная, бумажная, полиграфическая, сахарная, табачная, масложирная, ликеро-водочная, а также строительство автомобильных дорог, сеть станций по заправке баллонов пропан-бутаном, производство электроламп и трубок дневного света, бытовых холодильников, серной кислоты. На место бывшей государственной монополии исподволь пришли монополии иностранного капитала.

Объективная невозможность проведения приватизации на исключительно платной основе ввиду отсутствия необходимых средств у населения и вялой активности иностранных инвесторов предопределила необходимость раздачи значительной части государственной собственности гражданам стран Центральной и Восточной Европы бесплатно. Однако сделано это было принципиально иначе, чем в России. Ваучерная приватизация в Чехии, Румынии, а с конца 1995 г. в Польше и Болгарии с точки зрения населения имеет огромные преимущества перед российским аналогом. Так, повсеместно приватизационные ваучеры (купоны) являются именными, что значительно снижает возможности проведения финансовых махинаций с ними. Как правило, они делимы. Значительно более понятной, обозримой для участников является техника обмена ваучеров (купонов) на акции предприятий. Государство держит под строгим контролем процесс функционирования инвестиционных приватизационных фондов, повсеместно играющих большую роль в реализации государственной собственности. Так, в Чехии фонды обязаны распределять риск от намечаемых капитальных вложений в акциях по крайней мере 10 акционерных обществ; долевое участие одного фонда в одном приватизируемом акционерном обществе ограничено максимумом 20%.

Как показывает практика, внешне привлекательный метод массовой приватизации, эффективно решающий проблему "запуска" приватизации, не обеспечивает привлечения в производство реальных инвестиций, необходимых для реализации насущных задач структурной перестройки, и более того, может стать источником новых финансовых проблем. Низкая ликвидность большинства приватизированных этим способом компаний создает реальную возможность банкротства многих инвестиционных фондов. Для погашения своих обязательств перед акционерами фонды вынуждены выставлять часть акций из своих портфелей на фондовые рынки, которые далеко не во всех странах готовы к нормальному масштабному обороту ценных бумаг. Это может вызвать резкое падение стоимости акций. Опыт Чехии свидетельствует, что волна банкротства предприятий начинается примерно через год после ваучерной приватизации, а еще через год следует ожидать банкротства части инвестиционных фондов. Многие банкротства оказываются чисто спекулятивными, позволяющими дешево скупить значительные массивы имущества и ценных бумаг.

Принципы, на которых строится приватизация, методы ее осуществления оказывают влияние на степень ее эффективности, определяя прежде всего масштабы привлечения на приватизированные предприятия дополнительных источников финансирования, а также формы организации и управления предприятием. Как следует из анализа, проведенного консалтинговой фирмой "Прайс Уотерхаус", опросившей 100 руководителей предприятий и учредителей фирм в Восточных землях Германии, существуют значительные различия в эффективности работы предприятий, приватизированных разными способами. В наилучшем положении оказались предприятия, в отношении которых западный инвестор с самого начала четко увязывал ясные стратегические направления со своей активностью в приватизационном процессе. Прочие предприятия оказались в значительно более сложном положении. Причину этого исследователи видят прежде всего в недостатке у новых собственников контактов и знаний рыночной экономики⁸. Различный экономический эффект от приватизации в зависимости от ее способа отмечают и польские авторы, подчеркивая, что предприятия, приватизированные методом ликвидации, оказались значительно более жизнеспособными, чем приватизированные через акционирование.

⁸ Frankfurter allgemeine Zeitung, 25.V.1994.

Первые результаты приватизации в странах Центральной и Восточной Европы заставляют по-новому посмотреть на давнюю дискуссию относительно того, какие факторы являются важнейшими для достижения субъектами хозяйствования наивысшей эффективности. Анализ ситуации свидетельствует, что положение субъектов хозяйствования сегодня, независимо от форм собственности, на которой они базируются, в значительной степени зависит от факторов, находящихся вне сферы их влияния. По оценкам венгерских экономистов, это (в убывающем значении) – общий экономический кризис, высокий уровень налогообложения, неплатежи, банкротство отечественных партнеров, внутренняя конкуренция, низкие цены на конечную продукцию, конкуренция со стороны иностранных фирм, потеря рынков вследствие неопределенности будущего фирмы, отсутствие государственных субсидий, дефицитность и высокая цена кредитов⁹. В Болгарии, Румынии, Польше, в последнее время Венгрии – среди факторов, определяющих эффективность деятельности предприятия, отмечают барьеры потребительского спроса.

Реальная хозяйственная практика приватизированных предприятий показывает, что сама по себе приватизация, даже в случае наиболее успешного выбора собственников и юридической процедуры, может служить лишь предпосылкой улучшения самого производства и должна согласовываться с целями всей рыночной реформы структурной перестройки.

Страны, добившиеся наибольших успехов, в целом ряде вопросов действовали значительно более осмотрительно, чем российские реформаторы, а именно: соблюдали большую постепенность при либерализации цен, сохраняли жесткий контроль за доходами. Не боясь сохранять там, где нужно, государственный контроль, не принося в жертву абстрактным теоретическим постулатам здравый смысл, они защищали национального производителя, шли на пересмотр в ряде случаев итогов стихийной приватизации. Государство взяло на себя решающую роль в спасении экономики, расширяя и гибко применяя как старые, так и новые рыночные рычаги управления: деньги, кредиты, проценты и др. Именно это позволило сохранить управляемость экономическими процессами, избежать широкомасштабной крими-

Валовый внутренний продукт (ВВП). Темпы прироста в % к предыдущему году¹⁰

Государство	1991	1992	1993	1994	1995	1996**
Россия	-5,0*	-14,5*	-8,7*	-13,0*	-4,0	-3,0
Украина	-12,0	-17,0	-14,2	-22,0	-12,0	-7,0
Венгрия	-11,9	-3,0	-8,0	2,9	1,5	1,5
Болгария	-8,4	-7,3	-2,3	1,4	2,5	-4,0
Румыния	-12,9	-8,8	1,5	3,5	6,9	4,5
Польша	-7,0	2,6	3,8	5,2	7,0	5,0
Словакия	-16,4	-6,7	-3,7	3,7	7,4	5,5
Словения	-3,1	-3,4	1,3	5,0	3,5	3,0
Хорватия	-20,9	-9,7	-3,7	0,8	2,0	5,0
Македония					-1,5	3,0
Албания					8,6	5,0
Чехия	-14,2	-7,1	0,5	2,5	4,8	5,1

* Приведенные данные – результат корректировки Госкомстатом РФ и Всемирным банком ранее опубликованных официальных данных (соответственно: – 12,8; – 19,0; – 12,0; – 15,0. Финансовые известия, 29. IX. 1995).

** Прогнозные данные, сделанные по итогам первого полугодия.

⁹ Szanyi M. Mi is történet? A magyarországi átmenet kérdései a vállalati menedzment szemszögeből. – Közgazdasági szemle, 1993, N 2, 182.old.

¹⁰ Составлено на основе данных национальных статистик.

нализации экономики и власти (как это произошло в России) и заметно смягчить социальные последствия реформ.

В результате трех-четырёх лет реформ страны начали выходить из "пика" экономического кризиса и переходить к стадии хрупкого экономического роста.

Как видно из данных таблицы, экономический рост в центральноевропейских странах продолжается уже три – четыре года, в Польше – пятый год. Степень его интенсивности по странам различна. 1996 г. ознаменовался повсеместным замедлением темпов роста, что объясняется как конъюнктурными внешними, так и внутренними структурными проблемами, чрезмерным сужением в ряде стран за годы реформирования внутреннего потребительского рынка.

На первом месте по динамике роста ВВП второй год среди стран Центральной и Восточной Европе находится Словакия, достаточно высокие темпы роста продолжали демонстрировать Польша, Чехия, хотя в силу замедления динамики экспорта наблюдается их снижение. По той же причине, а также вследствие неурожая 1996 г. замедлились темпы роста в Румынии. Все еще не удается обеспечить общий рост экономики в Венгрии. Болгария в 1996–1997 г. вновь борется с острым финансовым кризисом и спадом экономики. Экономика Хорватии после прекращения военных действий на Балканах демонстрирует первые признаки оживления.

Налицо признаки экономического роста. Однако следует быть крайне осторожными при оценке успехов экономических реформ на основе показателей экономического роста, тем более, что анализ источников этого роста свидетельствует об их крайней неустойчивости и ненадежности.

При схожем наборе факторов динамизации экономического роста наблюдаются существенные различия по странам. Среди общих источников динамизации оздоровление в той или иной мере финансовой ситуации не только на макро-, но и на микроуровне, создание предпосылок для увеличения инвестиционного, а в ряде стран и потребительского спроса, увеличение внешних заимствований, а также более активное, чем на первоначальном этапе реформ, воздействие государства на структурную политику и инвестиционную деятельность. Остановимся подробнее лишь на ряде факторов, с действием которых в России связывают перспективы выхода из глубокого экономического кризиса.

Одно из широко распространенных в России мнений, опровергаемое опытом стран Центральной и Восточной Европы, гласит, что якобы существует жесткая зависимость между экономическим ростом и уровнем инфляции. На необходимости подавления инфляции любой ценой строилась политика российского правительства в последние годы. Многие известные экономисты-монетаристы не перестают утверждать, что экономический рост требует снижения уровня инфляции до максимум 50% в год.

Такой уровень инфляции наблюдался в 1994–1995 гг. в Словении, Югославии, Венгрии, Эстонии, Чехии, Словакии, Латвии. Все эти страны обеспечивали также и экономический рост. Однако страны с более высоким уровнем инфляции (в 1994 г.) – Литва (70%), Болгария (96,2%) и Хорватия (98%) также находились тогда на траектории роста. Анализ показывает, что, во-первых, далеко не всегда снижение уровня инфляции до указанного предела и экономический рост совпадали по времени (например, в Чехии приемлемый уровень инфляции в течение трех лет не приводил к росту ВВП, промышленного и сельскохозяйственного производства). Во-вторых, в ряде стран, например в Болгарии, Румынии, Польше, приостановка падения основных экономических показателей напрямую связана с инфляционными факторами.

Неоднозначное влияние на оживление экономического роста оказывает развивающийся частный сектор. Мобилизация на первом этапе возможностей мелкого частного производства, как показывает опыт стран, не сопровождается созданием ни горизонтальных, ни вертикальных кооперационных связей, что нередко делает мелкий бизнес скорее тормозом, чем двигателем экономических преобразований. Доля самозанятых существенно превысила аналогичные показатели не только развитых стран, но и стран

Латинской Америки и Азии, максимально приблизившись к уровню африканского региона¹¹.

Уже в 1994 г. наметилось исчерпание возможностей экстенсивного развития частного сектора, не требующего значительных капиталовложений. Ограничились возможности сравнительно легко начинать дело, перемещать при необходимости бизнес из одной сферы в другую, быстро находить и использовать свободные рыночные ниши, сузились каналы присвоения и перекачки собственности и ресурсов из государственного сектора в частный (неформальная приватизация).

В ряде стран происходит размывание форм собственности. В результате стандартная классификация форм собственности оказывается неадекватной реалиям. Нередко картина прав собственности оказывается не менее, а даже более запутанной, чем во времена плановой экономики. Широкое развитие получает перекрестная собственность.

Большую роль в стабилизации экономики и динамизации роста в рассматриваемых странах сыграло использование внешних кредитов и привлечение прямых иностранных инвестиций. Наиболее активно ведет себя иностранный капитал в Венгрии, где многолетние реформы обеспечили создание многих необходимых институтов рыночной экономики, облегчающих его приход в страну. Из общего объема капиталовложений, осуществленных предприятиями в 1992 г., на совместные и иностранные фирмы в Венгрии приходилось 32%, в 1993 г. – 43%, в 1994–1995 гг. – уже около половины. Инвестиционные расходы на один объект на этих предприятиях в пять раз выше, чем на фирмах, находящихся в исключительно венгерской собственности. Смешанные предприятия вкладывали капитал в первую очередь в развитие отраслей обрабатывающей промышленности, почту и телефон. В последние годы постоянно нарастает объем прямых иностранных инвестиций в страну, достигнув к ноябрю 1996 г. 15 млрд. долл.¹²

Иная ситуация складывается в Болгарии и Румынии, где объемы иностранных инвестиций незначительны. При этом проблема не только в небольшом объеме инвестиций, но и в их неудовлетворительной отраслевой, региональной и финансовой структуре. Так, в Болгарии иностранные инвестиции направлялись главным образом в отрасли, обеспечивающие высокую прибыль за счет мелких и краткосрочных капиталовложений, в которых страна нуждалась в меньшей степени. В конце 1994 г. свыше 4/5 от общего количества иностранных инвестиций приходилось на капиталовложения размером до 10 тыс. долл., при этом 2/3 из них составляли микроинвестиции до 1000 долл. Только 1,8% от общего числа инвестиций приходилось на вложения свыше 1 млн. долл.¹³

Активизация иностранного капитала сопровождается ростом задолженности частного сектора и государственного долга. Она увеличивается, во-первых, ввиду привлечения странами значительных кредитных ресурсов. Во-вторых, создаваемые западными партнерами совместные предприятия, ориентированные главным образом на экспорт, на этапе становления оказываются и основными импортерами западного инвестиционного оборудования. Сказывается и низкая конкурентоспособность экспорта стран Центральной и Восточной Европы по сравнению с западными партнерами в ходе расширившихся внешнеторговых связей. В результате на сегодня совокупная внешняя задолженность этих стран (без бывшего СССР) превысила 120 млрд. долл.¹⁴ При этом более половины ее приходится на две наиболее продвинутые по пути реформ страны – Польшу и Венгрию.

Ситуация с задолженностью, однако, несколько улучшилась в 1995–1996 гг. за счет

¹¹ *Gabor R.T. Small entrepreneurship in Hungary – ailing or prospering? – Acta Oeconomica, v. 46, 1996, N 3–4, p. 340.*

¹² *Economic Trends in Eastern Europe. Budapest, 1996, p. 158.*

¹³ Дума, София. 1995, 19 сент.

¹⁴ Национальная статистика, оценки секретариата Экономической комиссии ООН; Албания – данные Валютного фонда и Мирового банка; *Economic Trends in Eastern Europe...*, p. 155.

создания рядом стран значительных валютных резервов, притока ссудного и производительного капитала, пролонгации и редукации долгов ряда стран Парижским и Лондонским клубами. Это расширило возможности получения дополнительных западных кредитов, что крайне важно, поскольку внешние заимствования в ближайшие годы по-прежнему будут иметь особое значение для обеспечения экономического подъема.

Внешние заимствования и прямые иностранные инвестиции становятся важным фактором оживления инвестиционной активности. После резкого сокращения инвестиционной активности с 1994 г. в ряде стран наметилось определенное оживление, особенно существенное в Польше, где оно стало локомотивом экономического оживления: уже в 1993 г. затраты на закупку машин и оборудования возросли примерно на 10% при одновременном сокращении затрат на строительные-монтажные работы. С этого времени наблюдается рост инвестиционной деятельности по количеству начатых объектов и их сметной стоимости. Отметим, что фактические размеры капиталовложений даже больше показываемых официальной статистикой, поскольку часть инвестиционных расходов проводится хозяйственными субъектами по статье "капитальный ремонт" и включается в текущие издержки производственной деятельности ввиду более мягкого здесь режима налогообложения.

Продолжает улучшаться структура капиталовложений, усиливается их промышленная ориентация, что особенно важно, поскольку к началу реформ была по сути подорвана производственная база страны: в 1991 г. 30% машин и оборудования было полностью изношено и лишь 15–20% проработало к тому времени менее пяти лет. Структура основных фондов была близка к состоянию на начало 70-х годов.

Польша единственная из стран Центральной и Восточной Европы к 1996 г. не только достигла, но и превзошла уровень капиталовложений 1989 г. (прирост составил 28%). Рост инвестиций наблюдается и в других странах, однако он существенно медленнее.

При этом проблемы в сфере капиталовложений не сводятся лишь к недостаточному объему и несовершенству их структуры, на первое место выдвигаются проблемы технологического уровня основных фондов и нарастающего отставания в этой сфере от Запада. Это может стать тем фактором, который уже в ближайшее время предопределяет новое сползание к стагнации.

Выход из кризисного состояния экономики стран Центральной и Восточной Европы во многом связан с поиском ими нового места в международном разделении труда. Особая роль в переструктурировании экономики отводилась широкой либерализации внешней торговли. Предполагалось, что это разрушит местные монополии, усилит конкуренцию, необходимую для перестройки структуры, будет способствовать установлению равновесных цен. Однако потеря традиционных внешних рынков, трудности в снабжении сырьем, резкое сжатие внутреннего спроса, а также отсутствие аутентичных рыночных субъектов хозяйствования, в большинстве стран их малый маркетинговый и менеджерский опыт, нехватка информации – все это обусловило слабую способность фирм адекватно реагировать на перемены в условиях и адаптироваться к ним.

Повсеместно были предприняты меры по активизации экспортной деятельности. Успехи таких шагов существенно различаются по странам, но в целом итог пока не очень утешительный. Показательно, что за 1991–1994 гг. экспорт стран Европейского Союза (ЕС) в центрально-восточный регион Европы вырос на 87%, в то время как импорт увеличился всего на 45%¹⁵. После некоторого выравнивания позиций в 1995 г. в 1996 г. дисбаланс не в пользу стран Центральной и Восточной Европы вновь увеличился.

Это и не случайно, поскольку стимулирующий экономический рост экспорта требует, как показывает опыт, значительных государственных субсидий, восстановления подорванной за первые годы преобразований экспортной базы производства, зависит от конъюнктуры на мировых рынках, а посему неустойчив, разбалансирован на канале

¹⁵ Рассчитано на основе данных национальной статистики.

связей с наиболее важными партнерами – развитыми странами Запада, что проявляется в росте дефицита торгового баланса стран.

В 1996 г., как показывают предварительные данные, произошло замедление прежней высокой динамики экспорта наиболее передовых реформаторских стран – Чехии, Польши, Венгрии. С проблемой острой неплатежеспособности столкнулись Болгария, Румыния, объемы экспорта которых сократились в абсолютных размерах, а также Югославия, объемы импорта которой значительно опережают рост экспорта.

Процесс здоровых структурных преобразований, как на макро-, так и на микро-уровне разворачивается крайне медленно. Показатели эффективности производства упали даже в такой "благополучной" стране, как Чехия. Если в конце 80-х годов энергоемкость чешской экономики была примерно на 40% выше, чем в развитых странах Западной Европы в расчете на душу населения и на 150% в расчете на производство единицы ВВП, то к 1995 г. этот разрыв увеличился, что напрямую связано с замедленным процессом технологического обновления оборудования на предприятиях. Увеличила Чехия свой разрыв от Запада и по уровню производительности труда¹⁶.

Становится очевидным, что успешные реформы невозможны без проведения продуманной структурной и промышленной политики, осуществления значительных капиталовложений, преодоления многочисленных барьеров на пути завоевания рынков сбыта национальной продукции.

Таким образом, целый ряд важных показателей заставляет быть сдержанными при оценке наметившейся динамики экономического роста в странах Центральной и Восточной Европы. Тем более осторожными должны быть исследователи при использовании показателей экономического роста в качестве основного критерия результативности проводимых в странах рыночных преобразований. Анализ источников экономического роста свидетельствует о том, что у него пока нет прочной основы, их воздействие на экономику стран противоречиво, что уже в ближайшее время может сказаться на темпах экономического роста.

Анализ хода реформ в странах Центральной и Восточной Европы позволяет сделать ряд выводов, важных для правильной оценки острых дискуссий, развернувшихся в России вокруг стратегии трансформации российской экономики. Первая из них – о пользе "шоковой терапии".

Анализ практики реализации стабилизационных программ, предложенных странам Международным валютным фондом (МВФ), показывает, что ни одной из них, несмотря на все декларации, не удалось последовательно реализовать монетаристские установки на всемерное ограничение денежной и кредитной эмиссии, платежеспособного спроса в интересах сведения инфляции и дефицита бюджета к минимуму.

Весьма интересные результаты дает макроэкономический анализ бюджетной политики постсоциалистических государств. Наиболее сильно показатель, отражающий долю расходов госбюджета в ВВП, уменьшился в Румынии и Болгарии, тогда как в Венгрии он почти не изменился. При этом в Румынии уровень государственных расходов опустился ниже 20%, Польше и Болгарии – несколько ниже 30%, Чехии и Словакии – составил около 50%, а в Венгрии – 60% ВВП.

Такое развитие событий объясняется тем, что снижение государственных расходов на субсидии и централизованные капиталовложения в значительной мере компенсируется быстрым ростом затрат на социальные нужды: выплаты по социальному страхованию, пособия по безработице, пенсии.

Складывается следующая картина: с одной стороны, в таких странах, как Чехия и Словакия, сохраняется довольно высокий уровень государственных расходов и по этому критерию проводимая ими финансовая политика не может рассматриваться как чрезмерно жесткая, с другой стороны, в Болгарии и Польше относительно низкий уровень государственных расходов сочетается с высоким (по меркам развитых

¹⁶ Econom, Praha, N 48, 1995, s. 22.

рыночных экономик) дефицитом госбюджета, что опять-таки не является показателем слепого следования ортодоксальным рецептам монетаризма.

Таким образом, в строгом смысле слова ни одно из восточноевропейских государств не смогло в течение нескольких лет подряд последовательно проводить политику макроэкономической финансовой стабилизации, причем заметные отступления от ее требований наблюдались и по монетарному, включая валютное, и по фискальному направлениям. Издержки политики стабилизации, сводящейся к жесткому ограничению совокупного спроса, столь велики, что выдерживать их в течение длительного времени не в состоянии ни одна постсоциалистическая страна. Именно поэтому экономическая политика во всех этих государствах приобретает "маятниковый" характер, периоды ужесточения кредитно-денежной и финансовой политики, способствующие уменьшению инфляции, неизбежно сменяются периодами монетарной и финансовой экспансии, призванной ослабить остроту хозяйственного спада и производной от него социальной напряженности. Наиболее показателен в этом смысле пример Польши, наметившееся оживление в экономике которой дает основание твердым сторонникам либерального курса утверждать, что оно есть следствие применяемой здесь жесткой стабилизационной политики. Признавая, что здесь политика "шоковой терапии" была наиболее комплексной на начальном этапе трансформации и последовательной (что чрезвычайно важно при применении любой концепции или теории), следует отметить следующее.

Первая попытка польского руководства использовать расширение спроса для приостановки катастрофического спада промышленного производства была предпринята уже в середине 1990 г., когда была несколько смягчена политика банковского процента и ужесточена таможенная политика. Неоднократные модификации политики в 1991–1993 гг. также обусловили довольно заметное расширение народнохозяйственного и потребительского спроса, зеркальным отражением которого является потребление. В эти годы потребление росло быстрее, чем валовый национальный продукт: в 1992 г. 5% и 1,5%, в 1993 г. соответственно 4,6 и 3,8%.

РЕФОРМЫ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Результаты экономических и политических реформ в рассматриваемых странах Центральной и Восточной Европы в значительной степени, если не в определяющей, обусловлены действием внешних факторов, в частности перспективами присоединения их к ЕС и НАТО. Несмотря на достигнутые по этим вопросам принципиальные договоренности, проблема остается крайне сложной по целому ряду причин.

Роль Центральной и Восточной Европы после второй мировой войны в значительной мере предопределялась противостоянием двух общественных систем. Прекращение "холодной войны" создало в Центральной и Восточной Европе своего рода стратегический вакуум, который не мог долго оставаться незаполненным. Запад и Восток как бы поменялись местами. ЕС и США берут на себя ту же роль, которую прежде исполнял СССР – взять на баланс и оплатить экономической помощью военно-политическую лояльность новых союзников. В 70–80-е годы бывшему СССР такая помощь обходилась недешево. Приведем лишь один пример. Скрытые субсидии партнерам в виде преференциальных цен на собственные энергоносители и продукцию обрабатывающей промышленности из стран ЦВЕ достигали в 80-е годы 7–10 млрд. руб. ежегодно¹⁷. По расчетам американских экономистов М. Маррезе и Я. Вануша, общая сумма выигрыша, полученного европейскими партнерами от торговли с СССР на условиях СЭВ, только за 1970–1984 гг. составила в ценах 1984 г. примерно 196 млрд. долл.¹⁸

¹⁷ Внешнеэкономические интересы России в переходный период. М., ИМЭПИ РАН, 1994, с. 26.

¹⁸ *Marrese M., Vanous J. The Content and Controversy of Soviet Trade Relations with Eastern Europe 1970–1984. – Economic Adjustment and Reform in Eastern Europe and the Soviet Union. Ed. by T.C. Brada, I.A. Hewatt and T.A. Wolf. Durham, 1988, p. 202–203.*

Первые оценки масштабов необходимых затрат, на которые должен пойти Запад, чтобы осуществить цивилизованное вхождение стран Центральной и Восточной Европы в общеевропейские и натовские структуры, также впечатляют. По оценкам Британско-американского совета по информации в области безопасности, Центра европейской безопасности и разоружения и американской корпорации "РЭНД", вхождение в НАТО будет стоить Западу от 7–10 до 50–70 млрд. долл. в течение 10 лет в зависимости от расходов на переоснащение вооруженных сил для приема ВВС и вооруженных сил западных членов альянса¹⁹. Прогнозы бюджетного управления конгресса США еще менее утешительны. Чтобы к 2010 г. подвести под "оборонный зонтик" НАТО четыре страны – Польшу, Венгрию, Чехию и Словакию, – необходимо 60,6 млрд. долл. А совершенствование военной инфраструктуры потребует еще 64 млрд. долл. Каждый кандидат также должен выложить не менее 1,5–2,0 млрд. долл. ежегодно²⁰. Однако в 1995 г. весь оборонный бюджет Польши составил 2,6 млрд. долл., Чехии – 1,025 млрд. долл., Венгрии – 641 млн. долл.²¹

Еще более дорогостоящим для Запада оказывается присоединение стран Центральной и Восточной Европы к ЕС. Сегодня помощь отстающим регионам, оказываемая через структурные фонды, и общая сельскохозяйственная политика поглощают 79,6% бюджета ЕС, к 1999 г. их доля возрастет до 81,4%. Лишь в 1999 г. финансовые ресурсы структурных фондов должны составить около 33 млрд. экю (40,2 млрд. долл.). При приеме новых членов пришлось бы расходы по этой статье бюджета увеличить еще на 38 млрд. экю (49,4 млрд. долл. ежегодно)²².

При распространении на страны Центральной и Восточной Европы общей сельскохозяйственной политики ежегодные расходы пришлось бы увеличить не менее чем на 9–12 млрд. экю. Без радикального пересмотра принципов и норм отчислений на эти две важнейшие расходные статьи расширение ЕС потребует увеличения общего бюджета на 25–100%, что является неприемлемо дорогостоящим²³. Между тем в сокращении помощи не заинтересованы ее основные получатели – Португалия, Греция, Испания, Италия и Ирландия, в увеличении – главные доноры: Германия, Нидерланды, Великобритания.

От успехов сотрудничества Центральной и Восточной Европы с западными партнерами, прежде всего странами ЕС, зависит их активность на восточных рынках и модели возможного сотрудничества России с данным регионом. Жесткие условия вхождения в западные экономические структуры вызывают в странах озабоченность по поводу их будущего положения в Европейском Союзе. 3 мая 1995 г. ЕС издало "Белую книгу", своего рода "свод приблизительных рекомендаций" для желающих вступить в ЕС. В ней перечисляются изменения в области законодательства, которые должны быть осуществлены в странах, требования к конкуренции, социальные и природоохранные правила, которым должны следовать "соискатели". Однако истинное значение "Белой книги" неясно. "С одной стороны, изложенные в ней требования необязательны к исполнению, с другой – их соблюдение не гарантирует приема в ЕС"²⁴.

Представляется, что страны Центральной и Восточной Европы на достаточно длительный период времени останутся зоной потенциальной нестабильности и неустойчивых экономических перспектив.

¹⁹ Пушков А. У всякой игры свои пределы. – Московские новости, 19–26 мая, 1996, № 20, с. 5.

²⁰ Там же.

²¹ Военно-техническое сотрудничество, 19–25 августа 1996, ИТАР–ТАСС, с. 72.

²² Inotai A. From Association Agreements to Full Membership? The Dynamics of Relations between the Central and Eastern European Countries and the European Union Institute for World Economics. Hungarian Academy of Sciences Working Papers, 1995. N 052, 14–15 old.

²³ Figyelo, Budapest, 1995, N 27, 30 old.

²⁴ Ibidem.

© 1997 г.

Е.В. СЕМЕНОВ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА В 1996 г.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ФОНДЕ

Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) создан постановлением Правительства Российской Федерации от 8 сентября 1994 г. № 1023 как самоуправляемая государственная организация, основной деятельностью которой является поддержка на конкурсной основе наиболее значимых гуманитарных научных исследований и распространения гуманитарных научных знаний в обществе.

У истоков создания Фонда стояли такие выдающиеся ученые и организаторы науки, как академики Н.И. Толстой, Д.С. Лихачев, В.Л. Янин, В.Н. Кудрявцев, Б.В. Раушенбах, Е.П. Челышев, А.А. Фурсенко, М.Л. Гаспаров, Н.Н. Покровский, А.П. Дервянко.

За время своего существования Фонд уже поддержал более 4 тыс. научных проектов, включая проведение исследований во всех областях гуманитарных знаний, издание трудов, научные конференции, экспедиционные и полевые исследования, проекты по развитию материально-технической базы научных коллективов. Фонд финансирует подготовку академических собраний сочинений русских классиков, словарей, памятников духовного и культурного наследия России. На средства Фонда для лучших гуманитарных научных журналов России приобретена вычислительная и оргтехника, что позволило четырем десяткам изданий выйти на новый технологический уровень.

Решения о финансировании победивших проектов принимаются на строгой конкурсной основе самим научным сообществом в лице экспертов. В Экспертной системе Фонда (без Совета Фонда) работают авторитетнейшие специалисты всего спектра гуманитарных знаний. Конкурсный отбор проектов позволяет распределять бюджетные ассигнования среди наиболее продуктивно работающих ученых-гуманитариев, выделять и поддерживать перспективные направления развития гуманитарных наук. Финансирование выдержавших конкурс работ РГНФ является адресной поддержкой наиболее активно работающих ученых. В выполнении только исследовательских проектов в 1995 г. участвовали 4103 российских ученых, в 1996 г. – 8031, а в 1997 г. предполагается участие 10 279 ученых.

В Фонде сформирована двухуровневая Экспертная система, в которой работают 608 высококвалифицированных экспертов по всем отраслям гуманитарной науки, включая 185 членов Экспертных советов по направлениям наук и 423 независимых эксперта из научных учреждений Российской академии наук, отраслевых академий, университетов и вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга, Петрозаводска, Томска, Саратова и других научных центров страны. Большое значение системы грантового финансирования для гуманитарной науки отмечалось на ставших традиционными конференциях с участием ученых-лауреатов конкурсов РГНФ, проведенных Фондом в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске (апрель–май 1996 г.).

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РГНФ В 1996 г.

В 1996 г. Российский гуманитарный научный фонд осуществлял финансирование гуманитарных научных проектов по 7 программам, включая исследовательские проекты (1575), издательские проекты (522), проекты организации экспедиций, полевых и экспериментально-лабораторных исследований (62), проекты организации и проведения научных форумов (216), проекты участия российских ученых в мероприятиях за рубежом (108), проекты развития научно-технической базы гуманитарных научных исследований (39), создание информационных систем и развитие научных телекоммуникаций (118). Всего 2640 проектов по 6 научным направлениям: 1) история; 2) экономика; 3) философия, социальная история науки и техники, социология, право, политология; 4) филология, искусствоведение; 5) методология комплексного изучения человека, психология, педагогика, социальные проблемы экологии и медицины; 6) информационное обеспечение гуманитарных научных исследований.

Финансовые возможности Фонда были существенно ограничены из-за недофинансирования из бюджета РФ, что не позволило даже начать финансирование программы поддержки создания информационных систем и научных телекоммуникаций, целью которой является преодоление информационной изолированности ученых-гуманитариев путем компьютеризации рабочих мест и подключения к международным информационным сетям. Исследовательская программа Фонда была профинансирована лишь на 53%. Существенно пострадали и другие программы Фонда.

Несмотря на значительное недофинансирование (в 1996 г. Фонд профинансирован на 41,6%), Фонду удалось сохранить широкий спектр исследований по традиционным и новым научным направлениям, существенно расширить географическую и ведомственную принадлежность научных учреждений и вузов, на базе которых выполняются поддержанные Фондом проекты.

Кроме своей основной деятельности, в 1996 г. РГНФ осуществлял проплаты по грантам научных школ в соответствии с просьбой Совета Программы поддержки научных школ. Был профинансирован 151 проект на сумму 249 000 тыс. руб.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ

В 1996 г. в финансируемых Фондом исследовательских проектах приняли участие 8031 ученый.

Тематика и хронологический диапазон исторических исследований, выполняемых в рамках проектов РГНФ, чрезвычайно широки. Наиболее значительные успехи достигнуты в изучении следующих узловых проблем. В ходе археологических исследований в Сибири открыты и исследованы уникальные памятники эпохи палеолита, позволяющие существенно детализировать наши знания о становлении древнейших культур Евразии. Результатом совместных работ археологов, историков и лингвистов в древнем Новгороде стало создание современной концепции становления северной ветви восточного славянства и древнейшего ядра русской государственности на Севере, опирающейся на значительно обновленную источниковую базу. Специалистами по западноевропейской истории подготовлены переводы ряда важнейших хроник, исторических и географических трактатов эпохи средневековья и раннего нового времени, остававшихся ранее не доступными для отечественных читателей. Выполнен крупный цикл исследований по истории возникновения политических партий в России в конце XIX – начале XX в. (от социал-демократов до монархистов), систематизации и изучению их документального наследия, сохранившегося в архивах России и зарубежных стран. Предметом подробного изучения стали межнациональные отношения и национальные движения в России XX в., в том числе современные национальные движения и идеология "национальных элит". Этнографы провели глубокое изучение традиционной народной культуры русских на всей территории их расселения – от Поднепровья до Приамурья. Итоги этих исследований подведены в крупной коллективной монографии, принятой к печати.

В 1996 г. исследования по филологии велись по таким приоритетным направлениям, как подготовка академических изданий: собраний сочинений русских классиков – Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, Н.С. Лескова, И.А. Гончарова, Ф.И. Тютчева, С.А. Есенина, А. Платонова, Б. Пастернака; томов литературного наследства – В. Брюсов, М. Горький, А. Герцен и Н. Огарев, А. Чехов; энциклопедий – Тургеневской, Чеховской, "Достоевский и его окружение"; сводов русского фольклора; библиографий, разного типа словарей – этимологических, семантических, исторических; велась работа по созданию историй русской и зарубежных литератур, многотомных лингвистических атласов (этнолингвистический словарь "Славянские древности"), не имеющей аналогов Энциклопедии языков народов мира, изучению редких и исчезающих языков народов России, говоров и диалектов русского языка. По искусствоведению поддерживались фундаментальные исследования древнерусского и западноевропейского средневекового искусства (живопись, архитектура, музыка), составление каталогов, энциклопедических справочников (Энциклопедия П.И. Чайковского, Энциклопедия "Вещь в русской художественной культуре", Энциклопедический словарь экспрессионизма, Словарь русских иконописцев XI–XVII вв.), публикации памятников.

Одной из наиболее активных отраслей гуманитарного знания является философия, а в ней лидирует проблематика философии науки, где широко используются и анализируются категориальный и методологический аппарат теории открытых систем, синергетики, неклассических логик. Необходимо отметить, что целый ряд новых философских проблем возникает на стыке естественно-научного и гуманитарного знания (экологическая этика, биоэтика, биотехнология и др.). Глубоко и разносторонне разрабатывались ключевые проблемы социальной философии, философской антропологии, а также истории философии.

Среди важнейших результатов исследований по социологии и политологии необходимо выделить анализ социальных процессов, путей становления информационного общества, формирование гражданского общества в современной России, этнонациональных напряженностей и конфликтов в различных регионах, геополитического положения России, миграции населения, новых предпринимательских и политических элит, адаптации населения к рыночным реформам. Социологические и политологические проекты стали использовать более надежные методики опроса, избавляться от налета конъюнктуры.

Исследовательские проекты по экономическим наукам, поддержанные РГНФ, их тематика и направления разработок созвучны основным проблемам социально-экономического развития России. В трудах по политической экономии формулируются научные основы возрождения отечественной экономики, обобщается опыт социально-экономической мысли России XIX–XX вв., активно ведутся разработки по обоснованию подходов к совершенствованию государственного регулирования экономики и управления социально-экономическими процессами. В проектах нашли отражение анализ и прогнозирование тенденций развития отраслевых комплексов (топливно-энергетического, машиностроительного, ВПК, АПК) и регионов, происходящие резкие структурные изменения в экономике, их влияние на благосостояние и демографическую ситуацию. Большое место в исследованиях занимают проблемы экологии. Плодотворными являются также исследования современных тенденций развития мировой экономики и международных экономических отношений и особенно обобщение опыта посткоммунистического экономического развития стран Восточной Европы и Дальнего Востока. Характерной особенностью исследований в области методов математического анализа экономики является, с одной стороны, их высокий теоретический уровень, а с другой – направленность на решение наиболее сложных и актуальных проблем социально-экономического развития. Из проектов по тематике развития финансовой системы, кредита и денежного обращения были выбраны исследования, отличающиеся высоким теоретическим уровнем, базирующиеся на обобщении зарубежного опыта.

Выполнявшиеся в 1996 г. проекты по психологии отражают основные современные

тенденции развития психологической науки: сокращение числа теоретико-методологических исследований и резкое увеличение социально значимых прикладных областей этого направления знаний. Были получены новые данные, расширяющие научные представления о психике и поведении человека. Разработаны основы теории интеллекта, практического мышления и психологической структуры черт характера; изучены особенности формирования ценностного сознания личности в период преобразований общества; психологические аспекты политических дискуссий; причины подросткового вандализма; влияние искусства и средств массовой информации на развитие агрессивности и жестокости людей. Авторы проектов по педагогике в основном разрабатывали антропологические модели образования на пороге XX в., теорию и методы социального воспитания, научные основы региональных систем образования, современные, особенно компьютерные методы обучения.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА

В 1996 г. Фонд профинансировал издание 522 книг, представляющих серьезный вклад в сохранение и развитие гуманитарной науки России. РГНФ удалось возродить издательскую деятельность в области гуманитарных наук, интенсифицировать подготовку сложных издательских проектов (словари, энциклопедии, издания по искусству). Книги РГНФ отвечают современным требованиям и с полиграфической точки зрения. Издание книг осуществляется Фондом через 133 издательства. Определилось около двух десятков научных издательств, зарекомендовавших себя надежными партнерами, делающими работу качественно, относительно дешево и быстро. Именно с такими издательствами Фонд рассылает приглашения сотрудничать в перспективе. При РГНФ создан консультативный совет директоров научных издательств. Большинство книг, издаваемых при поддержке Фонда, помимо собственно научных задач позволяют решать задачи по освоению результатов гуманитарных наук в системе образования и просвещения.

Представление об издательской программе Фонда можно составить по полному списку поддержанных издательских проектов (см. журнал "Вестник РГНФ", 1996, № 2) и по каталогу Фонда (см. Аннотированный каталог научной литературы, издаваемой при финансовой поддержке РГНФ. М., 1996).

Наиболее заметное место среди издаваемых Фондом книг занимают филологические, исторические и философские труды. Меньше представлены работы по экологии, социологии, психологии. Это отражает не политику Фонда, а уровень научной активности разных частей научного сообщества.

РГНФ поддерживает как разрозненные издания, так и целые серии или направления. Например, изданы и издаются разнообразные словари. Среди них можно выделить такие фундаментальные работы, как уже опубликованные "Этимологический словарь славянских языков", вып. 22, 23 (О.Н. Трубачев), "Словарь русского языка XI–XVII вв.", вып. 23 (Г.А. Богатова), "Фразеологический словарь говоров Карелии и сопредельных областей" (А.С. Герд), "Словарь новых слов русского языка" (Е.А. Левашов), находятся в производстве "Русский семантический словарь в 6 т." (Н.Ю. Шведова), "Новый объяснительный словарь синонимов русского языка", вып. 1 (Ю.Д. Апресян), первый том 4-томного энциклопедического труда "Славянские древности. Этнолингвистический словарь" (Н.И. Толстой, С.М. Толстая).

Финансируется издание серии "Памятники фольклора народов Сибири". При поддержке Фонда уже вышли такие тома, как "Якутский героический эпос Кыыс дэбэлийэ", "Бурятские волшебные сказки", "Русские сказки Сибири и Дальнего Востока", "Тувинские народные сказки", выходят "Хакасский героический эпос Ай – Хуучин", "Фольклор удэгейцев". Издается также "Свод русского фольклора. Былины Печоры" (т. 1–2).

Опубликована серия глубоких искусствоведческих исследований, в том числе фундаментальный, богато иллюстрированный двухтомный труд В.Н. Гращенкова

"Портрет в итальянской живописи раннего Возрождения", монография Н.С. Николаевой "Япония – Европа. Диалог в искусстве. Середина XVI – начало XX века", книга О.Ю. Тарасова "Икона и благочестие". Вышел первый том и находится в печати второй том фундаментального исследования С.О. Хан-Магомедова "Архитектура советского авангарда". Находится в печати также книга В.Д. Конен "Очерки по истории зарубежной музыки".

Издается многотомник по истории российского градостроительства; вышли в свет три тома: "Древнерусское градостроительство X–XV веков", "Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков", "Петербург и другие новые российские города", в производстве том, посвященный истории строительства Москвы.

Десятки работ посвящены истории России. Среди них: книга Н.В. Синициной "Третий Рим. Истоки эволюции русской средневековой концепции. XV–XVII вв.", коллективная монография "Брестская уния и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII вв." (рук. Б.Н. Флоря), книга Е.В. Анисимова "Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в.", книга Н.В. Козловой "Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.", серия томов из многотомника "Политические партии России (конец XIX – первая треть XX века). Документальное наследие" (рук. В.В. Шелохаев), фундаментальный труд "Российское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Энциклопедический биографический словарь" (рук. А.К. Сорокин) и др.

Издается серия "Российские мыслители XX века", только в философскую часть которой входят 23 тома. В рамках этой серии издаются работы С.Н. Булгакова "Два града. Исследование о природе общественных идеалов", М.К. Мамардашвили "Стрела познания", Э.В. Ильенкова "Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении", Г.С. Батищева "Введение в диалектику творчества", Н.Н. Трубникова "О смысле жизни и смерти", П.М. Ершова "Искусство толкования", М.К. Петрова "Историко-философские исследования" и "Античная культура", Г.П. Щедровицкого "Методология. Философия. Логика", Э.Г. Юдина "Системный подход и принцип деятельности", И.В. Блауберга "Проблема целостности и системный подход" и др. Эта серия позволяет составить достаточно полное представление о тематике и основных результатах философских изысканий в России в XX в. и прежде всего в советское время.

В Санкт-Петербурге, в издательстве Русского христианского гуманитарного института РГНФ издает оригинальную серию "Pro et contra", в которую вошли тома с основными работами современников о В.В. Розанове, К.П. Победоносцеве, Н.А. Бердяеве, К.Н. Леонтьеве, П.А. Флоренском и программные работы самих названных мыслителей и государственных деятелей. Фондом финансируется также издание работ Л.М. Лопатина "Аксиомы философии", А.М. Пятигорского "Мифологические размышления", избранных сочинений Ю.Ф. Самарина, 4-томного собрания сочинений Н.Ф. Федорова, сборника философских произведений М.И. Туган-Барановского "К лучшему будущему" и др.

Ведется работа по подготовке к печати неизданных трудов российских историков Н.П. Кондакова, А.С. Лаппо-Данилевского, А.Е. Преснякова, Н.К. Никольского, Л.П. Карсавина.

По исследовательским проектам финансируется подготовка академических собраний сочинений А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, Н.С. Гумилева, А.П. Платонова, С.А. Есенина, В.В. Маяковского, Б.Л. Пастернака, М.М. Бахтина и др.

ПРОГРАММА ПОДДЕРЖКИ НАУЧНЫХ ФОРУМОВ

Проведение при финансовой поддержке Фонда крупных научных форумов, ставших значительными событиями в российской и мировой науке, способствует укреплению авторитета отечественной гуманитарной науки. В 1996 г. РГНФ финансировал проведение 216 научных форумов в Российской Федерации.

Среди поддержанных Фондом конференций такие значительные, как: VI международный конгресс по славянской археологии (Новгород), Международная конференция "Причины мировых войн XX века", XXV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы "Аграрные технологии в России IX–XX веков", IV ежегодная международная научная конференция "Межконфессиональный диалог в России: прошлое, настоящее, будущее", Международная конференция "Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв." (Новосибирск), Международная конференция "Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему" (Владивосток), конференция "Древняя Русь и Запад", Всероссийская научная конференция "Элита России: трансформация ценностей и протестанство влияний", Московский Синергетический форум "Устойчивое развитие в изменяющемся мире", Всероссийская научная конференция "Государственное регулирование в стратегии устойчивого развития экономики России" (СПб), Международная конференция "Преобразование государственного сектора", Международная конференция "Финансово-банковское образование и финансовая наука в современном мире: опыт, проблемы, перспективы", Научно-практическая конференция "Экономические основы формирования региональной политики: опыт, проблемы, перспективы" (Екатеринбург), Научно-практическая конференция "Сибирь на рубеже веков" (Новосибирск), Научная конференция "Перестройка в российской истории: исторический опыт и уроки XX века" (Красноярск), VII национальная конференция по философии и истории математики "Бесконечность в математике: философские и исторические аспекты", Федеральная научно-практическая конференция "Проблема гуманитаризации естественнонаучного образования (на примере физики)" (Нижний Новгород), Международный симпозиум "Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50 гг.)".

Поддержанные Фондом научные форумы способствовали возрождению научного общения российских ученых, оживлению обмена информацией, активизации совместного поиска решения сложнейших научных и практических проблем, стоящих перед учеными и страной.

ПРОГРАММА ПОДДЕРЖКИ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ, ПОЛЕВЫХ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ЛАБОРАТОРНЫХ РАБОТ

Гуманитарные и социальные науки сильно пострадали в 90-х годах от свертывания экспедиционных и других полевых работ, без проведения которых невозможно нормальное развитие археологии, археографии, лингвистики, социологии и др. Фонд с момента своего возникновения выделил такое направление деятельности, как поддержка экспедиционных, полевых и экспериментально-лабораторных работ в отдельный конкурс. В 1995 г. Фонду удалось профинансировать лишь восемь экспедиций. В 1996 г. поддержаны 62 проекта этого типа.

Без поддержки Фонда было бы невозможно возрождение экспедиционной и полевой работы, проводимой в стране. В 1996 г. были поддержаны экспедиции по археологии, этнографии, филологии, искусствоведению, социологии, демографии, психологии.

География экспедиционной работы охватывает Россию, страны СНГ. Финансировались как традиционные экспедиции (археологические исследования древнего Новгорода, археологические исследования старообрядческих поселений Урала, Сибири, Молдовы и Приднестровья), так и новые, продиктованные современными обстоятельствами, например, патерналистской ориентацией и готовностью к смене рода занятий в условиях безработицы.

ПРОГРАММА ПОДДЕРЖКИ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ НАУКИ

Потребности гуманитарных и социальных наук в поддержке их материально-технической базы огромны. Ежегодно в Фонд поступают обоснованные заявки на десятки миллиардов рублей. Нехватка средств не позволяет Фонду удовлетворять и малую их часть. Так, в 1996 г. на программу поддержки материально-технической базы выделено всего 1236,6 млн. рублей.

Фонд поддержал 39 проектов развития материально-технической базы научных исследований, в том числе 23 гуманитарных научных журнала: "Вестник древней истории", "Вопросы истории естествознания и техники", "Вопросы психологии", "Вопросы философии", "Вопросы экономики", "Государство и право", "Живая старина", "Конфликты и консенсус", "Логос", "Московский лингвистический журнал", "Новая и новейшая история", "Общественные науки и современность", "Отечественные архивы", "Политические исследования", "Российская археология", "Славяноведение", "Социальные и гуманитарные науки", "Отечественная и зарубежная литература, Серия: Науковедение", "Социологический журнал", "Философские исследования", "Философские науки", "Человек", "Экономика и математические методы", "Этнографическое обозрение".

Кроме того, поддержаны крупные проекты модернизации издательской базы Института археологии и этнографии СО РАН, Института истории СО РАН, Института психологии РАН, создания информационно-библиографической службы по гуманитарным отраслям знаний межвузовского центра гуманитарного образования МФТИ им. Баумана, оснащения оборудованием лаборатории экспериментальной фонетики Института языкознания РАН, приобретения аппаратного комплекса для обработки и реставрации фонограммархива Новосибирской государственной консерватории, оснащения оборудованием и программным обеспечением Института социально-экономических проблем и развития АПК РАН, Российского государственного архива литературы и искусства, Центра общественных наук при МГУ им. М.В. Ломоносова.

ПРОГРАММА СОЗДАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ И НАУЧНЫХ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ

В 1996 г. РГНФ объявил и провел дополнительный конкурс по информационным системам и научным телекоммуникациям. Было поддержано 118 проектов из 428 поступивших заявок. Финансирование этого вида конкурса не было осуществлено из-за значительного недофинансирования РГНФ. Между тем выполнение программы оказалось бы значительным вкладом в решение одной из главных проблем современной гуманитарной науки. Информационную изолированность российских гуманитариев можно устранить лишь компьютеризацией рабочих мест и подключением к международным информационным системам.

ПРОГРАММА ПОДДЕРЖКИ УЧАСТИЯ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ В РАБОТЕ ЗАРУБЕЖНЫХ НАУЧНЫХ ФОРУМОВ

Широкая программа тревэл-грантов дала возможность значительному числу российских ученых принять участие в научных конференциях за рубежом. Среди наиболее крупных международных встреч можно отметить участие группы российских ученых в XIX Международном конгрессе византистов (Колонгаген), XIII Международном конгрессе архивистов (Пекин), Международной конференции Европейской ассоциации исследования проблем развития "Глобализация, конкурентоспособность и безопасность личности" (Вена), XXVI Международном психологическом конгрессе (Монреаль), I Всемирном конгрессе по экономике, бизнесу и этике (Токио), Конференции Североамериканской ассоциации экологического образования (Сан-Франциско), XIX Международном конгрессе ономастических наук (Абердин), Международном морфологическом конгрессе (Вена) и др.

КОНКУРС 1997 г.

Конкурс 1997 г. проводится по следующим направлениям наук:

- история;
- экономика;
- философия; социальная история науки и техники; политология;

- социология; право;
- филология; искусствоведение и архитектура;
- информационное обеспечение гуманитарных исследований;
- методология комплексного изучения человека; психология;
- педагогика; социальные проблемы экологии и медицины.

Заявки по исследовательским, издательским, экспедиционным работам, а также по проектам создания информационных систем и развития научных телекоммуникаций принимались с марта по 30 сентября 1996 г. Их экспертиза проведена в октябре–декабре 1996 г. Результаты экспертизы заявок вместе с результатами экспертизы отчетов по продолжающимся проектам утверждены Советом Фонда 5 февраля 1997 г.

На конкурс (по состоянию на январь 1997 г.) в РГНФ поступило 3657 заявок, по итогам экспертного рассмотрения которых приняты к финансированию 732 исследовательских проекта, 354 издательских проекта, 31 проект создания информационных систем и развития научных телекоммуникаций. Совет Фонда утвердил также промежуточные отчеты по 1385 продолжающимся исследовательским проектам, финансирование которых должно быть продолжено в 1997 г. Всего принято к финансированию 2502 проекта. Кроме того, по условиям конкурсов, в течение года должны быть рассмотрены проекты проведения экспедиций, полевых и экспериментально-лабораторных исследований, проекты организации научных мероприятий, проекты участия российских ученых в зарубежных конференциях, проекты развития материально-технической базы гуманитарных научных исследований – заявки по этим видам конкурсов продолжают приниматься.

Экспертиза заявок и отчетов проводилась в три этапа. Первоначально каждая заявка рассматривалась двумя экспертами-рецензентами из числа 423 экспертов первого уровня, осуществляющих первичную экспертизу. Затем заявки с оценками и рецензией двух экспертов поступили в соответствующий ее профилю Экспертный совет. В Фонде работают 6 экспертных советов, состоящих из 24 секций, в которых 185 ученых. После рассмотрения всех заявок в секциях и на пленарных заседаниях Экспертных советов они поступили на утверждение в Совет РГНФ.

Продолжающийся рост числа заявок, поступающих в Фонд, – отрадное явление. Оно свидетельствует о сохранении высокой научной активности в стране в области гуманитарных и социальных наук, а также об авторитете РГНФ в научном сообществе. Но одновременно рост числа заявок при крайне низком финансировании Фонда приводит к неоправданно жесткому конкурсу, к уменьшению величины грантов, к недофинансированию уже принятых Фондом проектов.

Особенно болезненно проходил конкурс издательских проектов. Для гуманитариев вышедшая книга, как правило, является главным результатом выполненной работы. Многие исследовательские проекты 1996 г., несмотря на низкое финансирование, завершились досрочно представлением готовой к изданию рукописи. И трудно объяснить, почему высоко оцениваемый экспертами труд, написание которого финансировалось Фондом два или три года, не получает поддержки для издания. В связи с этим Совет Фонда пошел даже на создание резервного списка издательских проектов, в который вошло 168 полностью готовых к печати рукописей, представляющих высокую научную ценность. Однако перспектива их издания выглядит безрадостной. А в этом списке такие фундаментальные труды, как тома "Литературного наследия", "Русский семантический словарь" в шести томах, "Частотный словарь языка Достоевского", новые издания исторических источников, каталогов.

Распределение грантов по регионам и ведомствам было таким. На Москву, как и в прежние годы, пришлось более половины принятых проектов, однако по сравнению с 1995 и 1996 гг. доля столичных грантов уменьшается. Доля Москвы в поступивших на конкурс 1997 г. исследовательских заявках – 51,4%, принятых – 61,6%; в 1996 г. в исследовательских и издательских заявках она была соответственно 69% и 71%.

Сказалась работа Фонда по расширению участников конкурса из провинции, в том числе такая оправдавшая себя форма, как выездные конференции Фонда, – в Санкт-Петербурге, в Новосибирске, а также публикации о Фонде в местной прессе, бесплатная рассылка изданий, субсидируемых Фондом, в библиотеки.

Однако рост заявок из провинции, направляемых в Фонд, – а в конкурсе 1997 г. участвовали ученые из 68 областей и республик, – не должен нас успокаивать.

Разница между уровнем столичных заявок и провинциальных значительна. Фонд не может понижать уровень требований к проектам, единственная возможность стимулировать научные исследования на местах – это проведение совместных конкурсов по региональной тематике вместе с администрациями областей. Такую готовность проявила администрация Алтайского края, где довольно высок уровень активности – 34 представленных проекта. Половина из них получила положительную экспертную оценку, но только пять победили в конкурсе.

По сравнению с предшествующими годами возрастает число вузовских заявок, снижается доля заявок из Российской академии наук, прежде абсолютно доминировавших.

Однако, несмотря на все эти изменения, роль академических ученых остается ведущей. Такое положение объективно отражает сложившуюся в науке ситуацию, когда основной состав ученых был сконцентрирован в академических институтах. Но сам факт низкого прохождения заявок из ряда вузов страны, которые традиционно имели серьезные научные школы, настораживает.

Конкурс 1997 г. продемонстрировал тенденцию к расширению диапазона исследовательской проблематики и тематики, к расширению источниковой базы исследований. При этом удручает резкое сокращение тематики по изучению культуры и истории бывших союзных республик, что чревато самыми серьезными последствиями для интересов России в настоящем и будущем.

Тематика заявок, поданных в РГНФ по специальности "история" в 1995–1997 гг., отражает подъем исследовательского интереса к истории России конца XIX – первых десятилетий XX в. при определенном спаде внимания к другим хронологическим периодам, например XVII–XVIII вв. Несомненно, у историков сложилось стойкое отношение к этой эпохе как к переломному периоду, во многом предопределившему логику последующего исторического развития России. Анализ заявок показывает, что в российской исторической науке нарастает интерес к скрупулезному изучению источников, тенденция к "фактографии", которую можно рассматривать как реакцию на идеологизированную историю советского периода и историческую публицистику 1980 – первой половины 1990-х. Эта тенденция, безусловно, должна рассматриваться как позитивное явление.

Среди особенностей только что завершившегося конкурса 1997 г. следует отметить увеличение числа проектов, направленных на разработку проблем "социальных технологий" и, в частности, технологии управления в условиях демократизации общества, механизмов принятия правовых решений, механизмов преодоления этнонациональных конфликтов и достижения согласия. Наблюдается значительное расширение источниковедческой базы социальных наук (подготовка и издание текстов классиков философии, в частности неиздававшихся текстов восточной философии – арабской, древнекитайской, древнеиндийской). Идет издание серий книг отечественных философов, социологов и историков науки XX в.

Активизируется исследование процессов постиндустриальной информационной цивилизации (проблем устойчивого развития России, создания информационных технологий).

В проектах 1997 г. по психологии отчетливо прослеживаются две тенденции: во-первых, стремление авторов проектов по конкретной научной тематике теоретически обосновать и методологически осмыслить место изучаемой проблемы в системе научного знания и, во-вторых, рассматривать комплекс проблем человека как междисциплинарный.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Многokратный рост числа заявок, поступивших на конкурсы в 1995, 1996 и 1997 гг., вошел в противоречие с финансовыми возможностями Фонда. Это привело к тому, что конкурс 1997 г. оказался излишне жестким. В число отклоненных попали не только добротные, но даже и выдающиеся работы, что, безусловно, станет большой потерей для гуманитарной науки. Существует настоятельная необходимость решать вопрос об увеличении финансирования Российского гуманитарного научного фонда, доведя его долю до 1,5 процента ассигнований, выделяемых из федерального бюджета на финансирование науки.

Разносторонняя и значительная по объемам деятельность Фонда предполагает наличие современной и качественной материально-технической базы и соответствующих служебных помещений. К сожалению, из-за отсутствия средств Фонд не имеет возможности приобрести оборудование и войти в международную информационную систему Интернет, а отсутствие собственных площадей превратилось в острейшую проблему в деятельности Фонда. Арендуемые в настоящее время помещения (Ярославская ул., 13) являются малоприспособленными для организации нормальной деятельности Фонда: удаленность от центра, расположение на 5-м этаже в здании без лифта (многие эксперты Фонда – люди пожилого возраста), отсутствие помещений для работы экспертов и проведения заседаний экспертных советов и Совета Фонда, отсутствие минимально необходимых санитарно-гигиенических условий и т.д. Решение о выделении Российскому гуманитарному научному фонду необходимых площадей следует принимать на федеральном уровне.

В.И. ФРЕЙДЗОН

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И СУЩНОСТЬ ЮГОСЛАВИЗМА. XIX в.

События последних лет обострили интерес к судьбам южнославянских народов. Среди идеологических построений, относящихся к этой тематике, едва ли не центральное место занимает югославизм.

Югославизм – комплекс представлений и идей, исходивших из принципа общности происхождения и культурно-языкового родства всех южных славян. Югославизм приобрел общественное звучание в эпоху национально-освободительных движений. Его следствием являлись различные программы политического сотрудничества и государственного объединения южных славян – от федерации равноправных народов до унитарного государства. Последняя программа исходила из принципа якобы уже существующего "югославского народа" ("интегральный югославизм").

Львиная доля проблем югославизма вызывалась сербско-хорватскими отношениями. Но из данной сферы автор привлек лишь наиболее яркие факты с целью показать содержание югославизма. Хронологический рубеж статьи принят не по формальной причине (смена столетий), а в связи с важными переменами в развитии югославизма.

Поскольку независимо от того, что об этом думали и говорили идеологи, исторический процесс в XIX в. заключался в формировании нескольких южнославянских наций, как правило югославистские идеи были призваны решать задачу представительства интересов той или иной нации. Лишь на раннем этапе формирования некоторых наций была возможна искренняя вера отдельных идеологов в национальное единство южных славян. Убеждение же в том, что такое единство существует в потенции, подчас оказывалось более прочным; оно требовало длительных усилий каждого "племени" для достижения "духовного" единства "всего народа". По мере развития национального самосознания разных народов точка зрения о потенциальном "единстве" оставалась уделом групп интеллигенции, обычно действовавших в крайне неблагоприятных условиях.

До 1878 г., когда возникло Болгарское княжество, югослависты включали в состав будущего государства сербов, болгар, хорватов и словенцев. Черногорцы в XIX – начале XX в. считались сербами, а о боснийских мусульманах говорилось редко и обычно как о части сербского или хорватского народов. Югославянское объединение предполагалось вокруг сербов и хорватов ввиду их относительной многочисленности и центрального положения на территории расселения южных славян. После 1878 г. болгары в югославистских планах упоминались лишь изредка.

Носители югославизма подчас изображали его как наднациональную идеологию южных славян. Но основой югославизма в таком качестве могли явиться лишь постоянные тождественные интересы всех южных славян. Однако ввиду формирования нескольких наций все более властно заявляли о себе национальные интересы, и югославизм лишь тогда мог играть положительную роль, когда эти интересы временно сближались для решения какой-то конкретной задачи.

С середины 30-х годов XIX в. хорватские лидеры избрали в качестве литературного штокавский диалект¹, которым пользовались православные сербы и югославяне-

¹ На хорватской этнической территории с раннего средневековья были распространены штокавский, кайковский и чакавский диалекты. Эти названия связаны с произношением по-хорватски слова "что": "што", "кай", "ча".

католики на обширных территориях вне собственно Хорватии². Ранее здесь преобладал кайкавский диалект, близкородственный словенскому языку. В 1850 г. на совещании в Вене ученые – представители сербов и хорватов договорились о единстве сербскохорватского литературного языка как языка единого народа. Но тождества хорватского и сербского литературных, и тем более разговорных, языков достигнуто не было. Имея в основе штокавский диалект, хорватский язык сохранил элементы двух других хорватских диалектов – кайкавского и в малой мере чакавского, на котором хорваты говорили в небольшой приморской зоне и на островах.

Особенность формирования наций в ареале штокавского диалекта хорватского или сербского языка заключается в национальной дифференциации в зависимости от религиозной принадлежности: православные сербы, католики-хорваты, боснийские мусульмане. Хотя в XIX в. имелось небольшое число сербов-католиков и православных хорватов, это не меняло основной тенденции процесса. Говорить, однако, следует не об одной только конфессиональной принадлежности. Речь шла о глубоких, освященных религией различиях в историко-политических и культурных (Запад и Восток, Рим и Византия) вековых традициях и международных связях³, разном менталитете, об особой государственности в средние века и новое время, разных (что существенно) этнонимах, наконец, разных интересах ведущих сил национальных движений.

Югославистские идеи были сформулированы преимущественно в Хорватии. Для хорватского национального движения югославизм в его первоначальной форме (иллиризм 30–40-х годов XIX в.)⁴ имел значение национально-интеграционной идеологии. Сознание этнической общности среди католического населения хорватских земель⁵, – а именно из католиков состояла складывавшаяся нация, – вследствие многовековой раздробленности имело незначительное распространение либо отсутствовало. Кроме того, в XV–XVIII вв. была утеряна компактность расселения хорватского этноса, возникли обширные районы со смешанным хорватско-сербским, точнее, православно-католическим, населением, а в Боснии с хорватско-мусульманско-сербским. Это было связано с массовым переселением под натиском османов сербского православного населения на территорию Хорватии – Славонии и Венгрии, а в Боснии – с исламизацией части славян. Обычно в научной литературе говорится об утере этнической гомогенности территории хорватами, но в результате переселений ее в некоторой мере утеряти и сербы.

Население отдельных земель, особенно католики, пользовалось региональными этнонимами ("свалонцы", "далматинцы"), а "хорватами" считало только жителей собственно Хорватии. Быстро распространить этноним "хорват" среди этого населения, вне собственно Хорватии, национальным деятелям оказалось невозможным, и первоначально они пытались решить эту проблему путем пропаганды нейтрального этнонима "иллир" – термин, который применялся в Австрии для населения, говорившего на штокавском диалекте. Кроме того, хорватские деятели считали древних иллирийцев предками южных славян.

Национальные идеологи Л. Гай, граф Я. Драшкович и другие еще до начала иллирийского движения (1835 г.) мечтали о большем: они хотели, как минимум, сплотить в единый хорватский народ все – католическое и православное – население Триединого королевства⁶ и ряда соседних областей – словенских земель и Боснии. Это была великохорватская тенденция. Но среди православных, составлявших более 1/6 насе-

² Историческая земля Хорватия, область г. Загреб.

³ Следует иметь в виду, что во второй половине XIX – начале XX в. большинство сербской светской либеральной интеллигенции получало образование на Западе и отличалось профранцузской ориентацией. Вместе с тем в Сербии и Хорватии имело место русофильство.

⁴ См.: *Лециловская И.И.* Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968.

⁵ Ядром хорватских земель было так называемое Триединое королевство – собственно Хорватия; Славония, в XIX в. находившаяся в административном единстве с первой (этот комплекс пользовался автономией в составе Венгерского королевства); и Далмация, подчиненная непосредственно Вене.

⁶ Dokumenti za nase podrijetlo hrvatskog preporoda (F. Fancev). Zagreb, 1933, s. 297–312, 318–320. При ссылках на публикации документов здесь и далее в скобках дается фамилия составителя.

ления Хорватии, Славонии и Далмации, а с учетом Хорватско-славонской Военной границы – около 1/4⁷ распространялось сербское национальное самосознание.

Деятели иллиризма понимали, что устранить уже устоявшиеся этнонимы сразу невозможно. Гай говорил, что серб, хорват и краинец (словенец) никогда не поменяют этих наименований. Но он проповедовал их постепенное "духовное", языково-культурное сближение и слияние. Хотя хорватские деятели открещивались от подозрений в "политическом иллиризме" – во времена К. Меттерниха такой политикой заниматься было опасно, наиболее радикальные иллиры имели в виду в конечном счете создание единого государства. Об этих настроениях свидетельствует заявление Гая, что сербское царство погибло на Косовом поле в битве с османами в 1389 г., а иллирийское бы не погибло.

Деятели иллиризма полагали, что население Триединого королевства – католики и православные – должно сплотиться в единый народ, теперь уже иллирийский. Таким образом, сербам тоже предлагали нейтральный общий этноним. Основой утверждений о едином народе служила общность языка. Для освобождения поля деятельности в широком югославянском, не только хорватском, но и хорватско-сербском, ареале сторонники иллиризма и избрали штокавский диалект. Словенцев же они думали убедить последовать этому примеру. Наконец, иллиры видели в южных славянах ("Великой Иллирии") опору против венгерских попыток мадьяризации Хорватии. Хорватские югослависты считали, что обеспечить благоприятные условия для национального развития хорватов возможно только в рамках объединенного югославянского ареала, на основе компромисса интересов всех южных славян. Такова была система взглядов, проповедовавшаяся в Хорватии в 1835–1847 гг.⁸ В ней сочетались стремление сплотить население Хорватии и Славонии в одну нацию и надежды на идеологическую экспансию Загреба в югославянском ареале – внутренний и внешнеполитический аспекты.

Особая сложность темы хорватско-сербских отношений в хорватских землях заключается в том, что эти отношения нельзя изучать вне связи с историей сербского национального движения во всем югославянском мире. Если в хорватских землях сербы, находясь в меньшинстве, отстаивали свою идентичность, то в югославянском масштабе сербский народ был без малого в два раза многочисленнее хорватского, сербское национальное самосознание развивалось, опережая хорватское, и сербские идеологи мечтали о гегемонии на Балканах.

В Триедином королевстве югославизм служил консолидации хорватской нации. Для Сербии же и других сербских земель югославизм такого национально-интеграционного содержания не имел. Несмотря на политическую раздробленность народа, сербское самосознание сохранилось в образованной среде с времен средневековой державы. Его донесли до нового времени сербско-православная церковь и устное народное творчество. С XVIII в. эстафета была подхвачена светской интеллигенцией, которая наряду с духовенством распространяла этноним "сербы" в массе православного населения⁹. Поэтому сербы не нуждались в таком сложном идейном маневре, как провозглашение хорватами югославянского, поначалу – иллирийского, этнонима. У хорватов католическая церковь как организация наднациональная не могла играть

⁷ Военная граница – полоса военных поселений на южной границе Австрийской монархии, – была демилитаризована в 1869–1873 гг., присоединена к Хорватии и Славонии в 1881 г. Восточная ее часть присоединена к южным комитатам Венгрии.

⁸ О хорватском, а не размытом иллирийском или южнославянском, реальном содержании иллиризма свидетельствует его органическая связь с так называемым кроатизмом (от Croatia – Хорватия) – отстаиванием легальными политическими средствами через сословно-представительный орган – сабор, с помощью публицистики автономных прав Хорватии и Славонии в рамках Венгерского королевства и борьбой за их расширение. Эта "политика" разрешалась режимом, стремившимся противопоставить Хорватию сильной венгерской оппозиции.

⁹ Этот процесс наиболее рано принес результаты в Южной Венгрии, а в Боснии завершился в 60–70-х годах XIX в. Подробнее см.: *Petrović N. O nekim specifičnostima razvitka srpske nacije u Habsburškoj imperiji. – Jugoslavenski istorijski časopis, 1970, № 1–2.*

такой этноинтеграционной роли, как церковь у сербов, где в XVIII–XIX вв. понятия "сербство" и "православие" составляли единое целое. Наконец, в Сербии хорватов не было, поэтому для сербских политиков использование искусственно придуманного этнонима для внутреннего употребления не требовалось. В отличие от Хорватии югославизм в Сербии существовал только во внешнеполитическом аспекте.

В негласном соперничестве за влияние в югославянском ареале иллиры стремились воспользоваться более высоким культурным и политическим уровнем своей страны – относительно многочисленная интеллигенция, национальное дворянство, юридическая академия, сабор – в сравнении с Сербией, автономия которой была признана только в 1833 г., где до 1867 г. находились турецкие гарнизоны, а порядки в 30-х годах мало отличались от турецких. Тем не менее сербы обладали двумя государствами – Сербией и Черногорией. Политическое влияние сербского княжества на югославян неуклонно росло. Кроме того, в южных комитатах (областях) Венгрии уже в XVIII в. сложился сербский национальный центр (Воеводина)¹⁰ с относительно развитой торговой буржуазией, гимназиями, богатой православной митрополией, церковно-школьной автономией.

В период до революции 1848 г. сербская национально-политическая программа была разработана в записке министра княжества И. Гарашанина в 1844 г. Здесь сформулирована задача достижения независимости Сербии и постепенного – посредством дипломатии и войн – распространения сербской власти на разные части Балканского полуострова, причем не только на земли с сербским большинством населения. Автор рассматривал "турецких славян" как будущих подданных Сербии¹¹. Прежде всего имелась в виду Босния, где сербы не составляли абсолютного большинства: в 1879 г. – 43% населения. Особое внимание Гарашанин уделял обеспечению выхода Сербии к Адриатическому морю. Выход к морю, идефикс сербской политики, был необходим для устранения внешнеторговой зависимости от монархии Габсбургов.

Гарашанин предусматривал необходимость сотрудничества Сербии с балканскими народами против Турции, мечтал о восстановлении сербского "царства Душана" XIV в., при этом Сербии отводилось место главы балканского "союза" – федерации. Австрию Гарашанин считал главным противником достижения сербских целей. Соответственно он относился и к преобладающему, верному Габсбургам, крылу иллиризма.

Гарашанин, мечтавший прежде всего об объединении всех сербов, в своем плане 1844 г. не упоминал австрийских югославян, ибо крошечная Сербия тогда не смела и мыслить о борьбе с османами и Габсбургами одновременно¹². Но сам факт, что часть сербов занимала определенную территорию совместно с хорватами, побуждал любого сербского деятеля задумываться над проблемой устройства сербско-хорватских отношений. В 40-х годах Гарашанин отодвигал эту проблему на будущее.

Сербское национальное самосознание утверждалось повсеместно среди православных в Боснии и Триедином королевстве не без воздействия Сербии и сторонников создания Воеводины. Иллиризм же натолкнулся на отпор, направлявшийся из Воеводины, и влияние иллиров на сербов осталось незначительным. Но среди католиков иллиризм имел успех, так как соответствовал тенденции их сплочения в хорватскую нацию. Таким образом, масса южных славян в XIX в. относительно быстро дифференцировалась и сплывалась в хорватскую и сербскую нации, причем частично на одной и той же территории.

Что касается словенских земель, сплошь католических (Крайны, южных частей Штирии и Каринтии, большей части Приморья и др.), то в XIX в., особенно во второй его половине, здесь развивался процесс складывания словенской нации. Она осознава-

¹⁰ Воеводиной сербы условно называли южные комитаты Венгрии (Бачка, Банат) и восток Славонии (Срем), где они безуспешно добивались от Габсбургов создания особой сербской административной единицы во главе с воеводой – лицом генеральского звания; отсюда – Воеводина.

¹¹ Чубрилович В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958, с. 176.

¹² Krestić V. Srpsko-hrvatski odnosi i jugoslovenska ideja u drugoj polovini XIX veka. Београд, 1988, с. 274–277.

ла себя частью южного славянства, но как общности наднациональной – от хорватов и сербов словенцы отличались языком. Язык же в науке и обществе того времени считался зеркалом "народной души" и определял национальную принадлежность. Однако среди словенцев имелись и немногие сторонники иллиризма, полагавшие, что одним словенцам – малому народу – не удастся противостоять германизации и италиянизации, и поэтому необходимо языково-культурное слияние с хорватами¹³.

Боснийские же мусульмане, говорившие на штокавском диалекте, осознавали свою самобытность¹⁴, и югославистские идеи проникли в их среду в незначительной мере лишь в начале XX в.

Большой сдвиг в развитии югославистских идей принесла революция 1848–1849 гг. в Австрийской монархии. В Венгрии в марте 1848 г. началась национальная революция, но венгерское правительство пыталось сохранить целостность королевства и подавить сепаратистские движения хорватов и сербов, настроенных на выход из Венгрии и сохранение Австрийской империи и ее преобразование на основе федерации и конституционализма (австрославизм).

В южных комитатах Венгрии была провозглашена Сербская Воеводина, власть перешла к сербскому Национальному комитету. 13–15 мая 1848 г. скупщина – собрание представителей сербского народа – в Сремских Карловцах с согласия властей Сербии обратилась к хорватам с предложением "политического союза (федерации. – В.Ф.) Воеводины с Триединым королевством на основе свободы и полного равноправия"¹⁵. Хорватский сабор, заседавший в июне–июле, поддержал идею объединения Хорватии не только с Воеводиной, но и Словенией, где та же идея была выдвинута группой либеральной интеллигенции. Одновременно словенцами была сформулирована программа создания "Словенского королевства" со словенским официальным языком, так называемая программа Объединенной Словении¹⁶. Хорватский сабор потребовал соединить с Хорватией Далматинское королевство (официальное наименование Далмации) и создать "тесный союз остальных югославских провинций Австрийской монархии" с Триединым королевством¹⁷. Эта программа покоилась на базе "естественного права".

Таким образом, перед лицом угрозы внутренней войны в монархии произошел взлет югославизма (идея федерации югославянских земель), органически связанного с австрославизмом (идея федерализации конституционной монархии); одним из равноправных субъектов Австрийской федерации должна была стать югославянская федерация. Так во время революции возник наиболее смелый план реформирования государства, занимавшего большую часть Центральной Европы – образец для аналогичных югославистско-австрославистских идей в будущем.

Другой аспект югославизма 1848 г. – постановка вопроса о судьбе южных славян Османской империи. В 1848 г., когда казалось, что государство Габсбургов развалится или реформируется на началах федерализма, хорваты искали объединения не только с австрийскими, но и с балканскими славянами. Уже в апреле 1848 г. один из деятелей иллиризма хорват А.Т. Брлич писал: "Смеем ли мы говорить и писать о Великой Иллирии не только в литературном смысле (как ранее. – В.Ф.), но и в политическом? А как же! Немцы хотят общий парламент (Национальное собрание во Франкфурте. – В.Ф.). Почему бы и нам не позвать наших горько страдающих братьев в Турции, наших словенцев и сербов в одно союзное с нами (федеративное. – В.Ф.) государство?"¹⁸

¹³ *Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina. Ljubljana, 1966, s. 43–90; Чуркина И.В. О некоторых особенностях формирования словенской нации. – Советское славяноведение, 1968, № 2, с. 14–24.*

¹⁴ *Фрейдзон В.И. К истории боснийско-мусульманского этноса. – Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981, с. 329–343.*

¹⁵ *Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848–1849 (Р. Перовић). Београд, 1952, с. 257–259.*

¹⁶ *Gestrin F., Melik V. Op. cit., s. 102.*

¹⁷ *Хрестоматия по истории южных и западных славян (В. Карасев), т. II. Минск, 1989, с. 65.*

¹⁸ Там же, с. 62.

Хорваты, поддерживавшие в 1848 г. связь с Сербией, выступали, согласно записи Гарашанина, за "объединение со всеми южными славянами и образование единого царства". Гай видел его центр в Сербии. В другой записи Гарашанин отметил: "Цель – соединение всех здесь и там (в Турции и Австрии. – В.Ф.). Сначала завершить там (в Австрии. – В.Ф.), а потом и дальше"¹⁹.

В "глухие" 50-е годы неабсолютизма и в богатые событиями 60-е годы югославизм переживал периоды оживления и упадка. На него влияла политическая обстановка – поражения Австрии в войнах 1859 и 1866 гг., объединение Италии, объединение Германии, конституционные маневры в Австрии, завершившиеся австро-венгерским дуализмом. Император Александр II и министр А.М. Горчаков произвели в 1866 г. серьезные перемены в дипломатической стратегии России в сторону усиления контактов со славянами²⁰ независимо от их вероисповедания. Активизировалась внешняя политика Сербии, пытавшейся создать балканский союз для войны с османами²¹.

В Австрии в 1849 г. был издан сборник "Ковчезич" жившего в Вене крупного филолога В.С. Караджича. В написанном еще в 1836 г. в противовес иллиризму сочинении нашла выражение великосербская тенденция. Здесь содержались формулы "сербы всех трех вер" и "сербы все и всюду". Караджич опирался на пришедшую из Германии теорию, состоявшую в том, что принадлежность к тому или иному народу определяется языком. Так как в Хорватии усилиями иллиров возобладали штокавский диалект, Караджич утверждал, что население Хорватии пользуется сербским языком и, следовательно, является сербами. "Все штокавцы – сербы". Этот тезис он поддерживал и во время острой полемики с хорватами в 1863 г.²² Сплотить хорватскую нацию иллиры могли лишь на основе штокавского диалекта, но одновременно они способствовали устранению языковых различий (и языковой границы) между хорватами и сербами, что было использовано обеими сторонами. Караджич утверждал, что иллиров "трудно убедить признать, что они сербы, а мы были бы сумасшедшими, если б отказались от нашего славного имени"²³. Иного, кроме этих двух выходов, Караджич не видел.

Все это свидетельствует о появлении уже до революции 1848–1849 гг. двух противостоящих политических концепций. Разногласия по поводу этнонимов отражали процесс становления сербской и хорватской наций и перспектив развития их государственности.

Мнение о югославянских народах Австрии в 50-х годах также высказали словенские филологи Ф. Миклошич и Е. Копитар, географ П. Козлер. В связи с тем, что кайкавский диалект собственно Хорватии близок словенскому языку, они заявляли, что Хорватия – словенская земля, а хорватами являются лишь немногочисленные чакавцы в Приморье²⁴. Штокавцы же – сербы. Эти утверждения остались лишь эпизодом филологических умствований, но они важны для понимания эпохи.

Позицию Караджича с 1852 г. оспаривали в своих работах А. Старчевич и его единомышленники. В противовес филологическим теориям Старчевич, исходя из "хорватского исторического права", ссылаясь на традицию суверенного хорватского государства IX – начала XII в., вольно трактуя историю в политических целях. Старчевич положил основу движению, затем "партии права" – правашаи²⁵. Он претендовал на все

¹⁹ Krestić V. Op. cit., s. 284, 285.

²⁰ Никитин С.А. Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50–70-е годы XIX в. – История, фольклор и искусство славянских народов. М., 1963; Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970.

²¹ Јакишић Г., Вучковић В.Ј. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Београд, 1963; Вучковић В.Ј. Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије 1853–1874. Београд, 1965.

²² В этой атмосфере не остались пассивными и некоторые хорваты. В 1864 г. в каталоге хозяйственной выставки в Загребе сербы Хорватии были названы православными хорватами.

²³ Чубриловић В. Указ соч., с. 189.

²⁴ Korunić P. Jugoslavenska ideologija u hrvatskoj i slovenskoj politici. Zagreb–Ljubljana, 1986, s. 195–197.

²⁵ Gross M. Povijest pravaskе ideologije. Zagreb, 1973.

южнославянские земли до границы с Македонией, кроме хорватов особым южнославянским народом признавал лишь болгар. Но реально первостепенную задачу видел в утверждении хорватского самосознания в Триедином королевстве (сербов, даже в Сербии, он объявил православными хорватами), объединении хорватских земель, включая Словению, правда, с согласия словенцев, нуждающихся в защите от германизации, и достижении государственного суверенитета. Именно последняя идея оказалась крайне живучей.

Итак, хорваты "все и всюду" в ответ на "сербы все и всюду". Но дело не в том, что Караджич выступил раньше Старчевича. Сама обстановка формирования двух наций способствовала появлению таких идей.

Югославистские идеи были основаны на принципах национализма, в смысле стремления к упрочению и расширению национального государства, а у хорватов, кроме того, и на хорватском "государственном праве" на все Триединое королевство и по крайней мере часть Боснии. Но они оставляли какие-то возможности для поисков межнационального компромисса. Пансербские же и панхорватские идеи были направлены на решение национальных проблем путем конфликтов.

В 60–70-х годах правашаи выражали настроение мелкой буржуазии и части мелких малоимущих дворян. Национально-либеральная партия – народняки, югославистски настроенная, представляла интересы верхних слоев интеллигенции и торгово-промышленной буржуазии²⁶, части чиновничества и духовенства – "либеральные католики".

Третья волна южнославянских движений, после иллиризма и революционных событий 1848–1849 гг., и новый этап формирования югославизма приходится на политический кризис Австрийской империи в 1859–1866 гг. Новое конституционное умеренно-либеральное устройство – дуализм 1867 г. – стабилизировалось в начале 1870-х годов.

Ведущей политической силой в Хорватии в 60-е годы XIX в. стала Национально-либеральная партия. Идеологами ее были историк Ф. Рачкий, с 1866–1867 гг. – президент Югославянской академии наук и искусств, Й.-Ю. Штроссмайер, богатый славонский епископ, меценат, инициатор основания академии наук и университета в Загребе, юрист М. Мразович. Идейные наследники иллиризма, многое изменившие в этом наследстве, народняки пытались преодолеть пропасть между католиками и православными, чтобы политически и культурно сплотить южных славян. Народняцкое католическое духовенство выступало за расширение хорватского культурного наследия – богослужения на старохорватском языке по глаголическим книгам. Штроссмайер мечтал об автономной югославянской церкви, предполагая объединить в ней католиков и православных. Это казалось ему важным шагом к югославянскому единству.

Занимаясь более широкими проблемами, Штроссмайер в тайном меморандуме правительству России обосновывал целесообразность сближения России с Ватиканом в интересах совместной борьбы против османского господства на Балканах.

Хорватские народняки-югослависты продолжали верить в возможность в отдаленном будущем "духовного", культурно-литературного, а затем и политического сближения и слияния южных славян. В 1860–1866 гг. они пропагандировали идею образования югославянской политической единицы в составе федеративной монархии Габсбургов с центром в Загребе. За Сербией признавалось право возглавить объединение "турецких" южных славян с тем, чтобы в будущем объединить оба югославянских государства.

В случае превращения Австрии в федерацию народняки мечтали о ее новой роли на Балканах. Именно Габсбурги, опираясь на объединенную Хорватию, могли бы освободить балканских южных славян²⁷. Хорватский югославизм в 1860–1866 гг. продолжал сочетаться с австрославизмом.

²⁶ Korespondencija F. Racki – J.J. Strossmayer, sv. I–IV, Zagreb, 1928–1931; sv. I. s. 221.

²⁷ Крестич В. Историја Срба у Хрватској и Славонији 1848 – 1914. Београд, 1992.

В 1860 г. вслед за иллирами народняки-югослависты пытались сблизить хорватов и сербов Хорватии под общим этнонимом "югославяне"²⁸ ("югославянский" или вообще "наш" народ и язык). Одно время это относилось и к словенцам, но уже в 1867 г. Ф. Рачкий признал в словенцах особое "племя". Народняцкие идеологи полагали, что общий этноним – путь к "братству и любви" между хорватами и сербами в Хорватии. Сербская же газета умоляла народняков ради "братства и любви" отказаться от попыток распространить на сербов Хорватии общий с хорватами этноним²⁹. В нем сербы видели тенденцию к ассимиляции.

Следуя принятому в науке и общественно-политической мысли в Европе XIX в. "национальному принципу": один народ – одно государство, югослависты и в 30-х и в 60-х годах подчеркивали этническую общность южных славян как основу их политического сплочения. Это было нужно для обоснования и объяснения своих взглядов. Ведь, как отмечалось, именно в культурно-политическом сплочении южных славян югослависты, прежде всего хорватские, видели условие благоприятного национального развития. Вместе с тем югослависты в 60-х годах все более четко понимали, что между народами существуют различия, и, пытаясь примирить это понимание с указанной политической посылкой, продолжали считать народы "племенами", стоящими перед задачей создания общности более высокого уровня, т.е. нации. Но по мере формирования реального национального самосознания эта общность все более приобретала черты общности наднациональной, а идеологический "центр тяжести" переносился на свою нацию. Так, например, Ф. Рачкий уже в начале 60-х годов XIX в. указывал, что "как хорват" он считает возможным согласование хорватских и сербских интересов. "Что полезно одному, – говорил он, – не может быть во вред другому". Игнорирования своего этнонима здесь нет. Эволюции югославизма способствовала (и ускорила ее) панхорватская и пансербская пропаганда противников югославизма. В связи с этой эволюцией находились программы югославянской федерации.

1866 год стал во многом переломным в развитии югославизма. Это было связано с германской опасностью, которая тогда преувеличивалась. Накануне австро-прусской войны хорватская газета утверждала: "Славянскому, венгерскому и румынскому народам грозит опасность от немецкого элемента"³⁰. "Чем обширнее и сплоченнее становится Германия, тем настоятельнее потребность в том, чтобы народы Балканского полуострова освободились"³¹. Так как только будучи свободными они смогут отстаивать свое существование.

В 1866 г. Италия сделала еще один крупный шаг к своему объединению. На южных славян пример Италии произвел огромное впечатление. Надо было действовать в пользу национального освобождения. Ближайшим объектом сербских интересов по-прежнему была Босния.

В 1866 г. сербский министр И. Гарашанин предпринял усилия для создания балканского союза для борьбы с Османской империей. Он стремился привлечь к союзу и хорватских народняков. В марте 1867 г. сербское правительство предложило Штротсмайеру план совместных действий. "Цель наша – освобождение христиан, стонущих под турецким ярмом, с тем, чтобы создать поле для соединения всех югославянских племен в единое союзное (федеративное. – В.Ф.) государство. Устройство союзного государства предоставляется времени и участвующим племенам после освобождения... Народность хорватская и сербская одна, югославянская... веру не следует вмешивать в национальные дела; единственной основой государства является национальность... потому что [в этом] мы едины... Белград, имеющий независимое правительство и располагающий военными средствами, – естественный центр дипломатической и

²⁸ В Далмации применялся термин "словинцы" (югославяне). См.: *Petrović R. Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX stoljeću. Sarajevo, 1968.*

²⁹ *Sulek B. Srbi i Hrvati. – Sulek B. Izabrani članci. Zagreb, 1952, s. 150–180.*

³⁰ *Pozor, 24.V.1866.*

³¹ *Pozor, 13.VI.1867.*

военной деятельности"³². Хорватские народняки приняли предложение, и был заключен формальный договор.

Австро-венгерский дуализм 1867 г. и крах идей федерации Австрии огорчил хорватов и сказался на их позиции. Осенью 1867 г., во время пика хорватско-сербского сотрудничества, хорватская газета писала, что хорватов связывает "с остальными южными славянами... жизненный интерес". Только опираясь на них, хорват может устоять против "комбинированной немецко-мадьярской (дуалистической. – В.Ф.) политики"³³.

Итак, хорватская идея "единого югославянского народа" в Хорватии, против которой выступало сербское меньшинство, показалась Гарашанину приемлемой для применения в югославянском ареале в целом. В 1867 г. эта идея могла послужить оправданием присоединения к Сербии Боснии ("народность одна"). Вопреки общему месту сербской публицистики, что "Босния – сербская земля", Гарашанин ради согласия с хорватами заявил, что Босния – югославянская земля. Этот пример характерен для югославизма.

Роль югославизма в Хорватии не совпадает с его ролью в югославянском ареале, но зависимость между ними существовала. Так, в связи со сближением с Сербией хорватский сабор принял формулировку о хорватах и сербах в Хорватии как "тождественном и равноправном" народе. Эта туманная и противоречивая формула удовлетворила сербов, ибо их этноним был упомянут в официальном документе³⁴.

Тот факт, что проект Гарашанина был принят хорватами, свидетельствует о сходстве тогда интересов Сербии и Хорватии. Проект был составлен с дипломатическим искусством: он содержал элементы интегрального югославизма ("народность одна") и вместе с тем федерализма, что являлось уступкой хорватам и фактически признанием различий между "племенами". Гарашанин выступил как югославист, но как сербский югославист. В хорватском же югославизме подчеркивался принцип целостности Тринединного королевства как хорватского государства и признание сербов как религиозно-этнической общности в его составе. Так, Д. Кушлан, в прошлом деятель иллиризма, заявил в саборе, имея в виду полное гражданское равноправие сербов в Хорватии: "Все, чем могли с сербскими братьями поделиться, мы поделились". Но государство "мы отдать не можем"³⁵. Сербь хотели бы видеть в Хорватии две "государственные нации", хорваты – только одну. Во всех случаях ясна служебная политическая роль югославизма.

Все тезисы о национальном характере разных югославистских идей, как и об их отсутствии, не несут отрицательной нагрузки. Альтруизма в национальных идеологиях быть не могло. Отстаивание интересов своей нации в период ее формирования – единственно тогда возможная идеология национального лидера.

В пору хорватско-сербского сближения в 1867 г. Рачкий на открытии Югославянской академии наук и искусств в Загребе говорил, что академия должна стать научным центром "племен сербско-хорватского, словенского и болгарского". Сербь и хорваты были представлены как единое племя ввиду общности языка³⁶. Мечтой югославистов было сближение и слияние культурных традиций южных славян как основы политического объединения. Но при этом и в 60-е годы у хорватов сохранилась надежда использовать свое превосходство в сфере культуры: Академия наук в Загребе была открыта в 1867 г., университет – в 1874 г.

Этноним "хорват" быстро распространялся в 50–60-х годах в Славонии и Далмации, позднее – в других районах, населенных католиками, пользовавшимися штокавским диалектом. Югослависты его пропагандировали, но не отказывались от идеи объединения южных славян в будущем.

³² Вучкович В.И. Указ. соч., с. 273–274.

³³ Korunic J. Op. cit., s. 340–341.

³⁴ Впрочем, это уже было сделано в одном из документов сабора 1861 г.

³⁵ Dnevnik sabora trojedine kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonije od god. 1865/67., s. 167; Sidak J. Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeća. Zagreb. 1973, s. 77.

³⁶ См.: Smiciklas T. Zivot i djela dra Franje Rackoga. Zagreb, 1895, s. 57–58.

Кстати, именно к этому времени (1866 г.) относится важное письмо Рачкого далматинскому лидеру М. Павлиновичу. В Далмации формирование хорватского национального самосознания отставало от Хорватии примерно на 20 лет. Рачкий выразил недовольство тем, что в органе хорватов и сербов Далмации газете "Национале" говорится о "словинцах" и ради единства с сербами замалчивается этноним "хорваты". Он убеждал своего корреспондента не в том, что тот хорват (это было обоим ясно), а в том, что под нехорватским знаменем пользы для хорватского народа не добиться³⁷. Здесь выявилось, что применение понятия "словинство" являлось для подавляющего большинства идеологов тактическим приемом, необходимым для хорватско-сербского сотрудничества.

"Словинство" в 60-х годах питалось обоюдным политическим расчетом: хорватам требовалась поддержка сербов для воссоединения Далмации с Хорватией и славянизации всей общественной жизни, где господствовал итальянский язык, сербы желали того же, так как воссоединение Триединого королевства уменьшило бы раздробленность сербов, кроме того до поры до времени их устраивало равноправие с хорватами в рамках "словинского" народа. Упомянутое письмо Рачкого не означало, что он отказывался от хорватско-сербского сотрудничества. Автор письма возражал лишь против крайней формы югославизма, против замалчивания названия народа, что тормозило процесс упрочения его национального самосознания.

Письмо Рачкого свидетельствовало о том, что к 1866 г. в Хорватии и Славонии этноним "югославяне" для хорватов уже исчерпал свое национально-интеграционное значение. Но он еще применялся, по-видимому, в попытке предотвратить присутствие этнонима "сербы" в официальных документах. Впрочем, в решении хорватского сабора 1867 г., как отмечалось выше, выход был найден – провозглашен принцип "тождества" хорватов и сербов в Хорватии.

Но вернемся к важному вопросу о форме проектировавшегося в 1867 г. государства южных славян. Об этом мы знаем также из дипломатического источника. Австрийский канцлер Ф. Бейст говорил тогда же российскому посланнику в Вене Е. Новикову, что Штроссмайер проповедует создание "конфедерации славянских государств, группирующихся вокруг Сербии"³⁸.

Вообще, в 60–70-е годы хорватская сторона настойчиво отстаивала федеративную форму югославянского государства, т.е. южное славянство в целом фактически рассматривалось как наднациональная общность, хотя немало говорилось о "племенах" одного народа. Создание такого народа виделось в отдаленном будущем.

В планах хорватских и словенских югославистов говорилось о необходимости первоначально укрепить каждое "племя", дать ему созреть экономически, политически и культурно, ибо только так оно могло послужить общему делу югославян ("народа"). За ширмой общего интереса каждый заботился о своей нации³⁹.

Настойчивое подчеркивание хорватскими и словенскими югославистами федеративного принципа объединения южных славян свидетельствовало об уже появившихся опасениях относительно национальных прав в будущем объединенном государстве.

Федеративный принцип четко был выражен в наброске программы хорватских югославистов-народняков в 1874 г. "Конечной целью общих национальных устремлений хорватов, сербов, болгар и словенцев должно быть объединение в независимое и свободное национальное и государственное сообщество" при равноправии "во всяком смысле и во всем отдельных племен, составляющих южное славянство. Государственная самостоятельность и автономные права отдельных южнославянских земель должны остаться абсолютно неприкосновенными и зависеть от свободной воли той части народа, которая пользуется этой самостоятельностью и этими правами"⁴⁰.

³⁷ Zelic B. Prilog diskusiji o Mihovilu Pavlinovicu. – Historijski zbornik. 1963. Zagreb, 1964, s. 232.

³⁸ Архив внешней политики Российской империи, ф. Канцелярия, д. 163, т. II, л. 238–239.

³⁹ См.: Korunić P. Op. cit., s. 78, 217, etc.

⁴⁰ Milutinović K. Prvi ideolozi federalisticke misli kod južnih Slavena. – Rad Jugoslavenske akademije, Zagreb, 1962, knj. 330, s. 122–123.

Несмотря на упоминание единого "народа", южное славянство здесь рассматривалось как общность суверенных наций. Стало быть, когда вопрос касался внутренних дел Хорватии, народняки проповедовали идею единого хорватско-сербского народа, что должно было укрепить позиции хорватов, когда же речь шла об отношениях в ареале в целом, они выступали против унификации, за суверенность "частей" народа. При всем том хорватские югослависты долго сохраняли представление о "духовном" родстве южных славян, что когда-то могло послужить их слиянию. Сербские идеологи отстаивали наличие сербской нации в Хорватии.

Задумываясь о будущем, лидер народняков М. Мразович в 1868 г. так сформулировал свой взгляд в одном из писем. Создание вокруг Сербии большого югославянского государства, писал он, позволило бы остальным, т.е. австрийским, южным славянам избежать "длительного переходного периода под иноземной властью", т.е. властью Габсбургов, и быстро достичь независимости. Но даже вовлечение всех южных славян под власть Австрии в конце концов не помешает этому: югославянский элемент в Австро-Венгрии со временем "укрепится настолько, что уже теперь более развитой, чем его братья в Турции, привлечет к себе родственные элементы. Пусть сначала все они окажутся в подчиненном положении, но при упрочившемся национальном единстве (формировании единого народа! – В.Ф.) эта ситуация должна в конечном счете разрешиться национальной и государственной самостоятельностью"⁴¹.

Итак, конечной целью хорватских народняков оставалось югославянское государство. До его создания они соглашались "терпеть" в пределах монархии Габсбургов. Для Сербии же и сербского движения в Австро-Венгрии даже "временный" австрославизм, связанный с югославизмом, был неприемлем. Здесь находился один из пунктов хорватско-сербской полемики. Газета сербских воеводинских народняков "Застава" не раз заявляла, что обязанностью национального движения должно быть достижение цели, "за которую проливали кровь" Сербия и Черногория, т.е. за создание сильного сербского государства и объединение южных славян. Во всем этом сказывалось соперничество из-за руководящей роли Загреба или Белграда в югославянском ареале.

В утверждении сербского национального самосознания значительную роль играла публицистика и организованная пропаганда. В 1866–1871 гг. действовала организация "Объединенная сербская молодежь" (Омладина) с центром в г. Нови Сад (Воеводина). Она ставила своей целью распространение сознания единства сербов "независимо от государственных границ". Повсюду Омладина добивалась проведения "самостоятельной сербской политики" и "духовного объединения сербского народа... непрестанно имея в виду политическое объединение"⁴². Выдвижение сербских национальных целей даже в районах, где сербы составляли небольшое меньшинство, – характерная черта великосербской тенденции Омладины. Но эта тенденция не означала полного разрыва с югославизмом как идеей союза югославянских народов, однако без общего этнонима и при сербской гегемонии. Омладина приветствовала деятельность, направленную на "развитие всего нашего народа" (южных славян) на основе независимости⁴³. Но идею югославянского единения Омладина использовала в сербских интересах. Так, ее газета писала о "нашей цветущей Далмации"⁴⁴, на 4/5 хорватской по населению.

Активность сербского национального движения в двух разных аспектах – в рамках Хорватии – Славонии – Далмации в составе монархии Габсбургов и в южнославянском ареале в целом проявилась в публицистике крупного сербского идеолога 60-х – первой половины 70-х годов лидера воеводинских народняков (Национально-свободомыслящая партия) С. Милетича.

Рассматривая проблему "восточного вопроса", Милетич был убежденным сторонником большого сербского государства на Балканах в составе Сербии, Боснии,

⁴¹ Sidak J. Dva priloga hrvatskoj povijesti od 1868–1871. – Historijski zbornik. 1966–1967, Zagreb, 1968. s. 357–360.

⁴² Застава, 15.VIII.1871.

⁴³ Застава, 2.IV.1871.

⁴⁴ Млада србадија, 20.VI.1871.

Герцеговины, Черногории, Косова, населенного по преимуществу албанцами, и части Македонии, где сербов было мало. Он считал необходимым включить в это государство порт Салоники – "это единственная возможность... иметь прямой выход к Средиземному морю и окружающим его странам"⁴⁵. Это была политическая психология эпохи: если необходим выход к морю, то следует присоединить ряд соседних земель, невзирая на национальный состав их населения. По мнению одного старого сербского автора, "Светозар Милетић выступал за животворную югославянскую идею, но под руководством сербского племени"⁴⁶. Это характерное сочетание великосербской идеи с элементами югославизма.

В Триедином королевстве, считал Милетић, права сербов как особого народа должны быть признаны "со всеми национально-политическими последствиями, т.е. признанием равноправия... в государственной, официальной сфере". Он соглашался с понятием, сформулированным в 1867 г. в саборе, "хорватско-сербского или сербско-хорватского народа". Ввиду смешения населения хорваты и сербы в Триедином королевстве разделиться не могут, "судьба и будущее их общие". Но он признавал Триединое королевство не хорватским государством, а хорватским и сербским. "Мы друзья федеративного сербского и хорватского государства в будущем". В случае же, если дело дойдет до превращения Триединого королевства в хорватское национальное государство, Милетић предвидел стремление сербов отделиться от него. "Мы или наши потомки, – отмечал он, – будут решать, что принадлежит сербам, и будь что будет"⁴⁷.

До сих пор даже теоретики международного сообщества (ООН) не смогли согласовать два взаимоисключающих принципа – права наций на самоопределение и неприкосновенности существующих границ. Конфликт сербского и хорватского национализмов – в условиях достигнутого в конце XX в. уровня цивилизации на рубеже Юго-Восточной Европы – оказался неизбежным.

Далеко в сторону федерального югославизма в югославянском ареале шел либеральный деятель из княжества Сербия Вл. Йовановић. Он также имел в виду ведущую роль сербов на Балканах, но призывал к солидарности народов полуострова, устранению "раскальвающих" споров о "вере, племени, границах". Он выступал за равноправие мусульман после освобождения. Необходим союз народов, "в котором каждый народ сохранил бы свою политическую индивидуальность и суверенитет", но мог бы и остаться вне союза⁴⁸. Все это было близко приведенной выше хорватской программе 1874 г. Четкое упоминание о нескольких народах устранило противоречие, присущее теориям многих югославистов.

Но политическая ситуация подчас побуждала поступать принципами суверенитета разных народов. Так, в 60-х годах идея национального единства южных славян в Словении почти не имела сторонников. Но неожиданное поражение Франции во франко-прусской войне 1870 г. изменило обстановку. Усиление Германии вызвало страх словенцев, хорватов и даже сербов перед аншлюсом Австрии, включая чешские и словенские земли. Словенские лидеры приняли участие в совещании югославянских деятелей – хорватов-народняков, словенских либералов и консерваторов, воеводинского народняка Л. Костича – в Любляне 1–3 декабря 1870 г. Здесь впервые была принята декларация о "единстве южных славян" как Габсбургской монархии, так и "братьев за границей, с которыми мы составляем единый народ". Южные славяне, говорилось в декларации, живущие в Габсбургской монархии, ощущают ныне одинаковые национальные потребности. Они объединяют "свои силы, моральные и материальные, и будут использовать их в сферах литературной, экономической и

⁴⁵ Милетић С. Источно питање. – Милетић С. Изабрани чланци. Нови Сад. 1939, с. 76–78. Примерно то же утверждала младинская газета: "Разве имеет будущее народ, если ему через Боснию не открыт доступ воздуха хотя бы с Адриатического моря?" – Млада србадија, 10.VIII.1871.

⁴⁶ Никшић Ф. Светозар Милетић. – Летопис Матице српске, књ. 308, св. 3. Нови Сад, 1926, с. 50, 64.

⁴⁷ Милетић С. Изабрани чланци, с. 13, 193.

⁴⁸ Млада србадија, 20.VIII.1871.

политической". В декларации говорилось о "единстве южных славян... сохранившемся в народном чувстве и проявляющемся... в единстве языка"⁴⁹. В политических целях югослависты на этот раз умолчали о различии языков. Декларация осталась эпизодом, не имевшим последствий.

В 1871 г. словенская либеральная газета "Словенски народ" утверждала: "Мы, словенцы, знаем, что усиление наших братьев поможет нам проникнуться свежим духом, который укрепит нас, чтобы мы устояли, пока не возникнет возможность всем нам вступить в один круг"⁵⁰. Итак, словенцы мечтали о югославянском государстве. Но подавляющее большинство национальных деятелей не имело в виду "слияние" в один народ. Прежде всего они стремились к объединенной Словении.

Решающим событием для судьбы югославизма явился Восточный кризис в 1875–1878 гг. Наиболее крупные деятели из хорватских народняков Ф. Рачкий, Й.Ю. Штроссмайер, М. Клаич возлагали надежду на успех Сербии в войне с Османской империей (1876 г.) и присоединение Боснии и Герцеговины к Сербии. Создание сильного югославянского государства должно было повлиять и на судьбу южных славян Австро-Венгрии. Когда Сербия потерпела неудачу, народняки надеялись, что при поддержке России восставшие провинции получат автономию, воссоединение же их с Сербией и Черногорией – ввиду позиции западных держав – отложить до лучших времен. Народняки торжествовали по поводу взятия Плевны русской армией и освобождения Болгарии. Они возражали против австрийских планов оккупации Боснии и Герцеговины: "Нынешняя Австрия, если бы оккупировала ее (Боснию. – В.Ф.), подвергла бы наш народ еще худшим страданиям, чем теперь", – писал Штроссмайер⁵¹.

Лидер далматинских народняков председатель сабора Клаич, известный своей крайне осторожной политикой, теперь писал Рачкому, что только великие международные потрясения могут изменить политику Габсбургов в отношении австрийских славян. Но, прозорливо отмечал он, перенесет ли "еще одно гнилое европейское здание", т.е. монархия Габсбургов, такие потрясения? Однако в любом случае "хуже не будет"⁵².

Все это было характерной чертой политики югославистов. Они искали компромисса с правящими кругами, но не теряли из виду конечную цель – создание независимой югославянской федерации. Однако, когда оккупация состоялась в 1878 г., тот же Клаич поздравил императора и выразил надежду на благоприятную для югославян политику в Боснии. После оккупации в Хорватии усилились надежды на реформу империи в духе триализма (Австрия, Венгрия, Хорватия с присоединенной к ней Боснией). Сербы же восприняли результаты Восточного кризиса как тяжелое поражение.

Назревший уже в первой половине 70-х годов кризис югославизма, прежде всего ввиду сербско-хорватских противоречий из-за Боснии, в дальнейшем еще более обострился. Развалился хорватско-сербский союз в Далмации.

В целом события 1875–1878 гг. нанесли югославизму сильный удар. В Хорватии все большее влияние получала партия права. Разочарование народняков в прежнем югославизме проявилось в 1883 г. в высказывании Рачкого: "Нас (хорватов и сербов. – В.Ф.) разделяют культурные и политические различия, первые возможно, по крайней мере перед внешним миром, сгладить, а другие могут быть устранены лишь в результате великих событий"⁵³. Характерно, что и здесь Рачкий в югославистском духе не оставляет надежды на устранение "различий", хотя бы в отдаленном будущем. Полного отказа от югославистских идей не было и в 80-х годах. В 1885 г. Штроссмайер вновь писал, что "ныне всякому приходит сама собой на ум идея славянской федерации на Балканском полуострове"⁵⁴.

Истинную сущность югославизма, как одной из форм хорватской национальной

⁴⁹ Korunić P. Op. cit., s. 392.

⁵⁰ Цит. по: Млада србадија, 28.II.1871. Сербская газета приветствовала это заявление.

⁵¹ Korespondencija F. Rački – J.J. Strossmayer, sv. II, s. 163.

⁵² Iz korespondencije Miha Klaića [T. Macan]. – Historijski zbornik. 1968–1969, Zagreb, 1971, s. 492.

⁵³ Korespondencija F. Rački. – J.J. Strossmayer, sv. III, s. 56.

⁵⁴ Ibid., sv. III, s. 199.

идеологии после революции 1848–1849 гг., раскрыл сам Штроссмайер в 1889 г.: "Мы, хорваты, 40 лет стремились обеспечить себе первенство в деятельности на Балканском полуострове... Теперь это первенство находится в сербских руках, и это правомерно"⁵⁵.

С середины 90-х годов XIX в. наступил новый, предвоенный этап в истории южных славян. В это время сформировалась новая волна югославизма, вызванная внутренними причинами в жизни хорватов, словенцев и сербов – развитием банковско-промышленной буржуазии, оппозиционные настроения которой были вызваны завоеванием рынков Центральной и Юго-Восточной Европы германским и австро-немецким капиталом, ростом демократического и рабочего движения. Социал-демократические партии Хорватии и Словении были настроены югославистски и считали теорию единого народа – включая болгар – средством борьбы с национализмом. Югославистские идеи впервые проникли в более широкие слои населения. Внешними причинами оживления югославизма являлись кризис австро-венгерского дуализма и создание франко-русского союза, затем Антанты.

В этой обстановке в Сербии в 1903 г. произошел государственный переворот, имевший антигабсбургскую направленность. В Хорватии в 1905 г. возникла либерально-хорватско-сербская коалиция, возродившая идею единого народа. Ее лидером стал серб С. Прибичевич. Наконец, югославизм торжествовал как движение солидарности югославян Австро-Венгрии с Сербией и Черногорией во время Балканских войн 1912–1913 гг.

В противовес этому югославизму в 900-х годах распространился, преимущественно в Словении, проавстрийский югославизм. Его носители – аграрные круги, часть духовенства – также возродили идею единого словенско-хорватского народа и требовали его политического объединения, включая Боснию.

В Сербии успех в таможенной войне с Австро-Венгрией в 1906–1911 гг. и в Балканских войнах 1912–1913 гг. вызвал активизацию югославистских тенденций. Окрепла уверенность в том, что именно Сербия возглавит южных славян. В декабре 1914 г. в так называемой Нишской декларации сербское правительство объявило целью войны освобождение и объединение сербов, хорватов и словенцев⁵⁶.

В годы первой мировой войны в югославизме противостояли либерально-федералистическая концепция – ее представляли члены эмигрантского Югославянского комитета хорваты А. Трумбич и Ф. Супило – и унитарно-интегралистская, популярная среди сербской, хорватской и словенской радикальной молодежи уже перед войной. Этой ориентации придерживался глава сербского правительства, находившегося с конца 1915 г. в эмиграции, Н. Пашич, отстаивавший программу создания унитарного государства во главе с сербской династией Карагеоргиевичей. Эта линия одержала верх в 1918 г., когда было провозглашено объединенное государство "троименного народа", т.е. победил принцип интегрального югославизма.

Федеративный югославизм по крайней мере не противоречил процессу складывания нескольких югославянских наций. Интегральный же югославизм был явно несостоятельным и вызывал широкую оппозицию.

Югославизм как форма национализма и романтическая теория национального единства югославян, как в XIX в., так и в будущем, не имел объективной основы, однако его элемент – идея сотрудничества национальных движений – в той или иной ситуации имел положительное значение.

Но югославизм как попытка создать общегославскую наднациональную идеологию государства, возникшего в 1918 г., потерпел неудачу. Интегральный югославизм, фактически означавший унитарное великосербское государство⁵⁷, обрек межвоенную

⁵⁵ Ibid., sv. IV, s. 73.

⁵⁶ Antologija jugoslovenske misli i narodnog jedinstva (V. Novak). Beograd, 1930, s. 707–708.

⁵⁷ Pribicevic S. Diktatura kralja Aleksandra. Beograd, 1958; см. также: Писарев Ю.А. Образование югославского государства. М., 1975; *его же*. Создание югославского государства в 1918 г.: уроки истории. – Новая и новейшая история, 1992, № 1.

Югославию на перманентный политический кризис. Против режима выступала значительная часть сербского народа, не говоря уже о хорватах. Снова югославизм ("братство – единство") приобрел значение при решении общей задачи – борьбы против нацистов в 1941–1945 гг. Однако в дальнейшем попытка утвердить федеративный югославизм на тоталитарной основе – Федеративная Народная Республика Югославия, Социалистическая Федеративная Республика Югославия – имела лишь временный успех. Демократические же силы сторонников федеративного югославизма были недостаточными. Все это привело к образованию на бывшей территории СФРЮ суверенных южнославянских национальных государств, хотя неясна еще судьба Боснии. При этом проблему районов со смешанным населением мирно разрешить не удалось. Теперь, после четырехлетней братоубийственной войны, можно надеяться на постепенное установление нормальных отношений между новыми независимыми государствами.

Значение событий последних лет велико. По-видимому, подходит к концу целая эпоха истории южнославянских народов, когда национальные движения (всегда с определенным социальным содержанием), как правило, составляли ось общественных движений вообще. Эта эпоха заняла примерно два века.

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И КИТАЙ В 20-е ГОДЫ. ПО ДОКУМЕНТАМ АРХИВА МИД РОССИИ

Смена ориентиров в политике Советской России в отношении Китая в начале 20-х годов давно отмечалась западными и китайскими историками. Объективные предпосылки такой перемены проанализированы в научной литературе весьма обстоятельно¹, а вот ответить на вопрос о субъективной подоплеке этого явления до недавнего времени не представлялось возможным в силу недоступности архивных материалов.

Автор статьи имел возможность работать в Архиве внешней политики России и ставил своей целью, опираясь на первоисточники, охарактеризовать разногласия в политическом и дипломатическом руководстве Советской России, повлиявшие на корректировку политики в отношении Китая.

Многочисленные исследования раскрывают в основном объективные причины корректировки Советской Россией ее китайской политики, но субъективные причины этого явления рассмотрены куда слабее.

Советская Россия одержала верх в борьбе против иностранной интервенции и белогвардейского движения в условиях, когда долгожданная мировая революция не наступала, а экономика пребывала в разлухе. Перед Советской властью стояла серьезная задача – одержать победу не только в политическом и военном, но и в экономическом отношении. Нэп в этом смысле казался необходимым выбором.

В изменившейся обстановке встал вопрос: придерживаться во внешней политике прежнего курса на мировую революцию или скорректировать этот курс в сторону прагматизма, т.е. применить принципы нэпа к внешней политике вообще, и политике в Китае в частности. На этот вопрос российские дипломаты отвечали по-разному, далеко не все из них готовы были к смене установок. В этой связи естественным было то, что ряд представителей российской дипломатии стоял на прежней точке зрения, не одобряя распространения новой экономической политики на область международных отношений. Среди них оказался советский полпред в Китае с августа 1922 г. Адольф Абрамович Иоффе.

Революционер первого поколения большевиков, один из ярких дипломатов молодой Советской России, Иоффе решительно и настойчиво отстаивал идею неизбежности скорой мировой революции². К переходу от "военного коммунизма" к нэпу он оказался внутренне не готов.

Иоффе анализировал международную обстановку с позиций прежнего курса и имел свое мнение о ней. Не одобряя применения принципов нэпа к политике Советской России в отношении Китая, он заявлял, что выступает против уступок империалистическим государствам, хотя и соглашался с тем, что путем торговых переговоров с

Линь Цзюнь – доктор исторических наук Дипломатической академии в Пекине, профессор Харбинского педагогического университета.

¹ *Ван Юйцзюнь*. Прелюдия китайско-советской дипломатии – от Юрина до Иоффе. Тайвань, 1963; *Линь Цзюнь*. Дипломатические отношения между Китаем и Советской Россией. 1917–1927 гг. Харбин, 1990.

² А.А. Иоффе относился к ближайшим соратникам и последователям Л.Д. Троцкого, разделявшим его концепцию "перманентной революции". См. также публикацию: А.А. Иоффе: революционер и дипломат. – Новая и новейшая история, 1990, № 3.

ними Советская Россия должна по мере возможности разбивать железное кольцо блокады. В брошюре "Мирное наступление" Иоффе пытался доказать, что "оборонительный период нашей внешней политики закончен, что мы можем перейти в наступление, стать более активными в стремлении занять подобающее нам место в так называемом международном концерте и во всяком случае должны впредь не только реагировать на политику великих держав, но и вести самостоятельную активную внешнюю политику"³.

Иоффе не одобрял и откровенно критиковал внешнюю политику ЦК Российской коммунистической партии (большевиков) – РКП(б), заявляя, что ошибки в советской политике "не только были, но они имеются и теперь"⁴. Он утверждал, что у ЦК нет определенной линии во внешней политике, она всего лишь реагирует на действия своих врагов, а неуверенный и колеблющийся характер советской дипломатии "принес нам много вреда, который оказывает свое влияние и до сих пор"⁵.

Иоффе жаловался, что как только он встанет с постели, после болезни, "предстоят наши переговоры с Китаем, и тут, мне кажется, в Москве опять начинают страдать империализмом и применять психологию нэпа к Китаю, то есть хотеть исключительно материальных выгод и от Китая"⁶.

Иоффе в письме в политбюро утверждал, что, по его глубокому убеждению, "наш ныне, как и всегда, спасает не нэп, а мировая революция, а сильнейшим элементом ее развития именно является последовательная, абсолютно безукоризненная демонстрация рабоче-крестьянской власти, как глубоко разнящейся от всех других защитницы всех угнетенных классов и народов"⁷. "Возвращаясь к старому нашему спору по вопросу о нашей политике в Китае, – писал он, – я позволю себе только поставить вопрос: можем ли мы в момент развития китайской революции выступить по отношению к Китаю с нашими финансовыми требованиями и таким образом стать по отношению к этой самой китайской революции совместно с международным империализмом по ту сторону китайской баррикады"⁸.

По его мнению, "первый и основной вопрос, который должен быть разрешен, заключается в следующем: хотим ли мы добиться в Китае реальных, конкретных материальных выгод или же преследуем цели мировой и, в частности, китайской революции... Поэтому мог бы быть поставлен вопрос: не лучше ли нам, ввиду замедления темпа мировой пролетарской революции и нэповских необходимостей, на время отбросить свою революционную политику и тактику и пойти совместно с мировым империализмом? Я оставляю без ответа этот вопрос. Для меня лично он ясен: я могу проводить только революционную политику и в случае утвердительного ответа на вышеставленный вопрос не могу быть проводником новой политики. Но я хочу обратить Ваше внимание на то, что, даже вступив в лагерь империалистов и работая с ними заодно, мы не могли бы предъявить некоторые требования и применять некоторые методы, которые желаем предъявить и применять теперь"⁹.

Иоффе процитировал высказывание из письма, адресованного ему Лениным: "Туркестан страшно важен, это – Индия", "это – наша мировая политика", и заметил: "если Туркестан – Индия и наша мировая политика, то Китай – в тысячу раз больше. Это – здесь, на месте, совершенно ясно". "Совсем другое дело здесь в Китае, я сразу совершенно реально и осязательно почувствовал и Индию, и тихоокеанскую мировую борьбу, и Японию, и, наконец, мировую историю"¹⁰.

Он считал, что "с чисто военной точки зрения Китай не является весомой величиной

³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 08, оп. 5, п. 3, л. 2.

⁴ Там же, л. 1.

⁵ Там же, л. 2.

⁶ Там же, л. 4.

⁷ Там же, л. 9, письмо № 3.

⁸ Там же, оп. 6, д. 18, л. 8, письмо № 7.

⁹ Там же, оп. 5, п. 3, л. 18–19.

¹⁰ Там же, л. 4. А.А. Иоффе – В.И. Ленину.

и мы можем с ним не считаться, но Китай – величайший козырь в нашей мировой игре, и с этой точки зрения с ним очень приходится считаться"¹¹.

Иоффе предложил свое видение внешней политики и в отношении Китая, отметив, что, по его мнению, "такая тактика яркой демонстративности нашей антиимпериалистичности" окажет "громадное влияние... на все борющиеся против мирового империализма народы"¹². Он продолжал отстаивать свою точку зрения, а именно – "мы в Китае должны вести ультрареволюционную и сверхантиимпериалистическую политику"¹³.

23 августа 1922 г., на второй день после приезда в Китай, Иоффе написал в Москву о своем взгляде на политику в Китае: "Скажу только, что наше положение здесь чрезвычайно выгодное, престиж невероятно высок, и мы нашу программу мировой антиимпериалистической политики можем развернуть в полном объеме и в самом широком масштабе"¹⁴.

Он выдвинул тезисы, ключевой идеей которых являлась необходимость борьбы с мировым империализмом в Китае, и полагал, "что для этой цели надо пожертвовать даже и кое-какими нашими интересами". "Если мы в Туркестане жертвуем даже серьезными нашими интересами, поддерживая местную национально-освободительную политику во имя осуществления нашей мировой политики, то еще больше надо это делать здесь, где резонанс гораздо более громкий". "Если В[ладимир] И[льич] был прав, когда писал мне, что "Туркестан – это Индия, это наша мировая политика", то еще в большей степени эти слова приемлемы к Китаю... Кроме того, у нас здесь почти никаких экономических интересов и нет, если не стоять на империалистической точке зрения"¹⁵.

Иоффе предлагал такую тактику в Китае: "Категорический отказ от обсуждения какого бы то ни было вопроса особняком. Все вопросы рассматриваются на общей конференции, на которой заключается полный договор о политических, дипломатических и экономических отношениях. Во время этой конференции мы проявляем максимум уступчивости, целиком стоим на позиции караханской ноты от 20 года. И в монгольском вопросе, и в вопросе о КВЖД, в вопросе о русских концессиях мы выговариваем себе только те права, которые не имеют ни намека на империализм. Одним словом, используем переговоры для упрочения симпатий к нам угнетенных народов и демонстрации отличности нашей политики от политики других держав"¹⁶.

Он выдвинул предположение, что, "либо наша мировая политика по-прежнему сводится к борьбе против мирового империализма за мировую революцию, или нет. Если нет, то я, значит, нашей нынешней мировой политики не знаю и не понимаю и, следовательно, не могу проводить ее в жизнь. Если да, то работа в Китае должна носить еще более демонстративный, агитационно-пропагандистский характер, нежели какая бы то ни было наша работа до сих пор, ибо в Китае наибольший резонанс и наиболее легкис и реальные возможности демонстрации"¹⁷.

Иоффе утверждал, что "нельзя нам самим выдвигать требования к Китаю, хоть немного пахнувшие империализмом, нельзя, коротко говоря, в переговорах с Китаем не стоять фактически, т.е. не на словах, а на деле, на почве наших превосходных деклараций 19 и 20 гг. Ибо только эти декларации превратили в Китае ненависть к царской России в преклонение перед новой Россией, и только вера в то, что мы исполним эти наши обещания, создает нам такую популярность"¹⁸.

Он неоднократно предупреждал о том, что "хоть одного нашего империалистичес-

¹¹ Там же, л. 9.

¹² Там же, л. 5. А.А. Иоффе – В.И. Ленину.

¹³ Там же, л. 18, письмо № 4.

¹⁴ Там же, л. 3–4, письмо № 1.

¹⁵ Там же, л. 6, письмо № 1.

¹⁶ Там же, л. 6, письмо № 1.

¹⁷ Там же, л. 5. А.А. Иоффе – В.И. Ленину.

¹⁸ Там же, л. 10.

кого или полумпериалистического требования Китаю будет достаточно, чтобы испортить всю нашу китайскую политику. А крах нашей китайской политики, по моему глубочайшему убеждению, означает крах нашей мировой, антиимпериалистической политики вообще"¹⁹.

Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) оспорил суждения Иоффе. 30 ноября 1922 г. Л.М. Карахан написал Иоффе: "Из последних писем, Вашего на имя Владимира Ильича и Давтяна на имя Георгия Васильевича, видно, что у Вас есть совершенно неосновательные опасения насчет нашей внешней политики по отношению к Китаю: и Вы, и Давтян указываете на совершенную недопустимость применения нэпа к нашей внешней политике. Я думаю, что эти Ваши опасения ни на чем не основаны. Несомненно, наша политика 22 года значительно отличается от политики 18–19 гг., но она отличается не тем, что мы в основных принципах ее идем на недопустимые компромиссы, а отличается только тем, что наша политика сегодняшнего дня имеет меньше декларативный характер, а больше деловой. Если взять наши первые переговоры с Эстонией, то ведь те 15 миллионов золотом, которые мы дали эстонцам, помимо того, что они имели значение подкупа, также имели в значительной степени характер декларации, а не делового соглашения. Мы сейчас вступили в такой период нашего внешнего положения, что каждая пядь Советской земли и каждый советский рубль должны быть предметом нашего особого внимания, и мы без серьезной борьбы не можем уступать другим державам ни одного реального блага"²⁰.

Иоффе продолжал настаивать на своей точке зрения, заявляя, что "главным элементом нашей политики на Востоке вообще, и в Китае в особенности, должна быть демонстрация полного ее бескорыстия"²¹. Говоря о себе как о "большом стороннике нэпа", он тем не менее полагал, что переход внешней политики Советской России на "коммерческий расчет" был бы "полным нашим крахом"²², а отказ Советской России от данных в декларации обещаний, пусть даже путем "ловкости рук", был бы "полной гибелью нашей политики в Китае, а в конечном счете началом нашей гибели вообще, ибо, став во внешней политике самыми обыкновенными империалистами, мы в гораздо большей степени перестаем быть ферментом мировой революции, чем если сдадим даже важные экономические позиции во внутренней политике"

Разногласия между полпредом ЦК РКП(б) и НКИД поставили вопрос об отношениях между ними. В ответ на переданное Караханом постановление ЦК РКП(б), гласившее: 1. "Полпреды подчиняются непосредственно НКИД, с которым сносятся по всем вопросам и распоряжения которого для полпредов безусловно обязательны. 2. Полпреды имеют право обжаловать распоряжения НКИД до разрешения вопроса в ЦК", Иоффе с возмущением писал: "Вышеуказанную бумажку я понимаю только в смысле подчинения полпредов Коллегии лишь в административно-финансовом отношении и по-прежнему оставляю за собой право не приводить в исполнение политических решений даже самого ЦК, если они мне кажутся несуразными и если я предварительно не высказал всех своих соображений против"²³.

Иоффе отстаивал тактику, заключавшуюся в том, что нельзя вести переговоры с китайским правительством в тогдашних условиях, необходимо использовать все дипломатические возможности для оттяжки этих переговоров.

Особая позиция Иоффе накладывала свой отпечаток на советскую внешнюю политику в отношении Китая. Переговоры и заключение договоров с пекинским правительством застопорились, одновременно налаживалась тесная связь полпреда Советской России в Китае с Сун Ятсенем и его партией.

Китайская Восточная железная дорога (КВЖД) была одной из самых болезненных

¹⁹ Там же, л. 10.

²⁰ Там же, д. 17, л. 1. Л.М. Карахан – А.А. Иоффе, 30 сентября 1922 г.

²¹ Там же, д. 18, л. 2, письмо № 2.

²² Там же, л. 10, письмо № 2.

²³ Там же, оп. 6, п. 4, д. 8, л. 2. А.А. Иоффе – Л.М. Карахану, 17 марта 1923 г.

проблем китайско-советских отношений и одновременно предметом серьезных и горячих споров в высшем руководстве Советской России.

Основными участниками спора стали наркоминдел Г.В. Чичерин, глава наркомфина Г.Я. Сокольников, Л.М. Карахан, представлявший НКВД и ЦК, и полпред в Китае А.А. Иоффе. Узлом разногласий стал вопрос о том, сдержать ли России свое обещание о безвозмездном возвращении КВЖД Китаю или отказаться от него, выдвинув дополнительные условия.

Чичерин придавал КВЖД большое значение. В ноябре 1922 г. он писал Иоффе в Китай: "Никаких уступок мы не должны делать и по вопросу о Восткижельдороге... Наш договор с Китаем о Восткижельдороге имеет скорее характер программы нашей будущей борьбы в Маньчжурии. Отвоевывать ее придется когда-нибудь нам. Скопившиеся там белогвардейцы и японцы будут непрерывно угрожать и Чите, и Владивостоку. Сейчас мы еще не можем этого делать, но в недалеком будущем нам придется взяться за Маньчжурию. Воскижельдорогу придется отвоевывать нам. Мы признаем теоретически собственность китайского народа на Восткижельдорогу, но безусловно требуем себе права военных гарнизонов и требуем управления Восткижельдорогой посредством смешанной комиссии"²⁴. Таким образом, Чичерин рассматривал КВЖД преимущественно с точки зрения ее политической и военной значимости.

В отличие от дипломатов Наркомфин и другие функциональные ведомства отводили большую роль экономическому аспекту. В результате обозначились три варианта решения проблемы: сдержать свое обещание и безвозмездно вернуть КВЖД Китаю в обмен на военные и другие гарантии; потребовать в качестве компенсации значительную сумму; поставить вопрос о передаче КВЖД Советской России на правах коммерческой концессии.

Чичерин открыто возражал против предложений Сокольников, считая их "экономически невыгодными и политически вредными, нарушающими торжественные заявления Советской России и противоречащими уже официально сообщенной Китаю программе, которая способна куда эффективнее охранять политические и экономические интересы Советской России. Чичерин подчеркивал в письме к Сталину от 7 ноября 1922 г.: "И. Сокольников требует, чтобы мы взяли с Китая за Восткижельдорогу выкупную сумму. После того как нами было официально заявлено о безвозмездной передаче Китаю Восткижельдороги, внезапное взятие обратно этого заявления и выставление требования о значительной сумме недопустимо и дискредитировало бы нас. Но и по существу это для нас совсем невыгодно, ибо всем отлично известно, что Китаю нечем платить, или выкупная сумма останется на бумаге, и мы будем вечными кредиторами, что поставит на совершенно ложные рельсы все наше положение в Китае и даже в международном масштабе подорвет нашу нынешнюю политику или Китай возьмет выкупную сумму для уплаты нам у Америки, и мы выкуп получим, а железная дорога перейдет в руки Америки. Это совершенно противоречило бы нашим интересам на Дальнем Востоке и политическим, и экономическим".

Чичерин считал, что требование коммерческой концессии также противоречит официальным заявлениям, ибо "передача с требованием передачи не есть передача". И по существу "это для Советской России вредно. Ибо все убытки Воскижельдороги падали бы на Совроссию. Воскижельдорога и прежде приносила большой убыток, и тем более теперь, после значительного ослабления товарообмена, она, несомненно, будет приносить еще гораздо больший убыток. По предложению т. Сокольников нам пришлось бы все это брать на себя"²⁵.

Чичерин выдвинул свое предложение: "Несравненно выгоднее во всех отношениях и в то же время политически корректна та программа, которая была нами уже официально принята и сообщена Китаю. Мы передаем безвозмездно и в полную

²⁴ Там же, оп. 5, п. 3, д. 17, л. 4. Г.В. Чичерин – А.А. Иоффе, 17 октября 1922 г.

²⁵ Там же, оп. 6, п. 5, л. 45–47.

собственность Китаю Восткижелезнодорогу, но, согласно с нашим заявлением 1920 года, мы определяем условия функционирования железной дороги. Мы требуем не компенсаций, а гарантий, военных и экономических". Далее он обобщает: "Центральная мысль нашей программы – не компенсации, а гарантии. Если Китай у нас выкупил железную дорогу, мы уже не можем больше ею распоряжаться. Если же мы ее передали безвозмездно, мы можем это обставить гарантиями, которые дадут в наши руки фактически полное распоряжение дорогой"²⁶.

Тогда же в письме зампреду Совнаркома Л.Б. Каменеву и Сокольникову Чичерин развил свои взгляды: "Заявление о безвозмездном возвращении Восткижелезнодороги Китаю было в самой торжественной форме сделано в 1920 г. Единственное, что теперь может быть проведено, фактически проводится, – это определение условий возвращения дороги. Под этими условиями подразумеваются военные и экономические гарантии... К военным гарантиям относится требуемое нами право содержания наших гарнизонов, причем мы заявляем, что мы возвращаем железную дорогу в полную собственность Китаю, но что временно, ввиду неустановившегося положения дел в Китае, мы должны защищать безопасность наших границ и транзит при помощи наших гарнизонов... В экономическом отношении нам требуется свободный и беспопынный транзит... В качестве гарантии было официально принято и было выдвинуто в переговорах с Китаем создание смешанной комиссии из РСФСР, ДВР и Китая, в качестве высшей инстанции над управлением дороги и над администрацией полосы отчуждения. Эта система также была выставлена как гарантия в соблюдении наших законных экономических интересов. Это есть максимум, который может быть нами истребован ввиду сделанных ранее заявлений, и об этом уже было сообщено много раз официально Китайскому правительству"²⁷.

С целью координации линии отдельных ведомств Сокольников и Серебряков (нарком путей сообщения) приняли участие в совещании коллегии НКВД и выработали коллективное решение, о чем Чичерин написал Сталину: "Ввиду постановлений Вашингтонской конференции, признавшей КВЖД собственностью России и в то же время принявшей неприемлемые для нас условия для желдороди, являющейся собственностью Китая, Россия сохраняет за собой [как] собственность КВЖД, но как друг восточных народов, как враг империализма отказывается от политических правовых привилегий и готова идти на уступки, как сужение полосы отчуждения. Как уступка предлагается Китаю досрочный выкуп на льготных началах с условием, что дальнейшая передача дороги может быть сделана Китаем только с нашего согласия. Ввиду этого на нашем совещании решили принять как отправную точку не передачу Восткижелезнодороги Китаю, а ее сохранение в руках России. Совещание тоже приняло два пункта о наших гарнизонах и смешанной форме управления с нашим большинством".

Компромиссная платформа, выработанная НКВД и НКФ, представляла, по мнению Чичерина, ряд дипломатических преимуществ: она была невыгодна в агитационном отношении, ибо "сохранение дороги – не передача Китаю". В то же время невыгодность первоначальной платформы заключалась в том, что "пришлось бы чрезвычайно долго дипломатически возиться с ее проведением"²⁸.

В последние годы в Китае оживилась дискуссия о двух вариантах первого Обращения Советской России к Китаю. Точки зрения разные, но по существу они сводятся к тому, есть ли в этом Обращении пункт о безвозмездной передаче КВЖД Китаю, т.е. официальное обещание Правительства Советской России²⁹.

²⁶ Там же, оп. 18, п. 5, л. 45–47.

²⁷ Там же, л. 37–38.

²⁸ Там же, л. 37–38.

²⁹ От этого обещания Иоффе официально отказался в ответной ноте китайскому правительству в ноябре 1922 г. см. *Линь Цзюнь*. Указ. соч., с. 74–75. Карахан отказался от обещания под предлогом того, что это недоразумение, возникшее из-за ошибки переводчика. – Там же, с. 84; Внешняя политика СССР, сборник и документы, т. 6, М., с. 524–528.

В действительности, как мне кажется, не столь уж важно, был в опубликованном в "Известиях" от 26 июля 1919 г. Обращении пункт о безвозмездной передаче КВЖД Китаю или нет. Важно то, что в официальном дипломатическом документе, который был передан китайскому правительству полпредом НКЖД в Сибири и на Дальнем Востоке Янсоном 3 марта 1920 г., такой пункт присутствует, а значит, тогдашнее советское правительство действительно собиралось безвозмездно возвратить КВЖД Китаю³⁰.

Впрочем, даже не обращаясь к записи совещания политбюро о КВЖД и давно известному дипломатическому документу, врученному китайскому правительству 26 марта 1920 г.³¹, а используя только наличные исторические архивы – внутреннюю переписку между сотрудниками НКЖД, можно доказать, что правительство Советской России официально обещало безвозмездную передачу КВЖД Китаю, а потом отказалось от своего обещания.

В ноябре 1922 г. Чичерин прямо писал Каменеву: "Вопрос об условиях передачи Востокитжелдороги Китаю не является новым. Переговоры с Китаем по этому поводу продолжаются уже почти год. Официальная программа РСФСР по этому вопросу была в свое время выработана при участии всех заинтересованных учреждений и окончательно одобрена. Заявление о безвозмездном возвращении Востокитжелдороги Китаю было в самой торжественной форме сделано еще в 1920 году"³².

Сам Карахан, который, подписав первое Обращение к Китаю, потом отказался от обещания о безвозмездном возвращении КВЖД, под предлогом ошибки в переводе, в письме Иоффе был откровенен: "Нельзя не согласиться, что наши декларации 19 и 20 гг., а также Ваше выступление в Китае о КВЖД несколько затрудняют проведение нашего решения, а главное могут создать в национальных кругах "плохое" впечатление, но мне кажется, что и широкому общественному мнению, и руководящим национальным кругам можно и должно разъяснить, что иначе при теперешнем положении в Китае мы поступить не могли"³³.

Относительно самого Обращения Карахан заметил: "Несомненно, наши декларации 19–20 гг. имели исключительное значение и создали нам в Китае исключительно благоприятное положение. Давтян пишет даже, что на Советскую Россию в Китае буквально молятся. Мне это особенно приятно слышать, ибо автором обеих этих деклараций являюсь я. Тем не менее я считаю, что далеко идущие обещания, которые мы дали в 19 и 20 гг., не могут быть нами полностью реализованы и претензии, которые идут со стороны китайских кругов, и их ожидания несомненно будут нами отвергнуты. К этому у нас есть много оснований. Мы не можем отказаться от Китвостжелдороги, имеющей для нас исключительное значение, поскольку в Китае нет прочного правительства, поскольку Китайское Правительство не является хозяином положения в Китае и поскольку всякое соглашение, связанное с Китвостжелдорогой и гарантирующее нам наши интересы, не только не может рассчитывать на осуществление и не может вызывать даже с нашей стороны серьезного доверия. Я думаю, что Вы лучше меня найдете тысячу и один аргумент для того, чтобы доказать китайской общественности невозможность для нас с абсолютной точностью осуществить спустя два-три года обещания, данные в известных декларациях"³⁴.

Относительно того, как корректно заявить об отказе, Карахан писал Иоффе: "Совершенно понятно, что такой отказ наш от прежних обещаний не может быть сделан сразу, что необходима предварительная обработка общественного мнения и прессы, чтобы наша новая позиция не была бы использована против нас. В этом отношении в искреннее и доверчивое отношение, которое имеется к нам в Китае, Вам придется внести некоторый элемент, расхолаживающий китайцев и несколько охлаж-

³⁰ Линь Цзюнь. Указ. соч., с. 233–234 (приложение).

³¹ Там же, с. 234–236.

³² АВП РФ, ф. 08, оп. 6, п. 18, л. 37–38.

³³ Там же, п. 4, д. 7, л. 4–6.

³⁴ Там же, п. 3, д. 17, л. 2–3.

дающий их горячие симпатии к нам. Но что делать – другого выхода нет, и из-за прекрасных глаз китайских националистов мы не можем отдать им Китайско-восточной дороги, которая стоит русскому народу колоссальных средств"³⁵.

Карахан понимал, что предстоит трудная и неприятная работа: об отказе надо было говорить Иоффе, что ставило полпреда в нелегкое и щекотливое положение. Сам Иоффе снова и снова предлагал "торжественно декларировать передачу прав собственности без всякого вознаграждения китайскому народу"³⁶.

Иоффе открыто критиковал ошибочный, по его мнению, подход политбюро к вопросу о КВЖД: "Я считаю решение Политбюро глубоко неправильным и чрезвычайно вредным... Наконец, нужно иметь в виду, что, по мнению всех авторитетов и убеждению самих китайцев, КВЖД имела для России всегда исключительно политическое значение и была построена главным образом в целях экспансии и захвата Маньчжурии. Отказаться от КВЖД значит демонстрировать свое несогласие с империалистической политикой царизма оставить КВЖД за собой, или требовать ее выкуп китайцами после того, как, по их убеждению, мы уже обещали передачу ее Китаю, – значит продолжать политику царизма и подрывать окончательно доверие к себе"³⁷.

Иоффе предлагал решить вопрос о КВЖД не отрицательно, а комплексно. Он докладывал: "Гов. Пайкес был послан в Китай со "специальной миссией". Все эти годы мы вели в Китае такую политику, что упорно предлагали Китаю переговоры по отдельным вопросам, то по вопросу о КВЖД, то по вопросу о Монголии. Гов. Пайкес даже начинал кое-какие разговоры по обоим этим вопросам". "Ознакомившись с положением на месте, – продолжал Иоффе, – я вынес впечатление, что это самая ошибочная и самая вредная тактика, и предложил ЦК стать на другую точку зрения: настаивать на том, что все вопросы рассматриваются только совместно на общей русско-китайской конференции и мы категорически отказываемся вести отдельные переговоры по отдельным вопросам, и в том числе по Монгольскому и КВЖД... Поэтому я на всех перекрестках трубил, что мы вовсе не настаиваем на каких-либо переговорах, цель моего приезда в Китай вовсе не какие-либо переговоры (как писали все газеты), но налаживание дружественных взаимоотношений с китайским народом, к национально-освободительной борьбе которого с такой симпатией относится русский народ"³⁸.

Вопрос о КВЖД, продолжал Иоффе, ЦК уже однажды рассматривал. Когда поехал в Китай Пайкес, как писал Чичерин, "он стал настаивать на том, чтобы требовать от Китая компенсаций, а не гарантий, причем аргументировал тем, что мы этих гарантий не добьемся, что, по всем видимостям, неверно. Политбюро тогда подтвердило нашу официальную программу в противоположность возражениям Пайкеса"³⁹.

Касаясь выписки из протокола заседания политбюро с решением о КВЖД, Иоффе заметил: «Вы хотите получить с Китая деньги за КВЖД, ибо все остальное в этом решении, строго говоря, одна "только беллетристика"»⁴⁰. Он резко осудил Карахана: "Если не перед вами, то перед историей я в сотый раз заявляю, что принятое решение о КВЖД является максимально скверным и глубоко вредным для всей нашей мировой политики"⁴¹.

Разногласия по вопросу о КВЖД, казалось, закончились компромиссом: не безвозмездная передача и не выкуп дороги Китаем, а совместная ее эксплуатация двумя странами.

Еще одним камнем преткновения являлся вопрос о Монголии. Главными оппонентами здесь выступали снова Иоффе и Чичерин.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, п. 3, 9, 18, л. 28, письмо № 4.

³⁷ Там же, л. 14, письмо № 5.

³⁸ Там же, п. 3, д. 18, л. 1–2.

³⁹ Там же, оп. 6, порт. 15, п. 5, с. 41–43.

⁴⁰ Там же, п. 4, д. 9, л. 10, письмо № 9.

⁴¹ Там же, д. 8, л. 4. А.А. Иоффе – Л.М. Карахану, 17 марта. 1923 г.

Уже говорилось, что Иоффе как яркий и непреклонный сторонник идеи мировой революции с самого начала не одобрял политику Советской России в Монголии.

Иоффе считал, что, "подчиняясь русской силе, Китай пошел в 1913 году на тройственную русско-монгольско-китайскую конференцию, в результате которой была признана автономия Монголии и последняя фактически была отторгнута от Китая и полуаннексирована Россией". Анализируя классовые отношения в Монголии, он писал: "Хотя, быть может, бурятские и монгольские пастухи и ощущают уже некоторый классовый антагонизм к китайским купцам, но классовая дифференциация и в Монголии, и в Китае далеко еще не так сильна, чтобы победить чувства национальной солидарности. Пока Китай, бесспорно, еще находится в стадии национальной, но не классовой освободительной борьбы". Советизация Монголии, по его мнению, явилась не "результатом последовательно-продуманного и организованного плана", а "все дело, следовательно, сводится к тому, что в монгольские времена тов. Чичерин меньше обращал внимание на Восток, нежели на туркестанские, и не оказал должного отпора местному головотяпству"⁴².

Полпред не одобрял пребывания Красной Армии на территории Монголии и полагал, что такое положение "настолько противоречит антимилитаризму и антиимпериализму нашей политики, что является блестящим козырем в руках врагов и сбивает с толку наших друзей". Это, по его мнению, мешало развернуть программу мировой антиимпериалистической политики в полном объеме и в самом широком масштабе⁴³.

Иоффе доказывал вредность проводимой в Монголии политики: "Если бы я не заявил, что мы не питаем никаких захватнических намерений по отношению к Монголии и не имеем в виду оставлять там своих войск, то вся наша политика была бы сильно испорчена. Монголия – самое уязвимое место нашей китайской политики и единственный козырь в руках империалистов против нас. Они и стараются этот козырь посылно использовать"⁴⁴. "Когда мы начинаем становиться на точку зрения защиты созданного нами же Монгольского Правительства, в глазах широких масс мы начинаем уподобляться империалистам, которые тоже ведь всегда имеют подобные предлоги: либо "особые" интересы, либо прежние обязательства перед другими властями"⁴⁵.

Вместе с тем Иоффе не согласился с принципом самоопределения: "По-моему, можно отказаться от медленного вывода наших войск из Монголии, можно даже в случае необходимости ввести наши войска в Северную Маньчжурию, но нельзя защищать автономию Монголии и ни в коем случае нельзя требовать участия Монгольского Правительства при разрешении монгольского вопроса"⁴⁶. "И надо все же признать, – продолжал он, – что с точки зрения революционной внешней политики было бы величайшей ошибкой делать из принципа самоопределения народов какую-то особенную догму. Мы отлично знаем, что и сам этот принцип вовсе не наш и, в сущности говоря, чрезвычайно противоречит классовому принципу, и мы сделали его своим лозунгом вовсе не из соображений принципиальных, но из тактических, агитационных только потому, что он для данного времени и условий является наиболее удобным, подходящим и необходимым, с этой точки зрения заявлять о том, что мы вообще всегда и везде должны защищать интересы маленьких народов, как, по-видимому, теперь полагает НКВД, было бы глубоко ошибочным"⁴⁷.

Он ставил вопрос: "Я никак не могу понять, почему именно буряты Монголии, которых мы величаем монгольским народом, столь милы сердцу нашему, что мы в

⁴² Там же, оп. 5, п. 3, д. 18, л. 8, 9, письмо № 1.

⁴³ Там же, л. 3, письмо № 1.

⁴⁴ Там же, л. 4, письмо № 2.

⁴⁵ Там же, л. 5.

⁴⁶ Там же, п. 3–9, д. 18, л. 9–10, письмо № 4.

⁴⁷ Там же, л. 27.

угоду им должны жертвовать всей нашей дальневосточной политикой и рикошетом – всей нашей мировой политикой"⁴⁸.

Чичерин категорически не согласился с мнением Иоффе. Он убеждал последнего, что "создание народно-революционного правительства в Монголии было одним из крупнейших успехов политики. Советизации там нет, и для нее в Монголии нет почвы. Это хорошее демократическое народное правительство первобытной национальности, представляющей благоприятную почву для такого строя"⁴⁹.

Чичерин обосновывал свое мнение с точки зрения интересов монгольского общества и Советской России. "Народные массы Монголии ждали нас и шедшую вместе с нами революционную монгольскую армию, как избавителей. Монгольское нарревправительство пустило глубокие корни в массах, оно удачно борется с теократизмом и с феодальными князьями... Это громадная страна со скудным двухмиллионным населением впервые в истории имеет народное демократическое правительство. Понятно, оно не может сразу создать весь государственный аппарат, и, в частности, народно-революционная армия находится лишь в первоначальном процессе создания. Сами монголы умоляют нас не уходить и оставить гарнизон в Урге для защиты их от всяких белогвардейцев, японцев, хунхузов и от войск Чжан Дзо-Лина. Мы не имеем права бросать их на произвол судьбы и на верную гибель. Это противоречит притом элементарнейшим нашим интересам, ибо Монголия в руках белогвардейцев, японцев или других авантюристов держала бы громаднейшую нашу сибирскую границу под вечной угрозой".

Относительно самоопределения нации Чичерин отметил: "Итак, полное самоуправление Монголии должно быть неприкосновенным и должно нами поддерживаться"⁵⁰.

О тактике российской политики в Монголии Чичерин писал: "Претензия Китая будет в достаточной мере удовлетворена теоретическим признанием его суверенитета и в крайнем случае суверенитета, без права вмешательства в дела Монголии и в особенности без права держать там войска. Мы ни в коем случае не можем идти на одновременное занятие Монголии нашими и китайскими войсками, это непременно поведет к кровопролитию и это будет совершенно неприемлемо для самих монголов. Мы заявляем категорически, что наши войска останутся в Монголии по просьбе самого монгольского правительства лишь до тех пор, пока Монголия не сможет сама себя защищать. Мы ни в коем случае не будем оставаться дольше в Монголии. Но устанавливать срок этого мы не имеем возможности. Мы только заявляем, что пребывание наших войск в Монголии является временным"⁵¹.

"Теоретическое признание суверенитета или в крайнем случае суверенитета Китая есть достаточное удовлетворение его национального самолюбия, – продолжал Чичерин. – Монголия всегда была полусамостоятельной страной, это не провинция Китая, это не восточный Туркестан, где китайская администрация и китайский генерал-губернатор, это совсем особая страна, где в течение веков господствовал свой теократический монарх Хутухта-богдо, живой Будда. Нынешний живой Будда – прогрессивно настроенный человек и первый из живых Будд женился, причем мадам Будда, как ее называют, была одной из главных движущих сил демократии Монголии и поддерживала нарревпартию в ее сношениях с Хутухтой"⁵².

Чичерин уделял большое место отношениям с монгольским правительством. По его мнению, "нынешняя сердечная дружба с монгольским нарревправительством есть для нас очень важный политический плюс, и мы не должны лишать себя этой силы и этой опоры. На что-либо большее, кроме признания суверенитета или в крайнем случае

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, п. 3, д. 17, л. 1. Г.В. Чичерин – А.А. Иоффе, 17 октября 1922 г.

⁵⁰ Там же, л. 2.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, л. 1.

суверенитета Китая, монголы добровольно не пойдут, а насиловать их волю мы не должны. Надо относиться повнимательнее к психике маленького народа"⁵³.

Чичерин успокаивал Иоффе, отмечая, что "на востоке нельзя все принимать за чистую монету. Главное – не спешить, не впадать в нервное состояние и сохранять полное терпение и выдержку. Нам нечего торопиться с этим договором. Настаивайте на нашей точке зрения. Тяните, не рвите ни в коем случае. Разрыва не будет. Вас из Пекина не погонят. Оставайтесь совершенно спокойным при всех этих устрашающих разговорах. Неизменно сохраняйте самый дружелюбный и выдержанный тон. Пройдет время – и китайцы с полной готовностью пойдут на нашу комбинацию с Монголией"⁵⁴.

Разногласия между Чичериным и Иоффе по вопросу о Монголии завершились тем, что последний остался при своем особом мнении. Иоффе добился удачного для Советской России соглашения с Сун Ятсеном, что создавало для Москвы выгодные позиции в решении монгольского вопроса.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ

Статья китайского исследователя Линь Цзюня "Советская Россия и Китай в начале 20-х годов. Разногласия в советском руководстве (по документам Архива внешней политики РФ)" содержит значительное количество ретроспективной архивной информации.

Концепция статьи, судя по использованным автором цитатам из архивных документов, а в основном писем А.А. Иоффе, состоит в том, чтобы обосновать тезис о наличии со стороны советского правительства якобы империалистических устремлений в отношении Китая в 1920-х годах. Империализм усматривается в наличии экономических интересов и материальной заинтересованности в вопросе о функционировании Китайско-восточной железной дороги (КВЖД).

Одновременно автор хотел бы, очевидно, ознакомить читателей со взглядами Иоффе на желательный, с его точки зрения, курс в отношении Китая, который бы позволил сделать Китай козырем в антиимпериалистической борьбе. Такой курс предусматривал бы "пожертвование даже кое-какими нашими интересами в Китае и Монголии". Из содержания подобранных цитат Иоффе вытекает, что это в основном должны были быть экономические и военные интересы.

В статье содержатся некоторые неточности в отношении должности самого Иоффе в Китае. Линь Цзюнь называет его "полпредом ЦК РКП(б)", в то время, как Иоффе в 1922–1924 гг. был "представителем СССР в Китае". Видимо, это также нацелено на то, чтобы повысить в глазах читателя статус Иоффе как политического деятеля и представить его чуть ли не как члена советского руководства. Такая линия ведет к преувеличению действительной роли Иоффе в указанные годы.

Ближе к истине, как представляется, находится попытка автора указать на разные подходы в отношении судьбы КВЖД между руководством Наркомата иностранных дел и Наркомата финансов. Однако эти несовпадающие точки зрения, видимо, было бы все же чрезмерно квалифицировать как "разногласия в советском руководстве" по китайскому вопросу, так как по тем временам шла нормальная дискуссия перед принятием решения, и в дальнейшем различные точки зрения были учтены в 1924 г. при заключении советско-китайских соглашений по КВЖД.

Кроме того, вопрос об этой дискуссии трудно отделим от анализа существования секретного договора 1896 г. с Китаем о союзе и постройке КВЖД, который предусматривал и создание военного союза двух государств. Эту связь договора 1896 г. с

⁵³ Там же, л. 2.

⁵⁴ Там же.

дискуссией о КВЖД в начале 20-х годов, как представляется, автор статьи вообще оставляет в стороне, что создает превратное впечатление о "пользе для России" односторонних уступок Китаю для превращения последнего в "козырную карту" в борьбе России с Японией, США и другими державами за роль и влияние на Дальнем Востоке.

Не нашло в статье места и обоснование того, что уже в самом Договоре 1896 г. были заложены позиции о бесплатной передаче КВЖД Китаю через определенный срок и о возможности выкупа железной дороги Китаем в более ранние сроки. Таким образом, то, что Линь Цзюнь стремится представить в качестве разногласия в советском руководстве по Китаю вообще, в действительности могло быть более точно квалифицировано как вполне нормальное обсуждение по дипломатическим каналам, как поступить с положениями договорного акта, который в свое время был крупным положительным шагом в русско-китайских отношениях и продолжал играть важную роль. На это, как известно, указывают и последовавшие затем события вокруг железной дороги, имевшей важное геополитическое значение.

В силу этих причин статья представляет сравнительно узкий научный и политический интерес; ее положительной стороной, однако, можно считать то, что она вводит в научный оборот новые архивные источники из АВП РФ и тем самым способна стимулировать интерес читателей и желание ученых принять участие в более глубокой научной дискуссии по этой важнейшей исторической теме.

© 1997 г.

В.А. ТВАРДОВСКАЯ, Б.С. ИТЕНБЕРГ

К. МАРКС И М.А. БАКУНИН: БОРЬБА ИДЕЙ И АМБИЦИЙ

ЗНАКОМСТВО

Михаил Александрович Бакунин был первым из русских, кто открыто выступил против К. Маркса – его идей, его авторитета. Их ожесточенная борьба была вызвана противоположными, несовместимыми представлениями о жизни общества, революции, государства, социализма.

Объективно и непредвзято оценить взаимоотношения Маркса и Бакунина впервые попытался Эдуард Бернштейн в работе "Карл Маркс и русские революционеры", написанной в 1907–1908 гг. Немецкий социал-демократ считал, что вражда между Марксом и Бакуниным была обусловлена "в высокой степени различиями в направлении мышления обоих знаменитых социалистов", но эти разногласия получили "особое обострение вследствие примеси личных моментов". По мнению Бернштейна, Бакунин в этой ситуации "выступает, несомненно, в более благоприятном свете, чем его противник"¹.

В марксистской историографии господствовала, разумеется, противоположная точка зрения, согласно которой все беды в международном социалистическом движении 60–70-х годов XIX в. произошли из-за раскольнической политики Бакунина. Деятельность же Маркса и его окружения признавалась полностью оправданной. Поэтому один из лидеров французских коммунистов Ж. Дюкло свою книгу и назвал весьма симптоматично: "Бакунин и Маркс. Тень и свет"². Бакунин это, естественно, "тень", а Маркс – "свет".

Михаил Александрович Бакунин – сын тверского помещика, потомок древнего дворянского рода – родился 18 мая 1814 г. в имении Премухине. До 14 лет он получал образование от своего отца Александра Михайловича и дяди. Мальчик свободно говорил на французском, немецком и итальянском языках, глубоко понимал и любил музыку, играл на фортепиано, увлекался рисованием. Сохранился автопортрет, написанный в 1838 г. акварелью: умный пытливый взгляд серо-голубых глаз, каштановые густые вьющиеся волосы, прозванные позднее современниками львиной гривой, выразительный рот.

В 1828–1833 гг. Бакунин учился в Артиллерийском училище в Петербурге; служил офицером в чине прапорщика, в 1835 г. вышел в отставку. Во второй половине 30-х годов жил в Москве, играл видную роль в кружке Н.В. Станкевича, был близок с В.Г. Белинским, А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. Увлекался немецкой идеалистической философией, затем Гегелем.

23 марта 1840 г. Михаил Александрович обратился с письмом к родителям, в котором, ссылаясь на свою "любовь к науке", сообщал, что собирается отправиться в Берлин, но для этого ему нужны средства. Отец ответил обещанием помочь, но

Представленная статья – глава из подготовленной авторами монографии "Русские и Маркс: выбор или судьба?".

¹ Бернштейн Э. Карл Маркс и русские революционеры. Харьков, 1923, с. 13, 37 (пер. с нем.).

² Дюкло Ж. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975.

затем в деньгах отказал. Выручил Герцен – он дал своему другу 2000 рублей. Поездка состоялась.

В 1840 г. Бакунин уехал за границу (Германия, Швейцария, Франция), где примкнул к левым гегельянцам. Новые радикальные воззрения Бакунина нашли выражение в вышедшей в 1842 г. в Берлине под псевдонимом Ж. Элизар статье "Реакция в Германии", свидетельствующей о серьезных сдвигах в его взглядах³. Они оказались близки революционно-демократической позиции Маркса той поры. Уже в 1843 г. на деятельность Бакунина обратила внимание царская полиция, потребовавшая его срочного возвращения на родину, но он отказался подчиниться и за это в 1844 г. был заочно приговорен к лишению всех прав и состояния, а в случае явки в Россию – к каторжным работам в Сибири. В 1844–1847 гг. Бакунин жил в Париже, часто общался с Марксом, с которым познакомился здесь же в 1844 г.

Хотя Маркс был моложе Бакунина на четыре года, он в своем развитии, в опыте политической борьбы значительно превосходил своего нового русского знакомого. "Маркс, – писал Бакунин в 1871 г., – был тогда гораздо более крайним, чем я, да и теперь он если не более крайний, то несравненно учнее меня. Я тогда и понятия не имел о политической экономии, и мой социализм был чисто инстинктивным. Он же, хотя и был моложе меня, уже был атеистом, ученым материалистом и сознательным социалистом. Именно в это время он вырабатывал первые основания своей настоящей системы. Мы довольно часто встречались, потому что я очень уважал его за его знания и за его страстную и серьезную преданность делу пролетариата, хотя к ней всегда примешивалось личное тщеславие"⁴. Симпатии к личности Маркса Бакунин не почувствовал уже тогда, относясь к нему критически, отмечая, в частности, его тщеславие. Однако влияние его идей испытал, усвоив некоторые из них достаточно прочно. По словам Бакунина, Маркс "доказал ту несомненную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей историей человеческого общества, народов и государств, что экономический факт всегда предшествовал юридическому и политическому праву. В изложении и в доказательстве этой истины состоит именно одна из главных научных заслуг г. Маркса"⁵. Расположению Маркса к Бакунину сильно помешало сближение последнего с Прудоном, которого Бакунин поддерживал в его полемике с Марксом.

Революционные события 1848 г. надолго разлучили Бакунина и Маркса. Февральская революция во Франции застала Бакунина в Брюсселе. 26 февраля он добрался до Парижа, покрытого баррикадами, и стал вскоре свидетелем жестокого подавления революционных сил. Летом 1848 г. Бакунин участвовал в Славянском съезде в Праге. Страстный сторонник освобождения славян от монархических правительств России, Австрии, Пруссии, он призывал к славянской федерации. В мае 1849 г. Бакунин стал одним из руководителей Дрезденского восстания, после разгрома которого его арестовали. "Приговоренный к смертной казни, замененной пожизненным заключением, Бакунин был выдан австрийским правительством царским властям. После 6 лет пребывания в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях в 1857 г. Бакунин был сослан в Сибирь. В хлопотах о его освобождении принимал участие среди других и П.В. Анненков. В 1861 г. Бакунин бежал через Японию и Америку в Лондон. Выдача революционера австрийскими властями правительству Николая I вызвала возмущение Маркса и Энгельса. Узнав о его бегстве из Сибири, Энгельс 27 ноября 1861 г. писал Марксу: "Побег Бакунина меня очень обрадовал. Бедняга, наверное, порядком настрадался. Совершить таким способом путешествие вокруг света!"⁶.

Прибыв в конце 1861 г. в Лондон, Бакунин находился там до февраля 1863 г., но с Марксом ни разу не встречался. Причиной тому была неверная информация,

³ *Elisar J. Reaktion in Deutschland. – Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst, 1842, № 247–251.*

⁴ Цит. по: *Стеклов Ю.М. М.А. Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. 1–IV. М.–Л., 1926–1927; т. I, с. 189.*

⁵ *Бакунин М.А. Избр. соч., т. 1. Пг.–М., 1919, с. 246–247.*

⁶ *Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 30, с. 164.*

полученная Бакуниным и касающаяся отношения к нему Маркса. Сам же Маркс продолжал проявлять интерес к русскому революционеру, возмущался поведением английского дипломата, реакционного публициста и политического деятеля, основателя и редактора газеты "Фри пресс" Давида Уркарта, оклеветавшего в своей газете Бакунина, назвав его "русским шпионом". "Прилагаю донос этого субъекта на Бакунина, которого я не видел. Он живет у Герцена", – писал Маркс Энгельсу 28 февраля 1862 г.⁷

47-летний Бакунин был полон энергии, фанатично верил в близость новой революции в Европе. Между тем многое изменилось за годы его тюрьмы и ссылки. Десятилетие, наступившее после поражения революции 1848–1849 гг., характеризовалось господством общеевропейской реакции. Для основоположников научного социализма это было время напряженной деятельности. Анализ опыта революции 1848–1849 гг., поиски путей возрождения рабочего движения в Англии, Франции, Германии и других странах, возможности сочетания социалистических и демократических задач пролетариата – все это занимало Маркса и Энгельса.

На рубеже 50–60-х годов в Европе наметились признаки общественного подъема. Оживилось рабочее движение, возросло влияние социалистических идей. Восстание в Польше в 1863 г. поглотило все внимание Бакунина. Находясь в Швеции, он активно ему содействовал, связывая с ним развитие общеславянской освободительной борьбы. После подавления восстания деятельность Бакунина оказалась связанной с европейским социалистическим и рабочим движением.

К середине 60-х годов сложилась в основных чертах анархистская доктрина Бакунина. "Теоретическая основа бакунизма, – по словам исследователя, – не была оригинальной: его теория возникла на той же социальной базе, что и другие социальные утопии; как и они, она была отражением нарастающего протеста угнетенных, безмерно эксплуатируемых масс, не ждущих более спасения от государств и стихийно стремящихся к более свободным формам организации жизни"⁸. Отрицая всякую власть в какой бы то ни было форме, Бакунин выступал за безгосударственное общественное устройство в виде федерации самоуправляющихся общин. Идеи Бакунина принципиально отличались от установок Маркса и Энгельса на использование государства как орудия социалистических преобразований.

Но по отношению к судьбе будущего государства у Бакунина и Маркса наблюдались некоторые общие тенденции, отмеченные В.И. Лениным: "Маркс сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за "разбитие" современной государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном, и с Бакуниным) ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте"⁹. Но в главном анархистские воззрения Бакунина неизбежно вступали в противоречия с политической программой Маркса и Энгельса, их воззрениями на борьбу пролетариата за власть. Подготовка вождями пролетарского движения к этой борьбе рассматривалась Бакуниным как деятельность не революционная, а реформистская. Он критиковал их за излишнее доктринерство и проявление узости в понимании задач "освобождения человечества". Конфликт между Бакуниным и Марксом был неотвратим.

ДВА ИНТЕРНАЦИОНАЛА – ЛЕГАЛЬНЫЙ И ТАЙНЫЙ

28 сентября 1864 г. в Лондоне было создано "Международное Товарищество Рабочих" – Первый Интернационал. Вскоре известие об этом дошло до Стокгольма, и Бакунин в октябре 1864 г. отправился в Лондон. Несомненно, образование Интернационала с его "утверждением идей грядущей диктатуры пролетариата активизировало деятельность Бакунина по созданию тайной организации, которая, по его словам,

⁷ Там же, с. 175.

⁸ Пирумова Н.М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М., 1990, с. 155.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 53.

исключала всякую идею диктатуры и "опекунской правящей власти". Испытав известное влияние идей Маркса, Бакунин так и не смог принять его авторитаризма¹⁰.

Организацией своего собственного Интернационала Бакунин был озабочен еще в Швеции¹¹. Позднее, в 1866 г., в ответ на упреки Герцена и Огарева в бездействии он рассказал им о своих успехах и в этом деле, которым занимался с 1863 г.: "Единым предметом моей деятельности было основание и устройство интернационального революционно-социалистического тайного общества. После трехгодовой трудной работы я добился положительных результатов. Есть у нас друзья в Швеции, в Норвегии, Дании; есть в Англии, Бельгии, во Франции, Испании и в Италии; есть поляки, есть даже несколько русских"¹². Таким образом, Бакунин признавался, что уже в течение трех лет он был занят созданием тайной анархистской организации, скрывая это не только от западноевропейских социалистов, но и от Герцена и Огарева. Начало было им положено в Италии и Швеции еще до основания Первого Интернационала.

Найденное в Стокгольмской библиотеке произведение Бакунина "Тайное интернациональное общество освобождения человечества" является попыткой обосновать создание анархистского Интернационала. Необходимость такой организации Бакунин мотивировал тем, что в последние годы реакция восторжествовала, а борьба рабочих с предпринимателями оказалась нерезультативной из-за отсутствия объединения их сил.

Не оставляя заботы о своем тайном "Интернациональном Братстве", Бакунин стремился наладить связи с деятелями "Международного Товарищества Рабочих" – прежде всего с Марксом, о роли которого как основателя этой организации он был вполне осведомлен. В 1871 г., в разгар борьбы с ним, Бакунин вспоминал о громадном впечатлении, которое испытал от чтения манифеста Генерального совета Интернационала, документа, по его словам, "значительного, серьезного и глубокого", как все, что выходит из-под пера Маркса, "когда он не ведет личной полемики"¹³. Инициатором встречи с Марксом был Бакунин, хотя он и умалчивает об этом в рассказе о ней. По его изложению можно было заключить, что Маркс явился к нему по собственному почину: "Он пришел ко мне, и мы с ним побеседовали, – писал Бакунин. – Он клялся, что никогда не выступал против меня ни делом, ни словом, что, напротив, он всегда питал ко мне искреннюю дружбу и большое уважение. Я знал, что он говорит неправду, но я действительно не сохранил злого чувства"¹⁴.

Маркс и Бакунин встретились 3 ноября 1864 г. Беседа их затрагивала, в частности, проблемы социалистического движения в Европе, Интернационала, а также касалась недавнего польского восстания. Рассказывая на другой день Энгельсу о встрече с Бакуниным – после перерыва в 16 лет, – Маркс резюмировал, что Бакунин ему "очень понравился, больше, чем прежде". Со слов Бакунина он сообщал, что тот отныне будет участвовать только в социалистическом движении. "В общем, – подводил Маркс итог своим впечатлениям от встречи, – это один из тех немногих людей, которые, по-моему, за эти шестнадцать лет не пошли назад, а, наоборот, развились дальше"¹⁵. Симпатия к Бакунину, нашедшая отражение в этом письме, усиливалась, видимо, его широкой популярностью в российских и западноевропейских демократических кругах как непримиримого врага царской России. Большое значение для Маркса имело и то, что Бакунин в это время жил в Италии, где сильно было

¹⁰ Пирумова Н.М. Указ. соч., с. 130.

¹¹ Подробнее об этом см.: Рудницкая Е.Л., Дьяков В.А. О деятельности революционеров 60-х годов в Скандинавии. – В кн.: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1970, с. 274–294; *их же*. Возникновение тайного Интернационала Бакунина. – Новая и новейшая история, 1971, № 6, с. 113–124; *их же*. Новые материалы о тайном "Интернациональном Братстве" М.А. Бакунина. – Проблемы итальянской истории. М., 1972, с. 307–342; *их же*. Рукопись М.А. Бакунина "Международное Тайное общество освобождения человека" (1864 г.). – В кн.: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1974, с. 295–354.

¹² Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. СПб., 1906, с. 277–278.

¹³ Материалы для биографии М.А. Бакунина, т. 3. М.–Л., 1928, с. 305.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 14.

влияние буржуазных демократов, сторонников Дж. Мадзини. Маркс возлагал надежды на социалистическую деятельность Бакунина в Италии, поверив его обещанию целиком посвятить себя делу Интернационала. Бакунин при этом скрыл от Маркса начатое им создание своей анархистской организации и уже проводимую в Италии, Франции и Швеции вербовку членов в тайное "Интернациональное Братство"¹⁶.

Бакунин не давал Марксу знать о себе несколько месяцев. Лишь 7 февраля 1865 г. он ему написал: "Формально ты имеешь право сердиться на меня, так как я оставил без ответа твое второе письмо и только сегодня отвечаю на третье"¹⁷. При этом Бакунин ссылался на то, что он ждет ответа от Дж. Гарибальди на посланный ему по просьбе Маркса Учредительный манифест Интернационала и на трудности в деле революционной пропаганды в Италии. Главное, однако, заключалось в том, что в это время Бакунин уже создавал свой анархистский Интернационал. С Марксом и "Международным Товариществом Рабочих" у него на некоторое время оставалось общим лишь одно – борьба со сторонниками Мадзини, за влияние на рабочие массы Италии. В письме Марксу от 7 февраля 1865 г. Бакунин подчеркивал значение этой задачи, резко критиковал мадзинистов и указывал на необходимость создания новой трудовой демократии в Италии.

Маркс продолжал верить Бакунину и рассчитывать на него, полагая, что он действует в пользу Интернационала. В апреле 1865 г. он писал Энгельсу, что при посредничестве Бакунина "подведет мину" под Мадзини, который выступает против присоединения итальянских рабочих организаций к Интернационалу¹⁸. 4 сентября 1867 г. Маркс, сообщая Энгельсу об удачной атаке на Мадзини в итальянской демократической газете, отмечал, что к этому причастен Бакунин¹⁹. Бакунин, действительно, энергично выступал против Мадзини. Но делал он это больше в интересах своей тайной анархистской организации. После письма Марксу от 7 февраля 1865 г. Бакунин почти на четыре года прервал переписку с ним.

Расхождения в их взглядах были к этому времени очень серьезными, и Бакунин уже не мог видеть в Марксе союзника – даже временного. Они по-разному смотрели на революционное дело в России и Европе. Для Бакунина исходным условием социальных преобразований становилась, как отмечалось, анархия – безвластие, ликвидация государства, всякого принуждения и подчинения, всякого насилия. С уничтожением государства, в его понимании, должна была начинаться всякая социальная революция – в Европе или в России. Для Маркса социалистическая революция связана с захватом пролетариатом власти, превращением его в господствующий класс, установлением его диктатуры. Мировоззренческие основы программных установок Маркса и Бакунина были принципиально различными. Разрыв лидеров, претендовавших на руководство социалистическим движением в Европе, был неизбежен не только по идейным соображениям. Он подготовлялся и той организационной тайной деятельностью, которую развернул Бакунин, стремясь создать своим "Интернациональным Братством" некий антипод Марксову Интернационалу.

Осенью 1868 г., когда конгресс "Лиги мира и свободы" отклонил резолюцию Бакунина о необходимости экономического, социального и политического уничтожения классов, Бакунин и его единомышленники вышли из состава "Лиги мира и свободы" и создали Альянс социалистической демократии. Генеральный Совет отказался принять Альянс в Интернационал. Тогда организация, созданная Бакуниным, начала действовать тайно. Одновременно Бакунин пытался отвлечь внимание Маркса от деятельности Альянса, успокоить его относительно своих намерений. Заверяя его в дружбе, он писал Марксу 22 декабря 1868 г., что чувствует себя его другом более чем когда-либо, "потому что лучше, чем когда-нибудь, я понимаю теперь, до какой

¹⁶ См. Рудницкая Е.Л., Дьяков В.А. Новые материалы о тайном "Интернациональном Братстве" М.А. Бакунина, с. 334–335.

¹⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 156.

¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 89, 93.

¹⁹ Там же, с. 288.

степени ты был прав, следуя и приглашая нас идти по проторенной дороге экономической революции и резко порицая тех из нас, которые сбивались на тернистый путь либо национальных, либо исключительно политических действий". Далее Бакунин отмечал, что он публично порвал с буржуазной "Лигой мира и свободы" и теперь не знает другого общества, кроме "Мира рабочих". "Мое отечество теперь – Интернационал, одним из главных основателей которого ты являешься. Итак, ты видишь, дорогой друг, что я – твой ученик и горжусь этим"²⁰.

Ознакомив читателей с этим письмом, Э. Бернштейн заявил, что оно написано "искренно, с честным намерением"²¹. Так ли это? Думается, что это письмо Бакунина Марксу не отражало подлинного отношения автора к адресату. В нем нет не только искреннего намерения, но и присутствует явно лицемерный оттенок. Правдив, нам думается, был Бакунин в другом письме, написанном 26 октября 1869 г. Герцену и позволяющем многое узнать о том, что на самом деле он думал о Марксе в то время, когда разногласия этих двух деятелей еще не достигли своего апогея.

"На счет Маркса вот мой ответ, – писал Бакунин Герцену 26 октября 1869 г. из Женевы. – Я знаю так же хорошо, как и ты, что Маркс точно так же виноват против нас, как и все другие, и даже, что он был зачинщиком и подстрекателем всех гадостей, возводимых на нас. Почему же я его пощадил и даже похвалил, назвал великаном? По двум причинам, Герцен. Первая причина – справедливость. Я по крайней мере не могу не признать за ним огромных заслуг по делу социализма, которому он служит умно, энергетически и верно вот уже скоро 25 лет... и в котором несомненно опередил нас всех. Он был одним из первых, чуть не главным основателем интернационального общества. А это в моих глазах заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы он против нас ни делал.

Вторая причина – политика. Признавая, что "Маркс несомненно полезный человек в интернациональном обществе", "один из самых твердых, умных и влиятельных опор социализма", Бакунин уже предчувствовал, что "скоро придется вступить с ним в борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципе, по поводу государственного коммунизма, которого и предводительствуемая им партия, английская и немецкая, горячие поборники"²².

"ВЕЛИКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ" ЛИДЕРОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ. МАРКС ПРОТИВ БАКУНИНА

Находясь летом 1869 г. в Берлине, продолжавший свое образование кандидат наук, известный впоследствии химик Н.Н. Любавин, один из переводчиков первого тома "Капитала" Маркса на русский язык (друг Г.А. Лопатина и Н.Ф. Даниельсона), узнал о бедственном положении Бакунина и решил ему помочь. Он запросил издателя Н.П. Полякова о возможности работы для Михаила Александровича. Договорились, что Бакунин возьмется за перевод "Капитала". Даниельсон после этого пересылал в Женеву "целую пачку книг, нужных как пособие", а также 300 рублей в качестве аванса. На имя Даниельсона была оформлена расписка. В конспиративных целях Даниельсон направлял книги и деньги на адрес Любавина, который в сентябре 1869 г. переехал из Берлина в Гейдельберг, а тот в свою очередь непосредственно связывался с Бакуниным²³.

Бакунин взялся за работу над переводом с энтузиазмом. 16 декабря 1869 г. он сообщал из Локарно Огареву: "Ты знаешь, что мне заказан перевод страшной книги Маркса – "Das Kapital" – 784 страницы мелкой печати, за 900 рублей, из которых я уже получил 300 р., что мне и позволило, расплатившись с некоторыми долгами, выехать из Женевы и устроиться здесь". Перевод, по его словам, "страшно трудный".

²⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 166.

²¹ Бернштейн Э. Указ. соч., с. 29.

²² Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву, с. 337–339.

²³ Подробнее см. Грин Ц.И. Переводчик и издатель "Капитала". Очерк жизни и деятельности Николая Францевича Даниельсона. М., 1985, с. 66–67.

"Сначала, – рассказывал Бакунин, – я не мог перевести более трех страниц в утро, теперь дошел до пяти, надеюсь скоро дойти до десяти. Тогда дело будет в шляпе. Бакунин планировал посылать Любавину по 10 листов и таким образом в продолжение двух месяцев перевести "достаточно", "чтобы получить право требовать еще 300 рублей"²⁴. Однако для перевода "Капитала" оказалось недостаточно прекрасного знания немецкого языка, требовалось создание на русском языке адекватной политико-экономической терминологии, а к этому Бакунин не был подготовлен. Перевод затягивался, очередные обещания Михаилом Александровичем не выполнялись. Даниельсон и Поляков начали думать о новом переводчике. Тогда-то в дело и вмешался С.Г. Нечаев, решивший, что Бакунин должен заниматься подготовкой революции, а не переводом "Капитала". Упрекая Любавина в том, что он воспользовался финансовой безвыходностью Бакунина, Нечаев потребовал снять с него "нравственную обязанность продолжения перевода". Он угрожал "прибегнуть к мерам экстренным и потому немного шероховатым". Письмо Любавину на бланке общества "Народная расправа" было подписано "секретарем Бюро Агентов"²⁵.

Участие Бакунина в делах Нечаева, в частности, их совместная агитационная кампания 1869–1870 гг. с ее призывами к всеразрушающей революции, серьезно повредили его репутации в глазах многих российских революционеров. Маркс, узнавший о подрывной деятельности Бакунина против Интернационала, стал его открытым противником, объявив ему беспощадную войну. В нее оказалась втянутой Русская секция Интернационала. Ее возглавлял российский революционер Н.И. Утин, активный участник студенческих волнений в Петербургском университете в 1861 г., член ЦК "Земли и воли" в 1862–1863 гг., заочно приговоренный к смертной казни. С 1863 г. Утин – эмигрант, один из организаторов и руководителей Русской секции Первого Интернационала. Он всеми средствами стремился угодить Марксу и обещал сорвать с Бакунина маску, разоблачить его лицемерие²⁶. В такой обстановке связь Бакунина с Нечаевым становилась для Маркса важным аргументом в предпринятой им борьбе против бакунистов.

Информацию об отношениях Бакунина и Начаева Маркс получал от Утина и Лопатина; последний прибыл в Лондон в июле 1870 г. Но если Лопатин был готов поверить, что Нечаев обманул Бакунина, то Утин уверял Маркса, что Нечаев – лишь подставное лицо, направляемое Бакуниным²⁷. Маркс охотнее воспринимал сведения Утина – они более согласовывались с тем образом Бакунина – противника Интернационала, который у него формировался в то время. Маркс был обеспокоен распространением анархизма и ростом влияния Бакунина, за которым шли рабочие Италии, Испании, Швейцарии. Влияние его усиливалось и во Франции, Бельгии, Голландии. Серьезной заботой для Маркса стало стремление ограничить действия Альянса Бакунина, претендовавшего на руководство рабочим движением, развенчать его как лидера, показав несостоятельность анархистской программы и непригодность средств ее достижения. Решено было созвать представительную конференцию, на которой от имени Генерального Совета Интернационала можно было бы выразить отношение к Бакунину и бакунизму.

Конференция, явившаяся этапным событием в борьбе Маркса с Бакуниным и его последователями, собралась в Лондоне и работала с 17 по 23 сентября 1871 г. На ней присутствовали 23 делегата, из которых 13 были членами Генерального Совета. Большинство, таким образом, было обеспечено. Лондонская конференция приняла резолюцию о политической борьбе рабочего класса, чем нанесла удар по доктрине Бакунина, провозглашавшей абсолютное воздержание от политики. Было принято решение: Генеральному Совету осудить заговор Нечаева, а Утину собрать и опубликовать материалы о нем.

²⁴ Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву, с. 352–353.

²⁵ Гаагский конгресс Первого Интернационала. Протоколы и документы. М., 1970, с. 320–321.

²⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 169–170.

²⁷ Там же, с. 175.

Бакунин впоследствии признавал, что "решительная открытая борьба" между двумя течениями в Интернационале началась со времени Лондонской конференции²⁸. Его рукопись "Мои личные отношения к Марксу", написанная в конце 1871 г., начиналась с афоризма: "Власть портит людей, даже самых умных, даже самых преданных". К таким Бакунин относил Маркса и Энгельса, оказавших своей "пропагандой и личной работой огромные услуги Интернационалу. Маркс – "человек огромного ума", крупный ученый, инициатор основания Интернационала, однако все поведение вождя Интернационала дало Бакунину основание для вывода, что "никогда не следует вручать власть над великим народным коллективом ни отдельному лицу, как бы оно ни было гениально и украшено добродетелями, ни какому-либо меньшинству, каким бы разумным и благомыслящим оно ни было". По закону, присущему власти как таковой, убеждал Бакунин, "всякая власть неизбежно влечет за собой злоупотребление властью, а всякое правительство, даже избранное всеобщим голосованием, неминуемо стремится к деспотизму"²⁹.

Для подтверждения своей точки зрения не гнушался Бакунин и личными нападками, далекими от идейных споров, прибегая к приемам, не дозволенным порядочным людям. Он обвинял Маркса в том, что последний являлся якобы авторитарным коммунистом, имел свою партию – "кучку друзей, слепо ему преданных", которые клялись его словами и хотели того, чего он хотел.

Правда, стоит отметить, что в переписке с друзьями Бакунин был более сдержан; не отрицая важной роли Маркса в международном социалистическом движении, он акцентировал внимание на теоретических разногласиях. Так, в письме к итальянскому социалисту Людвигу Набруцци в 1872 г. Бакунин доказывал, что он не враг Маркса и его окружения и испытывает "живейшее удовлетворение, когда может воздать им должное". Все дело в идейных разногласиях, в "диаметрально противоположных теориях". Маркс – "авторитарно, централистически настроенный коммунист", но он стремится к тому же, "чего хотим мы", – к экономическому и социальному равенству. Однако Маркс, писал Бакунин, пытается достигнуть этой цели посредством "диктатуры очень сильного и, так сказать, деспотического, временного правительства, то есть путем отрицания свободы"³⁰.

Бакунин был прав, видя в основе своего противоборства с Марксом разногласия идейные. Они лишь осложнялись личной неприязнью, которая в конечном счете сама была вызвана опять-таки расхождениями во взглядах. Эти две незаурядные личности вряд ли потянулись бы друг к другу даже в случае полного согласия в позициях. Но, вступив в теоретический спор по кардинальным проблемам социалистического движения, им суждено было стать противниками. В начале 70-х годов Бакунин проявил себя как видный теоретик анархистского движения. Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. и Маркс, и Бакунин считали, что наступило время для решительных действий пролетариата. В "Письмах к французам" Бакунин, доказывая, что только рабочие могут спасти Францию, призывал их к "стихийному, полному страсти и энергии анархизму – разрушительному и дикому восстанию народных масс"³¹.

Маркс в воззваниях Генерального Совета Интернационала, признавая решающую роль пролетариата в событиях, убеждал в необходимости организации и сплочения с тем, чтобы захватить власть у буржуазии. В рядах французского пролетариата были сторонники и Бакунина, и Маркса. Парижская коммуна попыталась стать пролетарским государством и использовать власть для проведения социальных преобразований. После ее крушения Бакунин именно в этом увидел ее главный просчет.

В вышедшей в 1871 г. в Женеве работе "Кнуто-германская империя и социальная революция" Бакунин проанализировал проблемы государства и революции, раскрыл

²⁸ Материалы для биографии М.А. Бакунина, т. 3, с. 391.

²⁹ Летописи марксизма, 1930, № 3, с. 173–174.

³⁰ Материалы для биографии М.А. Бакунина, т. 3, с. 329–330.

³¹ Бакунин М.А. Избр. соч., т. 4, с. 169.

антиномии этих понятий. Рассматривая уроки поражения европейских революций, он стремился понять прочность авторитарной идеологии. В 1870 г. Бакунин начал работу над книгой "Государственность и анархия" – об упразднении государства, продолжавшуюся несколько лет. Отдельные ее фрагменты Бакунин опубликовал в 1870–1872 гг. Лейтмотив этого произведения – противопоставление этатизма анархо-федералистической теории. Изложил ее Бакунин с той же убежденностью, что и Маркс свое учение, – как теорию единственно верную, указывающую человечеству единственно возможный путь. Отсутствие сомнений объединяло двух идейных противников.

/ Взгляды на государство и его роль в жизни общества в представлении Бакунина связаны с национальной принадлежностью их носителей, определяющей сам тип мышления. С этой точки зрения Бакунин отмечал у народов германской расы особую приверженность к государственности и авторитаризму, педантизм, неспособность отделиться от стереотипов. У представителей же романской расы, к которой он относил французов, итальянцев, испанцев, он усматривал стихийное и животворное неприятие государственности, изначальную революционность. Представители славянской расы, по наблюдениям Бакунина, склонны к коллективизму, общности, соборности и тяготеют к антиавторитарным формам. Надо ли говорить, что такие рассуждения, расходясь с марксистскими выводами, рассматривались вождями пролетариата как помеха на пути утверждения марксизма? Для Маркса взгляды на государство определялись прежде всего классовой принадлежностью. Законы природы не имели никакого отношения к жизни общества, которая, по Марксу, зависела исключительно от способа производства.

Анализируя опыт Парижской коммуны, Маркс раскрывал ее "тайну", оставшуюся многим непонятной. Коммуна, по его словам, была правительством рабочего класса – "политической формой", при которой могло совершиться экономическое освобождение труда. Острые критики Маркса иных мнений о Коммуне было направлено прежде всего против Бакунина, хотя он и не называл его. Но речь шла именно о бакунинской трактовке Коммуны, когда Маркс обращал внимание на то, что "антагонизм между Коммуной и государственной властью ошибочно считали преувеличенной формой старой борьбы против чрезмерной централизации", ошибочно рассматривали Коммуну как воскрешение средневековых коммун (общин)³². Обобщая опыт Коммуны, Маркс делал вывод, что пролетариат не сможет использовать старую государственную машину: он должен ее сломать как непригодную для своих целей. Казалось бы, он совсем близко, вплотную подошел к заветной идее Бакунина. Но тут же Маркс делал заключение о необходимости государства нового типа – орудия для проведения социальных преобразований, каким в переходный период к новому строю должна быть диктатура пролетариата³³.

Эти мысли Маркса, по-видимому, и имел в виду Бакунин, когда в цитируемом выше письме к Набруцци говорил о своем неприятии Марксовой идеи "диктатуры очень сильного и, так сказать, деспотичного временного правительства".

Да, идейные разногласия все больше и больше убеждали Маркса и Энгельса в необходимости решительного отпора идеологу анархизма. Мнением о деятельности Бакунина Энгельс делился с П.Л. Лавровым, рассказывая, что "своими интригами" Бакунин причиняет "бесконечно много хлопот". Но, несмотря на это, "дела Интернационала идут хорошо", попытки Бакунина не смогут изменить характер деятельности "Международного Товарищества Рабочих". "Этот человек, – продолжал Энгельс, – забывает, что рабочие массы нельзя вести за собой так, как можно было вести кучку сектантов-доктринеров"³⁴.

Выступая против анархизма, его идеи безгосударственного социализма, Маркс

³² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 343–344.

³³ Там же.

³⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 322.

решил не ограничиваться борьбой теоретической. Он поставил себе цель дискредитировать идейного противника. Стараясь добыть компрометирующие идеолога анархизма документы и сведения, Маркс обращается к Даниельсону за помощью.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ

В мае 1872 г. Маркс запросил Даниельсона о влиянии "шарлатана" Бакунина в России и его роли в деле Нечаева³⁵. Однако Даниельсон, весьма осведомленный в вопросах социально-экономического развития России, на которые всегда отвечал очень точно, на этот раз дал ответ приблизительный и не совсем верный. 23 мая 1872 г. он заверил Маркса, что Бакунин в России "никогда не пользовался особым влиянием", тем более после нечаевского дела, в котором он сыграл "некрасивую роль". "К несчастью, эта его роль не вскрылась во время судебного разбирательства, – сообщал Даниельсон, – хотя он был главой всей этой истории. Все знаменитые прокламации (с призывами к убийству и т.д.) были составлены им"³⁶. В сообщении Даниельсона все неточно. Влияние Бакунина в российской революционной среде было немалым и продолжало расти – вплоть до конца 70-х годов. Роль Бакунина в нечаевском деле действительно была некрасивой: он целиком доверился Нечаеву и действовал с ним некоторое время заодно. Но "главой" нечаевской истории он не был, как не был и единственным автором прокламаций, составленных Нечаевым совместно с ним и с Огаревым. Однако информацию, отрицательно характеризовавшую Бакунина, Маркс охотно воспринимал без всякой проверки. Так было и в этом случае.

15 августа 1872 г. последовала новая просьба к Даниельсону: достать уже упомянутое письмо от имени "Бюро иностранных агентов" общества "Народная расправа", адресованное Любавину в связи с переводом Бакуниным "Капитала". "Это письмо, – писал Маркс, – могло бы быть для меня весьма полезным, если бы оно было послано мне немедленно"³⁷. Об этом Даниельсон оповестил Любавина, который 8 августа отправил это письмо Марксу, сопроводив его весьма важным примечанием: "В заключение скажу, что я теперь думаю о письме "Бюро", полученном мною в 1870 г. Тогда причастность к нему Бакунина казалась мне несомненной. Но должен сознаться, что сейчас, когда я хладнокровно обдумываю всю эту историю, я вижу, что участие в ней Бакунина вовсе не доказано. Нечаев и в самом деле мог послать это письмо совершенно независимо от Бакунина. Одно только несомненно: Бакунин проявил полное нежелание продолжать начатую работу, хотя и получил за нее деньги"³⁸.

Письмо от имени "Бюро иностранных агентов" все же было оглашено на Гаагском конгрессе Интернационала 6 сентября – на заседании следственной комиссии по делу об Альянсе. В протоколе отмечено: "Оглашается письмо, написанное, по всей вероятности, Нечаевым"³⁹.

Маркс обращался и к Лопатину с просьбой дать компрометирующие материалы против Бакунина, касавшиеся любавинской истории. "Сочувствие Интернационалу, – по словам Лопатина, – не позволило ни одному разумному человеку симпатизировать Бакунину, вся деятельность которого в этом случае явно грозила распадением и гибелью Интернационала. Да и каким образом моральный человек мог сочувствовать и помогать людям, которые публично гремели против централизации, деспотизма, генеральства и самовластия Генерального Совета, а негласно составляли заговор не против правительства, а против своих же товарищей, единомышленников, – учреждали тайный союз, имевший целью секретно, неведомо для массы рядовых членов Интернационала управлять его деятельностью?"⁴⁰

³⁵ Там же, с. 403.

³⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 245.

³⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 432.

³⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 260.

³⁹ Гаагский конгресс Первого Интернационала. Протоколы и документы, с. 301.

⁴⁰ Лопатин Г.А. Автобиография. Показания и письма. Пг., 1922, с. 172.

Однако, несмотря на дружбу с Марксом, Лопатин наотрез отказался дать ему документы по этому делу (это сделал, по его свидетельству, перед Гаагским конгрессом Утин). "Я не оправдываю вполне Бакунина, – объяснял Лопатин Марксу, – но никогда не соглашусь помогать позорить на всю Европу человека, игравшего такую роль в нашем революционном движении". Лопатин вспоминал, что так же, как и он, к этому делу отнесся Лавров, знавший все подробности любавинской истории, но отказавшийся обвинять или защищать Бакунина⁴¹. Такая позиция Лаврова подтверждается и воспоминаниями народника-анархиста М.П. Сажина, обратившегося накануне Гаагского конгресса к Лаврову с просьбой поддержать в печати Бакунина и его сторонников. Лавров отказался это сделать, выразив сожаление по поводу "неурядиц и междоусобиц в Интернационале"⁴².

До весны 1872 г. Генеральный Совет считал необходимым воздерживаться от публичных выступлений относительно внутренней борьбы в Интернационале и, как правило, не отвечал на нападки, которым он подвергался со стороны сторонников Бакунина. Однако усилившаяся пропаганда анархизма Бакуниным, по наблюдению вождей пролетариата, явно мешала утверждению марксизма в рабочем движении. А деятельность Альянса, по их мнению, угрожала Интернационалу расколом. Маркс и Энгельс решили выступить с документальным разоблачением заговорщической организации и ее лидера. Это было сделано в работе, вышедшей в виде брошюры в Женеве (за ее печатанием наблюдал Утин) под заголовком: "Мнимые расколы в Интернационале. Закрытый циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих". В ней характеризовалась роль тайного Альянса, основанного Бакуниным в Интернационале, а также деятельность анархистов Швейцарии, Испании, Италии. Сказано было и о Бакунине, который, постоянно скрывая свою собственную персону под именем всяких "революционных комитетов", "добивался неограниченной власти, опирающейся на всевозможные обманы и мистификации времен Калиостро"⁴³.

Особую опасность представлял "боевой конь" Бакунина – анархизм. Альянс считал, что сокрушить мощное эксплуататорское государство следует путем "анархии в пролетарских рядах". Вместо организованных усилий, направленных на социальное переустройство общества, сторонники Альянса требовали от Интернационала, "чтобы в тот момент, когда старый мир стремится его раздавить, он заменил свою организацию анархией"⁴⁴. В конце документа стояли подписи членов Генерального Совета, секретарей-корреспондентов от различных стран и других руководящих деятелей "Международного Товарищества Рабочих". Рассылкой опубликованного циркуляра по различным странам занимался опять-таки Утин, стремясь как можно шире оповестить социалистов об обсуждении позиции Бакунина в Интернационале⁴⁵.

Бакунин не замедлил ответить на эту публикацию, заявив, что она лучше всего показывает "гибельность господства Маркса в Генеральном Совете", когда большинство подписавших циркуляр не знает существа дела: эти люди – "услужливые" и слепые орудия гнева и политики Маркса: "Вот как понимают в Генеральном Совете в Лондоне справедливость, истину и нравственность... Ах, господин Карл Маркс! Легче поставить их во главу программы, чем провести их в жизнь!"⁴⁶ – восклицал идеолог анархизма, чье понимание нравственности, судя по его участию в нечаевском деле, также было весьма сомнительным.

Брошюра "Мнимые расколы..." единодушно одобрения в Интернационале не встретила. Член женевской секции Интернационала, один из основателей Альянса, впоследствии противник Бакунина Т. Реми в письме к швейцарскому социалисту, члену Генерального Совета Первого Интернационала Г. Юнгу соглашался, что Бакунин

⁴¹ Там же.

⁴² Сажин М.П. (А. Росс). Воспоминания, 1860–1880 гг. М., 1925, с. 51.

⁴³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 13.

⁴⁴ Там же, с. 45.

⁴⁵ См. Козьмин Б.П. Русская секция Первого Интернационала. М., 1957, с. 355.

⁴⁶ Материалы для биографии М.А. Бакунина, т. 3, с. 426–427.

своими действиями "оказывает пагубное для Интернационала влияние". Но вместе с тем Реми отрицал необходимость публикации указанного издания: "Бакунин сам почти сошел на нет в Женеве – вашим памфлетом вы ему вернули жизнь". Кроме того, "многие испытанные и преданные люди" входили в Альянс, который имел "право на существование"⁴⁷.

Бюллетень Юрской Федерации от 1 августа 1872 г. опубликовал статью бакунистов, в которой идейная борьба в Интернационале объяснялась "диктаторскими" призывами немецких коммунистов. Последовал ответ в венской газете "Нойе фрайе пресс". Анонимная статья, написанная Марксом, под заглавием "Конгресс Интернационала", появилась здесь накануне его Гаагского конгресса – 25 августа 1872 г. Главный удар в ней нанесился по Бакунину. Утверждалось, в частности, что он после возвращения из Сибири проповедовал в герценовском "Колоколе" "панславизм и расовую войну"; а в 1868 г. участвовал в буржуазном бернском конгрессе "Лиги мира и свободы". В статье рассказывалось, как, организовав тайный Альянс, Бакунин начал борьбу против Генерального Совета Интернационала.

Автор предсказывал, что на Гаагском конгрессе анархисты потерпят поражение. Лично для Бакунина дело обстоит еще хуже, поскольку против него выдвинуты сильно компрометирующие его обвинения, сообщал осведомленный автор, упомянув, что "кое-кто называет г-на Бакунина русским Сабина"⁴⁸. Напомним, что Карел Сабина (1813–1877) – чешский политический деятель – в 1859 г. был завербован австрийской полицией в качестве платного агента-осведомителя. В 1872 г. был разоблачен и по решению чешских патриотов изгнан из Чехии. Вот с ним-то "кое-кто" и сравнивал Бакунина!

Т. Куно, член Интернационала, немецкий инженер, не сомневался, что от результатов борьбы Маркса с Бакуниным зависела судьба "Международного Товарищества Рабочих". "Быть ли Интернационалу хорошо дисциплинированной армией, способной вести борьбу против организованного врага, или же он должен был расколоться на сотню тысяч частиц, причем каждый отдельный член воображал бы себя генералом, а Бакунин – великим непогрешимым диктатором"⁴⁹, – так размышлял Куно о перспективах рабочего движения.

Перед Гаагским конгрессом, от решений которого зависела судьба Интернационала, произошло определенное размежевание сил в социалистическом движении: революционеры, стоявшие на позициях марксизма, противостояли блоку сторонников Бакунина с бельгийскими прудонистами, немецкими лассальянцами и другими реформистскими группами⁵⁰. Враждующие стороны приготовились к решительному бою.

МАРКОВА "ПОБЕДА" НАД БАКУНИНЫМ

Гаагский конгресс Интернационала начал работу 2-го и завершился 7 сентября 1872 г. На конгрессе присутствовали 65 делегатов, из них 21 человек – члены Генерального Совета. Были делегаты из Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Соединенных Штатов Америки. Больше всего прибыло из Германии – 10 делегатов. В работе конгресса впервые принимали непосредственное участие Маркс и Энгельс⁵¹. До этого они лично присутствовали лишь на Лондонской конференции 1871 г., Маркс – также и на Лондонской конференции 1865 г.

В течение трех дней (из шести рабочих дней конгресса) велись ожесточенные прения вокруг признания мандатов – от того, чьих сторонников будет больше, зависел и результат решений Конгресса. Большинство получили последователи Маркса, выступавшие за действия Генерального Совета. Среди меньшинства не все были бакунистами, но их объединяло стремление бороться с централизацией руководства между-

⁴⁷ Гаагский конгресс Первого Интернационала. Отчеты и письма. М., 1972, с. 365.

⁴⁸ Там же. с. 102.

⁴⁹ Там же. с. 530.

⁵⁰ См. Первый Интернационал. Часть 2. 1870–1876. М., 1965, с. 185.

⁵¹ Гаагский конгресс Первого Интернационала. Протоколы и документы, с. IV–XII.

народным социалистическим движением, с политикой, проводившейся Генеральным Советом. Нельзя не согласиться с тем, что "если брать Интернационал в строгом смысле этого слова, то за меньшинством Конгресса стояло в тот момент больше сил, чем за большинством"⁵². Анархизм вовсе не был привнесен в Интернационал Бакуниным, он не был "болезнью рабочего движения", как считали марксисты. Имея свои жизненные корни, анархическое сознание определялось вполне реальными сторонами бытия, выражая веками накапливавшуюся ненависть к государственному гнету, к политическому насилию, к всемогуществу бюрократии, присущую самым широким массам, социальным слоям и так и не нашедшую верного выхода.

Между тем по вопросу о роли политической борьбы, как и о роли Генерального Совета, победили сторонники большинства. В устав Интернационала была включена резолюция Лондонской конференции, в которой заявлялось, что в борьбе против буржуазии пролетариат может выступать, только организовав свою собственную политическую партию.

Изменен был и 2-й параграф устава Интернационала. Новая формулировка вменяла в обязанность Генеральному Совету проводить в исполнение постановления съездов и следить за строгим соблюдением принципов "Международного Товарищества Рабочих". Генеральному Совету в соответствии с новой редакцией 6-го параграфа предоставлялось право приостанавливать до ближайшего конгресса деятельность не только отдельных секций, но и национальных федераций Интернационала⁵³.

Эти решения конгресса свидетельствовали о поражении бакунистов и по политическому, и по организационному вопросам.

По делу об Альянсе социалистической демократии Гаагскому конгрессу был представлен доклад Генерального Совета, написанный Энгельсом. В нем доказывалась дезорганизаторская роль Бакунина, который в конце 1868 г. создал международное общество, претендовавшее на то, чтобы составить внутри Интернационала "своего рода аристократию, касту избранных, с собственной программой и особыми привилегиями". Когда Генеральный Совет отказался принять Альянс в Интернационал, организация, созданная Бакуниным, начала тайно действовать под видом Женевской секции. "Заправила этого центрального комитета во главе с г-ном Бакуниным усилили организацию этого самого Альянса, преобразовав его в тайное общество и сохранив за ним тот международный характер, от которого они обещали отказаться"⁵⁴.

Комиссия по делу об Альянсе пришла к такому выводу: "Величайший деспотизм проявляется во всех звеньях организации. Бесшабашная, совершенно не соответствующая времени нелепица сквозит во всей этой истории. Смысл всего дела – захватить руководство Интернационалом"⁵⁵.

Обвинения, предъявленные Альянсу в целом и его руководителю – Бакунину, основывались на западноевропейских и российских источниках. Среди них были и материалы, представленные Утиным. Напомним, что Лондонская конференция поручила ему составить краткий доклад о нечаевском процессе. Но кратким он не получился – Гаагскому конгрессу было предложено 100 страниц типографского текста, где подчеркивалась неблагоприятная роль Бакунина в Интернационале. Он обвинялся чуть ли не во всех проделках Нечаева. Утин не стеснялся в выборе выражений, называя Бакунина "интриганом, предателем и вором". Он требовал "публичного разоблачения гнусных поступков человека, строящего тайные козни, в которых недобросовестность часто переходит в шутовство, в которых мелочное тщеславие сочетается с кровавой ненавистью ко всем революционерам, не желающим преклоняться перед его личной непогрешимостью"⁵⁶.

В таком духе написаны и другие разделы доклада. Действия Нечаева в России

⁵² Стеклов Ю.М. Указ. соч., т. IV, с. 263.

⁵³ Подробнее о Гаагском конгрессе см.: *Коротеева А.Е.* Гаагский конгресс I Интернационала. М., 1963.

⁵⁴ Гаагский конгресс Первого Интернационала. Протоколы и документы, с. 305, 307, 308.

⁵⁵ Там же, с. 297.

⁵⁶ Там же, с. 323, 327.

выдавались за "заговор альянистов". Слова "мошеничество", "убийство", "клевета" пестрели по всему тексту⁵⁷.

Остановимся подробнее на одном примере, характеризующем методы Утина. Утин категорично утверждал, что "Катехизис революционера", "согласно всем показаниям и неопровержимым доводам адвокатов", написан Бакуниным. Однако адвокат В.Д. Спасович свидетельствовал о "Катехизисе" нечто противоположное: "Не смею приписывать этот документ Бакунину". «Понятно, что слова "не смею" являются лишь вежливой формой утверждения, что катехизис принадлежит именно Бакунину!» – безапелляционно утверждал Утин⁵⁸. В известной работе "Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих" Маркс и Энгельс прямо повторяли сказанное Утиным: "Все показания на суде и неоспоримые доказательства, представленные адвокатами, говорят о том, что этот катехизис написан Бакуниным, который никогда и не пытался отрицать своего авторства"⁵⁹.

Долгое время эта версия была господствующей среди марксистских историков⁶⁰. Ж. Дюкло без всяких критических комментариев привел процитированный выше абзац "Альянса социалистической демократии"⁶¹.

Сейчас авторство "Катехизиса революционера" установлено⁶² – он написан Нечаевым, но это не снижает нравственной ответственности Бакунина, знавшего об этом документе. Но можно утверждать, что обвинение, предъявленное ему Марксом и Энгельсом, было основано на неверных сведениях, которые они не посчитали нужным проверить. Они так спешили использовать их, что не заметили явных нелепостей в докладе Утина.

На вечернем заседании комиссии по делу об Альянсе, состоявшемся 6 сентября, Маркс огласил письмо, адресованное, как упоминается в протоколе, "одному русскому издателю, где члены одного тайного русского общества, в которое входит гражданин Бакунин, угрожают этому издателю серьезно заняться им, если он снова будет требовать сумму в 300 руб., которую он выдал в качестве аванса гражданину Бакунину за переводческую работу"⁶³. Речь шла об уже упомянутом документе, адресованном Любавину от имени "Бюро иностранных агентов" общества "Народная расправа" и составленном Нечаевым. Члены комиссии по делу об Альянсе приняли версию Маркса, зафиксировав, что угрожающее послание издателю отправлено "тайным русским обществом", членом которого был "гражданин Бакунин"⁶⁴.

7 сентября состоялось закрытое заседание конгресса – обсуждались результаты работы комиссии по делу об Альянсе. Бельгийский депутат Р. Спленгар потребовал информации о том, "каким образом Маркс получил написанные Бакуниным документы", отметив, что "здесь должно быть что-то неладно"⁶⁵. Последовал ответ Маркса: "Документы были получены самым честным образом, а именно – они были присланы без того, чтобы их затребовали"⁶⁶. Документы действительно были "получены самым честным образом", но все же, как это было видно, оказались Марксом "затребованы".

В тот же день, 7 сентября, конгресс постановил: исключить из Интернационала Михаила Бакунина как основателя Альянса, а также за личный проступок⁶⁷.

⁵⁷ Там же, с. 384.

⁵⁸ Там же, с. 400.

⁵⁹ Там же, с. 531.

⁶⁰ См. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 754.

⁶¹ Дюкло Ж. Указ. соч., с. 214.

⁶² Пирумова Н.М. Новое о Бакунине на страницах французского журнала. – История СССР, 1968, № 4, с. 191–192; *ее же*: Бакунин или Нечаев? – Прометей, 1968, № 5, с. 175.

⁶³ Гаагский конгресс Первого Интернационала. Протоколы и документы, с. 445.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, с. 139.

⁶⁶ Там же, с. 140.

⁶⁷ Там же, с. 448; См. также: Колпинский Н.Ю. История разоблачения К. Марксом и Ф. Энгельсом бакунинского Альянса. – В кн.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1964, с. 208–232.

Итак, Бакунина исключили из Интернационала не только как основателя Альянса, но и "за личный проступок" – ему инкриминировалось мошенничество. Раздумывая над результатами Гаагского конгресса, сам Бакунин так расценил сложившуюся ситуацию, расстановку сил споривших сторон: "С одной стороны, строго говоря, только лишь Германия", с другой – в разной степени Италия, Испания, Швейцарская Юра, большая часть Франции, Бельгия, Голландия и в самом близком будущем – славянские страны. Эти две силы столкнулись, и благодаря "великой ловкости г. Маркса, благодаря совершенно искусственной организации его последнего конгресса германская тенденция победила". Но сила Интернационала не в руководящих центрах, а в свободном объединении рабочих секций и федераций, солидарности международного пролетариата. И если бы не это, то декреты "злополучного Гаагского конгресса привели бы к гибели, к смерти Интернационала"⁶⁸. Что же касается самого Маркса, продолжал Бакунин, то этот "друг пролетариата" пытается занять место руководителя и верховного арбитра "всех революционных движений", осмеливается мечтать "о порабощении пролетариата" всех стран "одной-единственной мыслью, мыслью, выросшей в его собственном мозгу"⁶⁹.

Совершенная против него несправедливость не только затмила для Бакунина и его приверженцев критику анархистской позиции и деятельности Альянса, но и поставила под сомнение ее правоту. Не случайно "сшибка" противоположных социалистических доктрин, отрицающих друг друга концепций революции и социальных преобразований осталась несколько в стороне в размышлениях об итогах конгресса его участников и современников. Они сконцентрированы на нравственном (точнее безнравственном) смысле исключения Бакунина. П.А. Кропоткин рассказывал в "Записках революционера" об этом эпизоде с чувством горечи и уязвленной справедливости. "Козни" и "интриги" социал-демократов, подготовивших решение конгресса об исключении Бакунина, для него во многом определили отрицательное отношение к Марксу и марксистам. Делегат Гаагского конгресса Дж. Гильом в отчете Юрской Федерации был недоволен не только результатами конгресса, но и его ходом. Он обращал внимание на то, что члены Генерального Совета, составлявшие треть конгресса, в союзе с некоторыми другими делегатами "образовали заранее сколоченное большинство, что делало иллюзорным любое обсуждение"⁷⁰. Это и сказалось на судьбе Бакунина, против которого комиссией конгресса было выдвинуто обвинение в мошенничестве. По мнению Гильома, для такого тяжкого обвинения не было оснований – отсутствовали доказательства, а "обвиняемый не был ни вызван, ни заслушан!" Следовательно, заключил Гильом, "обвинение было просто-напросто клеветой"⁷¹.

Не согласен был с решением Гаагского конгресса не симпатизировавший Юрской Федерации Л. Эритье, считавший, что следственная комиссия по делу Альянса "бессознательно совершила дурной поступок", обвинив Бакунина в краже и сделав это "в духе суда исправительной полиции". Признавая, что Бакунин своими идеями причинил много вреда социалистическому движению, Эритье тем не менее считал его "человеком с великим и благородным характером, полным революционного героизма"⁷². Против обвинения Бакунина в мошенничестве протестовал и народник З. Ралли, заявивший, что это произошло в результате "ложного доноса Утина". Во всей этой истории повинен Нечаев, который "от лица своего воображаемого комитета" обещал Бакунину "ликвидировать дело с издателем, возвратив задаток". Это сделано не было, но Бакунин считал, что вопрос решен "самым корректным образом". По мнению Ралли, "Карл Маркс знал это, но, охваченный партийной борьбой, увлекся и оклеветал своего личного врага"⁷³.

⁶⁸ Материалы для биографии М.А. Бакунина, т. 3, с. 374, 377.

⁶⁹ Там же, с. 379.

⁷⁰ Гаагский конгресс Первого Интернационала. Отчеты и письма, с. 169.

⁷¹ Там же, с. 187.

⁷² Стеклов Ю.М. Указ. соч., т. IV, с. 279.

⁷³ Ралли З. Из моих воспоминаний о М.А. Бакунине. – О минувшем. СПб., 1909, с. 323.

Ф. Меринг, в ученом авторитете которого сомневаться не приходится, писал, что "заключительная сцена Гаагского конгресса недостойна его". По мнению биографа Маркса, "какой-нибудь человеческий смысл" могло иметь лишь то, если бы Бакунина исключили из Интернационала из-за "политических соображений", "но позорить Бакунина за то, что он будто бы не делал различия между "моим" и "твоим", было совершенно непростительно. К сожалению, часть вины за это падала на Маркса"⁷⁴. Один из первых исследователей Бакунина Ю.М. Стеклов считал, что было бы лучше, если бы личные мотивы не примешивались "к чисто политическому спору", и тогда они не привели бы к "ошельмованию старого революционера", не дали бы "возможности противникам извращать смысл съездовского постановления"⁷⁵. В дальнейшем, однако, советские историки оценивали результаты Гаагского конгресса исключительно с позиций марксизма, не подвергая сомнению их объективность. Как правило, при этом преимущественно учитывались те отклики современников на конгресс, которые признавали правильность его решений⁷⁶.

В апреле–июле 1873 г. Маркс и Энгельс при участии П. Лафарга написали работу "Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих", которая была опубликована в виде брошюры в Лондоне и Гамбурге. В ней рассматривалась деятельность Альянса в Швейцарии, Испании, Италии, Франции. Есть и специальный очерк "Альянс в России". Основным материалом для него послужил доклад Утина. Целые абзацы без всяких изменений, а иногда с некоторой стилистической правкой были заимствованы из этого документа⁷⁷. Так, 38-я страница доклада Утина соответствует 505-й "Альянса социалистической демократии", 368-я – 517-й, 369-я – 518-й, 371-я – 519-й, 380-я – 525-й, 382-я – 526-й, 390-я – 539-й, 391-я – 528-й и т.д.

Как видно, Маркс и Энгельс поверили всему тому, что было написано в докладе Утина. Они вслед за Утиным явно сгущали краски, когда характеризовали созданную Бакуниным тайную международную организацию как "общество, под маской самого крайнего анархизма направляющее свои удары не против существующих правительств, а против тех революционеров, которые не приемлют его догм и руководства... Для достижения своих целей это общество не отступает ни перед какими средствами, ни перед каким вероломством: ложь, клевета, запугивание, нападение из-за угла – все это свойственно ему в равной мере"⁷⁸. Но разве так проявил себя Альянс в Швейцарии, Испании, Италии? Нельзя согласиться и с тем, что в России действовал бакунинский Альянс, подменявший собой Интернационал, и он, прикрываясь его именем, совершал "уголовные преступления, мошенничества, убийства"⁷⁹.

Столь обобщающий вывод был сделан на основании авантюристических действий Нечаева. Но хотя он и выдавал себя за члена Международной организации, никакого Альянса в России не существовало. Странно поэтому звучит фраза: "О деятельности Альянса в России мы узнаем из политического процесса, известного под названием Нечаевского дела". Материалы этого процесса никак не позволяют сделать такого заключения.

Многoletняя полемика между Марксом и Бакуниным, завершившаяся исключением последнего из Интернационала, отличалась одержимостью, взаимной нетерпимостью и обоюдной бесцеремонностью оппонентов. Исключение из Интернационала не изолировало Бакунина от интернациональных организаций Италии, Испании, Швеции, от российского революционного подполья. В этих регионах он получал поддержку, за ним шли широкие слои трудящихся. Исключение Бакунина из Интернационала не умень-

⁷⁴ Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. Пг., 1920, с. 397.

⁷⁵ Стеклов Ю.М. Указ. соч., т. IV, с. 280.

⁷⁶ См. Коротева А.Е. Указ. соч., с. 162–179.

⁷⁷ Страницы указываются по кн.: Гаагский конгресс Первого Интернационала. Протоколы и документы. М., 1970.

⁷⁸ Там же, с. 450.

⁷⁹ Там же.

шило его влияния в указанных странах, а сам идеолог анархизма с еще большей активностью взялся за утверждение своей доктрины.

Заметна активизация и последователей Бакунина. 15–16 сентября 1872 г. собрался конгресс Юрской Федерации в Сент-Имье, на котором была утверждена написанная Бакуниным и Гильомом резолюция, отвергшая решение Гаагского конгресса. 25–26 декабря 1872 г. и конгресс бельгийской федерации объявил недействительными резолюции, принятые в Гааге. То же произошло в Англии, Голландии, Испании⁸⁰. 1–6 сентября 1873 г. состоялся анархический Интернационал в Женеве.

Оживление деятельности анархического Интернационала вызвало 5 января 1873 г. решение Генерального Совета приостановить до ближайшего общего конгресса функционирование Юрской федерации. На это последовал ответ голландской федерации, объявившей о своей солидарности с юрцами. Тогда Генеральный Совет объявил, что все федерации, отвергающие постановления Гаагского конгресса и игнорирующие решения Генерального Совета, ставят себя вне рядов Интернационала. Так был завершён раскол "Международного Товарищества Рабочих", подорванного внутренней борьбой и потерявшего влияние на развитие международного социалистического движения пролетариата. Вскоре перестали существовать оба Интернационала: в 1876 г. – марксистский, в конце 1877 г. – анархистский.

Закончилась и жизнь Бакунина. Мучительная болезнь, душевные невзгоды, отсутствие средств к жизни (12 января 1876 г. он писал: "Наше положение сделалось невозможным. У нас нет ни гроша на житье") окончательно докончили этого когда-то могучего человека. Михаил Александрович умер в Берне 1 июля 1876 г.

Русская эмигрантская газета "Вперед!" в корреспонденции "Похороны М.А. Бакунина" писала: "Если бы хотели известить все страны и местности, по которым Бакунин оставил след своей жизни, своего влияния, пришлось бы созывать целый мир. Дрезден, Прага, Париж, Лион, Лондон, Стокгольм, Италия, Испания должны бы явиться на похороны того, кто вошел в их историю, не говоря уже о нашей родине, где столько друзей и врагов, столько хвалителей и порицателей было пробуждено к общественной жизни или вызвано к деятельности словом и делом, истинами и парадоксами этого всемирного агитатора"⁸¹.

МАРКС, БАКУНИН И РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

Меринг считал, что исключение Бакунина из Интернационала (уязвимое и с формальной стороны, поскольку к тому времени почти треть делегатов разъехалась) оказало "отталкивающее действие даже на те круги русских революционеров, которые были в натянутых отношениях с Бакуниным. Влияние Бакунина на русское движение 70-х годов не уменьшилось, а Маркс потерял значительную часть симпатий, которую завоевал в России к себе". Бернштейн, по сути, был солидарен с этим мнением, утверждая, что большинство социалистов России после Гаагского конгресса "долгое время не желали ничего слышать о Марксе", они читали его как ученого, но "мало симпатизировали ему как человеку"⁸².

Все это в определенной мере подтверждается документальными источниками. Узнав об исключении Бакунина из Интернационала, группа видных российских революционеров различных идейных направлений выступила с протестом в зарубежной прессе. Это были Николай Огарев, Варфоломей Зайцев, Владимир Озеров, Арман Росс (М.П. Сажин), Владимир Гольштейн, Земфир Ралли, Александр Эльсниц, Валерьян Смирнов. В брюссельской газете "Либерте" 4 октября 1872 г. они заявили о своем возмущении текстом доклада, представленного Гаагскому конгрессу следствен-

⁸⁰ 18 сентября испанские делегаты Гаагского конгресса обратились в газету "Либерте" с письмом, в котором его решение называлось "инквизиторским" и "иезуитским", полным клеветы на "известных, умных и уважаемых товарищей, преданных рабочему делу". – Archives Bakounine, v. II. Leiden, 1965, p. 252–253.

⁸¹ Цит. по: *Стеклов Ю.М.* Указ. соч., т. IV, с. 444.

⁸² *Бернштейн Э.* Указ. соч., с. 33, 37.

ной комиссией об Альянсе. "Большинство этого конгресса сделалось соучастником величайшей низости, постановив исключить человека, вся жизнь которого была посвящена на служение великому делу пролетариата и который искупил это преступление восемью годами заключения в разных немецких и русских крепостях и четырехлетней ссылкой в Сибирь" Но честные люди всех стран, отмечалось в протесте революционной интеллигенции, "почувствуют в этом нарушение простых требований справедливости. Что же касается России, то можем уверить г. Маркса в том, что его старания будут там напрасны. Бакунин там слишком уважаем и известен, чтобы клевета могла достигнуть его"⁸³.

Накануне Гаагского конгресса Сажин запрашивал Лаврова: "Вы знаете Маркса и многих его сподвижников; конечно, Вы знаете и о готовящихся событиях в Интернационале. Мне бы очень хотелось знать Ваше мнение обо всей этой истории... В Женеве есть слухи, будто Вы держите сторону Маркса; в то же время известно, что Маркс не брезгует ничем"⁸⁴. Нет, Лавров "сторону Маркса" не держал, но он не соглашался и с тактикой Бакунина. Намечавшийся Гаагский конгресс Интернационала многое должен был выяснить в позиции враждующих сторон. Договорились, что в качестве наблюдателя в Гаагу поедет С.А. Подолинский; ему и было поручено сообщать о происходящем на конгрессе. Уже его первые письма из Гааги свидетельствовали, что симпатии корреспондента на стороне Бакунина, о чем он 5 сентября и сообщил Лаврову и эмигрантке Р.Х. Идельсон: "Вообще, как видите, мои симпатии на стороне анархистов, тем более что в данном случае они все люди действительно избранные рабочими секциями, что можно подлинно доказать, между тем как со стороны Совета немало якобинцев и весьма сомнительных политических лиц, зато они политически хорошо организованы и все подают голоса, как прусские солдаты, по выражению бельгийцев, по приказанию Маркса"⁸⁵.

7 сентября Подолинский пересказал Лаврову выступление анархиста Гильома, заявившего, что "Международное Товарищество Рабочих" не должно стремиться "завладеть буржуазным государством, но должно уничтожить самое государство как буржуазное учреждение". По наблюдениям Подолинского, "Маркс ведет себя вообще неприлично, например, подсаживает председателю, что тот должен делать, лучше бы уж сам председательствовал"⁸⁶.

Подводя итоги конгресса, Подолинский сообщал Лаврову, что фактически централисты, сторонники Маркса, победили, но в "нравственном отношении", по мнению Подолинского, победа на стороне анархистов, так как, во-первых, прежде нейтральные бельгийцы и голландцы присоединились к анархистам; а во-вторых, общественное мнение настроено против централистов. Подолинский был удивлен, что "такой умный человек", как Маркс, мог дорожить только "внешней стороной победы"; ему следовало уступить там, где он "мог достигнуть только чисто формального результата"⁸⁷.

Журнал "Вперед!" в 1873 г., касаясь полемики в Интернационале, выразил возмущение тем, что оппоненты "не гнушаются взаимными обвинениями в продажности, в мошенничестве и в шпионстве, обвинениями, падающими в обеих партиях на людей, стоящих вне всякой возможности подобных обвинений"⁸⁸. Работу Маркса и Энгельса "Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих" редактор "Вперед!" Лавров оценил как "чрезвычайно желчный", "но чрезвычайно умно" составленный памфлет. Правда, он так и не пояснил, что именно он нашел "чрезвычайно умным"⁸⁹. По его убеждению, борьба между Марксом и Бакуниным не изменит развития пролетарского движения: "Умы истинных трудящихся сближаются, в

⁸³ Цит. по: *Стеклов Ю.М.* Указ. соч., т. IV, с. 297–298.

⁸⁴ "Вперед!" 1873–1877. Материалы из архива В.Н. Смирнова, т. 1, с. 54; Dordrecht (Holland), 1970.

⁸⁵ Там же, т. 2, с. 416.

⁸⁶ Гаагский конгресс Первого Интернационала. М., 1972, с. 439.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Цит. по: *Лавров П.Л.* Очерки по истории Интернационала. Пг., 1919, с. 13.

⁸⁹ Там же, с. 13–14.

то время как борьба между вождями достигает своего апогея"⁹⁰. Эту мысль, высказанную в письме к Юнгу, Лавров повторил во второй книге "Вперед!", вышедшей осенью 1874 г., добавив в публикации, что "развернувшаяся полемика, ее характер и формы вызывают злорадство буржуазной прессы"⁹¹.

В ответ последовала статья Энгельса в газете "Фольксштаат" (6 и 8 октября 1874 г.), где Лавров назывался "эклектиком": ему "борьба и все споры революционеров и социалистов между собой должны казаться чистойшей нелепостью, которая может лишь порадовать их врагов"⁹². Соратник Маркса демонстрировал характерную для коммунистов нетерпимость к критике. Между тем исключенный по "инициативе Маркса" из Интернационала Бакунин стал активно проповедовать и в России "свое анархическое учение"⁹³. Его главным пропагандистом был народник Ф.Н. Лермонтов, который, возвратившись осенью 1873 г. из-за границы, организовал в Петербурге кружок молодежи – последователей Бакунина. Благодаря усилиям этого кружка в различные районы России стали поступать изданные в эмиграции два анархистских издания: "Государственность и анархия" и "Историческое развитие Интернационала"⁹⁴. Эти два произведения, вышедшие из-под пера Бакунина, сыграли важную роль в активизации революционно-народнического движения во время "хождения в народ"⁹⁵. По свидетельству народника Н. Левенталья, летом 1873 г. в Киеве между членами местного кружка, представителями петербургских и одесских кружков шли оживленные беседы, главным образом в связи с событиями в Интернационале. «Имена Маркса и Бакунина, – писал Левенталь, – были у всех на устах. "Государственники" были в меньшинстве, и идеи их не встречали особого сочувствия отчасти потому, что слишком была еще жива традиция общинного устройства, представляющего так или иначе характерную черту русского крестьянского быта, отчасти же и потому, что идея федеративного строя находилась гораздо более в соответствии с теми идеальными и абстрактными стремлениями, которые волновали умы молодежи»⁹⁶.

Подводя итоги, следует сделать вывод, что решение Гаагского конгресса не остановило развития анархизма. Исключение Бакунина из Интернационала лишь подтвердило, что подобные "оргмеры" не имели отношения к идейной борьбе – они не в состоянии были разрешить ее проблемы. В 1873 г. Бакунин, "поверженный" Марксом, выпустил книгу "Государственность и анархия" – единственную написанную на русском языке и уже, судя по этому, предназначенную для русского читателя. В среде революционной интеллигенции книга имела довольно широкое распространение в 70-е годы. Особой популярностью в революционной среде пользовалось "Прибавление А" к книге, написанное специально для российской молодежи и заслужившее особую популярность у нее: Бакунин звал молодежь в народ, возбуждать революцию, к которой, по его словам, крестьянство подготовлено самими условиями существования – "нищетой и рабством примерным". Убеждая, что "ничего не стоит поднять любую деревню", он ставил задачу разом поднять все деревни⁹⁷. Маркс вполне терпимо относился к подобным призывам, когда они касались России, страны, в которой он ждал крестьянской революции с конца 50-х годов. И если бы Бакунин свою пропаганду анархизма сосредоточил на родине, вожди пролетариата вряд ли вступили бы с ним в бой. Но Бакунин пытался теоретизировать в Европе по проблемам, которые основоположники марксизма считали своей монополией, за что и был ими наказан.

В книге "Государственность и анархия" Бакунин продолжил свой спор с Марксом, с

⁹⁰ Письмо П.Л. Лаврова Г. Юнгу от 30 октября 1873 г. – *Летописи марксизма*, 1930, т. 2 (12), с. 166.

⁹¹ *Лавров П.Л.* Избр. соч., т. 2. М., 1934, с. 294–296.

⁹² *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 518–519.

⁹³ *Ковалик С.Ф.* Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928, с. 60–61.

⁹⁴ *Процесс 193-х. М.*, 1906, с. 22, 24, 58, 59, 62, 63, 67, 69 и др.

⁹⁵ О пропаганде бакунизма в России в 1870-х годах см. *Коллинский Н.Ю., Твардовская В.А.* Бакунин в русском и международном освободительном движении. – *Вопросы истории*, 1964, № 10.

⁹⁶ *Левенталь Н.* Накануне хождения в народ. М., 1927, с. 14.

⁹⁷ *Революционное народничество 70-х гг. XIX в.*, т. 1. М., 1965, с. 43.

его учением о социалистическом – пролетарском – государстве, явно учитывая уже Марксов анализ опыта Парижской коммуны. Мысль Маркса о превращении пролетариата в господствующий класс была чужда и непонятна Бакунину. "Спрашивается, – как бы обращался он к Марксу, – если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству. Например, хотя бы крестьянская чернь... которая, находясь на низшей ступени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом"⁹⁸. "Неужели весь пролетариат будет стоять во главе государства? – задавался он вопросом. – Такого нельзя представить". И это, по его словам, хорошо понимают марксисты, считающие, что управление будет осуществляться "посредством небольшого числа представителей, избранных народом". С точки зрения Бакунина, это совершенно неприемлемо: выборы целым народом "так называемых народных представителей и правителей государства" – "ложь, за которой кроется деспотизм управляющего меньшинства, тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли"⁹⁹.

Утверждение Маркса о том, что диктатура пролетариата будет иметь переходный, временный характер, Бакунин считал нереальным. Марксисты "утешают мыслью, что эта диктатура будет временная и короткая", писал он, предупреждая, что так не произойдет: "Никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечивания себя, и что она способна породить, воспитать в народе, сносящем ее, только рабство"¹⁰⁰. В книге "Государственность и анархия" Бакунин прогнозировал прерождение диктатуры пролетариата во власть государственных чиновников, "начальников коммунистической партии". Вот как это будет происходить: "Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует весьма сильного попечения; создадут единый государственный банк, сосредоточивающий в своих руках все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массу народа разделят на две армии: промышленную и земледельческую, под непосредственною командою государственных инженеров, которые составят новое привилегированное научно-политическое сословие"¹⁰¹. Но отвергаемой им пролетарской революции, орудием которой становится диктатура, Бакунин смог противопоставить только "разрушительное и дикое восстание народных масс", тот разгул народной стихии, неотъемлемой частью которой он видел разбойничий мир, столь им идеализированный"¹⁰². Отказываясь принять все это за разумную альтернативу революции, подготовленной и проведенной пролетарской партией, стоит все же заново задуматься над некоторыми прогнозами Бакунина – опыт нашей истории призывает к этому.

⁹⁸ Бакунин М.А. Избр. соч., т. 1, с. 296.

⁹⁹ Там же, с. 294.

¹⁰⁰ Там же, с. 298.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Правда, Бакунин был одним из тех, кто стремился обосновать модель федералистического устройства общества, доказать целесообразность самоуправления, что недооценивали классики марксизма.

ИНСТИТУТУ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН – 60 лет

13 января 1997 г. состоялось собрание коллектива Института всеобщей истории РАН, посвященное 60-летию института. С докладом о деятельности института за этот период выступил директор института член-корр. РАН А.О. Чубарьян.

В феврале 1936 г. Президиум Академии наук принял решение об объединении Историко-археографического института АН СССР и Института истории Комкадемии в Институт истории АН СССР. 20 марта 1936 г. это решение было утверждено общим собранием Академии наук СССР. С этого и началась деятельность института.

Первым директором стал известный специалист по всеобщей истории, автор многих научных трудов, в частности по истории Французской революции XVIII в., академик Николай Михайлович Лукин.

До 1968 г. Институт истории АН СССР функционировал как единый центр научных исследований в области отечественной и всеобщей истории, а в 1968 г. он был разделен на два самостоятельных научных учреждения – Институт истории нашей страны и Институт всеобщей истории.

Таким образом, у этих двух институтов общая история и общий прародитель.

В существовании объединенного института была своя логика и свои преимущества. История нашей страны изучалась как органическая часть истории всего человечества. Но с середины 60-х годов стало очевидным, что резко возросший уровень специалистов, а также расширение сферы интересов историков требовало и большей специализации. Так возникла идея о разделении института.

К этому времени во всех университетах и педагогических институтах страны уже существовали кафедры всеобщей истории (древнего мира, средних веков, новой и новейшей истории), и в этом плане также ощущалась потребность в некоем координационном центре не только по отечественной, но и по всеобщей истории.

Но непосредственный импульс к разделению института, кроме того, был связан с желанием "руководящих органов" разделить оппозиционно настроенную парторганизацию объединенного института.

За 60 лет существования Института всеобщей истории изучение всеобщей истории в Академии наук прошло ряд этапов и ознаменовалось серьезными достижениями, а равно и упущениями и просчетами. Не будем драматизировать ситуацию – это был естественный процесс, отражающий особенности развития любой науки, особенно так тесно связанной с идейной жизнью и политикой страны.

Интерес ко всеобщей истории был традиционен для российской науки. Выдающимися ее представителями в XIX и XX столетиях были Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий и многие другие.

Но и для историков-специалистов по всеобщей истории огромное значение имело наследие В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, Н.М. Карамзина, Т.Н. Грановского и др.

Один из важных вопросов сегодня – наше отношение к людям и к тем трудам, которыми были отмечены 30–80-е годы столетия.

При этом мы сталкиваемся с двумя тенденциями. Для одних история нашей науки в те годы – это время ложных методологических посылок и догматических методов

познания истории. Другие стремятся доказать, что лучшее время и высшие достижения – это прошлое нашей науки.

Необходимо спокойно и, насколько это возможно, объективно оценить развитие нашей научной дисциплины в 30–80-х годах, отделить зерна от плевел, поставить деятельность историков тех времен в конкретный исторический контекст.

Конечно, всеобщая история, в силу своего изучения предмета, была значительно менее идеологизирована и политизирована, чем отечественная. Но и наших предшественников не миновала волна чисток и репрессий.

Когда мы сегодня вспоминаем нашу деятельность в прошлом, мы отмечаем, что уже в конце 40-х годов работа разворачивалась по всем периодам и проблемам всеобщей истории. Нельзя представить себе изучение древней истории без имен Н.А. Машкина и К.К. Зельина, С.Л. Утченко и Е.М. Штаерман.

Исследование средневековья связано с именами Е.А. Косминского и С.Д. Сказкина, Н.А. Сидоровой и А.И. Неусыхина, З.В. Удальцовой и Е.В. Гутновой.

В области новой истории трудились видные историки Е.В. Тарле, Н.М. Лукин, А.З. Манфред, Б.Ф. Поршнев, А.Л. Нарочницкий, Ф.В. Потемкин, А.С. Ерусалимский, В.М. Далин, М.А. Барг и Н.А. Ерофеев.

Изучение новейшей истории неотделимо от таких ученых, как В.М. Хвостов, А.В. Ефимов, И.М. Майский.

Говоря об изучении всеобщей истории, мы должны упомянуть и оценить вклад в это первого директора Института всеобщей истории, крупного ученого Е.М. Жукова.

В те годы были осуществлены серьезные исследования социально-экономических проблем, истории народных движений, Французской и Английской революций, революций 1848–1849 гг.

Но идеологический диктат и одномерное видение истории привели к тому, что история была во многом догматизирована. Не было "человека в истории", духовная жизнь и политическая история оставались как бы за кадром.

В конце 80-х годов Институт всеобщей истории включился в серьезный пересмотр существовавших теоретических представлений.

Что же сделано за эти годы? На что были направлены усилия института?

Прежде всего они сосредоточивались на выработке принципиально нового подхода к вопросам теории и философии истории. Теперь это – многомерный, альтернативный процесс со многими составляющими. Институт выходит на синтезирующие факторы. Появились такие новые дисциплины, как цивилизационные феномены; политическая и культурная антропология; история повседневности; реформы и реформаторы; граждановедение; основы и эволюция демократических институтов; история либерализма, консерватизма и радикализма; новая социальная история; постмодернизм, макро- и микроистория; компьютерная история; история культуры и интеллигенции.

Особый прорыв осуществлен в изучении истории XX в. Ученые института исследуют противостояние тоталитаризма и демократии; национализма и интернационализма.

Освоение архивов открыло новый этап в изучении XX столетия. Институт осуществляет широкий международный проект по истории "холодной войны", разрабатывает новые подходы к исследованию глобальных и локальных войн. Реализуется большой проект – издание шести томов из архивов Коминтерна.

Нынешний специалист и студент теперь имеет в своем распоряжении труды Вебера и Тойнби, Шопенгауэра и Шпенглера, Ницше и Бердяева, Соловьева, Бергсона и Фрейда.

Институт всеобщей истории сейчас издает по 50–60 научных работ ежегодно; выпускаются два официальных журнала – "Вестник древней истории" и "Новая и новейшая история"; пять постоянных ежегодников – "Средние века", "Византийский временник", "Одиссей", "История цивилизаций", "Европейский альманах".

За последние пять лет мы привлекли в институт около 50 сотрудников; в основном – это молодежь. Сейчас в институте работают: 160 человек в возрасте до 50 лет,

т.е. 53% и до 40 лет – 30%. До 60 лет – 200 человек, или 70%. Как видим, произошло значительное омоложение коллектива сотрудников.

В институте трудятся 4 академика, 1 член-корреспондент, 73 доктора и 126 кандидатов наук, т.е. 75% сотрудников имеют ученую степень.

Институт стал реальной частью мирового сообщества историков. Есть несколько проектов по линии ЮНЕСКО; подписано соглашение с рядом университетов Франции; серьезный партнер института – Британская Академия. Действуют совместные соглашения с Историческим институтом Лондонского университета, с Оксфордским университетом.

В Италии осуществляется постоянное сотрудничество с Фондом Фельтринелли; с Институтом Грамши; с институтом в Болонье и с Римским университетом. В Скандинавии партнерами института являются Упсальский и Стокгольмский университеты (Швеция), Шведский институт; в Норвегии – Нобелевский институт, Институт стратегических исследований, университет в Осло. В Германии институт сотрудничает с университетами в Кельне, Бонне, Эссене; в США – с Центром Вудро Вильсона, фондом Карнеги, Кеннановским институтом; в Латинской Америке – с рядом университетов Мексики, Аргентины, Бразилии.

Можно также назвать в этой связи Институт современной истории в Чехии; Институт политологии в Эстонии; Тель-Авивский университет в Израиле; Университет в Лозанне; Международный институт социальной истории в Амстердаме.

В чем же наблюдается отставание и каковы задачи института?

1. В последние два года ослабло внимание к теории и философии истории.
2. Мало разрабатывается сквозных тем, относящихся к разным историческим периодам, что составляет одну из характерных черт мировой историографии.
3. Недостаточно внимания уделяется экономической истории в ее современном понимании.
4. Практически нет компьютерной истории.
5. Не реализован проект по истории интеллигенции.
6. Не включена в необходимой мере в сферу деятельности института история стран Азии.

7. Только сейчас делаются попытки снова возродить интерес к страноведению.

Важнейшая задача – интеграция с высшей и средней школой, подготовка учебников, учебных пособий. Сотрудники института уже издали более 10 учебников. Пора провести конференцию о принципах и системе исторического образования (высшего и среднего).

Необходимо обратиться к истории права, истории искусства, усилить внимание к истории религии, к проблеме прав человека.

Нужно восстановить связи с коллегами, работающими в университетах и научных центрах России.

Институт должен участвовать в воспитании гражданских и нравственных черт, особенно у молодежи; преодолевать апатию и равнодушие.

Сегодня необходимы большая терпимость и доверие друг к другу и уважение других взглядов, самопожертвование и одержимость – без этого нет истинных и высших достижений в науке; достижение свободы и независимости, преодоление конформизма, приверженность демократическим формам деятельности научного сообщества; постоянная нацеленность на поиски нового, борьба со стагнацией и рутинной, выдвижение новых тем и путей их решения.

Сотрудники института должны постоянно ощущать себя гражданами страны, стремиться к ее процветанию и развитию.

Юбилей Института всеобщей истории РАН обязывает его сотрудников вести постоянный поиск новых научных подходов, трудиться с новой энергией, обновлять исторические представления, ощущать себя неотъемлемой частью мирового сообщества историков.

Поздравить сотрудников института с юбилеем пришли руководители Президиума и Отделения истории РАН – вице-президент РАН академик В.Н. Кудрявцев и академик А.А. Фурсенко, зам. министра иностранных дел РФ И.С. Иванов, глава Федеральной архивной службы России В.П. Козлов, руководители исследовательских институтов и архивов. Было зачитано приветствие от Правительства России, подписанное зам. Председателя Правительства В.Е. Фортовым.

Выступавшие говорили о роли истории в жизни общества, о вкладе сотрудников института в развитие российской исторической науки.

Итоги прошлого года, большое количество изданных трудов, проведение конференций, в том числе и международных, о чем много говорилось на юбилее института, показали, что, несмотря на все трудности нынешнего времени, историки готовы продолжить научный поиск. Соединение постоянной активности людей старшего и среднего поколений и явный рост духовных интересов молодежи, сочетание традиционной тщательности и интерес к новациям, даже иногда весьма экстравагантным, обеспечивают наше движение вперед, дают надежду на лучшее будущее и грядущие достижения и успехи.

А.О. Чубарьян,
член-корреспондент РАН
директор Института всеобщей истории РАН

50-ЛЕТИЕ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ РАН

В январе 1997 г. Институту славяноведения и балканистики РАН исполнилось 50 лет. По этому случаю состоялось торжественное заседание Ученого совета и собрание коллектива.

Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин поздравил коллектив института с юбилеем. Приветствие Б.Н. Ельцина было зачитано вице-президентом РАН академиком В.Н. Кудрявцевым: "Сердечно поздравляю вас, весь коллектив Института славяноведения и балканистики РАН со знаменательной датой – 50-летием его создания.

За полвека ваш институт стал ведущим научным центром мировой славистики, и его деятельность делает честь России как крупнейшей славянской стране. Ваш вклад в комплексное изучение истории и культуры славянских народов и их соседей получил заслуженное признание в нашей стране и за рубежом. Многие труды института по праву вошли в золотой фонд отечественной и мировой науки.

Заслуживают поддержки ваши усилия по разработке актуальных вопросов межнациональных отношений, кризисных ситуаций, а также проблем религии и культуры. Особое значение имеет начавшееся в институте изучение Украины и Белоруссии.

Ваша научная и общественная деятельность способствует достижению благородной цели – тесному сближению братских славянских народов, укреплению между ними вековых уз дружбы, сотрудничества и взаимопомощи.

Ученым института даже во времена идеологического диктата были присущи творческий подход, стремление к истине, самостоятельность научных суждений. Уверен, что в условиях свободы вы сумеете полностью раскрыть свои способности и таланты. Своим подвижническим трудом вы, уважаемые ученые, снискали глубокое уважение и признательность. Государство знает, что оно многим обязано ученым, и сделает все возможное, чтобы российская наука скорее преодолела нынешние трудности.

От всей души желаю вам, дорогие друзья, доброго здоровья и счастья. Новых творческих успехов вам во славу российской науки, на благо России!"

С докладом о пройденном за полвека своего существования пути и задачах института на современном этапе выступил его директор д.и.н., проф. В.К. Волков. Он отметил, что институт является в настоящее время единственным в России научным учреждением, занимающимся комплексным изучением истории, филологии и истории культуры зарубежных славянских народов. Институт продолжает классические традиции российского славяноведения, чья история насчитывает уже около двух веков.

30 мая 1946 г. Президиум АН принял принципиальное решение об организации в Москве Института славяноведения с целью "объединения всей научно-исследовательской работы в этой области". 31 августа того же года Совет Министров СССР принял постановление о создании Института славяноведения. На него возлагались задачи "научной разработки истории, языка и культуры славянских народов, а также подготовки квалифицированных специалистов-славяноведов" Тем самым славяноведение в СССР заняло достойное место в ряду других гуманитарных наук после долгих лет фактического непризнания.

В январе 1947 г. началась научная деятельность института. Первым его директором был утвержден академик Б.Д. Греков, заместителями директора стали академик С.П. Обнорский и член-корреспондент АН СССР В.И. Пичета. Впоследствии институт возглавляли член-корреспондент П.Н. Третьяков (до 1958 г.), доктора исторических наук И.И. Удальцов (до 1962 г.), А.И. Хренов (до 1969 г.), академик Д.Ф. Марков (до 1987 г.).

Вначале институт имел в своем составе всего 18 научных сотрудников. Сейчас в нем работают более 200. Среди них академики Г.Г. Литаврин и В.Н. Топоров, член-корреспондент РАН А.А. Зализняк, более 50 докторов наук и 130 кандидатов наук. До недавнего времени в институте трудились крупные отечественные ученые академик Ю.А. Писарев и академик Н.И. Толстой. Если в 1947 г. в институте было всего 2 сектора – истории и филологии, то в 1997 г. в нем насчитывается 9 отделов, 13 научных центров и Археографическая комиссия.

За 50 лет существования института его сотрудниками было опубликовано под его грифом около полутора тысяч работ – коллективных и индивидуальных монографий, сборников статей, публикаций документов. Многие из этих трудов заслуженно вошли в золотой фонд отечественной и мировой науки.

С самого начала одной из главных задач института была подготовка научных кадров высшей квалификации через аспирантуру института. За 50 лет около 100 аспирантов успешно закончили обучение в ней и защитили кандидатские диссертации.

Сегодня мы являемся свидетелями разительных перемен в славянском мире и во всем обширном регионе Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Они в свою очередь повлекли за собой столь же кардинальные сдвиги в самом славяноведении. Во всех странах, где имеется развитая славистика, и прежде всего в самих славянских странах, идет глубокая перестройка этого комплекса дисциплин. Масштабы происходящих сдвигов позволяют говорить о смене исследовательской парадигмы, которая затронула методологические основы, исследовательские приоритеты, географический охват исследований, организационные формы славяноведения и многое другое. Аналогичные процессы происходят и в России.

Если поставить вопрос о влиянии славянских народов на ход мировой истории в XX в., то можно смело утверждать, что оно было гораздо выше того удельного веса, который славяне имели в глобальном народонаселении. Общее число славян ныне несколько превышает 300 млн. человек, т.е. составляет примерно 5% населения земного шара. При этом около 200 млн. человек – это восточные славяне, а половина всех славян (почти 150 млн. человек) – русские. Неудивительно, что на Западе и в "классическом" славяноведении (не говоря уже о советологии) львиную долю внимания уделяли восточному славянству и русистике. Аналогичным образом обстояло дело и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

На таком фоне структура бывшего советского славяноведения выглядела однобоко. По старому (а главное – устаревшему) обычаю славяноведением считалось изучение славянского мира за вычетом отечественной истории, филологии и культурологии. В обоснование такого обычая приводился довод, что отечествоведение несравненно более развито в каждой отдельной славянской стране и, поскольку славяноведение занимается как славянством в целом, так и отдельными народами, в каждой славянской стране под ним надо подразумевать инославянские исследования. В итоге из поля зрения отечественного славяноведения выпадал огромный массив восточного славянства.

В новых условиях, после распада СССР, такое положение стало восприниматься как нетерпимый пробел. Украина и Белоруссия оказались хоть и в ближнем, но все-таки зарубежье. Новые грани приобрела русистика. Отсюда проистекает задача восполнить образовавшиеся пробелы и сформировать то, что можно было бы назвать "интегральной моделью" славяноведения, которое охватывало бы все без исключения ветви славянства. Естественно, что институту следует найти свой, славистический ракурс изучения этих проблем, особенно русистики, чтобы не дублировать работу других научных коллективов и академических институтов в области истории, литературоведения и лингвистики.

Осуществление "интегральной модели" российского славяноведения на практике сталкивается со значительными трудностями организационного порядка. Они наглядно проявились при создании в институте научных центров украинистики и белорусистики. Главная трудность – недостаточность научных кадров по этой проблематике в России,

а также их распыленность. Прежде считалось, что все связанное с этими республиками, с историей и культурой их народов должно изучаться в местных академиях наук и университетах. Такие установки обернулись огромными потерями в системе знаний. Проблемы взаимоотношения всех восточнославянских народов ныне составляют ядро национально-государственных интересов России. Это обстоятельство придает славяноведению в новых условиях не только огромное научное, но и общественное звучание, большее, чем оно имело прежде. В настоящее время институт стал базовым учреждением для вновь образованного при Президиуме РАН Научного Совета по проблемам СНГ, руководителем которого является вице-президент РАН академик В.Н. Кудрявцев. Этот Научный Совет открывает широкие возможности для координации деятельности института с другими академическими учреждениями в данной области.

Особое значение для судеб народов Центральной и Восточной Европы в посткоммунистический период приобрело исследование проблем национализма. Этнические и конфессиональные конфликты на территории распавшихся бывших многонациональных социалистических государств показали степень их угрозы для всеобщего мира. В этом плане институт уделяет большое внимание изучению социальной анатомии современных национальных конфликтов, их исторических корней и динамике их развития. Важное значение здесь имеет критический анализ складывания и развития в прошлом марксистско-ленинской теории национального вопроса, исследование всего комплекса причин распада многонациональных государств в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе. Для всестороннего исследования этих проблем в институте был создан Центр по изучению истории "бархатных" революций конца 80-х годов в Восточной Европе (руководитель – д. философ. н., проф. Ю.С. Новопашин) и Центр по исследованию современного балканского кризиса (руководитель – д.и.н. Е.Ю. Гуськова).

Для уяснения истинной картины отношений в славянском мире большое значение приобретает в наше время научное направление, именуемое изучением этнических стереотипов (имиджелогия), т.е. представлений народов друг о друге. Такие исследования широко распространены в Западной Европе, однако труды о взаимовосприятии славянских народов отсутствуют. Это – крупный пробел в славяноведении, особенно в российском. Институт начинает разворачивать исследования в этом направлении; важную роль здесь играет то обстоятельство, что институт объединяет славяноведов – историков, филологов и культурологов.

Для российского славяноведения исследования в области этнических стереотипов имеют особое значение. Во многих славянских странах отношение к России стало своего рода орудием во внутривосточной борьбе. Такая борьба нередко служит питательной почвой для распространения русофобии. Это явление совершенно не изучено в российском славяноведении, хотя представляет для него особый интерес. Данный комплекс проблем также становится важным направлением в работе института.

Ученые института активно разрабатывают проблему роли религии в истории народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. До последнего времени наша академическая наука практически не касалась этой тематики.

Институт имеет разветвленную систему международных научных связей. Его представители участвуют в работе Международного Комитета славистов, а также функционирующих при нем комиссиях.

Институт – базовое учреждение для Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК), действующей под эгидой ЮНЕСКО. В рамках института существует Центр информации и документации МАИРСК, издающий дважды в год его "Информационный бюллетень", в котором наряду с научными проблемами освещается деятельность национальных комитетов МАИРСК, входящих в ассоциацию.

Деятельность института приобрела в последние годы общественно-политическое

звучание, особенно в связи с празднованием Дня славянской письменности и культуры, который последние шесть лет отмечается в Российской Федерации как государственный праздник.

Институт организует ставшие традиционными при проведении этих празднеств международные научные конференции "Славянский мир: единство и многообразие". В мае 1996 г. институт организовал международную научную конференцию в рамках проведения "Дней славянской письменности и культуры" в Костроме, ряд круглых столов в Москве.

На торжественном заседании, посвященном 50-летию института, присутствовали многочисленные гости, представители Президиума РАН, ОИ РАН, академических институтов, вузов, других научных и культурных учреждений России.

В приветствии коллективу института от имени Президиума РАН, подписанном президентом РАН академиком Ю.С. Осиповым, вице-президентом РАН академиком В.Н. Кудрявцевым и главным ученым секретарем РАН академиком Н.А. Платэ, подчеркивается, что "заметным вкладом в развитие науки институт прочно утвердил свое место в мировой славистике. Для России, как крупнейшего славянского государства, его деятельность имеет особое значение. Создание России как самостоятельного государства, образование СНГ поставили перед российскими славистами задачи государственной важности, особенно в области украинистики и белоруссоведения, изучения современного балканского кризиса. Мы с удовлетворением констатируем, что институт своевременно отреагировал на происшедшие изменения, внес серьезные коррективы в свои исследовательские проекты и организационную структуру. Не случайно на ваш институт, как на базовый, опирается деятельность Научного Совета Президиума РАН по проблемам развития стран СНГ".

В своем приветственном слове академик-секретарь Отделения истории РАН академик А.А. Фурсенко отметил, что Институт славяноведения и балканистики РАН занимает достойное место в ряду других институтов Отделения, научные труды ученых института по праву пользуются признанием мировой научной общественности.

Директор Института научной информации по общественным наукам РАН академик В.А. Виноградов подчеркнул, что "оба института сближает активное сотрудничество в подготовке научно-информационных и аналитических работ". Он выразил уверенность, что это сотрудничество будет успешно продолжаться и в будущем.

Директор Института российской истории РАН, член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров в своем выступлении подчеркнул, что "наши институты с давних пор связывают родственные и дружеские узы. Мы помним, что часть ваших сотрудников когда-то работали в Институте истории... В составе вашего коллектива со времени основания института дружно и плодотворно работают историки, лингвисты, литературоведы, фольклористы, искусствоведы, что позволяет вам создать первоклассные комплексные работы не только по политической и социально-экономической истории, но и о культуре южных и западных славян, а также о происхождении всех славянских народов, в том числе и восточного славянства".

Директор Института всеобщей истории член-корреспондент РАН А.О. Чубарьян особо отметил заслуги коллектива института "в изучении места и роли славянских компонентов в мировой цивилизации". Институт осуществил "серьезный прорыв в славяноведении на основе его понимания не только как комплекса научных дисциплин, но и учитывая богатые возможности интердисциплинарных исследований. Подготовлены и опубликованы серьезные труды, в которых раскрываются проблемы социальной, политической и духовной жизни славянских народов".

Поздравления коллектива Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая передал его директор д.и.н., проф. В.А. Тишков, подчеркнувший в своем выступлении, "что, невзирая на все преграды, Институт славяноведения и балканистики сумел удержать свои позиции и стал ведущим научным учреждением в области славистики".

От Института Дальнего Востока РАН юбиляров поздравил зам. директора института член-корреспондент РАН В.С. Мясников.

Теплые слова в адрес института и его коллектива прозвучали в выступлениях представителей Института востоковедения и Института археологии РАН.

Декан исторического факультета МГУ д.и.н., проф. С.П. Карпов отметил, что "между историческим факультетом и институтом всегда поддерживались активные научные контакты. Среди сотрудников института разных поколений много наших выпускников; совместными усилиями мы создавали коллективные труды, проводили научные конференции и симпозиумы. Ученые института читали спецкурсы, руководили дипломными сочинениями и кандидатскими диссертациями студентов и аспирантов факультета. Мы убеждены, что наше плодотворное сотрудничество будет продолжаться и в дальнейшем на благо отечественной науки"

Заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев особо выделил тесное и плодотворное взаимодействие кафедры и института: "Труды сотрудников института были и есть той питательной средой, без которой трудно себе представить возвращение молодой славянистической поросли"

На торжественном заседании с приветственными адресами выступили представители Федеральной архивной службы России, Центра хранения современной документации, филологического факультета МГУ, факультета иностранных языков МГУ, Института военной истории МО РФ, Историко-архивного и военно-мемориального центра Генерального штаба, Академии славянской культуры, журнала "Новая и новейшая история", Славянского фонда России.

На торжественном заседании присутствовали дипломатические представители ряда славянских стран, в том числе посол СР Югославии г-н Данило Маркович.

Институт получил поздравления от Посольства и Культурного центра Польши в Москве, Польской академии наук, Института истории Польской академии наук, Института славистики ПАН, Института политических исследований ПАН, Института литературоведческих исследований ПАН; Чешской академии наук, Института языкознания Чешской академии наук, Исторического института Чешской академии наук, Института литературоведения Чешской академии наук; Института истории Словацкой академии наук, Посольства Венгерской Республики в России, Института литературоведения Венгерской академии наук, Института истории Болгарской академии наук; Сербской академии наук и искусств, Института балканистики САНУ, Исторического института г. Белграда, Представительства Республики Сербской в РФ; Словенской академии наук и искусств, философского факультета университета в Любляне; Македонской академии искусств, Института национальной истории в Скопье; Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины, а также от многих зарубежных ученых.

В институте к 50-летию юбилею его деятельности было подготовлено специальное издание "50 лет Институту славяноведения и балканистики РАН" (М., 1996., изд-во "Индрик"), в котором сделан аналитический обзор научных исследований института за 50 лет и приведена обширная справочная информация.

А.В. Карасев,
Ученый секретарь Института
славяноведения и балканистики РАН

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАТИКИ И КВАНТИТАТИВНОЙ ИСТОРИИ

Одним из центральных событий на XI Международной конференции "History and Computing" (АНС), состоявшейся 20–24 августа 1996 г. в Москве, стало пленарное заседание, посвященное методологическим проблемам развития исторической информатики, ее соотношению с квантитативной историей¹. Основной доклад "Еще раз о методологии" был сделан д-ром Питером Доорном (Лейденский университет, Нидерланды). Проблемы, затронутые в докладе, вызвали дискуссию, в которой выступили ученые из России, Австрии, Германии. Однако число желающих высказаться сильно превысило возможности регламента конференции и организаторы решили провести "виртуальный круглый стол" по обсуждению проблем, поднятых в докладе П. Доорна. Мы получили по электронной почте более 20 откликов от участников конференции, которым был разослан текст обсуждаемого доклада. Предлагаем вниманию читателя текст доклада П. Доорна и ряд откликов на него. В этом номере журнала публикуется доклад П. Доорна и "контрдоклад" М. Таллера.

Это уже вторая дискуссия в нашей печати, отталкивающаяся от выступлений П. Доорна. Материалы первой были опубликованы в 13-м номере информационного бюллетеня "История и компьютер" в марте 1995 г. Импульс к ее проведению дал полемический доклад П. Доорна, названный им "Я и моя база данных" и представленный на пленарном заседании IX Международной конференции "History and Computing", состоявшейся в 1994 г. в Неймегене (Нидерланды). Основным пафос этого доклада был направлен против чрезмерного увлечения созданием баз данных (в ущерб аналитической работе).

В предлагаемом вниманию читателя докладе П. Доорна затрагивается более широкий круг проблем, начиная с вопроса о соотношении между историей и социальными и естественными науками, возможностях и границах статистических методов в исторических исследованиях и заканчивая более специальными проблемами, связанными с существованием двух основных подходов в развитии исторической информатики – проблемно-ориентированного и источник-ориентированного. Автор последнего – историк из Гёттингена д-р Манфред Таллер, один из основоположников исторической информатики – в течение многих лет совершенствует свою компьютерную систему KLEIO. Основное ее назначение максимально полно ("один к одному") перевести изучаемый источник в машиночитаемую форму, используя гибкую модель данных системы KLEIO, создать возможность для преобразования источниковой информации, обеспечения информационного поиска.

Доклад П. Доорна отражает основные направления дискуссии, ведущейся в последние годы в международной ассоциации "History and Computing". На наш взгляд, эта дискуссия выводит на крупные вопросы методологии исторического познания, выходящие за рамки более специальных проблем развития исторической информатики.

¹ Об этой конференции, а также о новом направлении исторических исследований – исторической информатике – см. *Бородкин Л.И.* Историческая информатика: этапы развития. – Новая и новейшая история, 1997, № 1.

Эти "проклятые вопросы" обсуждаются уже не первый десяток лет, причем возникают все новые сюжетные повороты, что и объясняет слегка ироническое название доклада П. Доорна².

Научное редактирование переводов проведено к.и.н. И.М. Гарсковой.

Л.И. Бородкин,
зав. лабораторией исторической информатики
исторического факультета МГУ,
Н.В. Пиотух,
научный сотрудник исторического факультета МГУ

² "Старое и прекрасное" – перевод измененного названия известного сериала ("мыльной оперы") – "The Bald and the Beautiful".

© 1997 г.

ПИТЕР ДООРН (Нидерланды)
ЕЩЕ РАЗ О МЕТОДОЛОГИИ. СТАРОЕ И ПРЕКРАСНОЕ:
"МЫЛЬНАЯ ОПЕРА" О НЕПОНИМАНИИ
МЕЖДУ ИСТОРИКАМИ И МОДЕЛЯМИ

1. ВВЕДЕНИЕ

В жизни люди часто неверно понимают друг друга. Непонимание может быть источником радости, так как без него мы лишились бы многих литературных произведений. Но оно может привести и к несчастью, как, например, религиозные войны, расцветавшие на его почве. Без непонимания мы лишились бы также и множества научных споров, которые можно рассматривать и как благо, и как помеху.

Многие недопонимания возникают потому, что мы создаем в своем воображении искаженный образ того, что наш партнер или оппонент имел в виду или хотел сказать, и тогда мы атакуем не реальную мысль, а искаженный стереотип. Непонимание может происходить от идеологических различий, преднамеренных или неумышленных, а также от традиций научного учреждения. Так, положение кафедры истории внутри факультета искусств, гуманитарных или социальных наук может быть почвой для разногласий.

Непонимание, о котором мы будем говорить сегодня, относится к сфере идей исторической информатики. Это расхождение между подходами, которые получили известность как "проблемно-ориентированный" и "источничко-ориентированный"³. При проблемно-ориентированном подходе целью использования компьютера является решение исторической проблемы. При источничко-ориентированном подходе цель – представить в компьютере полный объем информации, содержащейся в историческом источнике, без предварительной характеристики и только с последующим применением аналитических методов. Хотя этот спор и ведется относительно недавно, но, кажется, к сожалению, что он связан с некоторыми другими, затяжными и застарелыми: о природе собственно истории, о количественном и качественном подходах, о наблюдении и интерпретации, об источниках в истории и в других науках, об обоб-

Д-р Питер Доорн – преподаватель кафедры социально-экономической истории Лейденского университета, директор Нидерландского архива машиночитаемых исторических данных Королевской Академии наук (Нидерланды).

³ Denley P. Models, Sources and Users: Historical Database Design in the 1990s. – History and Computing, 1994, 6:1, p. 33–34.

щении и объяснении, об уникальном и универсальном, о "рыхлости" гуманитарных и "точности" естественных наук и о сравнении повествовательного и "социально-научного" подходов в истории.

Это и в самом деле огорчает, так как я хорошо понимаю высказывание историка Древнего мира сэра Мозеса Финли: "Историки, как и представители других дисциплин... с неохотой анализируют себя и свою деятельность: они оставляют это философам, чьи попытки затем отвергают как некомпетентные, или не относящиеся к делу, или и то и другое сразу"⁴.

Я могу утешить вас только тем, что я не философ, но обратиться к спорным вопросам эпистемологии и историографии придется неизбежно.

2. МОДЕЛИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАТИКЕ

Тема конференции, для которой подготовлен данный доклад, – моделирование источника, моделирование истории. Само понятие "модель" немедленно вызывает непонимание, которое порождает целую цепь дальнейших пререканий из-за пустяков. Проблема в том, что существует великое множество идей по поводу того, что такое модели и как их можно использовать.

В математике теория моделей – это самостоятельное направление, ярко расцветшее после второй мировой войны. Первые изыскания были проведены около 1930 г. Т. Скоулемом (Норвегия), К. Геделем и А. Тарским (США) (в числе других исследователей). Но из сферы математической логики применение моделей широко распространяется на эмпирические науки. Лео Апостел приводит целый ряд причин, обусловивших использование моделей в эмпирических науках. В сущности, они кажутся пригодными для любой практически возможной ситуации, независимо от того, есть у вас теория (а то и две альтернативных теории) или нет. Теория может быть хорошо обоснованной, но несовершенной, или же может оказаться верным обратное утверждение. В соответствии с широкой сферой приложения моделей Апостел приходит также к очень широкому и общему определению: любой субъект, использующий систему А, которая ни прямо, ни косвенно не взаимодействует с системой Б, для получения информации о системе Б, использует А как модель для Б⁵. Возможно, вы предпочтете более прямолинейную вербальную дефиницию модели как (упрощенного) представления об объекте, состоянии или процессе.

В литературе можно обнаружить великое множество моделей. Это объясняющие и дескриптивные (описательные) модели, теоретические и эмпирические, алгебраические и качественные, общие и частичные, модели *a-priori* и *a-posteriori*, динамические и статические, расширенные и ограниченные, имитационные и экспериментальные, детерминистические и стохастические, семантические и синтаксические, не говоря уже об иных типах моделей, с которыми можно столкнуться⁶. Следует выделить также масштабные модели самолетов и кораблей, компьютерные модели, модели данных и супермодели. Функция моделей может быть исследовательской и эвристической, редуцирующей и упрощающей, объясняющей или управляющей, а в общем – формализующей исследование. Часто модели применяются, чтобы навести мост через ущелье, разделяющее теорию и практику.

Многие историки не любят модели, или, говоря словами Финли, "моделирование – редкий процесс у историков, за исключением экономических историков"⁷. Финли заим-

⁴ *Finley M.I.* Ancient History: Evidence and Models. London, 1985, p. 1–2.

⁵ *Apostel L.* Towards the Formal Study of Models in the Non-Formal Sciences. – The Concept and the Role of the Model in Mathematics and Natural and Social Sciences. Dordrecht, 1960, p. 1–37.

⁶ Существует несколько попыток систематизировать использование моделей в системе классификации; заметьте, однако, что перечисленные здесь названия моделей не всегда взаимоисключающи. См., например: *Models in Geography*. Ed. by Chorley R.J. and Haggett P. London, 1967; *Harvey D.* Explanation in Geography. London, 1973.

⁷ *Finley M.I.* Op. cit., p. 61.

ствует свое определение модели у Р. Чорли и П. Хэггета: "Упрощенное построение действительности, которое представляет предположительно значимые отношения в обобщенной форме"⁸. При столь широком толковании "идеальные типы" Макса Вебера – тоже модели. Финли различает математические и нематематические модели, но и те и другие находятся в постоянном процессе коррекции, модификации или прямой замены. "Нематематические модели имеют практически неограниченный спектр пригодности: если клиометрические модели ограничены количественными данными, то не существует практически ничего, что нельзя было бы концептуализировать с помощью нематематических моделей". Более того, у Финли исчезает привычный страх *априоризма*, так как любая гипотеза может быть видоизменена, выверена или отброшена в случае необходимости.

Работа П. Макклелланда о причинности и использовании моделей в истории, экономистических исследованиях и "новой экономической истории" – хороший пример, иллюстрирующий утверждение Финли о том, что моделирование чаще применяется в области экономической истории. Знаменательно, что его книга заканчивается вопросом, в котором сжато выражено историографическое кредо автора: "Неужели не существует средней позиции?" (между инстинктивной тягой собирателя-антиквара к уникальному и интересом клиометриста к обобщениям)⁹. Спустя более чем 20 лет этот вопрос все еще волнует сообщества историков в различных научных центрах.

Использованию моделей как упрощенного образа действительности присущ интересный парадокс: чем сложнее модель, тем лучше она отражает действительность, но тем меньшее значение имеет она для объяснения. При масштабе изображения действительности 1:1 модель перестает объяснять что бы то ни было. Другими словами, простая модель обладает большей возможностью решения проблемы, чем сложная, но сложная модель содержит значительно больше информации, чем простая. Макс Вебер уже сформулировал этот парадокс: чем значительнее обоснованность или масштаб представления, тем дальше оно уводит нас от богатства действительности. Чем абстрактнее модель, тем более будет она лишена сути¹⁰.

3. ИСТОРИЯ: ИСКУССТВО ИЛИ НАУКА

С тех пор, как Джон Стюарт Милль заявил в середине XIX в., что "нет никаких существенных логических различий между принципами, в соответствии с которыми мы объясняем природные изменения, и теми, в соответствии с которыми мы объясняем изменения социальные", ведется спор по этому вопросу. К сожалению, этот спор создал путаницу в решении многих отдельных проблем, связанных с понятием научного объяснения.

Обычно, когда обществоведы или историки отвергают идею "научного объяснения" для своей дисциплины, они неявно подразумевают единственную модель в форме механистического объяснения, такую, как в Ньютонской физике. Экспериментальный метод, который считается эталоном научности, является тем не менее, без сомнения, единственным методом, используемым в науке: достаточно вспомнить "мысленный эксперимент" Эйнштейна¹¹. Это убедительный пример непонимания, вызванного широко распространенным, хотя и близоруким взглядом. Возникают возражения против стереотипа, но мы забываем спросить самих себя, насколько правилен образ этого стереотипа. Чтобы проиллюстрировать этот момент, я остановлюсь на взглядах американского палеонтолога Стивена Джея Гулда¹².

⁸ Ibid., p. 60.

⁹ McClelland P.D. Causal Explanation and Model Building in History, Economics and the New Economic History. Ithaca – London, 1975.

¹⁰ Weher M. The Methodology of the Social Sciences. (English ed.). Glencoe (Ill.), 1949, p. 80; см. также: Harvey D. Op. cit., p. 50.

¹¹ Речь идет о теории относительности. – Прим. ред.

¹² Gould S.J. Wonderful Life: the Burgess Shale and Nature of History. New York, 1989.

3.1. Биология как естественная история

Гулд видит в "естественных науках" многие области – и среди них космологию, геологию и эволюцию, – которые следует изучать с помощью исторических методов. По его мнению, верный метод базируется на рассказе, а не на эксперименте в обычном смысле слова. Для законов Ньютоновой физики характерно то, что они не изменяются в пространстве и времени и что их контрольные эксперименты могут быть повторены в лаборатории. "Распутывание" истории должно базироваться на реконструкции собственно событий прошлого. Исторические объяснения во многих отношениях отличаются от результатов лабораторных экспериментов. Верификация повторением не играет роли, так как мы хотим истолковать уникальные детали, для которых вероятность самоповторения очень мала, что обусловлено необратимостью времени. Конечно, исторические события не нарушают общих принципов материи и движения, но они принадлежат к сфере того, что Гулд называет "случайными деталями": мы можем объяснить событие ретроспективно, но не можем предсказать его.

"Исторически ориентированные" ученые не менее других способны делать твердые выводы, хотя они и не проводят экспериментов. Исторические дисциплины используют иные способы объяснения, основанные на наблюдении и сравнении многочисленных данных. Мы не можем непосредственно наблюдать событие в прошлом, но и естественные науки не стоят на чистом наблюдении: вы не увидите электроны, тяготение или черные дыры. Первоисточенная потребность любой науки, включая историю, – не прямое наблюдение, а возможность фальсификации¹³. Мы должны быть способны установить, являются ли наши гипотезы полностью ошибочными или они, возможно, верны.

Исторические объяснения должны быть логически обоснованными, интересными и информативными. Исторические объяснения часто принимают форму рассказа. Гулд рассматривает непредвиденность как основополагающий принцип истории. Историческое объяснение базируется не на выводах из законов природы, а на непредсказуемом ряде предшествующих стадий.

Гулд сомневается, что если миллион раз проиграть ленту жизни от момента ее происхождения, то что-нибудь подобное *Homo sapiens* могло бы вновь развиться. С другой стороны, история не независима от законов природы: законы – в основе, у истоков, а непредвиденность – в деталях. Вопрос же в том, где лежит граница между неизменными законами и многообразием возможностей в исторической случайности¹⁴. Это гораздо более серьезно, чем полагают многие историки, так как даже для Финли "без теории все превращается в чистую случайность"¹⁵ и мы можем с тем же успехом собирать марки. В конечном счете взгляд Гулда на науку сходится со взглядом Джорджа Вильямса: "И биолог, и физик вынуждены принимать во внимание историческое наследие, чтобы объяснить любое явление существующего мира"¹⁶.

3.2. Объяснение в истории и в других областях знания

Многие мыслители ломали голову над вопросом о том, отличается ли объяснение в истории от объяснения в какой-либо другой области. Польский историк Ежи Топольски выделяет различные виды объяснений: дескриптивное, генетическое, структурное, дефиниционное и причинное. Генетическое изложение фактов, или последовательное

¹³ Фальсификация (удачнее был бы термин "фальсифицируемость") в современной методологии науки – важный признак научности той или иной теории. Имеется в виду, что научная теория должна предполагать возможность эксперимента, в котором эта теория может быть опровергнута или подтверждена. – *Прим. ред.*

¹⁴ *Gould S.J.* Op. cit., p. 312.

¹⁵ *Finley M.I.* Op. cit., p. 5.

¹⁶ *Williams G.C.* A Defense of Reductionism in Evolutionary Biology. – *Oxford Surveys in Evolutionary Biology*, v. 2, p. 20.

описание хода событий, используется многими историками, но это не то же самое, что причинно-следственное объяснение. Это может быть также "изложение того, что мы знаем" о предмете. Однако часто причинность в какой-либо форме подразумевается при изложении¹⁷.

Дэвид Харви выделяет три стороны в объяснении: технику объяснения (прагматику), его понятийное содержание (семантику) и его логическую структуру (синтаксис)¹⁸. Что касается первого, то сомнительно, что методы исследования, применяемые в естественных науках, социальных науках и в истории, отличаются друг от друга больше, чем они отличаются друг от друга внутри каждой из этих областей¹⁹. Что касается понятийного содержания объяснений, то многие историки и обществоведы решительно возражали против предположения, что понятия, включенные в законы физики, могут быть с небольшими изменениями приложимы к изучению человеческого поведения. Хотя позитивистский подход философов, таких, как О. Конт и Дж. Милль, предполагает, что мир явлений – это детерминированный мир, управляемый по законам механики, очень немногие ученые сегодня верят в эту теорию часового механизма. Даже в физике Ньютонова идея механистической вселенной отвергнута. Харви заявляет, что "существует много различных типов понятийной структуры (он упоминает механистическое, генетическое и системное объяснения. – П.Д.), приемлемых для истолкования объяснений, и стоит спросить, разумно ли исходить из того, что лишь одна понятийная структура доминирует или может доминировать для всех наук"²⁰.

В отношении понятий существует такое же множество различий внутри дисциплин, как и между ними, и, таким образом, требование методологического размежевания между естественными и социальными науками на почве важных понятийных отличий не может быть поддержано. Это не подразумевает того, что методологические идеи из одной области легко могут быть применены в другой. Привлечение приблизительных аналогий из физики для общественных наук или из биологии для истории – опасно, и простота может быть контрплодотворной.

Что касается логической структуры объяснения, то Харви исследует возможность применения для истории взглядов Поппера – Гемпеля для объяснения с помощью модели "охватывающего закона". Дискуссия сводится к спору между номотетическим и идиографическим подходами: поиск общих правил против исключительности, уникальности. Хотя идиографический метод и является ведущим в истории, историки не могут обойтись без общих правил, категорий, принципов и классов. И наоборот, номотетический метод господствует в естественных науках, но и здесь необходимо объяснять уникальные события (происхождение Вселенной или жизни на Земле). Маловероятно, что историки (и обществоведы) когда-нибудь будут способны сформулировать столь завершённые объяснения, как "законы" физики: им придется удовлетвориться "объяснительными набросками" Стоит отметить, что распространенное мнение о том, что "история повторяет себя", – проявление в разное время и при разных условиях тенденций, сходных на некотором общем уровне.

Следует все же признать, что использование в человеческом контексте "научного метода" в его детерминистской, механической форме было не слишком продуктивным для получения значимых результатов. Поэтому не удивительно, что историки (и обществоведы) либо отвергали научное объяснение в форме модели, либо были не слишком точны при его применении. Мы можем, вероятно, согласиться, что функция историка – "создавать надежно подтвержденные объяснения исторических событий" Как считает Харви, "научное исследование – это, помимо всего прочего, творческая

¹⁷ *Topolski J.* Op. cit., p. 582–583.

¹⁸ Д. Харви заимствует это различие у Карнапа. См. *Harvey D.*, Op. cit., p. 45; *Carnap R.* Introduction to Symbolic Logic and its Applications. New York., 1958, p. 78–79.

¹⁹ *Rudner R.S.* Philosophy of Social Science. Englewood Cliffs, 1966, p. 5.

²⁰ *Harvey D.* Op. cit., p. 47.

попытка воображения. Ни в естественных науках, ни в социальных науках, ни в истории ничто не может заменить исследователю трезвого суждения, сочувственного понимания или творческой интуиции²¹. Все орудия гремят в битве за объяснение, если они научно оправданы.

3.3. Непонимание между нарративистским и социально-научными подходами

Все обсуждавшиеся до сих пор моменты возвращаются в следующем эпизоде мьслной оперы: споре между "нарративистским" и "социально-научным" подходами в истории. Голландский историограф Пьер Врис очень удачно суммировал этот спор. Когда видишь контраст между большими надеждами на эффективность нового подхода и несколькими бледными результатами, то реакция в виде возрождения нарративного подхода не изумляет²².

Утверждение 70-х годов о том, что квантитативная история откроет новые пути к знанию в новых областях, сейчас подвергается сомнению самими клиометристами. Совершенствование одних и пересмотр других элементов традиционного изложения – гораздо более скромное требование, выдвигаемое современными клиометристами: "[клиометрика]... внесла вклад в разработку нарративизма. Клиометрика не вывела нарративную историю из употребления"²³. При решении некоторых проблем надо прибегать к социально-научному подходу, для других больше подходят "традиционные" методы истории. В то же время все формы исторического рассуждения, включая простейшее изложение, постоянно классифицируют, концептуализируют и обобщают. Воистину, плоть слабее духа.

Врис приходит к интересному заключению, что "социально-научные" историки гораздо менее номотетичны в своих практических работах, чем они претендуют быть в своих теоретических сочинениях, а нарративисты на практике менее идиографичны, чем они пытаются казаться. И снова кажется, что идеальные представления о двух противостоящих точках зрения основаны на стереотипах и взаимная критика направлена в значительной степени на ветряные мельницы противника. Тем не менее теоретические претензии нарративистов слишком велики.

В беспощадной атаке на постмодернистский нарративизм историк Древнего мира Бастиан Боммелье отвергает как донаучные "исторические ощущения" в качестве "момента истины в познании истории" "Повествование, стиль – это упаковка, а не содержание исторической науки"²⁴. Постмодернисты заблудились на ненадежной почве языка. Нарративистское заявление о том, что создание образа прошлого – это не то же, что основанное на фактах описание прошлого (которое невозможно), не относится к делу. Нарративисты не могут предложить новую парадигму, а предлагают лишь различные виды нерегулярных элементов, которые предшествуют научным утверждениям.

Исторические сочинения могут быть литературными или скучными, но вопрос в другом – насколько они точны или объясняют то, о чем написаны. Восхитительные, занимательные, захватывающие, ужасающие исторические сказки могут быть забавным чтением, но это не самое существенное. В крайнем случае мы можем покончить с историческими описаниями, потому что они столь же нереальны, как научная фантастика: вымысел, даже прекрасный, есть вымысел. В определенном смысле литературный стиль даже опасен. Научные тексты зачастую пишутся намеренно скучно, чтобы не отвлекать читателя от аргументации автора. Нечто ложное, но

²¹ Ibid., p. 60.

²² Vries P.H.H. Vertellers of drift: een verhandeling over de nieuwe verhalende geschiedenis. Hilversum, 1990.

²³ Fogel R.W. "Scientific" History and Traditional History. – "Which Road to the Past?". Ed. by R.W. Fogel and G.R. Elton. New Haven – London, 1983, p. 48.

²⁴ Bommelijé B. Een dubbel post mortem: Karl Popper en de geschiedfilosofie – In: Hollands Maandblad, 36:1 (1995), p. 9.

написанное хорошим стилем, может быть столь убедительным, что заставит поверить в себя как в реальность. Это справедливо и для документальных, и для художественных фильмов: созданный ими образ может быть столь сильным, что затмит иные точки зрения, даже основанные на более твердой почве (например, в кинофильме С.М. Эйзенштейна "Октябрь" версия штурма Зимнего Дворца).

Как пишет Боммелье, "неважно, получены ли исторические результаты с помощью компьютерного анализа, религиозного убеждения или вспышки эстетического чувства. Принимают ли они форму таблицы, литературного и образного рассказа или ряда сухих положений, не имеет значения для вопроса о том, насколько они научны; единственное, что важно – это то, что их можно оспорить в публичной аргументированной дискуссии". Нет единого способа написания истории или единого способа интерпретации исторических источников, как нет и единственного способа читать историю.

Как и у других наук, у истории нет твердой почвы, нет жестких и вечных истин. Мы никогда не узнаем, "как это было на самом деле", но мы можем подобраться поближе к этому идеалу путем нескончаемого спора между различными теориями об исторических источниках. Логика дает нам правила игры не для того, чтобы доказывать что-то, а как систему, с помощью которой можно отвергнуть необоснованные гипотезы. Теория дискуссии предлагает набор формальных процедур, чтобы вести соревнование научных утверждений.

4. ПРОГРЕСС В ИСТОРИИ

Существует прогресс в естественных науках, но существует ли он также и в истории? Лучше ли сегодняшние толкования Гомера толкований вековой давности? Можно ли изучать Фукидида, читая то, что позднейшие историки написали о греческой цивилизации и религии в античности? Можно ли говорить о прогрессе в историографии? В соответствии с тем, что было названо доктриной Кроче–Вайна (по имени философов и историков Б. Кроче и П. Вайна), *интеллект* истории обогатился со времен греков до наших дней не потому, что мы знаем принципы или результаты событий истории человечества, а потому, что мы достигли большей казуистики в интерпретации этих событий²⁵.

Финли приводит четыре доказательства роста исторического знания:

1. Объем данных, просто количество известных фактов возрастает день ото дня вследствие открытия и публикации ранее неизвестной информации.

2. Постоянно улучшаются технические приемы путем применения современных естественнонаучных методов в археологии, использования компьютера в лексикологии и т.д.

3. Каждый историк неизбежно страдает от неведения того, что случится после него. Любой историк, даже самый заурядный, обладает тем не менее бóльшим "историческим опытом", чем его предшественник, даже выдающийся.

4. Естественным следствием накопления исторического опыта является изменение или по крайней мере возможное изменение в акцентах и объяснительных моделях.

Финли представляет и некоторые контрдоводы: "Изучение и написание истории ... является формой идеологии", а трактовка прогресса сама по себе является ценностно-ориентированной. Улучшения в методике и технике кажутся ему незначительным, второстепенным вопросом, так же как и – в значительной степени – различия между нарративным и "какими-либо другими видами" исторического исследования, которые просто отличаются иными методическими подходами или вниманием к определенным историческим явлениям, подходящим для изучения с помощью новых, более сложных методов²⁶.

²⁵ Veyne P. Comment on crit l'histoire. Paris, 1971. p. 255.

²⁶ Finley M.I. Op. cit., p. 5.

4.1. "Мыльная опера" конфликтующих идей

По мнению Боммелъе, единственный значимый критерий в науке – это нескончаемая борьба различных идей в обществе, путь, который Поппер назвал путем догадок и опровержений, плутанием по нехоженой тропе к неизвестной цели. Наука – это процесс, в котором знание возрастает, иногда постепенно, иногда – скачками, часто – тройными прыжками и иногда – *reculer pour mieux sauter* (из огня да в полымя).

Лучшее средство, которое у нас есть для научного выполнения нелегкой научной работы, – это логическая аргументация. По словам Поппера, "вся наука, вся философия – это просвещенный здравый смысл", а единственный инструмент научного прогресса – это критика. Разумеется, практика науки и конечно же исторического исследования гораздо более беспорядочна, чем хотел это признавать Поппер. Суть критики, как и в классической экономике, состоит в том, что "рынок" идей, научных моделей и теорий функционирует небезупречно.

Логическая аргументация может быть лучшим орудием в критическом споре, но рационализм, безусловно, не единственное орудие. Академический престиж и положение, донаучные эмоции, пристрастия и предубеждения, а также вера и удача играют свою роль в битве идей. Прогресс в истории – это форма Ламарковой эволюции, где идеи наследуются для дальнейшей разработки следующими поколениями. Можно рассматривать прогресс в истории как особый случай прогресса в культуре, при котором выживание идеи лишь частично зависит от разумного выбора²⁷.

Боммелъе считает историю "медленной наукой". Она настолько медленна, что мы с трудом замечаем прогресс, если смотрим на развитие в течение нескольких лет или десятилетий. Но утверждение, что мы просто "иначе" смотрим на прошлое сейчас, век спустя – слишком слабое. Мы знаем гораздо больше и гораздо точнее, чем историки предыдущих поколений. Несомненно, прогресс в естественных науках и технологии быстрее и более заметен. Роль и аргументации, и природы данных там значительнее. В истории же многие факты никогда не будут доказаны бесспорно. Мы до сих пор не знаем, где находилась Итака, и, вероятно, никогда того не узнаем, хотя число конкурирующих предложений и аргументаций все растет и растет. В таких ситуациях, которые совершенно обычны для историографии, противостоящие идеи могут сосуществовать в течение долгого времени, может быть, – неограниченно долго. Когда проблемы истинности не могут быть решены из-за недостатка знания и сведений, идет борьба мнений, но борьба идей бессмысленна, т.е. она не приводит к определенным результатам. Таким образом, я склоняюсь к выводу, что историческое знание в общем растет, но этот рост не везде прослеживается.

Вывод Финли о том, что "изучение истории не является научным занятием в точном смысле слова", подчеркивает различия между такими понятиями, как повторение, объективность, предсказание, эксперимент, и действием общих законов. Более того, в истории отличается и сам объект, и история в противоположность естественной науке не имеет заметной практической пользы²⁸.

Боммелъе в то же время заключает, что особый эпистемологический статус исторических дисциплин следует отвергнуть. Исторические идеи не являются неприкосновенными и не могут быть такими для критических споров. Историческое знание столь же преходяще, как и все научное знание. Мы не способны достоверно установить, каким было прошлое в действительности, но это и не цель нашей дисциплины. История – это "аргументация" в прошлом.

Мой вывод состоит в том, что неважно, пришли вы в конце концов к заключению: история – наука или нет. Существуют явные различия между некоторыми аспектами естественных наук и некоторыми аспектами истории, но существует и сильное

²⁷ Здесь применимо понятие "memes", как эквивалент генов в интеллектуальной сфере. См. *Dawkins R. The Selfish Gene. London, 1978, p. 203 ff.*; см. также: *Dennett D.C. Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the Meanings of Life. New York, 1995.*

²⁸ *Finley M.J. Op. cit., p. 104.*

сходство между другими их аспектами. Пропась между, например, историей и геологией не шире и не глубже, чем между геологией и физикой²⁹. Вместе с британским философом С. Е. М. Джоадам я вынужден ответить на вопрос, "является ли история наукой?", фразой: "Это зависит от того, что подразумевается под наукой"³⁰.

5. ИСТОЧНИКО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ОБРАБОТКА ДАННЫХ И КВАНТИТАТИВНАЯ ИСТОРИЯ: "МЫЛЬНАЯ ОПЕРА" ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Теперь – новые серии нашей "мыльной оперы" Персонажи и декорации – те же, но появились новые актеры. В маленьком городке Гёттинген университет (основание которого было обеспечено бароном Мюнхгаузеном, кузеном знаменитого рассказчика) был пристанищем исторической мысли в Германии, по крайней мере в XVIII и XIX вв. Необычно, что начиная с 1770-х годов курс статистики преподавался профессором истории. Это был курс, посвященный современным странам, их населению, природным условиям, внутренним связям, законодательной политике и морали. Этот курс привлекал множество студентов, хотя важны были и другие курсы политических наук. Другой гёттингенский профессор, предположительно, сказал, что "история без политики – это просто монашеские хроники"³¹

Более современный нам историк из Гёттингена Манфред Таллер недавно опубликовал статью, озаглавленную "Источнико-ориентированная обработка данных и квантификация: недоверчивые братья", в сборнике статей под названием "Статистика для историков"³². Он рассматривает вопрос о том, почему источнико-ориентированная обработка данных и квантитативные методы становятся все более антагонистическими.

Важное направление в споре – является ли история точной наукой. Таллер приводит в пример закон Бойля – Гей-Люссака как открытие, типичное для точных наук, и заявляет, что историки никогда не достигнут в своей области ничего, хотя бы приблизительно подобного по точности. Попробуем более детально рассмотреть этот тезис.

5.1. Детерминизм и вероятностность: Ньютонова физика и квантовая революция

Сэр Роберт Бойль жил с 1627 по 1691 гг. и был современником сэра Исаака Ньютона, родившегося 15 годами позже. Бойлев закон поведения газа был открыт им в 1662 г. и (независимо) – Мариоттом в 1676 г. и стал известен как закон Бойля–Мариотта. В нем говорится, что при постоянной температуре давление газа обратно пропорционально его объему: например, если объем уменьшается наполовину, то давление газа удваивается (при фиксированной массе газа). Этот закон может быть выведен теоретически из кинетической теории газов. В начале XIX в. он был обобщен Гей-Люссаком.

По Таллеру, между точными науками и историей – фундаментальная разница. В точных науках *"подающиеся наблюдению причины имеют подающиеся наблюдению следствия"* "То, что термометр сообщает нам о газе, – бесспорно", но вот является ли "факт" из источника верным индикатором того, что явление фактически "полностью раскрыто"? Риторически Таллер спрашивает: "Что было бы с точными науками, если бы Гей-Люссак не был уверен в инструментах, измерявших температуру или магнитное поле внутри газа?"³³.

²⁹ Carr E.H. What is History? London, 1961, p. 70–86.

³⁰ Marwick A. The Nature of History. London, 1981, p. 99.

³¹ Butterfield H. Man on His Past: the Study of the History of Historical Scholarship. Cambridge, 1969, p. 41–51.

³² Thaller M. Source-Oriented Data Processing and Quantification: Distrustful Brothers. – Statistics for Historians. Ed. by L. Borodkin. M. Thaller and J. Turner. St. Katharinen, 1995, p. 125–144.

³³ Thaller M. Op. cit., p. 142.

Однако этот вопрос уже не столь риторичен, как век или более тому назад. Во-первых, законы Бойля–Мариотта и Гей-Люссака абсолютно подходят только для идеальных газов; для реальных газов и насыщенных паров эти законы не подходят. Значит, в действительности измерения Бойля и Гей-Люссака отнюдь не бесспорны.

Во-вторых, и это важнее, в соответствии с кинетической теорией газ состоит из большого числа двигающихся молекул. Давление возникает как результат поведения групп молекул. Согласно Ньютоновой физике молекулы газа подчиняются детерминистическим законам. Теоретически возможно было бы рассчитать путь каждой молекулы. Однако этот детерминистский взгляд на природу был опровергнут. Эксперименты на субатомном уровне научили нас тому, что у молекул невозможно предсказать индивидуальные ядерные превращения. Принципиальная неопределенность в поведении отдельных частиц полностью признана физиками еще в начале этого века³⁴. Только заключения, основанные на вероятностных ядерных превращениях, рассматриваются как возможные со времени Копенгагенского истолкования квантовой механики 1927 г.³⁵

Все это совсем не подразумевает, что газы перестали подчиняться закону Бойля–Мариотта и Гей-Люссака, а яблоки прекратили падать с деревьев в подлинно ньютоновском духе. Я только хочу подчеркнуть, что в естественной науке значительно больше места для неточности (неопределенности), чем часто полагают историки. Более того, в конце XX в. неразумно требовать, чтобы квантитативная история подчинялась детерминистическим законам, таким, как закон Бойля – Мариотта и Гей-Люссака. Пусть останется хоть немного места для вероятностной трактовки.

5.2. Факты и видения

Развивая свою аргументацию о том, что история – "неточная наука", Таллер пишет: "факты", которые историки наблюдают в источниках, не являются совершенно достоверным индикатором того, что происходило в действительности. Но мы только что видели, что наблюдение в естественных науках также более проблемно, чем Таллер пытается нас убедить. По крайней мере контраст между "бесспорными наблюдениями" в науке и "вполне свободными" интерпретациями исторических источников сильно преувеличен. Насколько похожи такие источники, как метеорит, найденный недавно в Антарктике, и документ, обнаруженный в архиве? В обоих случаях нам необходимо установить происхождение, подлинность и достоверность источника. Что именно представляет источник? Откуда мы знаем, что метеорит, как утверждают американские ученые, действительно прилетел с Марса? Там не было никого, кто мог бы засвидетельствовать коллизию, послужившую причиной того, что кусок марсианской скалы был выброшен в космос 15 млн. лет назад. Как он попал в "антарктический архив" примерно 13 тыс. лет назад? Являются ли химические следы окаменелыми микробами? Насколько косвенными могут быть наблюдения, чтобы подтвердить редчайшее, может быть, уникальное событие по единственному свидетельству?

Конечно, исторический факт не является фактом потому, что что-то оказалось написанным в архивном документе-источнике. Нельзя представлять себе исторический факт как вечную истину: исторические факты, как другие научные факты, – это всего лишь предварительно принятые результаты аргументаций.

³⁴ Это может привести к интересному видимому (или реальному?) парадоксу: вероятно, проще объяснить решения отдельной личности, чем отдельного атома газа, в то же время проще объяснить групповое поведение атомов газа, чем социальной группы.

³⁵ *Stapp H.* The Copenhagen Interpretation and the Nature of Space-Time. – *American Journal of Physics*, No 40, 1972, p. 1098.

5.3. Сложность

Вторым направлением аргументации Таллера является то, что объект изучения в истории гораздо сложнее, чем объект в естественных науках. Например, сложность исторической общины намного больше, чем сложность газа. Уровень абстракции выше на несколько порядков. Так ли это?

Биолог Ричард Докинс определяет сложность следующим образом: организм сложный, если у него гетерогенная структура, т.е. если он состоит из неодинаковых компонентов. Молочный пудинг является простым в том смысле, что если его разрезать пополам, то обе порции будут иметь одинаковое внутреннее устройство, – пудинг гомогенен. С машиной или человеческим существом это нельзя проделать. Но и этого недостаточно, так как по такому определению Луна или Эверест – тоже сложные объекты. Дополнительное условие в том, что сложная вещь обладает неким качеством, заранее определяемым, а ее составные части расположены в таком порядке, который вряд ли мог возникнуть случайно. В этом смысле кусок скалы или газ – просты, а мощный двигатель или животное – нет.

Какого рода объяснение удовлетворит нас, если мы заинтересуемся тем, как работает сложный организм или система? По Докинсу, путем наблюдения за компонентами, их функционированием и взаимодействием. Но как действуют компоненты? Наблюдайте за субкомпонентами и так далее. Вы можете завершить свое изучение сложного объекта наблюдением за элементарными частицами и кварками. Эта пирамида объяснений была названа иерархическим редукционизмом³⁶. Обратите внимание на то, что это сравнимо с причинной цепочкой во временных объяснениях: если мы знаем или предполагаем, что событие А было вызвано событиями В, С или D, то невольно напрашивается вопрос, что вызвало В, С или D и т.д.

В научных объяснениях мы обычно бываем вполне удовлетворены тем, что нам удалось опуститься на один уровень в иерархии или на один шаг назад в причинной цепи (реже – на два уровня глубже или на два шага назад). Планеты – вполне подходящие элементы для объяснения того, как действует Солнечная система. Наблюдайте за электронами и протонами, чтобы объяснить действие атома. Социальные группы – вполне подходящие объекты для объяснения структуры и динамики общества.

Все это приводит к заключению, что для научного объяснения сложность и простота не являются внутренними свойствами: они зависят не только от самого объекта изучения, но и от точки зрения исследователя, и от масштаба наблюдения. Конечно, компоненты в принципе более просты, чем организм, часть которого они собой представляют. Но объяснить действие компонентов на уровне субкомпонентов не проще, чем объяснить действие системы в целом на уровне ее компонентов. Все зависит от того, насколько глубоко вы собираетесь заглянуть, и конечно же ни один историк не захочет зайти так далеко, чтобы объяснить решения Наполеона на химическом уровне.

5.4. Антагонизм или обманутые ожидания?

Объясняя расхождение между источник-ориентированным подходом и количественными методами, Таллер обсуждает две проблемы:

1. В 70-е и 80-е годы, когда квантификация была столь популярна, мощности компьютера было недостаточно, чтобы решить проблему "размытых" исторических данных, содержащих неопределенность в суждениях и оценках. Возникло понимание того, что статистика может быть не применима к размытому материалу источников вообще. Существующие процедуры формализации информации источника, перевода ее в статистически обрабатываемые данные оказались непригодными.

2. В тех случаях, когда материал источника – количественный, статистические ме-

³⁶ Dawkins R. Op. cit., p. 11–13.

тоды могут быть применены к относительно небольшим наборам данных. Результаты анализа таких небольших наборов тем не менее не рассматриваются как интересные. Для материала, который не является по-настоящему количественным, необходимы значительно бльшие наборы данных. Выбирать приходится из двух зол: либо потратить века на сбор данных, либо проводить анализ на неинтересных малых объемах данных.

Эти факторы могут играть свою роль, но я думаю, что есть третий, гораздо более важный фактор – преувеличенные ожидания того, что количественные методы могут предложить историку (или любому другому ученому). Сам Таллер в 1978 г. говорит о своей идее применения "окончательного, завершающего статистического анализа" к своим данным. Он, как и многие другие, разочарован тем, что все оказалось сложнее, чем он предполагал вначале, и что существующие статистические процедуры не могут ему эффективно помочь. Перенос внимания на процессы формализации исторических данных сам по себе вполне понятен и оправдан. Но полное отрицание точности обычной статистики – слишком сильная реакция.

5.5. Насколько точна статистика?

Статистику можно применить к чему угодно. Математическая статистика берет начало в 1710 г. – от попытки Джона Арбэтнота статистически доказать существование Бога. Как можно предположить, он преуспел в этом, но до сих пор стоит вопрос о том, доказывают ли что-либо его статистические открытия по существу. Этот пример ясно показывает, что статистическая значимость – нечто совершенно отличное от аналитической обоснованности. Так же и статистические надежность и достоверность – совсем не то же, что вера в истинность чего-либо и доверие к источникам. К тому же статистические прогнозы и предсказания имеют мало общего с заглядыванием в будущее.

Нередко квантификация, используемая историками, имеет мало общего с объяснением статистическим или каким-либо еще, но является полностью описательной. Квантификация и статистика не означают того, что вы следуете универсальным законам, ни даже того, что вы ищете общее правило. Иногда кажется даже, что построение графиков и диаграмм является сейчас высшей статистической целью многих историков-квантификаторов.

Но даже если предположить, что это – наша цель, то и тогда технические средства статистики могут помочь очень ограниченно. Техника измерения или проверка на взаимосвязь и корреляцию не подскажут нам, существенно ли это отношение. Достаточно указать на народное поверье о высокой корреляции между исчезновением аистов и снижением уровня рождаемости на значительной части Западной Европы. Более того, формулировка причинной модели определяется не статистикой, а вольной мыслью, воображением или вдохновением историка. Теория или "историческое чутье" приводят к мысли о том, что А влияет на В. В статистике исследователь просто получает инструмент, обычно в форме уравнения линейной регрессии или логлинейных отношений, чтобы проверить, есть ли основание у его идеи, формально называемой "гипотезой"

Причинность не просматривается. Возможно только подумать, что две вещи связаны между собой или одна из них может привести к другой. По словам Блэока, "следует признать, что причинное осмысление принадлежит целиком к теоретическому уровню, а законы причинности нельзя продемонстрировать опытным путем". "Выводимый путем заключений скачок" всегда необходим, чтобы получить заключение по существу из статистической массы.

Теория статистического вывода предлагает методы для определения *формального* наличия в данных гипотетической корреляции или причинных связей. Но этот инструментарий достаточно груб и имеет жесткие ограничения. Если существование связи между двумя переменными не может быть продемонстрировано с достаточной степенью статистической значимости, это не означает, что этой связи не существует в

действительности. Вместе с тем, когда обнаружена статистическая связь, это еще не означает, что она может иметь какой-то смысл или объяснение.

Например, нельзя использовать линейную регрессию, если данные не измерены по интервальной шкале или шкале отношений, если они не распределены по нормальному закону, если связь не линейная, если число наблюдений мало, если данные – размытые или объясняющие переменные тесно связаны между собой (мультиколлинеарность), когда предыдущие наблюдения влияют на последующие (автокорреляция). Логлинейные модели предъявляют меньше требований к данным, но они практически не могут быть использованы для проблем, где рассматриваются более чем несколько переменных и две дюжины категорий.

Статистические модели социально-экономических явлений реального мира, в которых более 90% вариаций в результативных признаках являются комбинированным эффектом объясняющих переменных, столь же подозрительны, как выборы, на которых более 90% избирателей – за одного кандидата.

Если применение статистики и учит чему-нибудь, то только тому, что действительность всегда намного сложнее, чем мы ее представляем. Коэффициенты корреляции нередко огорчительно низки и не указывают то направление связи, которого вы ожидали. Многие исследователи в области социальных наук приходят в восторг, если набор предположительно независимых переменных, для получения которых была проделана большая работа по осмыслению, сбору данных, вводу информации и предварительной обработке, объясняет более 25% вариаций результативного признака. Если этот показатель выше, это обычно означает, что существует ложная корреляция, вызванная посторонними причинами или асимметричным распределением. Статистика никогда не была и не будет завершением работы историка или чьей-либо еще. Это только инструмент, помогающий нам думать и чувствовать себя скромнее в свете сложной действительности. Смелые суждения, важные жесты, широкие объяснения и огульные утверждения относятся больше к области традиционной, "квалитативной" истории, чем к количественному анализу. Квантификация часто показывает, что вы упустили из виду такие вещи, о которых без нее не могли бы и подумать. Статистика может заставить нас осознать ограниченность нашего понимания прошлого и влияния уникальных событий на структуры и процессы. В этом смысле она может изменить нашу ментальность и способ рассуждения. Она заставляет мыслить точнее и глубже, не удовлетворяться простыми объяснениями. Если повезет, она покажет, что лишь малая часть того, чему вы искали объяснений, вызвана систематическими воздействиями некоторых факторов или общими тенденциями. Уже одно это раз и навсегда делает полезным применение статистики.

Эти разочарования и ограничения при работе со статистикой остаются верными одинаково для историков, обществоведов и астрофизиков. Утрата иллюзий – часть профессии любого статистика-прикладника. Очень утешительно иметь в виду эти соображения, когда начинаешь применять статистику. В противном случае разочарование может заставить вообще отвергнуть ее как сферу деятельности.

5.6. Вызовы исторической информатике

В цитируемой выше статье Таллер ломает копыта в пользу тех количественных методов, которые сосредоточены больше всего на вопросе об условиях их применения к таким источникам, где они до сих пор не применялись. Я считаю, что всегда будут данные, для которых количественный анализ неприменим или непродуктивен. Конечно, надо пытаться расширить наше понимание приложимости статистики. Более того, необходимо *всегда* обращать внимание на условия, при которых могут быть применены количественные методы: спецификация допущений относительно данных – первый шаг в обычной процедуре проверки статистической гипотезы. Но не надо на этом останавливаться. Надо применять. Таллер заключает статью четырьмя вызовами квантитативной методологии:

1. Необходима статистическая методология, подходящая для истории, и здесь методы, основанные на теории нечетких множеств, кажутся наиболее многообещающими.

Мой ответ состоит в том, что существует множество статистических методов, которые также применимы и подходят для истории, как и для других дисциплин: надо лишь применять их. С другой стороны, многие дисциплины, в том числе и история, имеют дело с размытыми данными. Немногие историки пытались применить теорию нечетких множеств к своим материалам, и, конечно, необходимы новые попытки применения.

2. "Мы должны уйти от представления, что существует методологический канон, который мы должны просто усвоить и применять к своему материалу. Мы должны изучать, какими формальными свойствами обладают исторические источники".

Ответ. Да, конечно, мы должны исследовать свойства источников. Но мы не должны останавливаться на этом, как и исследователи природы не могут остановиться на выявлении формальных свойств метеорита в Антарктике. И я утверждаю, что многие методы подходят для множества данных.

3. "Мы должны пользоваться инструментами, которые помогают нам трансформировать исторические источники таким образом, чтобы приходиться к вероятностным ответам".

Ответ. Математическая статистика основана на теории вероятности, или, говоря словами американского статистика Уильяма Хейза, "статистическая теория вывода – это теория о неопределенности". Она может давать только вероятностные ответы.

4. Скептицизм по поводу применимости статистики возрастает в тех случаях, когда материал не сводится к четко прямоугольной табличной структуре со строками (результатами наблюдений, объектами) и столбцами данных (переменными, признаками).

Ответ. Не существует единственного метода или модели данных, которыми историки должны пользоваться для анализа своих источников. Мой единственный призыв – чтобы в центре внимания историка был анализ, а не источник. Каким методом и какой моделью данных пользоваться, зависит от природы источника и от вопросов, на которые вы хотите ответить. И конечно же вы не сможете получить ответ на все вопросы, которые вам хотелось бы задать источнику, если он для этого не подходит. Из более сложного источника иногда можно извлечь прямоугольную таблицу. Иногда это невозможно или по крайней мере бесполезно. В этих случаях необходимы иные модели данных. Для такого типа источников применимы методы анализа текстов, но полезно помнить также, что такие методы сводятся часто к подсчету слов.

Преобразование данных, необходимые для количественного анализа, широко известны как "кодирование". Кодирование требует интерпретации. Я согласен, что кодирование информации исторических источников может быть (и часто бывало) безответственным и упрощенным. Но если окончательный ответ источник-ориентированного подхода состоит в том, что кодирование недопустимо, так как интерпретация всегда может быть оспорена, то это в действительности означает конец любого анализа – и количественного, и качественного. Схема кодирования для нетабличных структур данных обычно проводится в форме маркирования (разметки) текста. Я бросаю вызов создателям источник-ориентированного подхода: разработайте инструменты, которые сделают объяснительные решения явными, не только настаивая на том, что методы теории нечетких множеств являются единственно возможными для работы с размытыми данными, но и показывая также эффект от использования привычных статистических решений.

6. ВЫВОДЫ: НЕПРАВИЛЬНЫЕ ПОНИМАНИЯ

Как я говорил во введении, мы часто не понимаем друг друга, и даже не всегда понимаем самих себя. "Откуда я знаю, что я думаю?" – пишет современный русский писатель Евгений Попов в романе "Душа патриота"³⁷. Так же часто в нашем вооб-

³⁷ Попов Е. Душа патриота, или Различные послания к Ферфичкину. – Впервые в России: русско-немецкие литературные чтения в Москве. М., 1993.

ражении образ или модель того, что думает кто-то другой и почему он так думает, искажен, и наши мнения и критика направлены не против реальной идеи, а против ветряных мельниц, и мы даже не замечаем этого. Может быть, большая часть этой статьи – это тоже битва с ветряными мельницами.

В заключение я попытаюсь суммировать некоторые из тех неправильных пониманий, которые находятся в самом сердце этой нескончаемой "мыльной оперы". Не то, чтобы у меня была иллюзия, будто, если бы мы могли их устранить, "мыльная опера" подошла бы к концу. Я уверен, что невидимая рука режиссеров (т.е. научного сообщества) нашла бы нечто, чтобы продолжить ее. Всегда найдется спрятанный где-нибудь в буфете труп, который можно будет оживить. Итак:

Неправильное понимание – думать, что исторические модели обязательно механистические, детерминистические, математические или причинные;

Неправильное понимание – думать, что все естественные науки – точные. Этого уже достаточно для неправильного понимания различий между историей и всеми естественными науками как фундаментальных различий.

Неправильное понимание – что применение статистики и квантификации ведет к "точным формулировкам"

Неправильное понимание – что причинные модели объясняют что-нибудь сами по себе.

Неправильное понимание – думать, что статистика вообще может объяснить что-либо существенное.

Неправильное понимание – что естественные и социальные науки всегда ориентированы на обобщения (номотетичны). Они могут быть ориентированы на идиографию так же, как и любая другая область искусства или науки.

Подобным же образом неправильное понимание – что история всегда ориентирована на познание уникального.

Неправильное понимание – что моделирование данных является целью исторической информатики.

Неправильное понимание – что одни только историки сталкиваются с трудностями обзора своей области исследований (познание прошлого).

Неправильное понимание – думать, что одни только историки противостоят проблемам интерпретации того, что, как они думают, они наблюдают.

Неправильное понимание – что применение количественных моделей означает, что вы ищите универсальные законы.

Наконец, если мы рассматриваем историческую информатику как вспомогательную историческую дисциплину, то неправильное понимание – думать, что мы нуждаемся в теории компьютеризованного исторического исследования, потому что если это так, то эта дисциплина не должна что-либо объяснять. В чем мы нуждаемся тем не менее, так это в эпистемологическом статусе и оправданных целях для нашего профессионального занятия, но это уже нечто совершенно иное. И наоборот, если мы рассматриваем историческую информатику как особый случай информационной науки, то можем прийти к совершенно иному заключению. Приложение понятий общей теории информации к историческим источникам и проблемам становится тогда главным вопросом. Возможно, что разница в точке зрения, с которой мы рассматриваем историческую информатику, и есть корень неправильных пониманий, обсуждаемых в этой статье.

Представление исторических данных в информационной системе – это бесполезная деятельность, если не преследуется какая-либо иная цель. Такой целью может быть – сохранить, обучить, развлечь или проанализировать. Короче, "модель данных", применяемая к источнику, должна позволять историку исследовать его модели прошлого.

КОММЕНТАРИИ К СТАТЬЕ ПИТЕРА ДООРНА

Питер Доорн оказал мне честь, уделив большое внимание моей статье, которая напечатана в 1995 г. и касается взаимоотношений между "квантитативной историей", с одной стороны, и "источничко-ориентированными компьютерными методами" – с другой. В свою очередь я бы хотел изложить свои комментарии к его докладу.

В то время как некоторые члены Ассоциации "History and Computing", возможно, отдают себе отчет в том, что эта дискуссия бесконечна, я бы хотел ради тех, кто думает иначе, кратко напомнить, каким образом эта полемика развивалась до сих пор. На ежегодной международной конференции АНС в 1994 г. в Неймегене (Нидерланды) П. Доорн произнес ключевую речь, в которой утверждал, среди прочего, что видные исследователи из АНС публикуют против ожидания мало материалов в "нормальных" исторических журналах. Свое утверждение он основывал на количественном анализе ведущих исторических журналов, и анализ этот базировался прежде всего на системе подсчета числа статей, в которых обязательно должны были содержаться формулы или таблицы в качестве результатов компьютерного исследования материала. В продолжение этой мысли он также утверждал, что было бы плохо, если бы направление продолжало развиваться подобным образом, поскольку в этом случае сократится популярность применения компьютерных методов среди "традиционных" историков. Он также утверждал, что главной причиной этого в настоящее время является чрезмерное увлечение членов АНС источничко-ориентированными компьютерными методами.

В ответном выступлении я отметил, что количественный анализ, проведенный П. Доорном, был неверным, потому что его определение "результатов, полученных на компьютере", ошибочно. Отмечу по ходу дела, что характерной чертой множества исследований, связанных с базами данных, является то, что получаемые в их ходе результаты *не* являются количественными по своей природе. Более того, я утверждал, что его пример был также ошибочным и по ряду других причин: например, Герхард Яритц, выдающийся член АНС, к настоящему времени написал две книги и целый ряд статей, которые совершенно не содержат каких-либо вычислений, но в то же время основываются на результатах, полученных в ходе постоянной работы с большой базой данных в рамках руководимого им проекта. И наконец, как я отметил в моем контрвыступлении в Неймегене, нельзя недооценивать того факта, что существует множество веских причин, почему можно и должно посвятить себя работе на стыке истории и компьютерной науки, вообще не создавая при этом формул и таблиц. Существует, по моему мнению, широкая сфера междисциплинарных исследований на границе истории и компьютерной науки, лишь частично пересекающаяся с квантитативными методами, но именно лишь *частично*.

Чтобы объяснить более подробно, как могут соотноситься между собой количественные методы и источничко-ориентированные исследования с применением компьютера, я позже написал ту самую статью, которую Питер Доорн часто цитирует в своей работе. Основные положения моей статьи состояли в следующем: а) источничко-ориентированные исследования с применением компьютера реально вышли за рамки первых попыток применения количественных методов в истории; б) существует несколько основательных и фундаментальных различий между исторической наукой и теми дисциплинами, развитие которых привело к существующим сегодня формам

статистики, и с) количественные исследования только тогда будут, возможно, приняты основной массой историков-традиционалистов, когда эти методы будут рассматриваться не как противоречащие попыткам преодолеть эти различия, но в соединении с источником-ориентированными исследованиями для разрешения методологических проблем, которые провоцируют недоверие историков по отношению не столько к компьютеру, сколько к квантификации.

Заметное выступление П. Доорна на пленарном заседании АНС-конференции в Москве, как мне кажется, является следующим важным словом этой продолжающейся дискуссии. Поскольку я надеюсь позже изложить мою точку зрения более полно, сейчас я бы хотел высказаться только по двум вопросам, затронутым в его выступлении. Они для меня являются именно примером неправильного понимания, которое проявилось в некоторых аргументах П. Доорна, когда он ставит под сомнение пригодность применения "количественных методов в их чистоте и простоте" во многих отраслях исторического знания и в свою очередь приветствует источник-ориентированный подход, который возможно, но не обязательно приводит к использованию количественных методов.

Первое неправильное понимание П. Доорна проявилось, я думаю, в его утверждении, что "жесткие" естественные дисциплины и "мягкая" историческая наука, собственно говоря, решают одни и те же проблемы. Второе, на мой взгляд, гораздо более фундаментальное, состоит в его предположении (допущении), что могут существовать эффективные компьютерные технологии, которые *не* основаны на теоретических посылах.

"НЕПРАВИЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ 1": ГЕЙ-ЛЮССАК И КВАНТОВАЯ МЕХАНИКА

Все атомы, находящиеся в газе, как утверждает квантовая механика, "имеют право" изменять скорость и, естественно, местоположение внутри среды без какого-либо ограничения. Это правильное утверждение. Тем не менее машины, сконструированные на основе других разделов физики, в частности, законов, объясняющих давление газа, работают без внезапных остановок и взрывов. Атомы внутри цилиндров автомобильного мотора *не* "решают", что лучше было бы перебраться в другую галактику; они также не увеличивают внезапно скорость, взрывая мотор и машину. В этом случае неправильное понимание, вполне естественное для постмодернистского мышления, состоит в недооценке того факта, что в физической вселенной, в которой мы существуем, имеется множество феноменов, подчиняющихся законам классической (ньютоновской) механики. Именно по этой причине законы гравитации управляют звездной механикой, и именно это позволило Гей-Люссак открыть важные законы, управляющие "поведением" газов. Эти законы верны, поскольку и небесные тела, и газы (хотя при рассмотрении на макроуровне они абсолютно разные) на микроуровне состоят из атомов и элементарных частиц, которые подчиняются законам механики Ньютона³⁸. Потому Гей-Люссак и смог сформулировать свой закон, хотя в то время уровень техники *не* позволял обнаружить напряженность магнитного поля вокруг газа.

И наоборот – возьмем проблему того, насколько название профессии, занятия отражает действительное занятие либо некий статус определенной группы; насколько точно название профессии говорит о том, что некто обучался ей либо занят в данной профессии; насколько верно занятие отражает социальный статус человека, если при анализе не учитывается информация о доходах. В случае, если вы пренебрегаете этими проблемами измерения, ваши результаты просто-напросто *не* имеют смысла, поскольку в приведенном примере "инструменты" для измерения действуют, грубо говоря, на том же уровне, что и объясняемые (измеряемые) явления, тогда как в случае с измерением температуры или напряженности магнитного поля это не так.

³⁸ Это утверждение М. Таллера является по крайней мере спорным. – *Прим. ред.*

Позвольте мне пояснить, что все это не является аргументом против использования статистики. Но позвольте мне также дать некоторые комментарии относительно того, какое отношение все это имеет к статистике, на примере влияния, которое современные компьютерные технологии оказывают на использование статистики в другой области знания, а именно – в инженерной отрасли. Я полагаю, что являюсь не единственным историком, изучавшим статистику на примерах из области техники. В одном из учебников, по которым я занимался, в качестве первого примера приводилось производство маленьких металлических шариков, необходимых для изготовления подшипников. Их число, говорилось в учебнике, столь велико, что было бы просто невозможно проверить сферичность формы каждого из миллионов и миллиардов производимых в год шариков. Далее на этом примере развивался один из основных статистических принципов: определение небольшой части всей совокупности шариков, проверку которой можно осуществить, чтобы на выбранном уровне надежности (вероятности) достаточно точно оценить долю шариков, которые не соответствуют определенному техническому стандарту. Это хороший метод, но в то же время индустрия сегодня в некоторых случаях использует компьютерное оборудование, способное на основе соответствующих шаблонов проверять каждый отдельный шарик на правильность формы. Закат статистики в технике? Нет, но разница в том, что здесь мы имеем дело с неявным применением выборочного метода для анализа визуальной информации – образов отдельных шариков, а это более сложный подход по сравнению с тем, который обычно используется для объяснения статистики в учебниках для начинающих.

И наконец, насколько мне кажется, историко-ориентированные методы исследования никогда не изгоняли статистику прочь. Основным моментом является то, что некоторые из нас испытывают большие сомнения относительно того, насколько разумно применять статистические законы, заимствованные социальными науками у других дисциплин, без учета специфики информации, полученной из исторических источников. Не отказ от количественных методов, но хорошие, адекватные количественные методы, – вот что "объявлено в розыске"

Стало быть, в этом разница. Историко-ориентированные историки, конечно, интересуются и другими областями истории: они меньше склонны исследовать национальную экономику, а больше изучают экономику индивидуального хозяйства – но именно в последнем случае факторы, которые мы здесь обсуждаем, просто-напросто гораздо более важны.

"НЕПРАВИЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ" 2: КОМПЬЮТЕРНЫЕ МЕТОДЫ БЕЗ ТЕОРИИ

Это гораздо более существенное непонимание. Однако его сложнее опровергнуть без очень подробного рассмотрения. Достаточно сказать, что нет *ничего* в целом мире компьютерной науки, что не основывалось бы в конечном счете на неких весьма произвольных допущениях, которые имеют смысл только в контексте основной теории. Компьютеры в действительности гораздо быстрее выполняют операции сравнения целых чисел (которые являются основой для всех видов сортировки и контекстного поиска в текстовых процессорах и системах управления базами данных), чем арифметические операции с действительными числами (в статистических пакетах). И несмотря на то, что статистические пакеты появились раньше, чем системы управления базами данных и текстовые процессоры, не имеет смысла говорить о "недостатке теоретического обоснования" этих программ, но стоит отметить, что статистика дает прекрасную теоретическую базу для описания структур данных (объекты, заданные признаками с указанными уровнями измерения), на которых основываются статистические пакеты.

Если переменная принимает только одно значение у каждого объекта (является скалярной), это не означает, что так установлено Господом Богом или может быть

выведено из работ Ньютоновской или Копенгагенской школ. Просто такие переменные очень легко использовать для статистической обработки, потому что классическая статистика ориентирована именно на них. Но существуют и другие модели: на рынке программного обеспечения давно существует такой известный статистический пакет, как OSIRIS, который благодаря ориентации на анализ анкет допускает, что переменные могут принимать несколько значений на каждом объекте (так, у человека может быть несколько профессий). Компьютерная лингвистика и сейчас склоняется к использованию таких языков программирования, как LISP или PROLOG, прежде всего потому, что они используют в качестве "строительных блоков" не скалярные переменные, а массивы (списки). И в более современных типах программного обеспечения с гораздо менее явными интеллектуальными тонкостями, как, например, Toolbook, эффективность работы следует из того, что для них не существенны различия между скалярными величинами и массивами.

Таким образом, заявление, что "мы не нуждаемся в теории исторического компьютеринга", равносильно утверждению, что для историков все теоретические модели компьютерной науки равно приемлемы, а это могло бы сделать историю слишком уж необычной. Верно обратное: каждая область приложения компьютерной науки нуждается в специальном программном обеспечении, основанном на специфических теоретических концепциях. Статистики все еще любят язык FORTRAN, потому что этот язык был создан на основе концепции обработки структур данных, преобладающих в статистике. Аналогично можно объяснить и то, почему лингвисты все еще "играют" с языком LISP и его "потомками". И эта зависимость от базовых концепций, вокруг которых строится тот или иной пакет, *возрастает* тем больше, чем более программное обеспечение становится независимым от аппаратного обеспечения компьютера.

Неужели исторические исследования обладают такой малой спецификой, что наше профессиональное сообщество окажется единственным, которое способно удовлетвориться программным обеспечением "от Microsoft"³⁹? Однако здесь пришлось бы начать продолжительный анализ того, что составляет своеобразие исторических данных, хотя такой анализ не является целью моего комментария. Но я боюсь, что пока эта специфика исторических источников недооценивается, потребуется гораздо больше "мыла", чтобы вычистить, устранить все препятствия, мешающие их осознанию.

³⁹ Microsoft – наиболее известная в мире американская фирма – разработчик программного обеспечения универсальной направленности (ученые самых разных специальностей используют, например, знаменитый пакет Microsoft Office). – *Прим. ред.*

ПОЗИЦИЯ РУКОВОДСТВА США В СВЯЗИ С ВВОДОМ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В АФГАНИСТАН В 1979 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Причинам, побудившим руководство бывшего СССР пойти на ввод советских войск в Афганистан, и влиянию необъявленной афганской войны на всю систему международных отношений многократно уделялось внимание на страницах журнала "Новая и новейшая история"¹.

В то же время опубликованные до сих пор материалы отражали по преимуществу точку зрения одной из сторон, вовлеченных в этот конфликт, а именно – Москвы. Между тем в Афганистане в один клубок переплелись интересы не только СССР и ее южного соседа, но и исламского мира, Китая, США.

До недавнего времени исследователи не располагали документами о ходе принятия решений и выработке официальной американской позиции по афганскому вопросу. Нынешняя публикация призвана в известной мере восполнить этот очевидный пробел в изучении проблемы.

Представленные документы были рассекречены американскими правительственными службами на протяжении последних трех лет в соответствии с запросом, сделанным на основании Закона о свободе информации, и ныне доступны любому посетителю Архива национальной безопасности в Университете Джорджа Вашингтона в Вашингтоне. Запрос производился в рамках международного проекта, названного "Проект Брежнев – Картер", целью которого является исследование причин краха разрядки в отношениях между СССР и США в 1970-е годы. Проект осуществляется Центром внешнеполитического развития Брауновского университета в сотрудничестве с Архивом национальной безопасности, Международным историческим проектом "Холодная война" (все – США), Нобелевским институтом (Норвегия), Институтом всеобщей истории РАН (Россия) и другими институтами.

Для публикации отобрано восемь документов. Открывает ее вводная часть из межведомственного разведывательного меморандума "Советские варианты действий в Афганистане" от 28 сентября 1979 г.

В документе, подготовленном экспертами ЦРУ и других разведывательных служб после свержения Амином в середине сентября 1979 г. Тараки, делается вывод, что "Москва, судя по всему, считает, что ситуация в Афганистане после падения Тараки стала еще более неустойчивой", – суждение, подтвержденное недавней публикацией советских документов в журнале². Предсказывая, что Москва займет осторожную позицию в отношении Амина – по принципу "поживем – увидим", авторы меморандума рассуждают о возможности прямой советской интервенции либо в поддержку усилий

Перевод предисловия и документов – В.Г. Забалуев. В подготовке материала к публикации участвовал В.О. Печатнов.

¹ См. *Корниенко Г.М.* Как принималось решение о вводе советских войск в Афганистан и их выводе. – *Новая и новейшая история*, 1993, № 3; *Вестад О.А.* Накануне ввода советских войск в Афганистан. 1978–1979. – *Новая и новейшая история*, 1994, № 2; *Меримский В.А.* Война в Афганистане. Записки участника. – *Новая и новейшая история*, 1995, № 3.

² Документы советского руководства о положении в Афганистане, 1979–1980. – *Новая и новейшая история*, 1996, № 3.

Кабула по подавлению моджахедов, либо для установления "более умеренного режима, готового иметь с ними [Советами] дело". Продолжение политического хаоса, возрастающая опасность установления в Афганистане антисоветского режима, страх перед иностранным военным вмешательством – вот три основных аргумента, которыми, по мнению авторов документа, могли в конце осени 1979 г. воспользоваться в Москве те, кто ратовал за широкомасштабное военное вмешательство СССР в афганские дела.

Документ № 2 – памятная записка Маршалла Д. Шульмана государственному секретарю США Сайрусу Р. Вэнсу от 14 декабря 1979 г., озаглавленная "Возможные выводы из советского обзора политики", написанная в связи с поездкой посла СССР в США А.Ф. Добрынина в Москву. Профессор Колумбийского университета М. Шульман, консультировавший государственных секретарей США со времен Дина Ачесона, а в 1979 г. занимавший должность специального советника С. Вэнса по советским делам, подготовил ее как раз тогда, когда в Москве приняли секретное решение об одобрении военного вмешательства в Афганистане. В записке тщательно суммируются свидетельства ухудшения американо-советских отношений в предшествующие месяцы и делается прогноз, что Кремль готов на шаги, способные еще более обострить эти отношения: "Советы, кажется, пришли к заключению, что сегодня выгода от более прямого вмешательства в афганские дела перекрывает неизбежные издержки" Тем самым документ стал своего рода прологом последовавших вслед за тем событий.

Документ № 3 – посвященная проблеме Афганистана выдержка из протокола заседания Особого координационного комитета (ОКК) от 17 декабря 1979 г., на котором обсуждался вопрос об американских заложниках в Иране. Совещение высших должностных лиц американской администрации состоялось немногим более чем за неделю до широкомасштабного вторжения СССР в Афганистан. Публикуемый фрагмент позволяет судить как о восприятии Вашингтоном растущей вовлеченности СССР в афганские дела, так и о поддержке самими США антикоммунистических сил внутри Афганистана. Картера и Вэнса не было на совещании, зато там присутствовали такие высшие должностные лица картеровской администрации, как советник президента по национальной безопасности Збигнев Бжезинский ("Збиг"), министр обороны Гарольд Браун, вице-президент Уолтер Мондейл и директор ЦРУ адмирал Стэнсфилд Тернер. В обзоре по Афганистану, который представил собравшимся Тернер, совершенно справедливо отмечалось, что в Кремле "уже приняли политическое решение удерживать у власти просоветский режим, используя для этого, в случае необходимости, военную силу" Тем не менее адмирал удержался от прямого предсказания скорого вторжения.

Выводы заседания ОКК вызывают особый интерес потому, что, во-первых, комитет одобрил линию на предостережение Москвы в неофициальном порядке от вмешательства в Афганистане и глобальное наращивание антисоветской пропаганды в связи с афганскими делами, а во-вторых, в документе говорится о скрытых усилиях США по поддержке афганских моджахедов. В соответствии с рекомендациями ОКК Соединенным Штатам следовало изучить "вместе с Пакистаном и Великобританией возможности улучшения финансирования, вооружения и [оснащения средствами] связи сил повстанцев с тем, чтобы заставить Советы, если они не остановятся, заплатить за это максимально высокую цену". Эта единственная фраза не позволяет, однако, делать выводы о том, насколько велика была доля оружия в скрытой американской помощи мятежникам – факт оказания еще до начала советской интервенции "невоенной" помощи моджахедам признан уже давно. Безусловно, придется дожидаться рассекречивания целого ряда новых документов, прежде чем можно будет более компетентно судить о возникновении и функционировании каналов поставок оружия антиправительственным силам³.

³ О некоторых новых деталях этой деятельности, а именно, о секретных решениях картеровской администрации по поддержке мятежников еще до конца декабря 1979 г. см. недавно опубликованные мемуары бывшего директора ЦРУ: *Gates R.M. From the Shadows: the Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War.* New York, 1996, p. 143–149.

Следующий документ № 4 – памятная записка советника президента по национальной безопасности Бжезинского Картеру "Размышления о советской интервенции в Афганистане" от 26 декабря 1979 г. Этот персональный меморандум Картеру от его ближайшего и влиятельнейшего помощника по внешнеполитическим вопросам позволяет судить о том, насколько серьезно высшие эшелоны американской администрации восприняли советскую интервенцию в Афганистане. Бжезинский предпочитает рассматривать акцию Москвы не как отчаянную попытку свести к минимуму политический ущерб и подпереть пошатнувшийся режим – в его изображении это агрессивный выпад, способный стать шагом к исполнению "вековой мечты Москвы заполучить прямой выход к Индийскому океану", чему благоприятствовали крушение в Юго-Восточной Азии британских, а незадолго перед тем и иранских позиций. Более того, констатируя, что эта интервенция может при определенных обстоятельствах обернуться "советским Вьетнамом", Бжезинский тем не менее заключает, что по крайней мере на текущий момент она представляет собой "исключительно серьезный вызов" США и требует решительного ответа вплоть до попытки вовлечения Китая и Пакистана в коалицию по оказанию помощи антиправительственным (они же – антисоветские) силам в Афганистане.

Документ № 5 – памятная записка З. Бжезинского президенту Дж. Картеру "Наш ответ на советскую интервенцию в Афганистане" без даты, предположительно – 29 декабря 1979 г., с приложением "Афганистан: шаги в контексте американо-советских отношений". В ней Бжезинский предлагает возможные шаги американской администрации в ответ на советскую акцию в Афганистане. Днем ранее, обсуждая по телефону с лидерами европейских стран сложившуюся ситуацию, Картер провел параллель между интервенцией в Афганистане и вводом советских войск в Чехословакию 11 годами раньше. Бжезинский подробно излагает шаги администрации Линдона Джонсона в ответ на тогдашние действия Москвы и энергично убеждает Картера в том, что ответом президента на "этот выходящий за всякие рамки акт советской заносчивости и жестокости" должно быть нечто большее, чем просто слова.

В приложении к записке Бжезинский излагает стратегическую подоплеку возможных ответных шагов со стороны США, а собственноручные комментарии Картера на полях разъясняют направления мысли самого президента. Бжезинский называет три цели, лежащие в основе возможных мер возмездия со стороны США, а именно: 1) наказать Москву за ее действия; 2) заставить советское руководство вывести войска и обеспечить нейтралитет Афганистана; 3) предотвратить возможность таких шагов со стороны СССР в будущем. Картер в связи с этим отмечает: "1 + 3 взаимосвязаны. 2 маловероятно". Помощник президента подчеркивает, что действия США повлияют на позицию европейских союзников, неприсоединившихся стран "третьего мира" и т.д. Картер комментирует на полях: "Максимум инициативы и действия со стороны других". И, наконец, Картер подчеркивает слова "Советская реакция" и добавляет: "Следует оценить и взвесить".

Документы № 6 и 7 представляют собой обмен посланиями по "горячей линии" между Дж. Картером и председателем Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневым: послание Картера Брежневу от 29 декабря 1979 г.; Брежнева – Картеру (по-русски) от 29 декабря 1979 г. На тексте английского перевода – собственноручные комментарии Картера.

Обмен спецпосланиями между Картером и Брежневым по "горячей линии" – специальному каналу связи, установленному для экстренного обмена мнениями после Карибского кризиса 1962 г. – драматически иллюстрирует, какой значительный ущерб нанесла советская интервенция, и в особенности физическое устранение Амина, личным отношениям двух лидеров, окончательно похоронив теплившееся еще ощущение разрядки в советско-американских отношениях. Картеровское послание сурово осуждает советскую акцию как "явную угрозу миру", как "новый, деструктивный и опасный, этап в использовании Вами военной силы, что вызывает глубокую тре-

вогу относительно общего направления советской политики" Впрочем, завершается оно на сдержанной ноте: вывод советских войск, отмечается в послании, позволит "пока еще не поздно, избежать долгосрочного ухудшения американско-советских отношений"

Однако лишенный даже намека на извинения ответ Брежнева вызвал у Картера лишь новый приступ гнева, о чем свидетельствует едкий, подчас желчный тон его собственноручных пометок. В брежневском утверждении, будто "ограниченные советские контингенты" были направлены единственно для того, чтобы "оказать помощь и содействие в отражении актов внешней агрессии", Картер подчеркнул последние четыре слова и написал: "От кого?" Президент нашел, мягко говоря, неубедительной предложенную Брежневым трактовку событий, в особенности отрицание последним американского утверждения, "будто Советский Союз что-то предпринял для свержения правительства Афганистана" Вступая в полемику, Картер на той же странице пишет, что Москва "привезла с вторгшейся армией нового марионеточного лидера". Напротив брежневского утверждения о том, что смена правительства в Афганистане – дело рук "самих афганцев... Спросите об этом у афганского правительства", Картер помечает: "Они мертвы или [являются] марионетками СССР" Столь же "впечатляющим" показался американскому президенту довод Брежнева, что США не имеют никаких оснований упрекать Москву за отсутствие консультаций с Вашингтоном перед отправкой частей в Афганистан, так как США не удосужились известить Москву о концентрации своих ВМС в Персидском заливе. "Мы не посылали интервенционистских сил", – замечает на это Картер. Отметив единственный намек на гибкость советской позиции (Брежнев заявлял, что Москва намерена вывести свои войска, "как только опадут причины, вызвавшие просьбу Афганистана к Советскому Союзу"), американский лидер не мог оставить без комментария содержащийся в послании "совет" американской стороне "внести вклад в прекращение вооруженных вторжений извне на территорию Афганистана". "Единственное вторжение – со стороны СССР", – замечает в этой связи Картер.

Спустя два дня, 31 декабря 1979 г., Картер в интервью американскому тележурналисту заявил, что его "представление о русских в последнюю неделю изменилось более кардинально, чем за предыдущие два с половиной года", и особенно отметил, что Брежнев "неточно излагает факты", утверждая, что афганское правительство "хотатайствовало" о военном вмешательстве⁴.

Завершает публикацию документ № 8 – выдержки из протокола заседания Совета национальной безопасности (СНБ) по вопросу "Иран, миссия Кристофера в Афганистан, ОСВ и поездка Брауна в Китай" от 2 января 1980 г. и памятная записка З. Бжезинского вице-президенту У Мондейлу и высшим должностным лицам администрации, ответственным за комплекс внешнеполитических и оборонных вопросов "Итоги заседания СНБ от 2 января 1980 г." Само заседание носило характер прений по документу, разработанному госдепартаментом, в котором предлагалось в ответ на советскую интервенцию в Афганистане ввести целый ряд санкций против СССР. Картер, на которого, судя по отдельным его высказываниям, произвели впечатление меморандумы, подготовленные его помощником по национальной безопасности, продемонстрировал стремление реализовать предложенные меры в полном объеме. Сам Бжезинский в ходе дискуссии добивался максимально жестких решений по каждому из обсуждаемых вопросов, выступая против всякого возможного смягчения формулировок. Остальные участники дискуссии попеременно выступали в роли то "ястребов", то "голубей" Несмотря на большое количество оговорок, на заседании не удалось прийти к окончательному решению всего лишь по двум принципиальным вопросам: о введении эмбарго на продажу в СССР зерна и о бойкоте Олимпийских игр 1980 г. в Москве. Бжезинский, настояв на скорейшем оглашении результатов заседания и упо-

⁴ Упомянувшиеся выше публикации в журнале "Новая и новейшая история" подтверждают тот факт, что и Тараки, и Амин в самом деле неоднократно обращались к советскому руководству с просьбой о широкомасштабном вводе советских войск в Афганистан. – *Прим. ред.*

минании среди обсуждаемых проблем этих двух предложений, во многом предопределил их последующую судьбу.

На основании решений, принятых по итогам этого заседания, в последующие несколько недель картеровская администрация предприняла серию крупномасштабных акций, способствовавших дальнейшей эскалации напряженности в советско-американских отношениях. Помимо бойкота Олимпийских игр 1980 г. в Москве и эмбарго на поставки зерна в СССР, приостановки или замедления переговоров по ограничению вооружений и других обсуждавшихся на заседании шагов можно назвать и такие, как: массивные международные поставки оружия и иная помощь антисоветским силам повстанцев в Афганистане; значительное укрепление американских военных баз и расширение американского экспорта оружия в страны Персидского залива; провозглашение новой официальной стратегии – "доктрины Картера", объявлявшей, что любое советское дальнейшее продвижение в регионе, особенно в сторону Ирана, представляет угрозу жизненным интересам США и может привести к войне.

Публикуемые документы позволяют значительно расширить и уточнить наши представления о позиции США в афганском конфликте и его влиянии на развитие американо-советских отношений и на международную обстановку в целом.

Джим Хершберг,
директор Международного исторического проекта
"Холодная война"

Документ № 1

"Советские варианты действий в Афганистане"

Межведомственный разведывательный меморандум 28 сентября 1979 г.
Совершенно секретно⁵

КЛЮЧЕВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Москва, судя по всему, считает, что ситуация в Афганистане после падения Тараки стала еще более неустойчивой. Если до того в СССР, возможно, уже решили предпринять новые военные действия по поддержке Тараки против мятежников, то неустойчивое положение премьер-министра Амина повышает вероятность того, что Москва отсрочит проведение в жизнь новых крупных инициатив по расширению противодействия повстанцам до тех пор, пока не станет ясно, удастся ли Амину прочить свои позиции.

Советы, однако, [...] ⁶ могут опасаться, что переворот способен расколоть афганскую армию и привести к краху власть в Кабуле. В этом случае они, вероятно, развернут одну или несколько воздушно-десантных дивизий по соседству с Кабулом как для защиты там советских граждан, так и для удержания просоветского режима в столице. Хотя мы, возможно, и не будем предварительно оповещены об этом, быстро выявить развертывание советских частей, как только оно начнется, нам, как мы полагаем, удастся. Не думаем, чтобы Москва намеревалась использовать эти силы

⁵ Этот меморандум был подготовлен под общим руководством ответственного за СССР и Восточную Европу Национального центра внешнеполитических оценок. Он согласован с Центральным разведывательным управлением, Управлением разведки и исследований Государственного департамента, Агентством военной разведки, Агентством национальной безопасности и разведывательными подразделениями сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил. При подготовке меморандума использована информация, имевшаяся в распоряжении на 27 сентября 1979 г.

⁶ Здесь и далее изъятия произведены при раскредитивании. – *Прим. ред.*

для боевых действий против мусульманских повстанцев, хотя, оказавшись в Афганистане, советские воздушно-десантные формирования могут быть при случае втянутыми в такие сражения. Пока что у нас нет свидетельств того, что Советы готовят сухопутные войска для широкомасштабной военной интервенции в Афганистане.

В предшествующие перевороту месяцы из-за активизации в Афганистане повстанцев Советы увеличили количество своих военных представителей, основательно задействованных в руководстве военными операциями, до 2,5 тыс. человек и расширили их роль в борьбе с повстанцами. Москва, возможно, санкционировала непосредственное участие в боевых действиях совместно с афганцами советских вертолетчиков и нескольких танкистов. Также мы полагаем, что с начала июля один легковооруженный воздушно-десантный батальон был скрытно развернут для обеспечения безопасности военно-воздушной базы в Баграме⁷. Кроме того, опять-таки в течение лета 1979 г. Советы, очевидно, пытались и не сумели побудить режим допустить в правительство для расширения его базы другие политические элементы. Все эти шаги оказались недостаточными для того, чтобы остановить подрыв позиций режима.

Захват Амином в середине сентября единоличной власти в рамках халькистского режима еще более осложнил для Советов проблемы отношений как с режимом, так и с повстанцами. Полагаем, что в СССР, скорее всего, не провоцировали и даже не предвидели таких действий со стороны Амина. Более того, Советы, по-видимому, рассматривают их как фактор, осложняющий борьбу с повстанцами, во всяком случае в ближайшее время, поскольку они еще более сужают базу поддержки режима и на деле чреваты расколом правящей партии.

Если в ближайšie несколько недель Москва придет к заключению, что Амин укрепил позиции и реальной угрозы [ему] внутри самого режима и армии, по всей видимости, не существует, то в течение последующих нескольких месяцев Советы, вероятнее всего, расширят свою роль в борьбе с повстанцами – скорее постепенно, чем радикально. В этом случае Москва может и далее наращивать число советских советников и активнее задействовать их в боевых операциях, а также постепенно вводить дополнительные спецбатальоны или полки для обеспечения безопасности в ключевых городах. Кроме того, Москва может поддержать действия против повстанцев укомплектованными советскими военнослужащими частями боевого прикрытия и боевой поддержки, такими, как соединения боевых вертолетов, тыловые и инженерно-саперные части, тем самым увеличив сферу и эффективность боевых действий афганской армии.

Полагаем, что ввод в Афганистан в целях безопасности дополнительных советских частей на уровне батальона или полка, как в Баграме, останётся незамеченным, если будет осуществляться постепенно, наряду с переброской по воздуху материальной части. Столь же ограничены наши способности к быстрому выявлению постепенного ввода советских частей боевого прикрытия и боевой поддержки, хотя со временем возрастет вероятность того, что мы будем знать об их вступлении в Афганистан.

Советы, вероятно, хорошо осознают многочисленные осложнения военного и политического характера, которые возникнут в том случае, если ограниченному вмешательству дозволено будет перерасти в более обширную и бросающуюся в глаза акцию. Они также осознают пагубные политические последствия такого шага для себя в Южной Азии и на Среднем Востоке. С другой стороны, ясно, что советские интересы в Афганистане, как их ныне понимают в Москве, амбициознее, чем до установления в этой стране в 1978 г. марксистского режима. Советы рассматривают сохранение марксистского государства в Афганистане как важную [задачу] с точки зрения своих стратегических и политических интересов в регионе. Эта установка все более и более вытесняет прежнюю, менее амбициозную цель Советов, состоявшую в

⁷ Директор Агентства военной разведки считает, что имеющиеся сведения недостаточны для того, чтобы судить о роли или функциональном назначении советской части, дислоцированной на военно-воздушной базе Баграм. Нет данных о том, что это подразделение оснащено в расчетном порядке.

простом сохранении на южной границе дружественного им буферного государства. Если они примут решение оказать дополнительную военную помощь Амину, то сделают это для борьбы с повстанцами, чтобы не оказаться [в противном случае] перед необходимостью широкомасштабного использования советских боевых частей.

Если Амин не упрочит свои позиции и ему возникнет приемлемая и жизнеспособная марксистская альтернатива, Советы могут склониться к соответствующей переориентации своей политической и военной поддержки. Если левой альтернативы не будет и халькистский режим расколется, то Советы, скорее всего, станут содействовать установлению более умеренного режима, готового иметь с ними дело, нежели пойдут на политические издержки и риск массированного советского вторжения для борьбы с повстанцами. Тем не менее можно прогнозировать, что вероятность широкомасштабной и долгосрочной советской интервенции существенно возрастет при таких обстоятельствах, как:

- затянувшийся политический хаос;
- перспектива установления антисоветского режима;
- иностранная военная интервенция.

Документ № 2

14 декабря 1979 г.

Кому: [государственному] секретарю.

От: Маршалла Д. Шульмана

Вопрос: Возможные выводы из советского обзора политики

Предполагая, что вызов Добрынина в Москву связан в первую очередь необходимостью его участия в рассмотрении на высшем уровне вопросов, затрагивающих внешнюю политику, оборону и экономическое планирование при особом внимании американо-советским отношениям, хочу представить вам некоторые соображения о том, каков может быть ход такого обсуждения. По нашему мнению, Добрынин вернется с настроением на дальнейшие ограниченные ухудшения в американо-советских отношениях.

Изложенное ниже – это предельно добросовестная попытка обрисовать положение так, как оно видится из Москвы.

ОБЩАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Линия на сохранение достигнутого, которой Москва рассчитывала придерживаться [после встречи в] Вене вплоть до ратификации [договора] по ОСВ⁸, была подорвана серией двусторонних разногласий, за которые Советы большей частью не считают себя ответственными. Само количество этих разногласий имело эффект цепной реакции, ибо каждое из них обостряло прочие и вынуждало обе стороны действовать с большей резкостью и жесткостью, чем это могло быть при иных обстоятельствах. Растущая напряженность отражается на поведении средств массовой информации каждой из сторон. Советы, скорее всего, считают себя жертвой официально инспирированной кампании обвинений в американской прессе – так же, как и мы видим себя оскорбленной стороной в обостряющейся публичной дискуссии.

При таком положении вещей Советы озабочены неумолимым ухудшением американо-советских отношений, которое способно поставить под вопрос целый ряд наших совместных начинаний, включая контроль над вооружениями. Советы, по нашему предположению, рассматривают этот вариант развития событий как противо-

⁸ Ограничение стратегических вооружений. – Прим. ред.

речащий их интересам и надеются избежать его. Однако события, имевшие место после встечи в Вене, дали им повод усомниться в такой возможности, и, вполне вероятно, проводимое ныне совещание призвано выработать конкретные политические позиции в области двусторонних отношений, которые, как они могут заключить, будут и далее ухудшаться. Последнее может найти отражение в их подходах к перечисленным ниже конкретным проблемам.

ОСВ

Полагаем, что Советы все еще желают ОСВ. Но, несмотря на наши заверения, они, должно быть, все более сомневаются, что договор [ОСВ-2] будет ратифицирован, если только укрепление позиций президента не повернет вспять процесс эрозии [настроений в] поддержку ОСВ. Кроме того, ценность договора в их глазах подрывается требованиями наращивания оборонного потенциала США (часть которых была вызвана самими дебатами по ратификации). Речь президента в среду будет воспринята как свидетельство того, что [американская] администрация не способна или не желает противодействовать таким требованиям. В любом случае они, должно быть, рассуждают так, что в нынешней ситуации мало чего добьешься политическими жертвами во имя повышения шансов прохождения договора.

ВЫБОРЫ В США

Донесения двухнедельной давности свидетельствуют: Советы пришли к выводу, что после января 1981 г. им придется иметь дело с новым президентом. Укрепление публичных позиций президента Картера в результате иранского кризиса заставит их пересмотреть свою позицию. Даже расценив это как временное явление, они вынуждены будут признать, что сжигать мосты во взаимоотношениях с администрацией Картера было бы сейчас крайне рискованно.

РСД⁹

Советы придут к заключению, что им ничего не остается, кроме как принять предложение НАТО о переговорах по РСД. Иные действия означали бы полномасштабное развертывание сил НАТО, что влечет за собой необходимость дорогостоящих ответных мер и утрату уже завоеванных ими пропагандистских [миротворческих] позиций, которые они так упорно стремились упрочить. Что еще существенней, неприимиримость в этом вопросе подорвет [возможную] альтернативу в виде "евроразрядки" – [когда Москва], повернувшись спиной к США, [раскроет свои] объятия Европе. Вероятно, Советы начнут намекать на возможность [развертывания] дополнительных военных программ в качестве козыря на будущих переговорах.

КИТАЙ

Советы рассматривают растущие трения в отношениях с нами как фактор, ускоряющий сближение между США и Китаем. Хотя порог [к возобновлению американо-китайских] военных [отношений] еще не перейден, Москва видит в таких событиях, как визит Брауна, шаг в этом направлении. Чтобы воспрепятствовать такому развитию событий, они могут поддаться искушению самим разыграть "китайскую карту", заняв более сговорчивую позицию в следующем раунде китайско-советских переговоров. Впрочем, советская реакция может принять и более воинственную форму.

⁹ Ракеты средней дальности. – *Прим. ред.*

ИРАН

Растущий дефицит энергии в СССР и Восточной Европе в сочетании с естественным стремлением иметь стабильного и невраждебного соседа на южных рубежах принудили Советы сознательно придерживаться двусмысленной политики в вопросе об [американских] заложниках. Советская политика на протяжении кризиса основывалась на осознании того, что реакция США на откровенно недружественную позицию Советов может иметь пагубные последствия для американо-советских отношений, особенно, если заложники пострадают. Это соображение уравнивалось опасением того, что недвусмысленная поддержка Советами нашего подхода [к ситуации в Иране] может подорвать позиции Москвы в отношениях с Хомейни. Как только вопрос с заложниками тем или иным образом разрешится, Советы, возможно, почувствуют, что они могут позволить взять на себя роль сверхдержавы – сторонницы Хомейни, не боясь долговременной жесткой реакции США. То, что с начала кризиса советские средства массовой информации активно освещают военные приготовления США, может отражать подлинную озабоченность необходимостью ответа на [возможную] американскую интервенцию в Иране, но может оказаться и целенаправленной акцией по маскировке советского продвижения в Афганистан.

АФГАНИСТАН

Советы, кажется, пришли к заключению, что сегодня выгода от более прямого вмешательства в афганские дела перекрывает неизбежные издержки в виде реакции стран региона и США. Неразбериха в Тегеране и вероятность [осуществления] там американской военной акции способствовали такому выводу.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

На взгляд Советов, лучший способ поддержания интересов в регионе – сохранить доминирующее влияние в Ханое. Такая политика с неизбежностью связана с поддержкой авантюристических акций СРВ в Индокитае. В Москве полагают, что издержки в виде критики международным сообществом и США ее нежелания играть более позитивную роль в гуманитарных вопросах и вопросах безопасности в регионе окупаются реальным и потенциальным политическим и военным выигрышем, который она получает, покровительствуя СРВ.

ПРОБЛЕМЫ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Взрыв бомбы в советской миссии в ООН, случаи отказа в выдаче американских виз и ответные советские меры, публичная озабоченность США [практикой] передачи технологий и их использования Советами не по назначению, отсутствие прогресса в вопросе о предоставлении [Москве] статуса наибольшего благоприятствования, тупик на переговорах о возобновлении соглашения об обменах и прочие раздражающие факторы аналогичного свойства должны привести Советы к выводу о том, что, обостряя двусторонние отношения, они мало что в этом плане теряют.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если обзор политической ситуации в Москве пойдет по вышеизложенному сценарию, то руководство СССР, возможно, придет к заключению, что ограничивать собственные политические устремления в угоду реакции США – слишком высокая цена за сомнительные улучшения в [двусторонних] отношениях. В этих условиях повлиять на поведение Советов, постоянно напоминая им о возможном уроне американо-советским отношениям, вряд ли удастся. Таким образом, если не будут предприняты целенаправленные шаги для оздоровления ситуации, американо-советские отношения могут вступить в полосу испытаний.

Документ № 3

Секретно

Заседание Особого координационного комитета
17 декабря 1979 г.

Время и место: 8.45–9.45, Ситуационная комната в Белом доме.

Тема обсуждения: Иран

Участники:

вице-президент [Уолтер Мондейл];

госдепартамент: Уоррен Кристофер, Гарольд Сондерс, Ричард Купер*;

министерство обороны: министр Гарольд Браун, У. Грэхэм Клэйтор;

Объединенный комитет начальников штабов: генерал Дэвид Джоунс, генерал Джон

Пастэй;

ЦРУ: адмирал Стэнфилд Тернер, Фрэнк Карлуччи, [...];

министерство энергетики: министр Чарльз Дункан*;

министерство юстиции: министр Бенджамин Сивилетти**, Джон Шенфилд*;

министерство финансов: министр Уильям Миллер**, Энтони Соломон*, Роберт

Мандгейм*;

Белый дом: Хамилтон Джордан*, Джоуди Пауэлл*, Стюарт Эйзенстат*, Ллойд Катлер*, Збигнев Бжезинский, Дэвид Аарон;

Совет национальной безопасности: полковник Уильям Одом, Гэри Стик, Томас Торнтон**.

* [Присутствовали] только [при обсуждении] внутренних вопросов.

** [Присутствовали] только [при обсуждении] вопроса об Афганистане.

ИТОГОВЫЕ РЕШЕНИЯ

Военно-политические вопросы

1. Афганистан. Адмирал Тернер вкратце обрисовал ход последних событий. Советские силы с июля до недавних пор оставались на месте, но сейчас появились признаки их передвижения. В непосредственной близости границы с Афганистаном созданы два новых командных поста, идет наращивание воздушных средств и, возможно, передислокация двух дивизий. В Афганистане находятся примерно 5 300 советских военных специалистов и сверх того 2 тыс. гражданских лиц, некоторые с семьями. ЦРУ рассматривает это не как чрезвычайную акцию, а как последовательное, планомерное наращивание сил, связанное, возможно, с реакцией Советов на снижение боеспособности афганской армии и необходимость ее укрепления в какой-то момент. Большая часть сельской местности сегодня в руках повстанцев, однако падения крупных городов можно ожидать только в случае серьезного дезертирства в армии. Судя по всему, Советы уже приняли политическое решение удерживать у власти просоветский режим, используя для этого, в случае необходимости, военную силу. Либо они отдают этому больший приоритет, чем успешному завершению [процесса] ОСВ, либо считают это не имеющим к ОСВ никакого отношения. Возможно, они готовы сбросить Амина, но пока что не нашли ему подходящей замены.

ОКК на основании состоявшегося обсуждения рекомендует стратегию, базирующуюся на трех составляющих. Во-первых, и это для протокола, мы продолжим дипломатические демарши в отношении Советов в неофициальном порядке: идти на это публично в настоящее время непродуктивно. Во-вторых, мы изучим вместе с Пакистаном и Великобританией возможности улучшения финансирования, вооружения и [оснащения средствами] связи сил повстанцев с тем, чтобы заставить Советы, если они не остановятся, заплатить за это максимально высокую цену. В-третьих, мы попытаемся усилить пропагандистское давление на Советы во всем мире. Мы реко-

мендуем нашим европейским союзникам подталкивать их прессу к тому, чтобы она уделяла большее внимание этому вопросу. Мы также расширим наши усилия с тем, чтобы представить Советы как силу, противостоящую национальным и религиозным чувствам мусульман.

Документ № 4

Белый дом
Вашингтон

Секретно
26 декабря 1979 г.

Меморандум для: президента
От: Збигнева Бжезинского
Предмет: Размышления о советской интервенции в Афганистане

Я отдельно пришлю вам предполагаемую повестку пятничного заседания СНБ¹⁰, которое будет посвящено афганской и иранской проблемам. До того вы получите протокол сегодняшнего заседания ОКК по этим двум вопросам. Цель данного меморандума – всего лишь дать некоторый стимул вашим размышлениям по теме.

Как я уже упоминал в вашем присутствии неделю назад или около того, мы стоим перед лицом *регионального кризиса*. И Иран, и Афганистан находятся в состоянии неразберихи, а Пакистан нестабилен внутри и чрезвычайно осторожен во внешнеполитических [вопросах]. Если Советы добьются своего в Афганистане, и они [...], исполнится вековая мечта Москвы заполнить прямой выход к Индийскому океану.

Исторически этому устремлению противостояла Великобритания, а Афганистан был буферным государством между ними. В 1945 г. эту роль приняли на себя мы, но иранский кризис привел к нарушению баланса сил в Юго-Западной Азии, и это может иметь следствием советское присутствие в непосредственной близости от Персидского и Оманского заливов.

Поэтому советская интервенция в Афганистане представляет для нас исключительно серьезный вызов как с точки зрения международной, так и внутривнутриполитической. Хотя она может обернуться советским Вьетнамом, первоначальный эффект интервенции, скорее всего, будет пагубным для нас в силу нижеследующих внутри- и внешнеполитических соображений.

ВНУТРЕННИЙ АСПЕКТ

А. Советская интервенция может подхлестнуть призывы к более прямой военной акции США в Иране. Советскую "решительность" будут противопоставлять нашей сдержанности, которую станут именовать уже не благоразумием, а робостью;

В. Одновременно нестабильность в регионе может сделать решение иранской проблемы более сложной для нас, и это может привести нас к лобовой конфронтации с Советами;

С. Вполне вероятно, что будет нанесен ущерб ОСВ, возможно, непоправимый, поскольку военная агрессивность Советов предстанет во всей наготе;

Д. В более широком плане могут начаться атаки на нашу линию в отношениях с Советами как справа, так и слева.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ

А. Пакистан, если мы не сумеем каким-то образом дать региону ощущение уверенности и силы одновременно [...];

¹⁰ Совета национальной безопасности. – Прим. ред.

В. С нестабильным Ираном мы лишаемся в Юго-Западной Азии надежного бастиона на пути советских устремлений к Индийскому океану;

С. Китайцы, безусловно, отметят, что напористость Советов в Афганистане и Камбодже не получает эффективного отпора со стороны Соединенных Штатов.

КОМПЕНСАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ

Безусловно, будут и некоторые компенсационные факторы.

А. Международное общественное мнение будет, возможно, возмущено советской интервенцией. Безусловно, встревожатся мусульманские страны, и мы, вероятно, будем в состоянии извлечь из этого пользу.

В. Из Афганистана в Пакистан уже бежало 300 тыс. человек, и мы сможем обвинить Советы в том, что они причиняют страдания множеству людей. Число [беженцев], вне сомнения, увеличится, а поддерживаемые Советами акции в Камбодже уже обернулись для них издержками.

С. Среди наших союзников возрастет понимание того, что необходимы большие усилия [с их стороны] в интересах их собственной обороны.

СОВЕТСКИЙ ВЬЕТНАМ?

Тем не менее нам не следует чересчур уповать на то, что Афганистан станет советским Вьетнамом.

А. Повстанцы плохо организованы и имеют скверное руководство.

В. У них нет ни пристанища, ни организованной армии, ни центрального правительства – всего, чем располагал Северный Вьетнам.

С. Их поддержка извне ограничена в противоположность тем огромным поставкам оружия, которые шли к вьетнамцам из Советского Союза и Китая.

Д. Советы, скорее всего, будут действовать решительно в отличие от Соединенных Штатов, проводивших во Вьетнаме политику "прививок" в отношении врага.

В результате, Советы могут эффективно самоутвердиться, а в мировой политике ничто так не способствует успеху, как [уже достигнутый] успех, вне зависимости от его моральной подоплеки.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Ниже предлагаются некоторые предварительные соображения, которые требуют более обстоятельного обсуждения.

А. Важно, чтобы афганское сопротивление продолжалось. Это означает более широкую финансовую помощь, поставки оружия повстанцам и определенный технический инструктаж.

В. Для достижения вышеозначенных целей мы должны успокоить Пакистан и стимулировать его к оказанию помощи повстанцам. Это потребует пересмотра нашей политики в отношении Пакистана: предоставления ему дополнительных гарантий, дополнительной военной помощи и [...].

С. Нам следует также подталкивать Китай к оказанию помощи повстанцам.

Д. Мы должны договориться с исламскими странами как о пропагандистской кампании, так и о тайных операциях по оказанию помощи повстанцам.

Е. Нам следует проинформировать Советы о том, что их действия ставят под угрозу [договор] ОСВ, а также повлияют на содержание визита Брауна в Китай, поскольку китайцы, вне всякого сомнения, будут чрезвычайно озабочены возможными для них последствиями такого самоуправства в непосредственной близости от их границ. Если мы не заявим Советам со всей прямотой и ясностью, что наши отношения пострадают, боюсь, они воспримут наши "выражения озабоченности" не слишком серьезно, в результате наши отношения все равно пострадают, а Советы даже не

зададутся вопросом, стоит ли такой авантюризм локального масштаба долгосрочного ухудшения американо-советских отношений.

Ф. Наконец, мы должны принять решение о вынесении советских действий в Афганистане на обсуждение ООН как представляющих угрозу миру.

Документ № 5

Белый дом
Вашингтон

29 декабря 1979 г.
Секретно

Меморандум для: президента

От: Збигнева Бжезинского

Предмет: Наш ответ на советскую интервенцию в Афганистане

Одна из основополагающих проблем в отношениях с Советами у нас, как и у всех наших недавних предшественников по службе, – поддерживать у Москвы серьезное отношение к нашим [словам и делам]. Мы неоднократно протестовали против тех или иных действий Советов (баз во Вьетнаме, действий кубинцев за рубежом и проч.), но поскольку мы не всегда сопровождали устные протесты весомыми контрмерами, у Советов, по-видимому, входит в привычку пренебрегать нашей озабоченностью.

В понедельник в Лондоне Уоррен Кристофер¹¹ встретится с нашими главными союзниками. Они будут ждать от нас руководящей роли, конкретного подтверждения того, что мы не настроены безнаказанно спускать Советам с рук их вторжение. Ввиду этого вы, возможно, захотите дать Кристоферу указание проинформировать эти правительства о том, что мы предпримем реальные шаги в сфере наших двусторонних отношений с Москвой, чтобы продемонстрировать ей наше неудовольствие.

Поскольку вчера в разговорах с лидерами европейских стран вы провели параллель между советской интервенцией в Афганистане в 1979 г. и в Чехословакии в 1968 г., вам, возможно, будет полезно узнать о том, какие шаги предприняли Джонсон и Раск¹² после того, как 20 августа 1968 г. Советы оккупировали Чехословакию. (Можете быть уверены, что Советы держат этот перечень под рукой и на основании сравнительных умозаключений будут судить о международной обстановке, в рамках которой действуют. То же самое относится к большинству стран мира, особенно к тем, что расположены рядом с Афганистаном.) В течение трех дней после вторжения:

- 1) президент сделал решительное публичное заявление;
- 2) публичное заявление сделал государственный секретарь;
- 3) мы инициировали заседание Совета Безопасности;
- 4) мы приостановили двусторонние переговоры о мирном использовании атомной энергии;
- 5) посольство в Москве получило указание ограничить все официальные и неформальные контакты с советскими должностными лицами;
- 6) те же указания были разосланы американским дипломатическим миссиям по всему миру;
- 7) 23 августа Раск информировал Добрынина, что не может быть продвижения ни по одному из вопросов [двусторонних отношений], пока ситуация в Чехословакии не прояснится;
- 8) госдепартамент активно рекомендовал американским компаниям не [развивать] деловых связей с Советским Союзом;
- 9) нами были приостановлены, отвергнуты или заморожены заявки на экспортные лицензии в Советский Союз;

¹¹ Заместитель государственного секретаря США. – Прим. ред.

¹² Дин Раск – государственный секретарь США в администрациях президентов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона. – Прим. ред.

10) мы приостановили участие в торговых ярмарках в Советском Союзе;

11) мы отменили намеченные мероприятия по культурному обмену с Советами.

Как вы помните, следствием вторжения в Чехословакию стала отмена первого запланированного раунда переговоров по ОСВ между Вашингтоном и Москвой. Являясь противником любого замораживания наших усилий по ратификации договора ОСВ, я все же полагаю, что было бы ошибкой ограничиться в нашей реакции на советскую интервенцию в Афганистане одними лишь словами. В этой связи прилагаю меморандум сотрудника СНБ Маршалла Бременты, где расписаны шаги, которые мы можем предпринять, чтобы доказать наше неудовольствие действиями Москвы. Хотел бы получить ваши указания о том, что, на ваш взгляд, здесь может быть сделано. Я считаю, что в наших двусторонних отношениях с Москвой после этого выходящего за всякие рамки акта советской заносчивости и жестокости должно произойти что-то вполне определенное и что Уоррену Кристоферу следует в понедельник проинформировать союзников о конкретных шагах, которые мы собираемся предпринять. На мой взгляд, такая решительность с нашей стороны дала бы нам значительный выигрыш – как с точки зрения внутривнутриполитической, так и международной.

АФГАНИСТАН: ШАГИ В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Мы надеемся достичь в отношении Советов в связи с их шагами в Афганистане три цели. Первая – карающая: заставить их заплатить за попрание фундаментальных принципов поведения на международной арене. Вторая – принуждающая: добиться, чтобы они вывели свои части и позволили Афганистану снова обрести подобие суверенитета и нейтралитета. Третья – сдерживающая: не дать Советам переступить через последующие запретные линии, такие, как [отказ от] преследования повстанцев по горячим следам за пределами международно признанных границ или эскалации против них ширококомасштабных боевых действий.

Мы также заинтересованы в том, чтобы наши контрмеры оказали воздействие на других игроков на международной арене, включая наших европейских союзников, нервничающих восточноевропейцев, неприсоединившиеся страны "третьего мира" и правительства исламских государств. Таким образом, если даже какие-то меры не произведут должного впечатления на Советов, они могут оказаться полезными для остальной аудитории; при этом некоторые из акций США могут вызвать озабоченность даже у наших союзников.

Многие из шагов, которые мы могли бы предпринять, идут вразрез с другими национальными приоритетами, в частности с сохранением стратегического ядерного баланса. Мы уже столкнулись с подобного рода дилеммой, когда решали, чему отдать предпочтение в Совете безопасности – [отстаиванию] наших интересов в ситуации с заложниками в Иране или мобилизации сил для международной акции по Афганистану. Кризис способен как предоставить нам новые возможности, так и породить дополнительные проблемы в зависимости от того, сумеем ли мы заполучить для себя новых соратников или уладить старые проблемы, например, получить доступ к базам на периферии Индийского океана.

Для достижения этих целей мы можем предпринять политические, экономические и военные акции по всему фронту как двусторонних, так и многосторонних отношений. Советская реакция также может вылиться в форму ответных шагов самого широкого спектра. Избирая ту или иную линию действий, следует иметь в виду такой важный фактор, как необратимость шага. Всего один пример: неудача с введением ограничения на количество РГЧ¹³ по [договору] ОСВ может привести к испытанию большого числа РГЧ на каждой ракете, навсегда исключив введение поддающихся проверке более низких лимитов на число боеголовок, и тем самым серьезно увеличить уязвимость ракет "МХ"

¹³ Разделяющиеся головные части. – *Прим. ред.*

Что касается воздействия на Советы тех или иных мер, то ухудшение климата в американско-советских отношениях не произведет на Москву большого впечатления. Такое ухудшение почти наверняка предвиделось, а потому было загодя сброшено со счетов. Определенные шаги, затрагивающие американско-советские отношения, могут произвести желаемый эффект на другие страны, но в отстаивании наших позиций перед Москвой наиболее эффективными скорее всего будут меры по усилению противодействия Советам в мировом масштабе.

Документ № 6

Авторская копия
Библиотека Картера
Секретно

№ 19
Послано 28.12.[79],
получено 29/0153
[Подпись] З. Бжезинский

Послание Брежневу об Афганистане

Уважаемый Президент Брежнев!

Хочу быть уверенным, что Вы полностью взвесили все последствия советских действий в Афганистане, которые рассматриваются нами как явная угроза миру. Вы должны понять, что эти действия по сути могут стать поворотным пунктом в наших долгосрочных отношениях. Предпринятые без предварительного обсуждения с нами, они, на наш взгляд, являются очевидным нарушением Основных принципов отношений, которые вы подписали в 1972 г.

Мое правительство никоим образом не может принять переданного послу Уотсону 27 декабря разъяснения советского правительства о том, что советские Вооруженные Силы были посланы в Афганистан по просьбе руководства этой страны. Реальные факты ясно показывают, что эти самые советские войска были использованы для того, чтобы свергнуть уже существовавшее правительство Афганистана и навязать новое, жестоко казнившее бывшего Президента и, судя по сообщениям, его семью.

Широкомасштабное продвижение [иностранных] военных частей в суверенную страну всегда являлось законным основанием для озабоченности со стороны международного сообщества. Когда же такие вооруженные силы посылаются сверхдержавой и при этом используются для устранения существующего правительства и навязывания нового, это не может не иметь неблагоприятных последствий как для региона, так и для мира в целом. Мы обращаем самое серьезное внимание на то, что со времени вторжения в Венгрию и Чехословакию это первый случай, когда Советский Союз предпринял прямую военную акцию против другой страны. В данном случае советская военная интервенция в Афганистане – до того неприсоединившейся стране, – безусловно, представляет собой новый, деструктивный и опасный, этап в использовании вами военной силы, что вызывает глубокую тревогу относительно общего направления советской политики.

Мы давали друг другу слово не обострять ситуации, чреватые конфликтами, и консультироваться в случае возникновения той или иной угрозы миру. Если эти взаимные обязательства имеют хоть какой-то смысл, то они, безусловно, должны включать в себя отказ сверхдержав ввязываться в боевые действия, кроме как в случае крайней необходимости и единственно в целях законной самообороны. Ввиду глобального характера наших интересов, нам следует осознавать, что любые действия, где-либо предпринятые, подобно цепной реакции повлекут за собой последствия и в других, внешне не связанных с этим событием регионах мира.

Ни одна сверхдержава не может присвоить себе право смещать или свергать вооруженным путем законно установленное правительство в другой стране. Такой прецедент опасен, он попирает все принятые нормы международного поведения. Если Вы не откажетесь от Вашего нынешнего образа действий, это неизбежно поставит

под угрозу американо-советские отношения во всем мире. Я настоятельно призываю Вас предпринять быстрые и конструктивные действия по выводу ваших войск и прекратить вмешательство во внутренние дела Афганистана. Многолетние усилия по формированию более стабильных и продуктивных отношений между нашими двумя странами вполне могут оказаться подорванными, если ситуация не найдет быстрого разрешения. При соответствующих действиях Вашего правительства пока еще не поздно избежать долгосрочного ухудшения американо-советских отношений.

Документ № 7

[Ответное послание Брежнева Картеру]

Авторская копия
Библиотека Картера

№ 20А
совершенно секретно

Уважаемый господин Президент!

В ответ на Ваше послание от 29 декабря считаю необходимым сообщить следующее.

Никак нельзя согласиться с Вашей оценкой того, что сейчас происходит в Демократической республике Афганистан. Через Вашего посла в Москве мы в доверительном порядке уже дали американской стороне и лично Вам основывающиеся на фактах разъяснения действительно происходящего там, а также причин, побудивших нас положительно откликнуться на просьбу правительства Афганистана о вводе ограниченных советских контингентов.

Странно выглядит предпринятая в Вашем послании попытка поставить под сомнение сам факт просьбы правительства Афганистана о посылке наших войск в эту страну. Вынужден заметить, что отнюдь не чье-то восприятие или невосприятие этого факта, согласие или несогласие с ним определяет действительное положение дел. А оно состоит в следующем.

Правительство Афганистана на протяжении почти двух лет неоднократно обращалось к нам с такой просьбой. Кстати сказать, одна из таких просьб была направлена нам 26 декабря с. г. Это знаем мы, об этом в равной степени знает афганская сторона, которая направляла нам такие просьбы. Хочу еще раз подчеркнуть, что направление ограниченных советских контингентов в Афганистан служит одной цели – оказанию помощи и содействия в отражении актов внешней агрессии, которые имеют место длительное время и сейчас приняли еще более широкие масштабы.

Совершенно неприемлемым и не отвечающим действительности является и содержащееся в Вашем послании утверждение, будто Советский Союз что-то предпринял для свержения правительства Афганистана. Должен со всей определенностью подчеркнуть, что изменения в афганском руководстве произведены самими афганцами, и только ими. Спросите об этом у афганского правительства.

Не соответствует действительности и то, что говорится в Вашем послании насчет судьбы семей бывших афганских руководящих деятелей. Имеющиеся в нашем распоряжении данные опровергают сведения, которые Вы получили.

Должен далее ясно заявить Вам, что советские воинские контингенты не предпринимали никаких военных действий против афганской стороны, и мы, разумеется, не намерены предпринимать их.

Вы делаете нам упрек в своем послании, что мы не консультировались с правительством США по афганским делам, прежде чем вводить наши воинские контингенты в Афганистан. А позволительно спросить Вас – Вы с нами консультировались прежде, чем начать массивную концентрацию военно-морских сил в водах, прилегающих к Ирану, и в районе Персидского залива, да и во многих других случаях, о которых Вам следовало бы, как минимум, поставить нас в известность?

В связи с содержанием и духом Вашего послания считаю необходимым еще раз разъяснить, что просьба правительства Афганистана и удовлетворение этой просьбы Советским Союзом – это исключительно дело СССР и Афганистана, которые сами по своему согласию регулируют свои взаимоотношения и, разумеется, не могут допустить какого-либо вмешательства извне в эти взаимоотношения. Им, как и любому государству – члену ООН, принадлежит право не только на индивидуальную, но и коллективную самооборону, что и предусматривается статьей 51 Устава ООН, которую СССР и США сами формулировали. И это было одобрено всеми государствами – членами ООН.

Разумеется, нет никаких оснований для Вашего утверждения о том, будто наши действия в Афганистане представляют угрозу миру.

В свете всего этого бросается в глаза неумеренность тона некоторых формулировок Вашего послания. К чему это? Не лучше ли было бы поспокойнее оценить обстановку, имея в виду высшие интересы мира и не в последнюю очередь взаимоотношения наших двух держав.

Что касается Вашего "совета", мы уже сообщали Вам, и тут я повторяю снова, что, как только отпадут причины, вызвавшие просьбу Афганистана к Советскому Союзу, мы намерены полностью вывести советские воинские контингенты с территории Афганистана.

А вот наш Вам совет: американская сторона могла бы внести свой вклад в прекращение вооруженных вторжений извне на территорию Афганистана.

Я не считаю, что работа по созданию более стабильных и продуктивных отношений между СССР и США может оказаться напрасной, если, конечно, этого не хочет сама американская сторона. Мы этого не хотим. Думаю, что это было бы не на пользу и самим Соединенным Штатам Америки. По нашему убеждению, то, как складываются отношения между СССР и США, – это дело взаимное. Мы считаем, что они не должны подвергаться колебаниям под воздействием каких-то привходящих факторов или событий.

Несмотря на расхождение в ряде вопросов мировой и европейской политики, в чем мы все отдаем себе ясный отчет, Советский Союз – сторонник того, чтобы вести дела в духе тех договоренностей и документов, которые были приняты нашими странами в интересах мира, равноправного сотрудничества и международной безопасности.

Л. Брежнев

29 декабря 1979 г.

Документ № 8

Совершенно секретно

Заседание Совета национальной безопасности
2 января 1980 г.

Время и место: 13.00. – 15.25, Комната заседаний кабинета

Предмет: Иран, миссия Кристофера в Афганистан, ОСВ и поездка Брауна в Китай,

Участники:

президент [Дж. Картер];

вице-президент [У. Мондейл];

госдепартамент: госсекретарь Вэнс, заместитель госсекретаря Кристофер;

министерство обороны: министр Браун, заместитель министра Клэйтор;

ЦРУ: заместитель директора Карлуччи;

Белый дом: Збигнев Бжезинский, Хамильтон Джордан, Ллойд Катлер, Джоуди Пауэл, Дэвид Аарон.

[...] ¹⁴ Президент сказал, что прочитал об опыте работы с ООН во время советского вторжения в Чехословакию. Тогдашнее обращение в первую очередь в Совет Безопасности было ошибкой. Там шли долгие дебаты, а в итоге Советский Союз накладывал вето на любую акцию. Когда же была сделана попытка обратиться в Генеральную Ассамблею, прошло уже столько времени, что предпринимать какие бы то ни было шаги было поздно.

Госсекретарь отметил, что Генеральная Ассамблея все еще заседает и мы можем выйти туда на следующей неделе. [...] Минус этого шага в том, что Советы, как и ряд стран Варшавского Договора, будут доказывать, что их действия соответствуют статье 51 [Устава ООН]. Госсекретарь не думает, что страны Варшавского Договора от лица советского пакта попросят обсудить на Совете Безопасности создавшуюся ситуацию, хотя ГДР, входящая сейчас в Совет Безопасности, без сомнения, будет поддерживать русских.

Заместитель госсекретаря подвел итоги, сказав, что если мы готовы объединиться и призвать председателя Совета Безопасности поставить этот вопрос [об Афганистане] в повестку заседания, то многие другие страны также к нам присоединятся.

Президент задал вопрос, стоит ли нам выходить в Совет Безопасности, когда Советы всегда могут наложить вето на все, что мы там предложим. Госсекретарь ответил, что мы можем прибегнуть к главе VI (мирное урегулирование споров), и коль скоро Советы являются вовлеченной стороной, они не будут располагать правом вето.

Президент заметил, что глава VI гласит, что обвиняемое государство не имеет права голоса, но она в то же время не предусматривает никаких карающих мер в его отношении. Он поинтересовался, не стоит ли нам выйти также и на Генеральную Ассамблею. Заместитель госсекретаря указал, что, по словам наших союзников, речь идет об угрозе миру – вопросе, подпадающем под статью 39 главы VII, а не просто о споре между странами.

Президент спросил, что нам даст заседание Совета Безопасности, если в перспективе возможно советское вето. Г-н Кристофер сказал, что за это Советы заплатят высокую политическую цену. После этого мы можем выходить на Генеральную Ассамблею. Госсекретарь предложил обратиться и туда, и сюда одновременно. Президент сказал, что он тоже думал о такой возможности. По его словам, чешский пример оказался разочаровывающим потому, что спустя какое-то время в нашем противодействии советскому вторжению удалось получить поддержку лишь стран НАТО.

Министр обороны заметил, что и сейчас мы опять, видимо, получим то же самое – ни санкций, ни военных акций, а лишь кулису для индивидуальных действий групп наших союзников, организованных г-ном Кристофером.

Д-р Бжезинский поставил вопрос о том, какой форум является наилучшим для наказания [СССР] в глазах общественности. По его мнению, это, видимо, Генеральная Ассамблея, но проблема в том, на что готовы пойти ее участницы. В Совете Безопасности, отметил он, мы уже можем сказать, кто выступит в поддержку решительных действий, а кто будет колебаться. Госсекретарь высказал мнение, что [...].

Министр обороны повторил, что тем не менее дискуссии в Совете Безопасности могут обеспечить позитивный фон для действий, которые предпримут группы, организованные Уорреном Кристофером.

Госсекретарь отметил сильное желание западных стран поднять этот вопрос в Совете Безопасности. Мы не хотим выступать в роли стороны, блокирующей эти усилия. Вопрос в том, выходим ли мы также и на Генеральную Ассамблею, пока она еще заседает.

Президент сказал, что предпочел бы выйти и на Генеральную Ассамблею, и на Совет Безопасности. Нам следует идти в этом максимально далеко, добиваясь того, чтобы к нам присоединились другие. Он закончил словами, что намеревался ограни-

¹⁴ Вначале идет обсуждение проблемы иранских заложников, затем полторы страницы текста изъято при рассекречивании, после чего начинается обсуждение вопроса о вводе советских войск в Афганистан. – *Прим. ред.*

читься одним только Советом Безопасности, пока не прочел об опыте времен вторжения в Чехословакию.

Д-р Бжезинский поддержал идею одновременного выхода в оба эти органа. М-р Пауэлл сказал, что такой шаг сделал бы цену вето для Советского Союза гораздо более высокой.

Д-р Бжезинский поинтересовался, сможет ли Уоррен действовать в обоих направлениях сразу. Госсекретарь ответил утвердительно. Он сказал, что мы столкнемся с доводами против этого, но, по его мнению, это возможно. Президент отметил, что если Советы вот-вот наложат вето на этот вопрос в Совете Безопасности, то это может повредить им на Генеральной Ассамблее.

Подводя итог, президент отметил, что в связи с советским вторжением в Афганистан нам, на его взгляд, следует предпринять в ООН и других направлениях все возможное. Он выразил убежденность в том, что, хотя мы и не можем заставить Советы уйти из Афганистана; действия СССР в течение ближайших 10–20 лет будут зависеть от нашего поведения в этом кризисе. Президент сказал, что если [...], то нам придется пойти с нашими союзниками по НАТО на [...], попытаться сделать максимум возможного, исключая мировую войну, чтобы заставить Советы понять, что это их большая ошибка.

Ллойд Катлер заметил, что, если выйти в Совет Безопасности с вопросом об Афганистане в то самое время, когда идут дискуссии по Ирану, Советы могут наложить вето на наши резолюции о санкциях. Он также думает, что Советы используют присутствие в Совете Безопасности лишь 14 членов как предлог, чтобы наложить по процедурным основаниям вето на какую бы то ни было резолюцию об Иране.

По мнению министра обороны и других выступавших, это произойдет независимо от того, вынесем мы афганский вопрос на Совет Безопасности или нет. Президент согласился с этим.

Госсекретарь поинтересовался, следует ли дать распоряжение Дону Макгенри¹⁵ присоединиться к письму на имя председателя Совета Безопасности, побуждая остальных вынести этот вопрос также и на Генеральную Ассамблею. Президент одобрил предложение, но добавил, что посол [США в ООН] Макгенри должен информировать остальных, что мы предпочли бы выйти на Генеральную Ассамблею, если это не будет противоречить Уставу ООН.

Г-н Пауэлл предложил увязывать между собой любые предпринимаемые нами шаги. Он понимает, что консультации потребуют времени, но если каждое решение мы будем выдавливать из себя на протяжении нескольких дней, президент рискует утратить лидерство. Госсекретарь в связи с этим заметил, что нельзя тянуть с выходом на Совет Безопасности, иначе мы будем плестись в хвосте [событий]. Сегодня [в ООН] состоялось заседание по этому вопросу.

Президент сказал, что следует выходить на Совет Безопасности, не дожидаясь увязки [с вынесением вопроса на Генеральную Ассамблею]. (Госсекретарь после этого удалился, чтобы связаться с послом Макгенри).

Д-р Бжезинский предложил далее обсудить по отдельности каждый из шагов, предложенных в проекте госдепартамента.

Президент согласился и попросил Уоррена Кристофера выяснить, какова была реакция союзников на каждый из конкретных шагов.

Д-р Бжезинский сообщил, что первым вопросом стоит [судьба договора по] ОСВ. Президент сказал, что он беседовал с Робертом Бёрдом и лидер большинства [в сенате] хочет сохранить ОСВ в повестке дня, не вынося, однако, вопрос на обсуждение. По словам президента ему удалось уговорить Бёрда не делать заявления по этому поводу, когда тот вышел из Белого Дома. На взгляд президента, следует оставить этот вопрос в повестке дня сената и продолжать и далее тесно сотрудничать с лидером большинства по данной проблеме.

¹⁵ Представитель США в ООН. – Прим. ред.

Д-р Бжезинский отметил, что ОСВ сохраняет свою важность вне зависимости от отношений с СССР, но нам придется смириться с тем, что в настоящее время выносить договор на голосование нецелесообразно. С этим согласился и Ллойд Катлер. Нет смысла, сказал он, полностью снимать его [договор] с повестки дня, коль скоро он в интересах нашей безопасности, но мы не добьемся необходимого прогресса до тех пор, пока не решены проблемы Ирана и Афганистана. Следовательно, по его мнению, необходимо отложить внесение договора на обсуждение сената, но оставить в повестке. Однако, если Советы наложат вето на санкции в отношении Ирана, нам, возможно, придется подумать и о снятии его с повестки.

По словам президента, Роберт Бёрд напомнил ему: исполнительная [власть] не правомочна в отношении повестки заседаний сената, и он, президент, не может самолично снять вопрос с обсуждения. Однако, он [Бёрд] дал понять, что будет готов к консультациям и сотрудничеству с нами [администрацией].

По мнению министра обороны, самое большее, что в наших силах, это не дать ОСВ умереть. По его мнению, мы можем разъяснить, что ОСВ – в наших глобальных интересах, но поскольку продвижение советских войск затрагивает другие наши интересы, в частности об Индийском океане, мы их прекратим. Мы разъясним Советам, что они подрвали основы контроля над вооружениями в районе Индийского океана, который был призван ограничить соперничество великих держав в регионе. С другой стороны, смысл ОСВ в том, чтобы уменьшить риск ядерной войны и избежать гонки ядерных вооружений, в особенности, когда приоритетом для нас является рост возможностей в обычных вооружениях. В силу этого мы не отказываемся от Договора ОСВ, а просто не выносим его на обсуждение в конгресс.

Д-р Бжезинский сказал, что, по его мнению, исключение контроля над вооружениями из [перечня] мер возмездия в отношении Советского Союза согласуется с позицией, выработанной нашими союзниками по НАТО. В этой связи он сослался на возобновление МБРФ¹⁶. Более того, торпедирование переговоров по Индийскому [океану] едва ли благотворно, поскольку Советы используют это в своих отношениях с новым индийским правительством. Тем не менее, исходя из того, что переговоры и так уже фактически мертвы, он бы предложил оставить их в том же состоянии.

Министр Браун пояснил, что переговоры по Индийскому океану были связаны не столько с контролем над вооружениями, сколько с их размещением. По его словам, он испытывает искушение сказать то же самое в отношении переговоров по обычным вооружениям. Д-р Бжезинский заметил на это, что в качестве карающей акции от этого шага не будет толку, поскольку переговоры по Индийскому океану и так мертвы. Более того, это не укрепит наших позиций и даже не поставит Советы в затруднительное положение потому, что они используют отмену переговоров по Индийскому океану против нас в отношениях с индийцами.

Госсекретарь согласился с д-ром Бжезинским. Что касается переговоров об обычных вооружениях, то их, как ему кажется, следует сохранить. Однако он за то, чтобы не проводить очередную встречу глав делегаций на следующей неделе. Что до ОСВ, то, по его мнению, важно сохранить этот вопрос в повестке. Он сообщил, что сенатор Харт и другие прослышали, будто Роберт Бёрд вообще настаивал на отзыве договора. Президент отметил, что нет – сенатор Бёрд этого не хочет.

Заместитель госсекретаря сказал, что европейцы придают большое значение ОСВ. Им придется по душе позиция, которую мы сейчас вырабатываем. Они хотят продолжения и других переговоров по контролю за вооружениями. Что касается МБРФ, то мяч сейчас все равно на половине Советов. [Что касается] наших действий по отсрочке ОСВ, то они найдут широкое понимание среди союзников США в Европе.

Вернувшись к документу госдепартамента с изложением предлагаемых мер, собравшиеся отметили, что уже осуществлены предлагавшееся выступление президента по вопросу американско-советских отношений и отзыв посла Уотсона. О послед-

¹⁶ Венские переговоры о сокращении обычных сил и вооружений в Европе. – *Прим. ред.*

нем будет объявлено сегодня. Предложение ограничить неформальные и официальные контакты с советскими должностными лицами госсекретарь на основании прошлого опыта охарактеризовал как неэффективное, поэтому оно было снято с рассмотрения.

При обсуждении вопроса о сокращении советского дипломатического персонала президент сообщил, что желал бы уравнивать его [с американским в СССР]. Госсекретарь отметил, что Советы в отместку пройдутся по нашим самым важным людям. Д-р Бжезинский добавил, что тогда несладко придется обоим, но они [Советы] окажутся в предпочтительном положении.

Президент отметил, что Советский Союз ввел ограничения на численность нашего дипломатического персонала, который мы можем содержать. Мы на них таких ограничений не накладывали. Он, по его словам, против сохранения несбалансированного подхода в отношениях с Советами. Д-р Бжезинский добавил, что вопрос о большей взаимности, безусловно, назрел.

Госсекретарь указал на то обстоятельство, что количественный дисбаланс представительства в значительной мере связан с новой советской миссией при ООН. Министр обороны высказался за выделение проблемы миссии ООН в самостоятельный вопрос. Ллойд Катлер выдвинул предложение заморозить уровень представительства Советов при ООН, чтобы не позволить ему стать "крышей" при сокращении посольства в Вашингтоне. Фрэнк Карлуччи напомнил, что мы не имеем законных оснований для такой акции.

Президент снова повторил, что он за то, чтобы урезать персонал советского посольства.

[...].

Вице-президент поинтересовался, что представляет собой этот дисбаланс в цифрах. Госсекретарь сказал: два к одному. [...].

Д-р Бжезинский предложил, чтобы госдепартамент разработал конкретные предложения о том, как сбалансировать уровень представительства. Президент, подытоживая, сказал, что склоняется к тому же. Возвращаясь к вопросу о выдворении сотрудников разведки, Фрэнк Карлуччи отметил, что Соединенные Штаты при этом определенно окажутся в проигрыше. Президент согласился отложить эту меру.

Было одобрено [предложение] отменить приготовления к открытию генконсульств в Киеве и Нью-Йорке.

Президент не выразил склонности к усилению критики по поводу нарушений Советами прав человека, интенсивность которой, по его мнению, диктуется ситуацией. Тем не менее все согласились с тем, чтобы активизировать вещание "Радио Свобода", "Радио Свободная Европа" и "Голоса Америки".

Д-р Бжезинский отметил, что потребуется небольшая сумма денег от Административно-бюджетного управления на эти цели. Президент поинтересовался, что в этом направлении предпринимают наши союзники, и госсекретарь сказал, что [...]. В этой связи присутствующие согласились, что следует предпринять все от нас зависящее, чтобы показать общественности роль Советов в Афганистане.

На вопрос о признании [нового афганского правительства] д-р Бжезинский ответил, что мы уже приняли решение не возобновлять полномасштабных отношений. Однако мы оставили там свой персонал.

Госсекретарь сказал, что уже эвакуировал всех сотрудников Агентства международного развития и Агентства международной информации, а остальной персонал собирается урезать до минимума. По его словам, сейчас у нас в Кабуле только поверенный в делах. Президент одобрил это при условии, что мы сможем решать стоящие перед нами задачи с сокращенным персоналом. [...].

Президент поинтересовался, сможем ли мы [...]. Госсекретарь дал понять, что, скорее всего, нет.

Заместитель госсекретаря сказал, что союзники настроены воздерживаться от контактов с новым режимом. Лишь двое из этих государств придерживаются особой политики в вопросе признания правительства [...]. Помощь, оказываемая на двусто-

ронней основе, будет прекращена или заморожена. Что касается многосторонней помощи через Всемирный банк, то союзники готовы к тому, чтобы сообща изыскать способ ее прекращения. В этой связи заместитель госсекретаря заметил, что международные финансовые учреждения оказывали помощь Афганистану как неприсоединившейся стране. Но после того, как Афганистан стал марионеткой Советского Союза, этого основания больше не существует.

Далее [поступило] сообщение от министра труда, содержащее информацию президенту о том, что портовые грузчики вот-вот могут объявить эмбарго на погрузку в портах США зерна [для Советского Союза].

Госсекретарь сказал, что, по его мнению, следует урезать поставки зерна до 8 млн.т, требуемых по соглашению с Советским Союзом, из тех 25 млн., которые планировались и по которым уже заключены контракты. Если мы не сделаем такого шага, вряд ли можно рассчитывать на то, что наши союзники сделают что-нибудь по части экономических ограничений или санкций в отношении Советского Союза. Он понимает, что цена высока, но ее придется заплатить. Президент задался вопросом, пойдут ли грузчики на такой шаг, поскольку это решать не им. Д-р Бжезинский согласился с этим, высказав мысль о том, что президент сможет принять решение об официальном эмбарго позднее.

Джоуди Пауэлл поинтересовался, трудно ли будет продать зерно куда-то еще. Госсекретарь сказал, что нам в таком случае придется купить это зерно и отправить его в хранилища. Президент заметил, что речь идет о значительной партии пшеницы и кукурузы. Госсекретарь дал обзор наших обстоятельств. По соглашению с Советским Союзом мы обязались продать 8 млн. т. Кроме того, мы одобрили продажу еще 25 млн. т. По словам госсекретаря, проблема в том, обязаны ли мы, следуя букве закона, продавать эти самые дополнительные 25–35 млн. т.

Министр обороны заметил, что речь идет о внушительной сумме денег – о внешнеторговом доходе для Соединенных Штатов примерно в 5 млрд. долл. Вице-президент сказал, что рынок может немедленно обвалиться. Цены отреагируют на факт не состоявшейся продажи. Хранение в Соединенных Штатах такого количества пшеницы будет рассматриваться как [присутствие на рынке] наличного товара, и цены на кукурузу и зерно немедленно упадут вниз.

Г-н Пауэлл поинтересовался, коль скоро можно предположить возникновение такой ситуации, нельзя ли предпринять что-нибудь для ее смягчения. Министр обороны указал, что это вопрос времени. Если после объявления эмбарго цены рухнут, то далее мы сможем лишь сдерживать это падение, выкупая зерно с рынка.

Г-н Джордан заметил, что, по его мнению, грузчики ведут речь о всеобщем эмбарго, а не просто об эмбарго на погрузку зерна.

Вице-президент выразил серьезную озабоченность тем, что между рабочими и фермерами возникнет раскол в этом вопросе. По его мнению, нам [администрации] следует избегать прямого участия в этом деле, поскольку нас немедленно потащат по судам и придется занимать какую-то позицию. Ллойд Катлер отметил, что президенту лучше сделать это самому, чем под нажимом грузчиков.

Г-н Джордан сказал, что счел бы за лучшее, если бы Боб Бергланд¹⁷ и Рей Маршалл¹⁸ имели возможность разъяснить во всех деталях вопрос до того, как принимать по нему решение. Президент попросил пройтись дальше по перечню мероприятий, предложенных госдепартаментом, и решить этот вопрос отдельно.

Далее президент спросил про Францию и что там собираются делать в вопросе о взаимоотношениях с новым режимом. [...].

Далее президент позвонил Стюарту Эйзенстату и попросил его изучить вопрос об эмбарго со стороны портовых грузчиков, а о результатах как можно скорее сообщить СНБ.

¹⁷ Министр сельского хозяйства США. – *Прим. ред.*

¹⁸ Министр труда США. – *Прим. ред.*

Подводя итог, заместитель госсекретаря констатировал, что нам следует идти до конца в вопросе о прекращении займов и непредоставлении новых займов по линии Всемирного банка.

Обратившись к другим мерам в области двусторонних отношений, госсекретарь высказался за обструкцию переговоров о пересмотре консульских отношений. Сейчас там объявлен перерыв и их можно не возобновлять.

Предложение о возобновлении запрета на поездки советских передовых групп в Нью-Йорке отпало в свете последних событий.

Было одобрено предложение о том, что нам следует отказываться в предоставлении виз или затягивать их выдачу по принципу "от случая к случаю" Министр обороны в этой связи особо упомянул Григория Арбатова¹⁹.

Касаясь вопроса о сокращении количества советских представителей средств массовой информации в США, Джоуди Пауэлл сообщил о своей смешанной реакции. По его мнению, с точки зрения дипломатии мы должны следовать принципу взаимности²⁰, но, разумеется, возможны ответные санкции, и в конечном счете у нас в Москве может никого не остаться. С другой стороны, мы не получаем от наших газетчиков сколько-либо существенной информации, каковую, без сомнения, получают от своих Советы. Итак, если подвести общий баланс, то можно, как ему кажется, рискнуть. Президент одобрил это.

При обсуждении вопроса об обменах возник спор как о научном обмене и передаче МГД-генератора²¹, так и о конкретных встречах, сроки проведения которых уже намечены. Госсекретарь высказался за то, чтобы отговорить члена палаты представителей Билла Грина от поездки в Москву с делегацией конгресса. Он также предлагает отменить заседание совместного комитета в Москве, где должен председательствовать Хатауэй, и отсрочить заседание совместного комитета по здравоохранению, намеченное на середину февраля в Вашингтоне. Что касается МГД-генератора, то, по мнению госсекретаря, его транспортировка в Москву самолетом С-5 получила бы чрезмерную огласку. Д-р Бжезинский сказал, что следует пойти на отсрочку, не отменяя самой договоренности. Министр Браун заметил, что мы вложили сюда кучу денег, порядка 10 млн. долл.

Заместитель госсекретаря сказал, что они могут пересмотреть для повторного одобрения все официально предложенные встречи с советскими должностными лицами в США на уровне заместителей министров и выше. Президент согласился на такой пересмотр, но выразил сомнение в том, что одобрит такие контакты.

Д-р Бжезинский сообщил, что следующий по счету и самый деликатный вопрос – об Олимпийских играх. [Заместитель] госсекретаря Кристофер отметил, что в Европе сильны настроения против участия в Олимпиаде. По его словам, представитель Западной Германии в НАТО сказал, что, хотя представителям Германии трудно комментировать события в Германии в 30-е годы, [все же] на его взгляд, западным странам не следовало приезжать на Олимпиаду в Берлин в 30-е годы. То же самое он испытывает в отношении московской Олимпиады.

Д-р Бжезинский сказал, что мы можем занять позицию о возможности бойкота Олимпийских игр. Г-н Пауэлл заметил, что если наши намерения бойкотировать Олимпиаду серьезны, то надо ковать железо, пока оно горячо. Если нам удастся для начала заполучить в качестве союзников несколько крупных стран вроде ФРГ, позже мы сможем просить другие страны присоединиться к нам. Но если попытаться заполучить согласие многих сразу и выбивать такое согласие из них, фронт поддержки бойкота может, по его мнению, распасться. Ллойд Катлер сказал, что это стоит делать только в сочетании с другими решительными действиями. Это не должно быть главным шагом в ряду тех мер, что мы предпринимаем. По его мнению, мы в

¹⁹ Так в тексте, правильно – Георгий Арбатов. – *Прим. ред.*

²⁰ В тексте, видимо, опечатка: "quality" вместо "equality" – *Прим. ред.*

²¹ Магнетогидродинамический генератор. – *Прим. ред.*

состоянии контролировать участие в играх через паспортный контроль, поскольку Олимпиада – дело частное. Он также предложил организовать альтернативные игры с тем, чтобы олимпийцы все-таки имели возможность соревноваться.

Госсекретарь не согласился с последним пунктом. По его словам, мы должны как страна решить, собираемся мы участвовать или нет, не вмешиваясь в деятельность Олимпийских комитетов. По мнению г-на Пауэлла, нам следует публично призвать союзников присоединиться [к США]. Если мы станем оттягивать время, борясь за более широкий консенсус, союзники будут не с нами.

Заместитель госсекретаря Кристофер сказал, что, с его точки зрения, бойкот Олимпиады заведет нас слишком далеко. Использовать этот единственный неполитический канал общения таким образом деструктивно для международных связей и ощущения общности между странами. И мы должны считаться с атлетами, которые достигают пика формы раз в четыре года и для которых это единственная в жизни возможность [завоевать олимпийские награды]. Он полагает, что бойкот Олимпиады – в высшей степени резкий шаг и американский народ такого не поймет.

Госсекретарь заявил, что это зависит от нашего решения по продаже зерна. Если мы пойдем на него, потребность акции в отношении Олимпиады отпадет.

Ллойд Катлер высказал противоположную точку зрения. На его взгляд, бойкот Олимпиады возможен только в том случае, если нами будут приняты жесткие экономические санкции, иначе наши действия, сфокусировавшись на Олимпиаде, окажутся пошлой рутинной.

Д-р Бжезинский заметил, что наша позиция зависит и от [поведения] остальных. Если мы ринемся впереди всех, это будет воспринято как нечто в порядке вещей. Но если к нам присоединятся другие, это подчеркнет серьезность, с которой мировое сообщество воспринимает действия Советского Союза.

Вице-президент заявил, что такие шаги, как этот, способны захватить воображение американского народа.

Президент заметил, что при мысли об этом шаге у него мороз бежит по коже.

Мистер Джордан сказал, что мы можем организовать у себя какие-нибудь альтернативные игры.

Д-р Бжезинский сказал, что если от участия в Олимпиаде откажутся, скажем, 30 стран, мы чего-нибудь да достигнем. Если всего лишь три – не стоит за это и браться. Президент заметил, что зимняя Олимпиада будет проходить здесь и они могут организовать бойкот в отношении нас.

Ллойд Катлер повторил, что мы не должны бойкотировать Олимпиаду без параллельных действий в отношении продажи зерна. Министр Браун согласился с этим. Он указал, однако, что Советы больше, чем зерном, озабочены Олимпиадой. Она призвана показать их в качестве признанной миром державы. Но он согласен, что не следует идти на бойкот Олимпиады, не приняв решения об ограничениях на продажу зерна.

Президент резюмировал: нам следует занять такую позицию, что вопрос о нашем участии [в играх] был поднят странами Европы и мы рассмотрим это проблему. По его словам, нам следует быть готовыми избрать в качестве публичной позиции то, что идея неучастия в Олимпийских играх была поднята другими, мы принимаем ее во внимание, считаясь с позицией других стран.

Обратившись к вопросу о контроле над поездками, президент высказал раздражение по поводу того, что Соединенные Штаты являются объектом контроля, а они [Советы] нет. По словам д-ра Бжезинского, это не вопрос контроля. Контроль есть и у нас, и у них. Скорее, это вопрос осуществления или неосуществления его с нашей стороны.

Заместитель госсекретаря Кристофер предложил, чтобы наши предложения по уровню представительства включали в себя рекомендации об ограничениях и осуществлении контроля над поездками. Д-р Бжезинский добавил, что эти рекомендации будут нацелены на большую взаимность.

Перейдя к военным мерам, [собравшиеся] согласились, что приведение американских [вооруженных сил] в состояние повышенной боевой готовности неуместно. Что касается увеличения постоянного военного присутствия Соединенных Штатов в Индийском океане и Персидском заливе, то это уже происходит.

В области экономической решено было ничего не предпринимать в вопросе представления Советам режима наибольшего благоприятствования. Со стороны вице-президента и госсекретаря была выражена озабоченность, что Советы могут в ответ урезать еврейскую иммиграцию.

Перейдя к вопросу о кредитах, министр обороны поинтересовался, в какой мере мы можем рассчитывать на поддержку союзниками введения ограничений на торговлю и предоставление кредитов. Заместитель госсекретаря Кристофер ответил, что это зависит от того, что мы сделаем в отношении зерна. По его словам, союзники имеют серьезные кредитные соглашения, вопрос о продлении срока действия которых вскоре встанет на повестку дня, и, как он полагает, они [союзники] готовы не возобновлять их, если мы, в свою очередь, пойдем на решительные действия.

Президент высказал надежду, что Уоррен Кристофер прав [...]. По его словам, мы должны приложить максимальные усилия, чтобы повести за собой союзников. Он предложил сразу же после заседания СНБ подготовить для союзников послание с кратким изложением тех шагов, по которым нами принято решение.

По обсуждении вопроса о запланированном заседании совместной торговой комиссии и переговорах по содействию бизнесу [собравшиеся] согласились с тем, что их следует отсрочить на неопределенный срок.

Также была одобрена отсрочка переговоров о гражданском авиасообщении. Президент выразил согласие и со строгими ограничениями для Аэрофлота на какое-то время – два полета в неделю, как это оговорено в действующем двустороннем соглашении.

Перейдя к вопросу об экспортном контроле и его возможном ужесточении, госсекретарь поинтересовался, что под этим конкретно подразумевается. Президент сказал, что он выступает за ужесточение экспортного контроля по принципу "от случая к случаю"

Вице-президент указал на трудности, которые мы будем иметь с фермерами, если введем эмбарго на продажу зерна. Тем покажется, что бизнесмены вышли из-под удара, если только не ввести аналогичные ужесточения в торговле промышленными товарами.

Президент заметил, что в рамках КОКОМ²² мы можем ужесточить ограничения на торговлю с Советами. Гарольд Браун, однако, подчеркнул, что это касается лишь экспорта в области высокоточного оборудования и технологий и не затрагивает остальной торговли.

Президент тем не менее предложил направить кого-нибудь в КОКОМ и переговорить с союзниками об ужесточении торговли с Советским Союзом. По его словам, он сторонник даже большего, чем у союзников, ужесточения нашей торговли [с СССР], если только это не ставит американских бизнесменов в невыгодное по сравнению с союзниками положение. Д-р Бжезинский сказал, что мы дадим соответствующие инструкции министерствам торговли и обороны.

Касаясь пункта об ограничении роста советской торговли в Соединенных Штатах, госсекретарь Вэнс отметил, что, по его мнению, эта проблема нуждается в дополнительном изучении. Президент не возражал, сказав, что выступает, однако, за ограничение роста советской торговли по принципу "от случая к случаю". Тем не менее он согласен, что необходимо более проработанное предложение.

При рассмотрении вопроса о советском рыболовстве в американских территориальных водах, госсекретарь Вэнс высказался против его приостановления, так как прибыль от соглашения по рыболовству получаем и мы.

²² Координационный комитет – орган по контролю за стратегическим экспортом в социалистические страны, в состав которого входили представители стран – членов НАТО. – *Прим. ред.*

По мнению д-ра Бжезинского, не предприняв хотя бы что-то в вопросе о зерне, мы вынуждены будем сделать это в вопросе о рыболовстве. Госсекретарь заметил, что мы можем регулировать это через выделение квот, не аннулируя соглашения как такового.

Президент согласился с тем, что следует, не отменяя соглашения по рыболовству, ужесточить выделение квот. Он считает, что это нужно сделать независимо от решения по зерну.

Ллойд Катлер предостерег, что это связано с конкретным типом ловли и [условиями] соглашения. По его словам, мы нуждаемся в сотрудничестве с Советами в [ловле] лосося. Президент ответил, что это следует делать по принципу "от случая к случаю".

Ллойд Катлер отметил также, что, как ему кажется, следует обратить внимание присутствующих на то, что, помимо прочего, у президента есть полномочия в отношении советского имущества и авуаров.

После этого Совет перешел к вопросу о многосторонних акциях. Совет одобрил предложение убедить [...] расширить радиовещание на мусульманские государства в советской Средней Азии.

Касааясь предложения о распространении в ООН и других [международных организациях] ежедневного бюллетеня о положении дел с советской оккупацией Афганистана, президент поинтересовался, возможно ли осуществлять это в координации с другими [членами ООН]. Он также спросил, стоит ли делать бюллетень ежедневным или просто регулярным. На его взгляд, бюллетень должен одновременно поступать во все средства массовой информации, и нам здесь следует координировать свои усилия с Би-би-си.

Собравшиеся также подтвердили необходимость продолжения нами демаршей в масштабе всего мира, чтобы побудить остальные страны предпринять шаги в дополнение к нашим односторонним инициативам.

Перейдя к Объединенным Нациям, госсекретарь сказал, что сейчас Дон Макгенри высяняет, обладает ли Генеральная Ассамблея [самостоятельной] юрисдикцией в вопросах мира и безопасности независимо от их рассмотрения или принятия решения в Совете Безопасности. По его словам, посол Макгенри вскоре перезвонит.

[...].

При рассмотрении пункта о консультациях с другими [государствами] относительно поддержки ими экономических санкций США, президент сказал, что нам особо следует обговорить вопрос о кредитах. Мы должны отказать Советскому Союзу в займах и подвинуть к тому же остальных. Госсекретарь заметил, что мы и так не предоставляем кредитов Советскому Союзу. Президент ответил в том смысле, что нам тем не менее следует побуждать другие страны не предоставлять СССР новых кредитов.

[...].

По вопросу об увеличении экономической помощи странам региона было одобрено [предложение] добиваться оказания дополнительной экономической поддержки Пакистану, а также предложение настаивать на прекращении программ помощи Афганистану международными финансовыми организациями в государствах, оказывающих такую помощь. По словам заместителя госсекретаря Кристофера, союзники пойдут на это.

При обсуждении вопроса о контроле над вооружениями было отмечено, что переговоры по контролю над вооружениями не стоит трогать, предоставив им развиваться своим путем. В частности, было одобрено предложение о том, чтобы процесс СБСЕ²³ шел вперед, [а] на Венских переговорах мяч [все равно] на половине Советов. Также отмечалось, что переговоры о полном запрещении ядерных испытаний продвигаются вперед, но медленно, и что переговоры по химическому оружию в наших интересах.

Переходя к вопросу о других вовлеченных странах, президент поинтересовался,

²³ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. – Прим. ред.

присоединится ли к нашим протестам против советской акции Югославия. Г-н Аарон ответил, что Югославия на днях выступила с решительными заявлениями и наше посольство отметило беспрецедентную оперативность этих действий.

Госсекретарь заметил, что в ближайшее время в Югославию отправится Мэттью Ниметц. По его мнению, членам делегации следует уделить большее внимание предложению относительно военного сотрудничества с югославами.

Ллойд Катлер поинтересовался юридическими аспектами помощи Пакистану. Президент спросил, что именно препятствует нашей помощи Пакистану.

Госсекретарь пояснил, что в соответствии с поправкой Саймингтона мы лишены возможности предоставления кредитов Пакистану по линии "взаимной безопасности". Далее он зачитал закон вслух. Таким образом, заключил он, мы не можем дать деньги в рамках закона о помощи иностранным государствам.

Президент сказал, что Зия²⁴, кажется, дал нам заверения не проводить испытаний ядерного оружия, но не может ручаться за своего преемника. Госсекретарь ответил, что пакистанцы отступили от своего обязательства, заявив, что не будут испытывать ядерного оружия лишь в ближайшие полгода, а этого недостаточно, чтобы президент имел основание вывести Пакистан из-под поправки Саймингтона. По его словам, нам остается либо изменить ее по образцу поправки Гленна, но, добавил он, ступив на этот путь, мы сталкиваемся в лоб с проблемой нераспространения. Другой выход при существующих обстоятельствах – ввести особую статью, в которой просто говорится, что, несмотря на все остальные положения закона, мы пойдем на оказание помощи Пакистану.

После этого президент поинтересовался, что предусмотрено нашим договором с Пакистаном. Тогда госсекретарь зачитал его.

Д-р Бжезинский сказал, что при наличии разового дополнения к закону в поддержку ИСП конгресс, возможно, поддержит формулировку: "несмотря на остальные положения закона". Далее госсекретарь зачитал проект такой поправки.

Президент поинтересовался, нельзя ли увязать ее с финансовым законопроектом. Госсекретарь сказал, что да; или – с дополнением к закону об обороне. Министр обороны заметил, что последнее потребует значительного времени. Г-н Аарон высказался, что ее можно провести отдельно.

Госсекретарь предложил проконсультироваться с конгрессом о том, как лучше это осуществить. Ллойд Катлер указал на то, что положение должно представлять собой исключение из поправки Саймингтона не на разовой основе, а конкретно по [данной] стране. Президент согласился, что увязка его с законопроектом о помощи иностранным государствам, возможно, единственный способ вытащить этот законопроект из комитета.

[...].

Д-р Бжезинский поинтересовался, не стоит ли нам попытаться обнародовать для общественности принятые на заседании СНБ решения прежде, чем продолжить заседание в узком составе. Президент и госсекретарь сказали, что не видят, как это можно успеть сделать сегодня. Д-р Бжезинский подчеркнул, что для президента тем не менее было бы важно продемонстрировать личную роль и выступить с кратким заявлением.

Джоуди Пауэлл заметил, что это зависит от того, к какому решению мы придем по трудным вопросам о зерне и Олимпиаде. Принятые до сих пор решения звучат "ужасно невнятно" После этого он дал их обзор. По его мнению, "дальнейшие ужесточения" и "ограничения от случая к случаю" звучат не особо впечатляюще. Он лично склоняется к тому, чтобы президент играл активную роль и выступил перед народом по этой проблеме. Он считает, что решение о предоставлении дополнительной помощи Пакистану и приостановке действия поправки Саймингтона может стать ударной

²⁴ Зия уль Хак – президент Пакистана, захвативший власть в результате переворота и свержения правительства З.А. Бхутто. Об обстоятельствах его прихода к власти см.: *Родионов А.А. Записки советского посла в Пакистане. 1971–1974 гг. – Новая и новейшая история, 1997, № 2. – Прим. ред.*

новостью и подходящей темой, на которой газетчики смогут сегодня сосредоточить свое внимание. Он не знает, насколько нам это удастся по сути, но, по его мнению, нам следует попытаться сделать заявление к завтрашнему утру.

Вице-президент согласился, что перечень мер не слишком впечатляет. По его словам, решения по Пакистану могли бы помочь. Он сказал, что эмбарго на продажу зерна было бы серьезным шагом, но он надеется, что мы его не сделаем. Джоуди Пауэлл заметил, что нам придется ввести ужесточения на торговлю другими товарами, иначе фермеры скажут, что крупный капитал остался в выигрыше, и мы столкнемся с политическими осложнениями.

Вице-президент подчеркнул, что попытка наложить ограничения на [торговлю] продовольствием – это бомба, всегда готовая взорваться. Если портовые грузчики пойдут на забастовку, республиканцы заявят, что мы настроены в пользу профсоюзов настолько, что [готовы] нанести ущерб фермерам на Среднем Западе, лишь бы сохранить отношения с профсоюзами.

Г-н Джордан поинтересовался, действительно ли правительству придется платить за зерно, если мы установим эмбарго. Президент ответил, что Стью Эйзенстат пытается сейчас найти ответ на этот вопрос. Ллойд Катлер предложил для облегчения бремени, падающего на фермеров, выработать пакет законодательных мер. Вице-президент в этой связи напомнил, что с точки зрения воздействия на цены зерно в хранилищах и на рынке – это одно и то же.

Д-р Бжезинский указал, что если мы пойдем на эмбарго, то надо попытаться обратить его в дело обеих партий и заручиться поддержкой других.

По мнению вице-президента, намерение портовых грузчиков взять в свои руки внешнюю политику возмутительно. Если мы сумеем отговорить их от этого раньше, чем они начнут, номер, возможно, и пройдет, а уже потом эмбарго сыграет на их престиж.

Министр Браун отметил, что вопрос [о неизбежности тех или иных] жертв. Можно пойти на жертвы иного порядка. Такие, как нормирование горючего или план возобновления военного призыва, сторонником которого министр является. Вице-президент напомнил, что мы уже решили не делать вещей, которые могли бы повредить нам. По его словам, продажа зерна – в наших интересах. Она вынуждает Советский Союз тратить твердую валюту и помогает доллару в нашем балансе платежей.

Министр Браун сказал, что если мы не способны пойти на то, что вредит нам, то не можем заставить союзников пойти на то, что вредит им. После этого к заседавшим присоединился Стью Эйзенстат и разъяснил, в чем, согласно закону, состоят наши обязательства. По его словам, мы обязались не использовать полномочия американского правительства для того, чтобы препятствовать осуществлению сделки на 8 млн. т., которые под наше поручительство продаются Советскому Союзу в соответствии с соглашением. Президент поинтересовался, каковы наши обязательства в случае подачи иска на портовых грузчиков. Министр Браун спросил, каковы наши обязательства в отношении дополнительных 13 млн. т, продажу которых мы одобрили. Г-н Эйзенстат ответил, что не знает. Госсекретарь Вэнс сказал, что не существует обязательства не препятствовать продаже зерна за пределами оговоренных 8 млн. Это означает, что никаких ограничений [для нас] быть не должно. Г-н Эйзенстат выразил сомнение в такой интерпретации.

Президент предложил подождать с выработкой собственной правовой позиции до тех пор, пока не узнаем мнения союзников. Ллойд Катлер заметил, что существуют границы нашей способности контролировать рынок продовольствия.

Президент сказал, что нам следует вместе с союзниками изучить возможность сокращения поставок [в СССР] как зерна, так и промышленных товаров. Он попросил, чтобы вице-президент, Ллойд Катлер и Стью Эйзенстат составили для него документ по этому вопросу. Вице-президент предложил отказать Советам в [продаже] 10 млн. т, о которых мы сейчас с ними ведем переговоры.

Президент снова повторил свою просьбу к г-ну Эйзенстату и вице-президенту

заняться серьезным изучением законодательства. Он хочет также прозондировать позицию лидеров конгресса в этом вопросе. [Впрочем] Роберт Доул²⁵, по его словам, "откроет по нам стрельбу", что бы мы ни решили.

Ллойд Катлер предупредил, что нам надо будет провести консультации по ОСВ, потому что другие могут от нас живого места не оставить. Он не уверен, что все эти пункты, и в особенности по ОСВ, можно задержать на несколько дней для огласки в едином пакете. Президент выразил надежду, что мы сможем подготовить заявление в течение суток. Д-р Бжезинский отметил, что за это время смогут дать ответ союзники. На что президент сказал: союзники надеются, что мы возьмем инициативу на себя и тогда они не окажутся впутанными в это дело.

Д-р Бжезинский сказал, что утром мы будем готовы выйти на вопросы, по которым решение принято. Проблема в том, откладываем мы решение по зерну или нет.

Президент предложил вопрос о том, в какой форме преподнести пакет инициатив, решить позднее. Министр обороны заметил, что без зерна и Олимпиады это не очень будет похоже на пакет.

Президент поинтересовался, поставляют ли союзники зерно Советам. Госсекретарь сказал, что да – канадцы, австралийцы и, возможно, аргентинцы. Президент отметил, что мы, однако, единственные поставщики кукурузы. Вице-президент дал справку, что Советский Союз покупает у нас 17 млн. т кукурузы. Г-н Джордан, по его словам, хотел бы, чтобы мы, по возможности, объявили об этом после завершения предвыборных совещаний в Айове.

Генерал Джоунс предупредил, что следует прикинуть советскую реакцию на этот пакет санкций. Госсекретарь сказал, что мы учли перечень возможных ответных действий Советов. Президент попросил дать их обзор.

Ллойд Катлер поинтересовался, взята или нет в расчет возможность того, что Советы прекратят или урежут поставки нефти и газа в Западную Европу. Министр Браун заметил, что в Западную Европу транспортируется не так много нефти и газа.

Госсекретарь сказал, что хуже всего, если Советы пойдут напролом, проведут испытания 14 РГЧ на ракете СС-18 и перестанут соблюдать ОСВ-1.

Президент поинтересовался, не могут ли Советы предпринять что-нибудь в Берлине в качестве сигнала [о жесткой ответной реакции]. Д-р Бжезинский сказал, [что скорее всего – нет], поскольку это чревато серьезной конфронтацией в сфере безопасности, которую они, по его мнению, желали бы избежать. Президент заметил, что Федеративная Республика [Германия] проявляла большое мужество в этом вопросе.

Вице-президент задал вопрос, учтен ли нами [при выработке мер] перечень стратегически важных статей импорта из Советского Союза: хрома, платины и т.д. Он спросил также, продолжаем ли мы до сих пор импортировать титан. Президент сказал, что нет: Советы не поставляют нам титан, поскольку они сейчас строят титановые субмарины.

Джоуди Пауэлл хотел бы знать, что будет сказано по поводу этого заседания. Президент предложил следующую генеральную линию: обсуждались такие-то вещи; посол Уотсон направляется в Вашингтон; нами ведутся консультации с союзниками, а официальное сообщение будет, вероятно, сделано утром.

Затем состав заседающих был ограничен до постоянных членов [СНБ] плюс г-н Аарон. [...].

Министр Браун заметил, однако, что нам нужно оставить хоть какой-то простор [для маневра] на случай дальнейшей эскалации, в противном случае Советы утратят стимул к сдерживанию. Д-р Бжезинский добавил, что мы обязаны дать Советам знак – достаточное внятный, чтобы они оценили нашу серьезность.

Д-р Бжезинский сказал, что мы стоим перед такой острой дилеммой, как тогда, когда [...] пришел к нам, чтобы сказать, что [...].

Президент выразил сомнение, что принятые нами сегодня решения удержат Советы

²⁵ Лидер республиканского меньшинства в сенате США. – Прим. ред.

от продвижения в Пакистан и Иран. Как госсекретарь, так и министр обороны согласились, что не удержат, но явятся предупреждением. Министр Браун сказал, что наш ответ должен заставить Советы задаться вопросом, стоит ли им идти на следующий шаг. [...]»²⁶.

Он [президент] заметил, что после дискуссии о том, какого рода предупреждение следует сделать Советскому Союзу в связи с кризисом, он склонен идти вперед в вопросе эмбарго на поставки зерна, чтобы дать знать Советам о их поведении. Президент попросил провести завтра утром дополнительное обсуждение вопроса о зерне. По его словам, нам нужно заручиться широкомасштабной поддержкой эмбарго, на введение которого он на данном этапе настроен пойти.

[На этом] заседание завершилось.

Приложение к документу № 8

Белый дом
Вашингтон

Секретно
2 января 1980 г.

Меморандум для: вице-президента, государственного секретаря, министра обороны, а также – председателя Объединенного комитета начальников штабов, директора Центрального разведывательного управления

Тема: Итоги заседания СНБ от 2 января 1980 г.

По итогам заседания приняты следующие решения:

1) Договор ОСВ-2 останется в повестке дня сената. Не будет приложено никаких усилий для того, чтобы вынести его на обсуждения для [последующего] голосования. Наша публичная позиция будет состоять в подтверждении того, что [договор по] ОСВ важен, независимо от характера наших отношений с Советским Союзом, но в данный момент мы не считаем целесообразным выносить его на голосование.

2) Мы не станем делать никакого публичного заявления относительно других двусторонних переговоров по контролю над вооружениями, однако, если вопрос станет задаваться, будем придерживаться позиции, что они должны продолжаться. Переговоры по Индийскому океану останутся в стадии затухания. Процесс СБСЕ будет продолжен. Что касается Венских переговоров, то мы в ожидании советского ответа на наши инициативы. Переговоры по полному прекращению ядерных испытаний продолжатся в замедленном темпе. Переговоры по химическому оружию будут продолжены, поскольку они в наших интересах. Намеченную на следующей неделе встречу глав делегаций на переговорах по обычным вооружениям следует отложить.

3) Об отзыве посла Уотсона будет объявлено сегодня.

4) Госдепартамент направит свои предложения по сокращению советского дипломатического персонала в Соединенных Штатах, исключая советскую миссию в ООН, до уровня американского представительства в СССР. Они должны включать в себя меры по более жесткому ограничению советских официальных поездок в США адекватно тем ограничениям, которые накладываются на американских официальных лиц в СССР.

5) Откладывается подготовка к открытию генеральных консульств в Киеве и Нью-Йорке.

6) Будет активизировано вещание радиостанций "Радио Свобода", "Радио Свободная Европа" и "Голос Америки" в соответствии с направлениями, намеченными в документе Госдепартамента от 31 декабря. Необходимые средства будут предоставлены Административно-бюджетным управлением. Усилятся дипломатические демарши по всему миру и акции Агентства международной информации с тем, чтобы продемонстрировать общественности роль Советов в Афганистане.

²⁶ Сокращено два абзаца, посвященных обсуждению предстоящей поездки министра обороны Г. Брауна в Китай. – *Прим. ред.*

7) Наша позиция в отношении афганского правительства будет заключаться на первое время в отказе от поддержания каких-либо официальных отношений. Американский персонал посольства будет сокращен до десяти человек. Вопрос о признании режима Бабрака [Кармаля] не стоит.

8) Переговоры по пересмотру консульских отношений, на которых сейчас объявлен перерыв, не будут возобновлены.

9) По принципу "от случая к случаю" госдепартамент будет отказывать или откладывать выдачу виз для официальных визитов в США.

10) Количество представителей советских средств массовой информации в Соединенных Штатах будет сокращено до уровня, равнозначного представительству американских СМИ в Советском Союзе.

11) Транспортировка самолетом С-5 МГД-генератора отсрочена на неопределенное время.

12) Переговоры с Советским Союзом по Генеральному соглашению об обменах не будут возобновлены.

13) Отменяются:

– заседание совместного комитета по сельскому хозяйству, запланированное на январь в Москве;

– заседание совместного комитета по здравоохранению, запланированное на февраль в Москве;

– [мы попытаемся] уговорить члена палаты представителей Грина отменить назначенный на 11–18 января визит возглавляемой им делегации конгресса в Советский Союз.

14) График всех встреч на уровне помощников министра и выше будет пересмотрен по принципу "от случая к случаю" с установкой на отмену, если только не существует особо важных оснований для их проведения.

15) В отношении Олимпиады мы займем следующую позицию, которую можно использовать публично: "Наши европейские союзники ставят вопрос, следует ли нам принимать участие в Олимпийских играх в Москве. Принимая решение, мы изучим проблему и рассмотрим позицию, занятую другими странами".

16) Будут рассмотрены вопросы контроля над поездками в США советских должностных лиц и жесточести такого контроля с тем, чтобы обеспечить большую взаимность соответственно характеру обращения с нашими официальными лицами в Советском Союзе.

17) Мы отсрочим следующие встречи: заседание совместной торговой комиссии, назначенное на 14–15 апреля в Вашингтоне; переговоры по содействию бизнесу, назначенные на 9 января в Москве; а также переговоры по гражданскому авиасообщению, назначенные на 13 февраля. Кроме того, запланированные полеты Аэрофлота будут сокращены до двух предусмотренных действующим [соглашением] рейсов в неделю.

18) Контроль над американским экспортом в СССР будет ужесточен на основе принципа "от случая к случаю". Соединенным Штатам следует быть готовыми даже к большому ужесточению лицензионного контроля, чем у союзников, если только это не ставит американский бизнес в невыгодные по сравнению с союзниками условия.

19) Следует рассмотреть [вопрос] о расширяющемся советском торговом присутствии в Соединенных Штатах с точки зрения его ограничения. Государственный департамент в течение недели предоставит предложения в этом направлении.

20) Выделение Советскому Союзу квот по соглашению о рыболовстве будет ужесточено.

21) Соединенным Штатам следует и далее побуждать союзников к увеличению радиовещания на мусульманские государства и советскую Среднюю Азию в связи с событиями в Афганистане. Также надо быть готовыми к распространению сообщения союзниками в Организации Объединенных Наций периодического бюллетеня о положении дел с советским вторжением и оккупацией Афганистана.

22) Соединенные Штаты присоединятся к письму в адрес председателя Совета

Безопасности с настоятельной просьбой поставить вопрос об Афганистане в повестку дня. Послу Макгенри будет предписано сообщить другим государствам, что мы предпочли бы поднять этот вопрос также и на текущей Генеральной Ассамблее, если только это не противоречит Уставу ООН.

23) [...].

24) Мы проведем консультации с другими странами, чтобы убедить их отказать Советскому Союзу в предоставлении дальнейших кредитов.

25) Мы будем работать с союзниками, чтобы убедить международные финансовые организации и страны, оказывающие помощь Афганистану, прекратить такую помощь.

26) Мы будем стремиться [внести] поправку в законопроект об иностранной помощи, чтобы вывести Пакистан из-под действия ограничений, предусмотренных поправками Саймингтона и Гленна о нераспространении ядерного оружия, и тем самым обеспечить возможность оказания помощи по линиям "взаимной безопасности" и ИСП.

Государственный департамент должен немедленно информировать союзников о нашем намерении предпринять эти шаги и добиваться соответствующей союзнической поддержки.

[Подпись] Збигнев Бжезинский

© 1997 г.

Член-корреспондент РАН
Н.Т. ФЕДОРЕНКО

"ТОКИЙСКАЯ ТЕТРАДЬ". РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОНФУЦИАНСТВЕ

МГНОВЕНИЯ С ИНОУЭ ЯСУСИ

"Строка кончается, но мысль продолжает жить" Это – о китайской поэзии, о сути поэтического творчества. Но такое случается и в жизни, когда люди уходят, а память хранит воспоминания о них. Мгновенья воспоминаний – как осколки разбитого зеркала. Собранные вместе, они помогают увидеть и самого себя. Быть может, в этих записках не все гладко. Однако кто молчит – тот не ошибается. И мы знаем, что в молчаливых, как всегда, недостатка нет.

Многое память не удерживает: что-то стирается и словно проваливается в пропасть. В истории однажды что-то возникает впервые, но, кажется, мало что исчезает бесследно. Сверхается все только раз, и каждый раз набело. А после переписать и исправить невозможно, черновиков здесь не существует.

Реку времени не остановить, говорят умудренные жизнью люди в Китае. Все в нескончаемом движении. Одни цветы увядают, другие – распускаются. Однако нельзя забывать минувшее, нельзя забывать историю, в том числе личную, как опыт устремления к истине.

Многое со временем хочется вернуть. Бывают вещи, забыть которые невозможно, хотя злободневное часто заслоняет минувшее. Оказывается сильнее, актуальнее. И все же мы мысленно возвращаемся в прошлое, которое становится тем привлекательнее, чем безотраднее нынешнее. История – как огонь, который всех обжигает пламенем. Бывают и люди, чья жизнь подобна огню. От других же остается лишь дым.

Человеку удается в жизни повидать многое. Случаются такие встречи, что о них помнишь всю жизнь. Порой кажется, что было это совсем недавно, но нет, – уже давно... В памяти часто всплывает Япония: встречи с коллегами, литературные споры, сопоставления взглядов¹. В сознании надолго запечатлелась беседа с писателем Иноуэ Ясуси в Токио. Не простым был сам путь к его дому. В этом городе названия улиц и

Николай Трофимович Федоренко – заместитель министра иностранных дел СССР (1954–1958), посол СССР в Японии (1958–1962), постоянный представитель СССР при ООН и Совете безопасности (1963–1968), секретарь правления Союза писателей СССР (1970–1988), главный редактор журнала "Иностранная литература" (1970–1988), доктор философских наук (1943), профессор китайской литературы (1952), член-корреспондент РАН (1958), советник РАН, академик Итальянской академии наук (Флоренция), академик американской Академии политических и социальных наук (Филадельфия), почетный член Института востоковедения (Токио), лауреат международного конкурса сиологов мира (Иллинойский университет), автор свыше 35 монографий и более 300 публикаций по вопросам дальневосточной литературы и искусства на русском и иностранных языках, а также по проблемам международных отношений. Переводчик с китайского переговоров И.В. Сталина и Мао Цзедуна в 1949–1950 гг. и "Избранных работ" Мао Цзедуна на русский язык.

¹ См. Федоренко Н.Т. Японские записки. М., 1974.

номера домов есть не везде. Адресом часто служат условные, непривычные для нас ориентиры, особенно в отдаленных от центра местах. Там важен сектор города, название жилища как имени собственного – обычно поэтическое или философское – либо по фамилии владельца.

Иноуэ Ясуси – крупнейший художник слова современной Японии. Широко известен читательскому миру. За книгу "Бой быков" в 1957 г. ему присуждена престижная японская премия Акутагавы. Он автор 32-томного собрания сочинений. Российскому читателю Иноуэ известен по произведению "Сны о России" и повести "Охотничье ружье".

Живет писатель под сенью скромного деревянного домика в японском стиле, расположенного в тихом квартале, среди множества таких же строений. Вокруг участка – несколько деревьев. Цветы в крошечном палисаднике, куда выходят окна просторной приемной, уставленной шкапами и книжными стеллажами. У огромного окна – приземистый стол и стулья вокруг.

В таких домиках японцы обитали и сотни лет назад. Они уютны и обладают неповторимой атмосферой. Здесь тишина и покой. Такое жилище необходимо человеку, по крайней мере творческому. В тишине и уединении накапливается нечто для творчества. Иногда открывается какая-то часть души...

Так было не только в прошлом. И в наши дни, работая в ультрасовременных небоскребах из камня, бетона, металла и стекла, с полом паркетным или из терракотовых плит, японцы находят отдохновение в своих одноэтажных жилищах под нарядными кронами декоративной сакуры. Здесь они меняют европейскую одежду на столь любимое ими кимоно, надевают деревянные сандалии. Скрестив ноги, сидят на циновке, наслаждаясь чашечкой зеленого чая и традиционной музыкой.

Отсюда видны силуэты башен, взметнувшихся над огромным Токио. Они, как бастионы, господствуют над бескрайним морем домиков и памятников японской истории. Это – символы современности, стремительного прогресса и активности делового мира. И нелегко порой понять, где ты находишься, в дальневосточном Токио или в Нью-Йорке. Япония – земля старины и прогресса, традиций давних и современных. Страна причудливого сочетания древности и модернизма. Здесь архитектура – летопись страны, ее история. А какова архитектура, таков и народ.

ЗА КУЛИСАМИ ИСТОРИИ

Нам только кажется, что мы живем в XX в. На самом деле мы постоянно окружены всем тем, что порождено и пережито человечеством, что веками передается от поколения к поколению. Человек обречен на ощущение берегов вечности. И независимо от его сознания он живет в атмосфере традиций с самого появления на свет до последнего вздоха.

– Никому не дано предсказать день завтрашний. Но предисловие к нему пишется уже сегодня, в торопливые наши дни. И людям, наделенным пронизательностью и творческим воображением, здесь может принадлежать не одна знаменательная строка, – так началась моя беседа с Иноуэ.

– И в этой связи память о прошлом, о глубокой старине, как мне представляется, играет не последнюю роль, хотя мишура будней бывает порой хуже забвения. И чем дальше уходит наше время, тем больше приблизительности, произвольности мысли в изображении обстоятельств, – сказал писатель. – Разное бывает прошлое. Многому как бы суждено кануть в вечность. Уйти из памяти людей навсегда. Но многое остается, словно борозды в поле. Часто очень глубокие.

– Не сочтете ли возможным поделиться со мной тем, что побудило вас заняться темой о Конфуции? – спросил я Иноуэ.

– В дни школьных занятий мы, японские дети, усердно штудировали, заучивали наизусть высказывания Конфуция: "Мудрец сказал..." Потом пролетели годы литературных занятий, которые оттеснили все остальное. Случается, что по мере движения

времени многие события и факты словно выцветают, как выцветает бумага, и начинают казаться менее значительными... – стал рассказывать Иноуэ.

Напомним, что классика конфуцианства существовала в качестве главного предмета в японских государственных школах. Сочинения Конфуция были настольной книгой любого образованного японца. Считалось совершенно необходимым знать наизусть целые главы канонов и уметь толковать их в духе традиции.

Просвещенным человек становится, когда ему открывается глубина мысли прошлых веков, духовный мир прежних поколений, когда он обретает терпение и милосердие к другим, к чужой культуре, верованиям, убеждениям. Способность, опираясь на свою культуру, находить новые ценности в духовности иноземной.

Традиционная культура Китая была воспринята не только в Японии. Достаточно отметить, что Южная Корея со времен средневековья сохраняет за собой положение самой конфуцианской страны мира, исповедующей учение Конфуция (настоящее имя – Кунцзы, ок. 551–479 г. до н.э.) в его изначальном виде. По утверждению южнокорейских участников дискуссии, проходившей в 1989 г. в городе Цюйфу, на родине Конфуция, в Южной Корее действуют свыше 300 конфуцианских храмов, издается значительное количество периодических изданий по конфуцианской тематике. Примечательно, что образованный кореец – литератор, монах – умел не просто писать, но создавал стихи на "ханмуне", т.е. на китайской иероглифике, демонстрируя тем самым свою эрудицию. Именно китайская классика явилась главным источником поэтических сюжетов и выразительных средств для творчества корейских литераторов. Высшими образцами здесь были произведения Танской эпохи (618–907 гг.) – "золотого века" китайской культуры, а также литературное творчество позднейшего периода – династии Сун (960–1279 гг.) и Юань (1280–1368 гг.), когда в Китае процветали жанры классического романа, повести и драмы. Происходило, однако, не простое заимствование, не механическое копирование. Скорее шло использование их в качестве высоких образцов.

– Но жизнь продолжалась, – заметил я, когда Иноуэ задумчиво посмотрел на меня. – И костры не погасли, хотя минули столетия. Возраст, однако, измеряется ценой душевных затрат. И каждый из нас решает, готов ли он платить и сколько...

– Главное, мне кажется, – не форсировать и не опережать природу человека. Всему есть свой срок. Когда же, по выражению Конфуция, наступило "шестидесят и слух ощутил истину", я вновь перечитал его труд "Луньюй" ("Беседы и суждения" – *Н.Ф.*). И чем больше читал, тем глубже ощущал его очарование. Не выпускал книгу из рук и испытывал чувство бесконечной радости. В процессе чтения возникло желание творчества. Нет, читал я "Луньюй" отнюдь не для того, чтобы написать книгу о Конфуции. Мотив создания книги возник столь же внезапно, сколь и естественно.

– Как вам хорошо известно, книг и исследований о Конфуции начиная с древних времен написано превеликое множество. Они поистине образуют целое море. Не затеряется ли даже самый интересный труд в этих водах? Какой смысл в воскрешении динозавров?

– В моем замысле нет стремления воскрешать тени прошлого. Не об этом речь. Обращение к прошлому – попытка извлечь из него уроки, чтобы лучше понять настоящее и будущее. Напоминание о минувшем должно быть обращено к будущему, – сказал Иноуэ и после краткой паузы продолжил: – Конфуций – личность выдающаяся. Это гениальный мудрец не только своей эпохи. Его роль в нравственном развитии человечества исключительна. Он принадлежит не только Китаю. Конфуций – достоинство всего человечества. Ибо он сосредоточил внимание на размышлениях о человеке в этом мире, о его гуманности, нравственном развитии... И этот подвиг духа не может и не должен быть предан забвению.

Здесь хочется напомнить читателю, что время жизни Конфуция (VI–V вв. до н.э.) совпало с эпохой древнегреческих философов и писателей: Гераклита, Софокла, Еврипида, Сократа, Платона, Аристотеля и др. Все это не простое совпадение, а свидетельство того, что человеческая культура представляет собой некую мозаику, кото-

рая складывается из деяний неповторимых личностей, выходцев из различных частей света. И каждая личность в этом сонме – коренной житель планеты Земля.

Современным человеком едва ли можно стать, не обогатившись знанием культуры других народов. Духовный мир не имеет географических рубежей. Главное его устремление – это движение. Чем больше люди отгораживаются от культуры других народов, тем беднее они становятся. Человеку изначально много дано, но он нуждается в духовной поддержке, в обогащении мысли, укреплении воли, направленной не к разъединению, но к объединению, к совершенствованию нравственности.

– Конфуций занимает в умах людей Китая, Японии и сопредельных стран уникальное место, особенно в таких, находящихся в кольце конфуцианской культуры, как Китай и Япония, Южная Корея и Сингапур. Здесь органически внедрилось конфуцианство, как бы свидетельствуя о том, что жизнь и культура – это единое духовное пространство, – сказал Иноуэ.

– Чем выше основание пагоды, тем выше сама пагода, – кивнул я. – Думается, эта метафора убедительно выражает суть китайского культурного наследия, в котором конфуцианству принадлежит пальма первенства...

– Конфуцианство представляет собой самое начало китайской саги о духовной культуре. Это справедливо и в наше время разномыслия, в печальный наш век, – отметил писатель.

– Быть может, именно теперь, во время царящей вокруг нищеты духа, когда вырождается интеллигенция во многих странах Запада и Востока, определенную актуальность приобретает переоценка наследия китайской старины, где, возможно, таятся корни культуры будущего...

– Верно, что прошлое живет в каждом из нас. И мы не знаем, чего в нас больше – прошлого или нынешнего. Не знаем и того, что человечество в конце концов возьмет с собой в грядущий день, – продолжил Иноуэ. – Сложность еще и в том, что сами люди, наши современники, нередко странно ведут себя. Они как бы носят разные маски, возможно, не всегда отдавая себе в этом отчет. Одни – чтобы скрыть свою ординарность. Другие – чтобы спрятать свою экстраординарность, а скорее всего, ненормальность, неполноценность. Нормальные люди в маскировке не нуждаются.

ПРИКОСНОВЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ К ИСТОРИИ

– У каждого свои маршруты мысли перед лицом минувшего и тем более будущего, – отметил Иноуэ. – В торопливые наши дни люди часто изнемогают под гнетом собственного неведения. И чувство это восходит к очень отдаленному прошлому. Смерть застаёт человека, когда он идет к своей цели, о которой лишь мечтает порой всю свою жизнь. А цели, увы, так и не достигает.

– Надеюсь, вам удастся исполнить свою мечту – написать книгу о Конфуции, хотя, извините за повтор, найдёт ли она своего читателя, когда перед ним безграничный выбор книг в библиотеках и лавках..? Не будет ли это перелицовкой старого кафтана, который на вид вроде бы стал новым, но греет, увы, отнюдь не лучше..?

– Меня также тревожила эта мысль, однако изучение проблемы показало, что почти все публикации о Конфуции носят скорее научный характер. Читает их лишь узкий круг специалистов, и интерес они представляют главным образом для востоковедов, философов, политологов. Естественно, они остаются за пределами интересов массового читателя. Поэтому я и решил написать книгу беллетристическую, которую могли бы читать не узкие специалисты, а все, кому тема о Конфуции покажется привлекательной. В художественном произведении писатель может себе позволить большую творческую свободу. Автор создает атмосферу эпохи и обстановки, в которой жил Конфуций, в доступной форме излагает мировоззрение и мысли мудреца. Такова главная цель. Мое намерение – расширить круг читателей и ознакомить их с истинной ролью великого просветителя и философа.

Немецкий философ XIX в. А. Шопенгауэр как-то сказал, что нет лучшего средства

для освежения ума, чем чтение древних классиков. Стоит взять книгу философа древности в руки хотя бы на полчаса – сейчас же почувствуешь себя освеженным, будто искупался в чистом источнике, понятным и укрепленным в своих убеждениях.

Вспоминаются и слова другого философа – Г. Гегеля, заметившего: "Тот, кто не был знаком с творчеством древних, прожил, не ведая красоты"

Открытия часто происходят на стыке наук – двух или нескольких. Но они возможны и на стыке науки и искусства. В данном случае речь идет об экскурсии в далекое прошлое средствами художественными. Можно сказать, вся крепость культуры зиждется на основе науки и искусства. К тому же порой легче высказать новые мысли, чем всячески сообразовываться с теми, что уже были выражены ранее.

– Наука и научные труды, как вы резонно сказали, – заметил я, – сфера издавна элитарная, ограниченная избранной средой. И в этом отношении ваш замысел представляется столь же интересным, сколь и актуальным. Иными словами, вы намерены каждому предоставить возможность и право вникнуть в особенности духовной культуры великого китайского соседа?

– Возможно, замысел мой слишком оптимистичен, да и не совсем бесспорен. Но истина в споре и рождается. Пусть не сразу и навсегда...

– Литературное творчество как веление времени никогда не завершается. Тем более быстро. Оно подобно приближению будущего. Словно только начинается. Литературные памятники Китая отражают многовековое стремление человека к истине. Одни так или иначе стремятся воздействовать на человека и время: замедлить ход развития, задержать, а то и остановить. Другие, напротив, пытаются ускорить события, их свершение, приблизить будущее.

По Конфуцию, литература есть высшее выражение высшей мудрости, лучшее слово, обогащение современника идеей древней абсолютной правды. Литература не забава и увлечение, а величайшее служение слова человечеству. Слово наливается кровью духовной и живет, как праведник. Поэтому и книга есть нечто неприкосновенное, священное. Притом книгу, написанную старинными знаками, желательно читать и понимать так, как понимали ее в древности. Искусство слова призвано помогать нам в понимании того, какими были люди вчера, какими они стали сегодня, что ожидает их впереди.

– Я скорее отвожу себе популяризаторскую роль, – сказал Иноуэ. – Образ древнего мудреца должен предстать перед современным человеком правдиво и убедительно. Речь идет не о смещении времени и мышления, но об их взаимосвязи, проникновении, нерасторжимости опыта прошлого и реальности нынешнего, – пояснил писатель. – В связи с этим мне хотелось бы спросить вас, человека, занимающегося китайской филологией, что с вашей точки зрения наиболее существенно в проповедях Конфуция?

ПОТЕНЦИАЛ ДРЕВНОСТИ

– Раньше всего позволю себе отметить, что китайское традиционное наследие – это кладовая духовных ценностей, неисчерпаемый источник творческого вдохновения. И гуманизм Конфуция – по-китайски "жэнь", "жэньдао", – несомненно, одна из вершин нравственности, морали, духовности в истории развития мышления не только в Китае. Заслуга Конфуция в том, что он впервые в истории провозгласил гуманизм высшим законом отношений между людьми... Позднее, много позднее, в Европе произошел поворот к человеку, т.е. новая целевая ориентация создаваемых наукой знаний.

– Именно этой проблеме посвящена одна из глав моей будущей книги о Конфуции. И содержащийся в ней раздел категории "жэнь" едва ли не в полной мере совпадает с вашей оценкой человечности – гуманизма, который фактически был впервые выдвинут Конфуцием. Быть может, сам он не отдавал себе полного отчета в том, насколько это важно для Китая, а впоследствии – для остального мира, – быстро заговорил Иноуэ.

Касаясь замысла своей работы, Иноуэ сказал, что ранее ему приходилось писать о

впечатлений от прочитанных книг, глубоких по мысли. Но вдруг он заметил, что пишет уже от себя, а не по поводу книги, хотя книги других авторов, затрагивающие сферу его интересов, заполнили почти все пространство его жилища. Ведь ничто так не вдохновляет автора, как обращение к первоисточникам.

Понимание, проявленное собеседником, позволило мне подробнее изложить свои мысли в связи с затронутой темой.

Человек и гуманизм – стержневая тема в беседах и проповедях Конфуция. Она органично вошла в лексический состав высказываний и афористических выражений, которые со временем воспринимались в широких слоях народа, становились его достоянием и смыслом существования. Сам мудрец, черпая многое из народной сокровищницы языка и мышления, не просто механически повторял их, но стремился применять для утверждения своих убеждений, которые в дальнейшем стали основополагающими нравственными ценностями его народа. Образовали стержень углубленного постижения природы человека и мира на протяжении двух с половиной тысячелетий.

На всем пути развития мысли сутью побудительных идей оставался и остается человек, животворная среда его обитания, моральные устои общественного бытия. Идеи познания человека самим себя и сущности человеческого предназначения восходят к деятельности Конфуция, поставившего их во главу своих размышлений, хотя, быть может, он и не осознавал всего исторического смысла, который они приобретут в дальнейшем развитии общества. Для нашего времени, когда человек предстает в свете космического миропознания как антропологическая доминанта, высказывания древнего мудреца представляются особенно значимыми. Для человека всех времен не может быть ближе науки, чем наука о самом человеке. Первая наука для человека есть изучение самого человека.

Это конфуцианское положение обретает новое значение в современном мире развития культуры. "Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется, – и нам сочувствие дается, как нам дается благодать", – писал русский поэт Ф.И. Тютчев. И ныне мы рассматриваем эту проблему в контексте взаимоотношений, в связи с проблемой выживания человека в термоядерный век, в условиях грозного нарастания экологической катастрофы. В наш трагический век, в небывало стремительно изменяющейся социальной и природной среде, времени девальвации нравственных ценностей, духовности и одновременно стремления определенных общественных кругов утвердить в сознании людей человеколюбивые мировоззренческие ориентиры концепция человеческой личности приобретает особый смысл.

Конфуций проповедовал развитие человеческого духа, воспитывал в людях доброе и благородное: гуманность, добродетель, чувство долга и справедливости – "жэнь", "дэ", "дао", "и". Именно этими идеями были проникнуты его неустанные проповеди во время путешествий по стране, которые продолжались свыше 18 лет. Тем самым закладывались основы этической культуры, нравственных традиций, развития человека по естественным законам совершенствования. Шел процесс активного движения философской мысли, поиск глубоко самобытного образа жизни, морального совершенствования личности в условиях социальной несправедливости и бесправия человека. Отсюда берут свое начало древние пути духовного становления общественной мысли. Потому чрезвычайно важен мировоззренческий анализ многомерной и объемной темы человека и движения гуманистической идеи в Китае.

В "Луньюй" приводится содержание беседы Конфуция с его учениками и последователями. В этом каноническом памятнике китайской литературы нашли выражение нравственные и духовные искания великого мудреца, родившегося в городе Цюйфу, что на Шаньдунском полуострове. В "Луньюй" не просто собраны крылатые слова и афористические выражения. В книге доподлинно отображены, порой весьма лаконично, не мертвые рецепты схоластических рассуждений, а сама правда духовной сущности китайского народа тех далеких лет.

А потому "Луньюй" и поныне остается источником вечных истин, существующих

вне временных измерений, – книга открывает людям пути духовности, нравственного постижения мира, возвеличивая человеческую личность как высшую ценность общества. Самоутверждение личности происходит посредством самосовершенствования. В этом один из главных моментов, формирующих сокровенный внутренний мир людей.

Проникновение конфуцианского учения в сущность общественной жизни, где человек становится основным и главным движущим потенциалом, вело к развитию связи эпох, живых путей духовной культуры, когда историческое движение представляется как нечто целое, взаимообусловленное.

Следует отметить в этой связи, что Конфуций в нравственных поисках часто обращался к мудрости своих предшественников, которых считал мудрейшими, к их культуре, литературному творчеству, песням и поэзии, стремясь таким образом постичь смысл человеческой жизни. Каждая эпоха по-своему ставит проблему человека и бытия, стремясь решить ее обращением к сфере духовной культуры и нравственным ценностям.

Вникая в генеалогию конфуцианства, мы приходим к мысли, что люди в те далекие времена, вероятно, не имели внутренней потребности уважать в другом, себе подобном, человека, тем более личность. Именно Конфуций в своих проповедях стал утверждать, что каждый человек достоин уважения, независимо от сословия и положения в обществе. Его должны уважать все, и он в соответствии с конфуцианской этикой обязан отвечать им тем же.

В трактате "Луньюй", как и в других канонических книгах конфуцианства, говорится о гуманизме с общечеловеческих позиций. Мы не находим там никаких следов, свидетельствующих о взглядах на человека и культуру с классовых позиций. И само учение Конфуция обращено к личности человека, независимо от его социальной принадлежности. Иными словами, не существует так называемой истины классовой (истина – категория общечеловеческая), как не существует и классового гуманизма. Гуманизм либо есть, либо его вовсе нет.

Заметим, что помимо всего прочего язык "Луньюй", особенно для филолога, представляет первостепенный интерес уже потому, что каждое слово древнего "вэянь" – письменного языка – взвешено и тщательно подобрано.

Глубочайшие сущностные вопросы интересовали учеников и последователей Конфуция. Его спрашивали о вечных ценностях, о нравственных истинах, об идеалах. И получали ответ. Следует, разумеется, пояснить, что некоторые изречения древних, содержащиеся в "Луньюй" и перешедшие в наш обиход, имели нередко иное значение, чем то, которое им стали придавать позднее.

"Луньюй", кроме того, – редкостный памятник литературы, словесного искусства. В нем закреплена изначальная форма речи, это живая беседа Конфуция – мудрого наставника – с его учениками и последователями. Именно в "Луньюй" мы впервые обнаруживаем диалог, которому в дальнейшем суждено сыграть выдающуюся роль в литературном творчестве.

Ученик Янь Юань спросил Конфуция: "Что такое человеколюбие?" Учитель ответил: "Победить себя (свои страсти) и вернуться к этике – вот что такое человеколюбие... Не смотри на то, что противоречит этике; не говори того, что противоречит этике, не слушай того, что противоречит этике, и не совершай того, что противоречит этике"².

Ученик Цзы Чжан спросил Конфуция: "Что такое человеколюбие?" Учитель ответил: "Почтительность, великодушие, искренность, старательность, доброта. Если почтителен, то не будет презираем. Если великодушен, то привлечет к себе всех. Если искренен, то люди будут полагаться на него, если старателен, то добьется успеха. Если добр, то сможет распоряжаться людьми"³.

Ученик Сыма Нью спросил Конфуция: "Что такое человеколюбие?" Учитель сказал:

² Луньюй, гл. Янь Юань.

³ Там же, гл. Ян Хо.

"Сдержанность в словах... Твердость духа, непреклонность, простосердечие, немногословие близки к человеколюбию"⁴.

Из приведенных записей Конфуция с его учениками видно, что понятие "човеколюбие" – "гуманность" тождественны альтруизму, т.е. способности человека пожертвовать своими желаниями ради других. Коротко говоря, "жэнь" – это любовь к людям. Конфуций призывал людей отказываться от всего узкого, корыстного, эгоистического, воспитывать в себе дух самопожертвования во благо другого. Конфуций, по всей вероятности, не предполагал, да и не мог, нам кажется, предполагать, что выдвинутый и проповедававшийся им гуманизм, "жэнь", помимо эпохального значения в те годы, был по сути своей обращением к будущему, в частности к нашему веку.

Ценность трактата "Луньюй" состоит не только в том, что он сохранил учение Конфуция, но и в том, что здесь мы находим достоверное отражение образа жизни древних китайцев, характерные черты и приметы времени. О самих высказываниях Конфуция можно сказать, что его мысли, оказавшие столь большое влияние на современников и потомков, всегда просты и убедительны. Но не о возврате к прошлому здесь речь.

– Мне хотелось бы сослаться на то, – заговорил Иноуэ, – что диалог, примененный в "Луньюй", оказался весьма жизнеспособным. Правда, не всем, очевидно, известно, что он возник уже после смерти учителя благодаря записям, сделанным учениками и последователями Конфуция. Они восстановили по памяти содержание бесед мудреца, т.е. в сущности собеседований, и таким образом закрепили форму, получившую в дальнейшем широкое применение в литературном творчестве. То, что записи сделаны не Конфуцием, который строго держался правила – ничего не создавать, а только излагать, с моей точки зрения, явилось благом, так как их запись объективнее отображала реальность того времени, чем если бы это сделал сам Конфуций.

К сказанному Иноуэ следует добавить, что "Луньюй" и "Шуцзин" – наиболее распространенные конфуцианские книги в Японии. Как утверждает японский исследователь Арима Сукэмаса, китайское конфуцианство получило практическое развитие в Японии и намного превзошло результаты, достигнутые в Китае. Другой японский академик, Иноуэ Тацудзиро, считает, что конфуцианство выкристаллизовывалось в Японии и здесь по-настоящему раскрыло "богатство своего содержания", а также явилось основой "идеальной национальной культуры"

– Людская душа – вселенная, – продолжал Иноуэ. – Она необъятна. Душа несет в себе чувство живого восприятия мысли и образа в окружающем мире. Вмещает весь свет – Восток и Запад, все, что становится известно в какой-либо части Земли и что еще неведомо о человеческой жизни и космосе, но обязательно станет достоянием человека. Памятны слова Конфуция: "Концентрируя свое внимание, слушать не ушами, а сердцем, и душа станет намного богаче"

– Каноны эти суть взаимность. Конфуцианское учение – это не одни только проповеди мудреца и просветителя, но и воздействие на людей в различные исторические эпохи и в разных землях постоянным обращением к гуманности и совершенствованию, к умножению своих интеллектуальных и этических возможностей. В Японии это было понято и воспринято с признательностью. Воспитание японцев на протяжении столетий проходило в духе конфуцианского учения и традиций, – напомнил Иноуэ.

– Из китайского культурного наследия мы знаем, что проповеди Конфуция были обращены на преодоление человеком встречающихся на его пути сложностей – личных и общественных, но практически главным образом на преодоление самого себя путем самосовершенствования и постоянного учения. Причем это относится в равной мере к любому человеку, независимо от его социального положения и принадлежности к тому или иному общественному слою или клану. Конфуций исходил из того, что способность понимать лежит в сознании, в природе каждого человека. Мудрец, ко-

⁴ Там же. гл. Цзы Лу.

нечно, понимал: умные люди стремятся учиться, чтобы познать окружающий мир, а ничтожные, в том числе и богатые, чтобы их знали.

– Недостаток многих людей, говорю об этом с чувством горечи, – сказал Иноуэ, – это их желание выставить себя учителем перед другими невеждами, хотя таким честолюбцам самим следовало бы еще долго походить в послушниках, учениках.

– Есть нечто вне времени... Что происходило в начале веков, нередко наблюдается и теперь. Странно это, но достаточно взглянуть на происходящее вокруг, например, бросить взгляд на невероятную чехарду и разгул малограмотности и некомпетентности в парламентах, чтобы убедиться в справедливости обращения Конфуция: "Проявлять сдержанность и самоограничение".

– Где же, спросим мы, тот водораздел, который отделяет прошлое от настоящего? Да существует ли, собственно, ясное разграничение времени? – продолжал мой собеседник.

– Границы между цивилизацией и варварством лежат глубоко, можно сказать, зарыты в недрах подземелья. Мы не должны создавать о себе мифов, чтобы затем самим в них верить. Когда в современных парламентах возникают баталии и дело доходит до кулачных боев, то разве это не проявление дикости?! Что же изменилось в человеческой природе с тех пор, как прозвучало: "Не преступать, не переходить границ!"

КОНФУЦИАНСКАЯ САГА

– Конфуцианские проповеди, как мы уже говорили, направлены на преодоление земных страстей человека, на постижение истинного бытия, гуманности, равенства людей и учтивости друг к другу. И то были бескорыстные проповеди, порожденные активным стремлением ввести в будничную жизнь Поднебесной этику общения, правила для личности. Нужно ли напоминать, что сам Конфуций был бескорыстным человеком и отвергал заманчивые предложения служить правителям при дворе? Невольно напрашивается вопрос: много ли среди современных ученых и академиков людей, готовых бескорыстно, не говорю – безвозмездно, просвещать сограждан в своем отечестве?

– Да, можно сказать, в этом была суть жизни мудреца. Несгибаемая верность слову. Он учил удерживать уста свои от зла, а слова – от недобрых мыслей. Он и сам являл пример того, что говоришь только тогда, когда слова лучше молчания. Т.е. лучшие слова – несказанные, а лучшая речь – тщательно обдуманная. Достоинно сожаления, что речь и поведение людей сегодня слишком далеки от того, что проповедовал Конфуций. Странно, что человечество, увлеченное современной цивилизацией, высокой технологией и робототехникой, пренебрегает воспитанием человека в традициях духовной культуры, которая завещана нашими отцами и пращурами, – сказал Иноуэ и продолжил: – Старинная культура – это не просто правила, как вести себя подобающим образом в общении с людьми. Каждый человек – река памяти, которая несет потенциал древности, актуальность воспитания. В ней заключены горизонты бытия, далекого и близкого прошлого. Помните простую истину? Старое седло хорошо обьезжено...

В книге Иноуэ соотнесены события далекого прошлого и взгляд автора, живущего в конце XX в. На ее страницах запечатлено проникновение писателя в минувшее и современность, у которой глубокие исторические корни. Годы ничего не щадят. Время неостановимо. Все пребывает в движении. Можно ли забывать день минувший, забывать историю?

– Нельзя не согласиться, что духовные традиции – это опыт прошлого, живущий в настоящем и устремленный в будущее. Опыт – верный критерий истины и мудрости. Все ли это понимают? Надо воспитывать человека, как это делалось в старину, не просто словами, но самой жизнью. Слова не всегда действенны.

На какое-то мгновение воцарилась тишина. Иноуэ отпил из чаши зеленого чая и сразу заговорил, как будто напиток помог ему сосредоточиться:

– Мы судим о Конфуции по тому, что дошло до наших дней – по трактату "Луньюй" и другим литературным памятникам. В них мы находим слова и фразы мудреца. Но ведь это, в известном смысле, лишь тени времени. Известно, что Конфуций, проповедуя свои идеалы, сам стремился к ним. Да, он убеждал силою личного примера, но его отношение к жизни объяснялось прежде всего убеждением и верой в справедливость и правоту проповедуемого им учения. Следовательно, порывать с традицией неразумно, антиисторично, чревато невосполнением.

Конфуций проповедовал, но и сам исповедовал идеалы того времени: человечность, сдержанность в словах и поступках, благопристойность, справедливость. Все это свидетельствует об открытии категории "человеческая личность". Поражает свежесть мысли гениев древности – Конфуция и его последователей Мэнцзы (372–289 гг. до н.э.), Сюньцзы (ок. 298–238 гг. до н.э.) и др. "Каждый, – писал китайский академик Го Можо⁵, – должен считать себя человеком и также считать людьми других. Фактически в первую очередь считать людьми других. Лишь после этого сам может считаться человеком. Причем это не зависит от твоего социального положения – в этом отношении как верхи, так и низы равны"

– Мудрец воспитывал в людях человечность как качество нравственности. Его проповеди формировали традицию мысли, культуру мысли...

Сказав это, Иноуэ необыкновенно легко поднялся со стула, подошел к стеллажу с книгами, достал небольшой томик и положил его передо мной. Это была книга Го Можо, моего китайского наставника, под названием "Сборник географических карт. К китайской истории", вышедшая в 1979 г.

– Го Можо будет моим воображаемым спутником и путеводителем в Китае, который я намерен посетить вместе со своей женой. Кстати, посмотрим, чему научился Го Можо, выпускник японского университета. Насколько точны его описания. Мы отправимся в провинцию Шаньдунцзы, побываем на родине Конфуция в Цюйфу. Затем посетим Цзинань, Юнчэн, Чжэнчжоу, Кайфьен, Аньян, Чжумадянь, Синьян и другие города. Из этих мест люди уходили в бессмертие. Поклонимся храму Конфуция и земле, породившей великого мыслителя, своими глазами увидим подлинные реликвии древнего Китая. Полюбуемся природой, которая успокаивает, врачует. Горы, воды, леса – все это источники вдохновения. Никогда не испытываешь большего удовлетворения, чем наслаждаясь живой природой, – с каким-то особым чувством произнес Иноуэ.

Много раз приходилось мне наблюдать, насколько у японцев сильна тяга к природе, к рекам, холмам, горам. К океану, поставляющему им пищу. Живая природа всегда служила для них предметом благоговейного трепета, почитания, к которому японцев приучают с детства. В семье и школе. Японцы создали глубоко самобытный культ природы родных островов, омываемых водами океана. Помимо этого, они считают, что источник душевного покоя кроется в извечном течении явлений природы, в ее естественном порядке. Именно в природе они искали находили неиссякаемый источник прекрасного и мудрого, щедро питающий национальное их искусство. И это влечение к живому миру не только не уменьшилось, а скорее возросло в период машинизации, в период известной раздвоенности между субъективным отношением и объективным существованием.

Как отмечал Иноуэ, Конфуцию принадлежат многие наиболее ранние философские обобщения, сделанные им на основании личных наблюдений за явлениями живой природы. В сущности, значительная часть его этико-моральной системы зиждется на закономерностях окружающего мира, тайны которого раскрывались ему по мере проникновения в сущностные процессы мироздания. Все для него исходило не от умственных построений, а от явлений самой природы, от того, что возникло на животворной земле. Отсюда – основополагающая концепция конфуцианства об объективно существующей триаде: земля, человек, небо. Человек стоит в центре вселенной и

⁵ Го Можо. Философы древнего Китая. – Иностранная литература, 1961, № 5, с. 122.

соединяет противоположные полюса. Человек и природа нерасторжимы. Когда – и если – люди отделятся от природы или будут противостоять ей, они утратят естественные человеческие качества. Таковы взгляды и теоретические обобщения, восходящие к далекой старине. Существенный вклад в сокровищницу китайского древнего мышления.

Уже в пору жизни Конфуция центр тяжести заметно переместился в сторону изучения свойств живой природы и в конечном счете в сторону проникновения в природу человека. Все яснее становилось, что тайны свои природа может открывать и в глубинах человеческой психологии. Именно человек все более оказывался в центре наблюдений и анализа. Все это дает основание полагать: Конфуций приближался к той истине, что знание законов природы и жизни несравненно важнее многих других знаний, а знание, ведущее человека к совершенствованию, – наиважнейшее.

К этому следует добавить, что в эпоху Конфуция заметно усилилось понимание того, что разные науки – это лишь различные аспекты единого учения, цель которого состоит в познании мира и человека в их взаимосвязи, в нерасторжимом их единстве. Наука же о человеке – наука мудрецов. И движение мысли от человека к человеку – магистральное направление к познанию окружающего нас мира.

Дальнейшее историческое движение мысли подтвердило, что мы идем к науке о человеке, к его углубленному познанию, к осознанию того, что именно здесь ключ ко всей науке о живой природе, окружающей человека.

Существенно и то, что Конфуций сделал первый шаг своеобразного синтеза этического знания. Быть может, он интуитивно приближался к пониманию того, что нравственное начало есть направление к цели общей, всечеловеческой. Он нам как бы говорил: без нравственности деятельность человека направлена на осуществление личной цели. Нравственность же предполагает, что цель или побудительная причина обусловлены интересами всех людей. История показала, что именно нравственность – этический барьер – приобретает со временем наибольшую актуальность. Человек и нравственность – это цель всеобщая. Момент встречи со всей вселенной. Наука подтвердит со временем, что человек – смысл всего, мера всего, сердцевина всего. Перед ним извечно стоят три проблемы: человек и природа, человек и человек, человек и общество.

– Каждая эпоха имеет свои знаки времени. Характерно, что понятие "вэнь" – письменность, – заметил я в свою очередь, – взаимосвязано с понятием "тянь" – небо. Небесное, божественное происхождение письменности, превращение "вэнь" в знаки земли и неба возвышает "вэнь" над другими понятиями о всеобщих законах. Стремление к овладению "вэнь" является воплощением этического пути благородного мужа – "цзюньцзы". Впоследствии "вэнь" в сочетании с "сюэ" (учение) будет обозначать изящную словесность, художественную литературу, а в сочетании со знанием "жэнь" (человек) станет означать литератора, эрудита. В соединении же со знаком "хуа" (превращение) – культуру. Отсюда, согласно "Луньюй", – представление о поведении подлинной личности, "цзюньцзы". Качества человека, которые воспитываются в процессе самоусовершенствования, а не наследуются по рождению или по принадлежности к привилегированному слою общества, это – сдержанность, взвешенность, искренность и верность. Однако среди всех качеств "вэнь" занимает главное место. "Я не тот, кто был рожден и уже знал [истину], я тот, кто любит древность и был усерден в ее поисках" И далее читаем: "Не постигнув велений [неба], невозможно стать настоящим человеком; не постигнув этики, невозможно стать личностью; не постигнув природы "вэнь", невозможно познать других людей"

Путешествие, говорят британцы, стоит университета. Не без основания Будде приписываются слова о том, что лучше проехать тысячу дорог, чем прочесть тысячу книг. Не означает ли это того же, что и популярное в китайском и русском языках выражение – лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать? Известно, что Конфуций исходил множество дорог. Можно сказать, он был "бродячим философом". Видимо, немало почерпнув из своих путешествий, он пришел к заключению, что человек –

абсолютная ценность. И одного этого было бы достаточно, чтобы мыслитель и проповедник стал личностью, овеянной неумирающей славой. Говорят, что человек и его знание мира создают время и условия, а не наоборот. Эпоха Конфуция и была временем "бродячих мудрецов".

Конфуций перемещался с одной территории на другую. Он верил, что его проповеди только таким образом могут достичь слуха людей разных земель. Случалось, что его приглашали посетить то или иное государство правители. И если это совпадало со стремлениями мыслителя, он отправлялся в путь, хотя в ту пору путешествия были занятием нелегким. Мудреца вела идея – дом твой там, где тебя почитают и ты счастлив. Тем более что он обладал даром внушать людям понятия добра, уважения, сострадания.

Самому Конфуцию пришлось в жизни претерпеть немало трудностей в стремлении к знаниям. Об этом известно из его автобиографии: "В пятнадцать лет у меня явилась охота к учению, в тридцать – я утвердился [в правилах], в сорок – у меня не было сомнений, в пятьдесят – мои уши стали открыты [для восприятия правды], в семьдесят – я мог следовать велениям сердца, не преступая правил [границ дозволенного]" ⁶.

– Возникает вопрос, что такое мудрость, если говорить о личности Конфуция? Это, конечно, то, что отличает его от посредственности... Способность противопоставить чиновничьему своеволию законы природы, повадкам самодуров – рассудок и совесть, произволу – собственное видение. Видеть главное, улавливать перспективу, тенденцию развития человека, – заметил я в ходе беседы.

– Правду, как истину, надо повторять неустанно, чтобы она стала правдой для всех, – продолжил разговор писатель. – Можно сказать, что Конфуций и его образ, как он предстает из легенд, не оставался на берегу в ожидании. Он входил в глубинные воды социальных течений, которые отнюдь не всегда бывали безопасны. Отвергая, например, карьеру вельможи в княжеской свите, Конфуций тем самым сохранил достоинство, но бросил вызов власти имущим.

– Конфуций проповедовал и личным примером доказывал, что людям нужно скромнее себя вести. Человек должен быть сдержаннее во всем, не опускаться до жадности и амбициозности. Не допустить того, чтобы инстинкты одерживали верх над эмоциями и мыслями благородного мужа – "цзюнцзы"

– И все же книги приходится читать, а иногда и перечитывать, особенно если путешествия почему-либо не могут состояться. Более того, мы даже имеем дерзость писать книги, издавать собрания сочинений. Из книг мы, разумеется, многое узнаем. К примеру сказать, книги помогли нам понять, что учение Конфуция – один из фундаментальных пластов китайской культуры. Незаменимым источником наших знаний о Конфуции является уже упомянутая книга "Луньюй". Конфуцианство можно, конечно, отвергать или признавать. Каждый вправе поступать в соответствии со своими убеждениями. Но конфуцианство не просто традиция. Это – великое наследие, продолжающее жить на протяжении двух с половиной тысячелетий. И не похоже, чтобы оно скоро кануло в Лету по нашей воле, – сказал писатель и, прикоснувшись рукой к чаше с чаем, словно бы погрузился в размышления.

– Неоспоримо суждение, что мера всех вещей – человек как личность. В различные исторические времена проблема эта рассматривалась по-разному. Менялись оценки, приоритеты, выдвигались неоднозначные аспекты направления исследований. Бесспорно, однако, что именно Конфуций впервые заговорил о личности, о человеколюбии, о любви человека к человеку, т.е. о гуманизме... Мы знаем также, что впоследствии конфуцианское учение о гуманизме, получив статус философской доктрины, стало использоваться различными режимами в разные эпохи в своих интересах и целях...

– Верно, в истории бывали времена, когда конфуцианское человеколюбие объявлялось с позиций классового гуманизма "философским нонсенсом", предавалось анафеме. Происходило это и в нашу эпоху новейшего варварства, – добавил писатель.

⁶ Луньюй, гл. Вэйчжэн.

ЛИСТЬЯ НА ВЕТРУ

Один из основателей коммунистической партии Китая Ли Дачжао заявлял, что он "обрушивается на авторитет идола, вылепленного из Конфуция монархами, посягая на саму суть деспотизма, на его душу". Характерно, что Ли Дачжао, именуя Конфуция "мудрым гением своей эпохи", называет его вместе с тем и высохшим трупом тысячелетней давности, поскольку "конфуцианская мораль не соответствует сегодняшнему бытию"

История рассудила, какая мораль соответствует современности, кто продолжает заполнять души людей. Летопись истории, памятники культуры отнюдь не молчаливые свидетели. Они вопиют. И очень о многом. Американскому писателю XX в. Э. Хемингуэю принадлежит мысль о том, что человека можно уничтожить, но нельзя победить. Конфуцианство доказало свою жизнеспособность. Сколько бы ни поносили Конфуция, сколько бы ни предавали его анафеме, люди сохранили к нему глубокое уважение.

Ныне особенно стало очевидным: нельзя слепо, бездумно следовать догмам и теориям, даже если они в свое время казались привлекательными. Жизнь и человеческая мысль не превращаются в окаменелость. Мир постоянно в движении. И очень легко сбиться с пути либо оказаться сзади, если пренебрегать диалектикой развития.

Заметим, что в свое время лидер гоминьдановского Китая Чан Кайши решительно отвергал конфуцианство, но уже в 1934 г. стал рьяным почитателем Конфуция, исправно участвовал в жертвоприношениях в храме учителя.

В ряду осуждений и критики конфуцианства свое место заняла "великая пролетарская культурная революция". "Великой" она названа только потому, что исходила от "великого вождя", который ее вдохновил и возглавил. Пролетариат участия в ней не принимал. Ничего революционного она не несла и к самой культуре никакого отношения не имела. Орды хунвэйбинов врываются в дома и варварски уничтожали все, что напоминало о наследии и традициях: произведения культуры и искусства, литературу, предметы старины. Все, что имело отношение к конфуцианству. "Культурная революция" явилась разгулом стихии культа личности вождя, который был возведен в ранг беспримерного героя всех времен.

Известно, что разрушать всегда легче, чем созидать, но "великий кормчий" заявил: "Не разрушишь, не построишь". В результате жестокость и зло на какое-то время одержали верх. И там, где сначала сжигали наследие, устраивали костры из книг великих предшественников, затем приступили к уничтожению людей, прежде всего талантливых представителей интеллигенции.

Критики, особенно марксистской ориентации, отмечали, что конфуцианец-чиновник лишь в мечтах может быть человеком совершенным. В действительности же он мошенник, лицемерно скрывающийся под тогой конфуцианской морали и откровенно грабящий простых сограждан. Конфуций, подчеркивали они, свое учение строил на убеждении, что всякий человек благороден, ибо от рождения он добропорядочен. На деле же процветают карьеризм и коррупция. Должность и высокий оклад чиновников и придворных вельмож, как наиболее явный путь к обогащению, неизменно привлекали всяких авантюристов и проходимцев. Пресловутая же строгость казенных экзаменов, по их мнению, является весьма относительной для богатых и наследственных кандидатов, запасшихся протекцией или готовых дать взятку. О том, сколь привлекательной была государственная служба, говорит уже само соединение двух разных понятий в одно слово "фугуй", что означает богатый, знатный действующий чиновник. Другими словами, только чиновник и богат, и знатен в одно и то же время, тогда как купец только богат, но не знатен. Значит, утверждают критики, имеет прямой смысл потрудиться в юности, чтобы пройти на государственных экзаменах, контрольных экзаменах, в конце концов выбиться из плебеев в чиновники, стать и богатым, и знатым.

Подобную критику конфуцианства нельзя полностью отвергать, поскольку конфуцианство, как и многие другие учения, использовалось определенными элементами в

своих корыстных целях, ее нельзя игнорировать при рассмотрении развития этого учения в различные периоды исторического движения Китая.

"Годом Конфуция" с горькой иронией можно назвать 1974 г., когда началась очередная кампания гонений на конфуцианство. Тогда имя мыслителя связывали с деятельностью заклятого политического врага – маршала коммунистической Народно-освободительной армии Китая Линь Бяо, ныне ушедшего из жизни. Это было время прославления насилия, которым будто бы можно было преобразовать Китай лишь после того, как все традиции, все старые методы и кумиры будут полностью уничтожены.

"Критика Конфуция" фактически была направлена на прославление правления всемогущего императора Цинь Шихуанди (221–210 гг. до н.э.), истреблявшего своих врагов-конфуцианцев, закапывая их в землю живьем и сжигая их книги на кострах. "Управлять страной с помощью насилия – это историческая необходимость"⁷. Когда Линь Бяо поносил Цинь Шихуанди, называя его тираном, он осуждал не насилие, как таковое, а насилие, к которому прибегали для подавления [масс] рабовладельцы"⁸. Имя Цинь Шихуанди осталось в сознании каждого китайца как символ жесточайшего деспотического тиранства.

– Действительно, – сказал Иноуэ, возвращаясь к теме нашей беседы, – немало страниц китайской истории пропитано кровью людей, боровшихся за свои идеалы в разные эпохи и в разных концах страны. Но история Китая в целом проникнута духом гуманизма и высокой справедливости, восходящих к глубокой старине, ко времени жизни и просветительской деятельности Конфуция. И традиционный этот мир сохраняет свою привлекательность и в наши дни, в период развития высокой технологии и электроники в Японии.

Отношение к Конфуцию изменилось ныне коренным образом. Нынешний лидер китайских коммунистов, президент Китая Цзян Цзэминь, выступая перед иностранными учеными на Международной научной конференции о конфуцианстве в 1989 г. в Пекине, участником которой мне довелось быть, заявил, в частности, что конфуцианство – великое культурное наследие Китая – должно быть обращено на службу нынешнего строительства социализма с китайской спецификой. Необходимо трезво вычлнить все ценное, что содержится в конфуцианском учении, особенно в его оригинальном виде, т.е. в доциньский период – до конца III в. до н.э. Иными словами, Цзян Цзэминь таким образом отметил, что знания, как и опыт, возникают на почве идей и наследия, будь это античность или древность. Идет борьба за овладение богатством духовного наследия, творческое подчинение опыта вековых традиций задачам новой реальности. Здесь важен принцип традиционного сочетания и взаимопереплетения старого и нового в поступательном движении китайской духовной культуры. Сохраняя лучшее в культуре, создаваемой китайским народом, мы помогаем нашему настоящему и будущему.

Необходимо обращаться к минувшему, к истории и опыту, извлекая поучительные уроки. Иначе за забвение истории людям придется расплачиваться. И цена слишком большая.

– Но все это и многое другое мы часто узнаем из книг. И чем больше глубоких и достоверных произведений о Конфуции, тем шире наш горизонт, наше мирознание. Надеюсь, что вам удастся создать правдивую и увлекательную книгу, которую будут читать самые широкие круги читателей не только в Японии, – сказал я Иноуэ.

– Благодарю вас за такое доверие к моему скромному занятию, но ведь все еще только в самом начале. Предстоит огромный, многотрудный путь творчества. И это займет не один год, – заметил собеседник.

– Ничто не дается без труда, без затрат...

⁷ Жэньминь жибао, (?).VIII.1974.

⁸ Жэньминь жибао, 14.VII.1974.

КРАСКИ КИТАЙСКОЙ ДРЕВНОСТИ

Я не в силах подавить в себе желание забежать несколько вперед. Дело в том, что книга Иноуэ Ясуси под заглавием "Конфуций" вышла в свет через несколько лет после нашей беседы и имела огромный успех. Первое издание было опубликовано тиражом в 36 тыс. экземпляров. И разошлось в течение нескольких дней. Затем издательство непрерывно увеличивало тираж, который за два месяца достиг 200 тыс. экземпляров. Примечательно, что до выхода книги в свет Иноуэ обратился к издательству с предложением выпустить "убыточное" издание книги. Однако даже при высокой стоимости книги успех превзошел все ожидания.

И мне невольно думалось: не в этом ли лучшее свидетельство великого значения книги, свидетельство творческой взыскательности автора, особенно создающего произведение на тему далекой древности? Успех книги "Конфуций", помимо всего прочего, доказывает простую истину: когда движешься вперед, не забывай оглянуться.

– Глядя вперед, неразумно забывать о том, что у тебя за спиной, преступить, пренебречь прошлым. Оно ведь наш верный отстоявшийся опыт. Не говорю уже о том, что минувшее волнует и вдохновляет, обладая той притягательностью, которая покоряет нас, пишущих на исторические темы, – прозвнес мой собеседник.

– Именно так, – не без удовлетворения отметил я, – поколение за поколением воспринимают по-своему связь времен и культур, ту связь, которая объединяет людей, сближает их, делает доверчивее...

– Тем более неоправданно набрасывать покров забвения на минувшее, так сказать, не ворошить прошлого. Но забыть прошлое значит забыть историю с ее ошибками и промахами. Значит обречь себя на повторение того, что уже осуждено людьми, – заметил писатель.

Интерес к прошлому не должен ограничиваться простым обзорением. Тем более, не в реанимировании задача. Прошлое – это опыт людей. Их успехи и неудачи. И то, и другое заслуживают внимательного рассмотрения. И то, и другое крайне важны для верного понимания современности, для прогнозирования перспектив, для предвидения будущего. И потому неприемлемо поведение тех, кто с тоской оглядывается на прошлое, вместо того чтобы с надеждой, твердостью и терпением всматриваться в будущее, стремиться к нему.

Книга Иноуэ "Конфуций" состоит из пяти глав. Каждая выписана художником слова с ощущением истории. В ней – краски китайской древности. С глубокой проникновенностью, как они выглядят с японской стороны улицы. Не без удовлетворения обнаружил я в книге нечто близкое моему собственному пониманию. Какие-то мысли, напомнившие мне содержание памятной той беседы в токийском доме писателя. С особым удовлетворением воспринял я содержание главы, в которой автором анализируется главное в учении Конфуция – категория "жэнь", человечность, гуманизм.

Увлекательна глава, посвященная исторической обстановке времени деятельности Конфуция и его последователей.

Мы знаем, что Конфуций был постоянно окружен учениками и последователями. Небезынтересно, что их не считали апостолами, не обожествляли, не канонизировали. Между тем о самом Конфуции, как справедливо отмечает Иноуэ, мы узнаем из записей его последователей и учеников. Правда, записей более позднего времени.

Едва ли не наиболее существенно и поучительно, в частности и для нашего времени, то, что Конфуций не просто делился мыслями, включая свои собственные, а учил мыслить. Умению мыслить сознательно и самостоятельно в любой ситуации. Когда людей перестанут учить тому, о чем им думать, а начнут учить тому, что они вообще должны думать, тогда неотвратимо исчезнут многие пороки.

Конфуций преимущественно излагал свои идеи, а не всеобъемлющие понятия. Для

него важнее были закономерности, которые помогали проникнуть в причинность явлений. Иными словами, он проповедовал то, что соответствие середине – "чжуню" – в древнекитайской философии означает соблюдение меры во всем, в постоянном стремлении найти равновесие во взаимодействии сил "инь" и "ян" ("тьнь" и "свет"), в гармоническом сочетании позитивного и отрицательного.

В своей книге Иноуэ также показывает, что жажда самоусовершенствования, к которой призывал мудрец, – естественное свойство человека. Любого – богатого или нуждающегося. Автор убеждает нас в том, что человека надо вооружить полноценным содержанием смысла его существования. Просвещение и культура – достойное содержание для внутренней активности.

И мы видим, что проповеди Конфуция отвечали этому, способствовали тому, что человек с большим пониманием относился и к себе, и к окружающим его людям. Именно в этом – главная причина вечного стремления человека к самоусовершенствованию. Конфуций усматривал в канонах этики некую вечность, сохраняющую свое значение во всякой обстановке и во всякое время. Он понимал, что внутренняя пустота создает благоприятную почву для бездуховности и зла.

Это невольно наводит нас на размышление о нашей нынешней реальности. И мы понимаем, что снижение роли духовной культуры, утрата интереса к высшим категориям культуры, отсутствие элементарной просвещенности, потеря интереса к простой культуре взаимоотношений и поведения – все это ведет к падению нравов, одичанию людей. К тому же техника настолько заполняет бытие человека и отесняет его от всего, что связано с духовностью, что люди оказываются бессильны и беспомощны перед трудностями жизни.

И вновь все тот же тезис: ничего не добиться до тех пор, пока к этому не готов сам индивид. Но ведь мы только теперь заговорили о человеке как о духовном начале. Однако книга Иноуэ напоминает нам: о человеке в высоком смысле слова речь шла уже во времена глубокой древности в Китае, в проповедях Конфуция. Неужто не всякая земля может взрастить желанный плод?

Книга располагает к размышлениям. Быстрый темп современной жизни как бы оставляет на обочине цивилизации опыт и знания, приобретенные человеком в историческом его развитии, порой целые культурные системы. Нередко исчезают самобытные языки и созданное на их основе искусство. Одни народы вымирают, другие растворяются в чужой культуре. И наука, как всегда, с запозданием пытается воскresить потерянное, то, что представляет несомненную ценность. Удастся ли изменить неотвратимый ход, восстановить утраченное?

Иноуэ показывает нам, что ни китайский язык, ни духовное наследие Китая не были утрачены. Традиции и культура наследия продолжают жить. С большой силой воздействия на нынешнюю действительность. Они интегральная часть самого существования китайского народа, даже в нынешнем половодье времени.

В этой связи книга "Конфуций" привлекает значительным вниманием к проблемам культуры, формам этических отношений между людьми, как они складывались и практиковались в ту далекую от нас эпоху. Конфуцианство проповедовало эти отношения человека с человеком без какого-либо назидания, без менторства и навязчивости. Проповедовало веру в то, что всякое лукавство, ловкачество, тем более двоедушные противоречат природе человека, естественному образу его поведения. Конфуций стремился соединить вечное и злободневное в бытовании добра и зла в соответствии с натурфилософскими канонами "ян" и "инь". При этом его тревожила мысль об уходящей культуре, царившей в эпоху Чжоу и почитавшейся им как идеальное проявление человеческой духовности. Он обладал удивительным даром проникновения в жизнь прошлого, которым восхищался и которое любил.

КОРНИ И ТРАВЫ

У Конфуция не было школы в современном смысле слова. Однако, "я никогда не отказывал в наставлении, если мне приносили хотя бы связку сушеного мяса"⁹. Это и была плата за обучение. Ведь без такой связки сушеного мяса не мог бы существовать даже святой. Известно, что и Сократ не устраивал учебных классов. Он просто гулял или путешествовал со своими последователями, а Платон и Ксенофонт записывали его высказывания. Конфуций, по свидетельству китайских литературных источников, сам ничего не записывал. Это делали его ученики и последователи. Несомненным представляется то, что в трактате "Луньюй" нет ничего придуманного. Напротив, пожалуй, слишком много не записано, не выражено иероглификой. Видно это на фоне многочисленных суждений Конфуция, которые встречаются в других трактатах конфуцианского канона.

Конфуций, как известно из "Луньюй", настойчиво повторял: знать собственную историю прежде всего – это святой долг каждого человека. Историю не только одного царства, княжества или удела, в котором живет человек. Речь о всей истории Китая и сопредельных территорий, начиная с ее первоисточков.

Древность же для мыслителя представлялась идеальным состоянием государственной мудрости, проявлением незабываемого, непрекаемого и универсального авторитета. При этом на первое место мудрец ставил, как уже отмечалось, время и порядок Чжоуской династии. Именно в этот древнейший период китайской истории была создана высокая материальная и духовная культура. Достаточно, пожалуй, вспомнить, что бронзовые сокровища, созданные в Чжоускую эпоху, явились неповторимыми произведениями на все времена. Многие из них, совершив путешествие через океан, обрели покой в музеях и частных коллекциях финансовых магнатов на Западе, властелины которого могли купить их на Востоке, но сами создать, конечно, не могли. По долгу службы мне как-то довелось посетить личный кабинет одного из самых богатых людей мира, президента "Чейз Манхэттен бэнк" Дэвида Рокфеллера, где впервые в жизни я увидел бронзу Чжоуской эпохи.

Часть этих творений, не тронутых столетиями, теперь открыта людям, которые идут на встречу с этими удивительными посланцами, пришедшими из мира далекой старины.

Проповедуя, Конфуций являл собой личный пример того, что человек прежде всего должен знать собственную историю, историю своей культуры, свое прошлое и нынешнее. В этом Конфуций усматривал первейший долг гражданина, веря, что опыт истории – это ценнейший свод прецедентов, которые весьма полезны при встрече с будущим. Именно человек в отличие от всего остального в природе обладает чувством истории. Ему предначертано по крайней мере знать, что предшествовало его времени и что может быть впоследствии.

Сожаления достойно то, что редко мы интересуемся своим прошлым, которое существовало до нас, в котором жили наши предшественники. Не слишком ли коротка память у людей? Многое, разумеется, проистекает от нашего невежества, нашей инертности.

Время Чжоуской династии было для Конфуция высшим проявлением тех идеалов, которые регламентировали этические и нравственные отношения между людьми, а кроме того, установления иерархического обращения в обществе. Опыт Чжоуской династии лежит в основе интереса мыслителя к истории, конкретным фактам и обстоятельствам. Именно поэтому он уклонялся от рассуждений о "таинственности, чудесах и потусторонней жизни людей"¹⁰. Он не брался за изложение темы и предмета до тех пор, пока не получал документальных свидетельств.

Обращаясь к опыту Чжоуской династии, Конфуций утверждал, что в сферу изучения должны входить шесть искусств древности: этика (на первом месте), история,

⁹ Луньюй, гл. Шуэр.

¹⁰ Там же.

музыка, искусство стрельбы из лука, верховая езда, математика. Наибольшее значение Конфуций неизменно придавал знанию истории, которую считал первоосновой знаний и опыта.

Каковы же постулаты Конфуция, говоря современным языком? Человечность, искренность, беспощадная требовательность к себе. Интерес к личности человека, бескорыстие. Конфуций призывал не поддаваться искушениям. Все это содержится в книге "Луньюй" и обращено к личности самого Конфуция. Не без основания в проповедях Конфуция о нравственном самоусовершенствовании многие китайские писатели видели едва ли не единственный путь к уничтожению общественного зла.

Вспомним нравственные проповеди Конфуция, которые приобрели значение каноническое: без соблюдения этики ("ли") не знать, не смотреть, не слушать, не говорить и не действовать. Разъяснять, а не сочинять. Образ подобного поведения нашел свое выражение в различных произведениях искусства. В моей личной коллекции хранится изображение обезьян на куске дерева, которое мне однажды удалось приобрести в древнем старинном храме в городе Киото. Средствами резьбы по дереву и живописи изображены три позиции обезьяны: ничего не скажу (рот закрыт лапой), ничего не вижу (глаза закрыты лапой), ничего не слышу (уши закрыты двумя лапами). Подобные изделия древности как символы и реликвии культуры широко распространены не только в Японии.

Верить в старину и любить ее. Человеколюбие – основа всего, высшая добродетель. Оно означает стремление воспитывать в себе самоограничение, сдержанность, т.е. попытку одолеть соблазны и страсть, победить себя и вернуться к этике. Помогать всем. Щедро воздавать народу. Подальше держаться от злых духов и наваждений. Конфуций постоянно призывал к скромности, к сохранению мудрости, к простому образу жизни. "Питаться грубой пищей, пить простую воду, спать, положив голову на согнутый локоть – в этом есть свой смысл"¹¹.

Существенное значение Конфуций придавал сохранению памяти о предках. Кто забывает предков, тот теряет собственное лицо. Он постоянно призывал помнить о том, что мертвые жила... Память об усопших чтят и в Японии. Не только о своих. Мне приходилось посещать в Токио могилы русских людей – гражданских и военнопленных. Всегда удивлял особый уход японцев за погребениями павших воинов. Известно вспоминать, как у нас, напротив, вытравливали память о собственных пращурах.

В Китае и Японии существует мнение, будто культ природы происходит от почитания предков. Подобные соображения, при всей их заманчивости, представляют интерес только как гипотеза. Можно также предположить, что в древнейшие времена существовал лишь культ природы, а культ предков постепенно возник из почитания, которое первоначально оказывалось только теням бывших повелителей. Нередко, однако, трудно отделить фальшь от истины, провести четкую грань между тем, что было, и тем, что существует ныне. Ясно одно: человек не может жить лишь узким нынешним. Разве он не думает о перспективе, не обращается к прошлому и будущему, которые одно без другого немислимы?

Уместно в этой связи привести слова великого немецкого физика XX в. Альберта Эйнштейна: "Из всей восточной философии только конфуцианство в какой-то степени близко мне. Я – своего рода религиозный неверующий"¹².

Книга "Конфуций", созданная крупнейшим японским художником слова Иноуэ Ясуси, по праву должна быть названа данью вечности. В ней впечатляюще и широко изображены обстановка и время Конфуция. Обращенность в минувшее, в бесценное наследие прошлого привносит легкость и свет во все повествование. В концепции о человеке в Древнем Китае автору удалось показать стержневую идею: не претензии к обществу или к другим людям, а понимание своего долга перед другими, перед

¹¹ Там же.

¹² Правда, 16.VI.1984.

обществом и страной. Книга не просто напоминает, она заставляет читателя задуматься над тем, какую избрать дорогу. Идти тропой пращуров, но не просто повторять проделанный ими путь. Те, кому человечество обязано за созданные творения культуры, напоминают нам, что и они когда-то жили, любили, ненавидели... Были полны исканий, надежд, творческого вдохновения. О них, как ни прискорбно, известно совсем не многое. Да и то лишь благодаря книгам, созданным их гением или написанным о них другими. И часто только это и остается.

Не помню, кому принадлежит это наблюдение, но его объективность самоочевидна: когда человек погружает глаза в старину, он невольно начинает завидовать минувшей жизни. Реальность иногда выглядит довольно скорбно. Потому, стремясь вперед, нельзя забывать прошлое. Оно наш опыт исторический и жизненный. Ибо мы знаем, что генерация за генерацией наследуют традиции, связь мудрости бытия. Нередко, однако, бывает так, что одни из-за неудач обвиняют дорогу. Другие – коней. Есть, вероятно, в этом какой-то резон. Но прежде всего виноваты всадники – без головы...

СОБЫТИЙНЫЙ НАКАТ

Не предстает ли перед нами человек прошлого в слишком розовом свете? Личностью, мудро относящейся к живой природе, понимающей смысл своего существования, исповедующей нравственные принципы отечества, стремящейся к великим эстетическим идеалам? Тем более если его сопоставить с нашим современником, его утилитарными интересами, супертехникой, которые покоятся на электронном манипулировании, робототехнике, компьютеризации всего бытия?!

Удастся ли человеческой личности, как это проповедовалось конфуцианством, не раствориться в серой массе людей? Сохранить свою самостоятельность, независимое существование? Не потеряет ли неповторимость своего облика? Пусть необычного. Странного. Но своего, особенного.

Вернусь в сегодняшний день. В современное общество – в российское либо японское, – которое делается все более преступным, безнравственным. В значительной степени это обуславливается падением гуманитарной культуры, которая гибнет первой, а возрождается последней. Японский писатель Оэ Кэндзабуро, чьи сочинения многократно переводились и издавались в нашей стране, в романе "И объяли меня воды до груди моей" (М., 1978), проникнутом ощущением Великого потопа, красной нитью проводит мысль о каре за нравственное опустошение личности современного человека. Автор подчеркивает, что именно это неотвратимо ведет к катастрофе цивилизации, угрожает смыть ее с лица земли.

Пробудится ли сознание в созданной ныне обстановке в стране? Страна охвачена беспрецедентной преступностью, грабежами, коррупцией, взяточничеством, которое разъедает поголовно все слои общества – от мелких государственных чиновников до высококоранжированных сотрудников органов безопасности и общественного порядка. Все меньше производства – все больше казино. Все меньше ученых – все больше проституток. Культура ушла первой, возродится ли она когда-либо снова?..

Когда речь зашла об участии литераторов в движении солидарности с жертвами атомной бомбардировки в Хиросиме и Нагасаки, Иноуэ напомнил, что Япония – единственная страна в мире, ставшая жертвой американского атомного оружия, испытывавшая на себе варварские последствия взрыва ядерной бомбы и заплатившая за этот скорбный опыт непомерную цену.

– Для активного участия в антиядерном движении, по нашему убеждению, – сказал Иноуэ, – писатели могут не покидать письменного стола, откладывая в сторону перо, ибо оно и есть их главное оружие. Я стремлюсь прежде всего к тому, чтобы в своих произведениях призывать людей к миру, обличать угрозу войны, показывать ее ужасы. Не без чувства удовлетворения скажу, что в известном смысле именно мы, писатели, причастны к той масштабности, какую приняло ныне антиядерное движение.

– Истинная правда проникает в душу разных людей, как бы ни были несовместимы

их взгляды. Это особенно ощутимо в условиях, когда так беспокойно на нашей планете, и человек должен знать истину в ее неразъятном виде...

Наступило молчание, которое, однако, длилось недолго. Лица японцев часто бывают непроницаемы, хотя внешне приветливы, улыбкивы.

– Японцы, пережив атомный кошмар, – вновь заговорил писатель, – не совсем понимают, зачем еще создавать другие виды ядерного оружия, например водородную бомбу? В Америке и России по-прежнему первостепенное внимание уделяется разработке планов ведения ядерной войны и победы в ней. Но ведь это безумие! Разве в ядерной войне может быть победитель? Человеческий разум не может не восставать против ядерного истребления на Земле.

– Проблема эта вызывает всеобщую озабоченность. Мир на Земле – это не дар небесный. Его сохранение требует каждодневной и упорной борьбы. К великому прискорбию, современная наука не способна обеспечить человечеству каких-либо эффективных средств защиты от беспрецедентной в истории угрозы тотального уничтожения. Увы, в нашем гуманном государстве степень развития сил разрушения опережает научные достижения позитивного характера.

Великий Эйнштейн констатировал в связи с открытием термоядерной реакции: "Высвобожденная мощь атома изменила все, кроме нашего мышления. В результате мы движемся к беспрецедентной катастрофе. Если человечество хочет выжить, то ему необходима совершенно новая система мышления".

Пагушское движение ученых, к участникам которого принадлежу и я, в "Манифесте Рассела–Эйнштейна" провозгласило: "Мы должны научиться спрашивать себя не о том, какие шаги надо предпринять для достижения военной победы над тем лагерем, к которому мы не принадлежим, ибо таких шагов больше не существует, мы должны задавать себе следующий вопрос: какие шаги можно предпринять для предупреждения вооруженной борьбы, исход которой должен быть катастрофическим для всех ее участников?"¹³

Казалось бы, термоядерному оружию должно быть уготовано место на погосте истории. Ведь оно имеет единственное назначение – нести смерть людям. Однако вместо решительного отказа от оружия самоуничтожения происходит его распространение и возвеличивание. Одно государство за другим оказывается его обладателем или станет им в недалеком будущем. Пользуясь словами мудрого Лаоцзы, главы даосизма, отметим: "Одно порождает два. Два порождают три. Три порождают все вещи" И ведут к уничтожению. И неотвратно появится ядерный безголовый всадник, который решит нажать на курок заряженного ружья.

Великий Гегель предупреждал: "Святым может быть названо только то, что разумно и знает о разумном"¹⁴. К этому позволим себе добавить, отнюдь не противореча Гегелю, что речь здесь идет о естественных основах нравственности, об этическом кодексе людей. Вспомним строки французского поэта XV в. Франсуа Вийона: "Я знаю все, но только не себя"

Ныне в стране воцарился беспредел. Человек становится Богом самому себе. Мы оказались перед вопросом: выживание или самоуничтожение. Таковыми стали важнейшие измерения существования человека. "Страшно то, что нет ничего страшного", – так в горькую минуту выразился однажды великий русский писатель И.С. Тургенев. История ставит все новые вопросы, но не дает на них простых и убедительных ответов. Похоже, что их нет. По крайней мере в очень многих случаях жизни. Но ясно одно: расчеты на спасительную миссию ядерного оружия есть авантюризм. Накопление средств массового поражения неотвратно ведет к войне, фатальному исходу для человечества.

– На пороге XXI в. пора людям осознать, что прибегать к оружию в часы затмения разума – безнадежно и преступно, – угрожаю произнес мой собеседник.

¹³ Цит. по: Иностранная литература, 1982, № 9, с. 212.

¹⁴ Гегель Г. Соч., т. 3. М., 1977, с. 232.

ТОКИЙСКИЙ ГОРИЗОНТ

Встреча с Иноуэ Ясуси сильно затянулась. Расстались мы в поздний час. И каждый остался наедине с самим собой и своими раздумьями, обогащенными диалогом о днях минувших и нынешних. О том, что слишком много зла в дне сегодняшнем, которое отравляет людям жизнь.

Волшебство человеческого диалога... Если он насыщен смыслом и предметностью суждений, то приобретает особое значение, ибо позволяет сопоставить взгляды людей, сравнить оценки. Верно говорится: "Если все время будешь говорить в одиночку – всегда будешь прав" Но подлинный заинтересованный диалог – это одно из прямых и верных путей к истине, к взаимному пониманию.

Япония подобна островной яшме китайского континента культуры. И выход ее высокой технологии на мировой уровень, ее цивилизация восходят к животворным корням китайской культуры. Несомненно и то, что во многом преуспела и сама Япония. Немало вещей подверглись серьезному изменению, приспособились к местным национальным особенностям. Много полезного заимствовано и у Запада. Все это естественно. Разве это принижает достоинство самих японцев?

Главное, по моим личным впечатлениям, – это талант, способность с умом применять достижения науки в конкретных условиях островной Японии. Всего важнее – трудолюбие японцев, высокое сознание и чувство личной ответственности во всем. Бережливость, разумность организации и управления, что не может не вызывать глубокого уважения.

Откуда все это? Национальная исключительность страны "корней солнца"? Не берусь давать исчерпывающего объяснения. Ограничусь только собственными наблюдениями. Позволю себе отметить одну крайне существенную причину. Важнейший источник достигнутого японцами – воспитание с самого раннего возраста. Воспитание в духе национальных традиций, старинной культуры и современности. Обучение с детства навыкам трудолюбия и просвещения на основе патриотизма и верности своей земле. Восприятие иноземной культуры, уважительность к другим цивилизациям.

... Ранним утром меня посетил в отеле "Отани" любезный Содзо Асакава, японский издатель и публицист. В руках у него был традиционный цветной платок – фуросикэ, служивший ему сумкой. Принес извинения за то, что он не позаботился о живых цветах, которые подарил мне накануне, Асакава развернул фуросикэ, вооружился ножницами, ровно подрезал концы цветов, стоявших в гостиничном графине, и поместил их в керамическую вазу, которую принес с собой. Затем быстрыми движениями создал из цветов в вазе традиционную композицию, говорившую: "Рад вашему присутствию".

– Видите ли, я должен был сделать это накануне, но, к сожалению, замешкался. И вот всю прошлую ночь не мог растопить свою печаль. Меня неотступно преследовала мысль, что я нарушил элементарный канон икэбаны – эстетический принцип аранжировки цветов, – с улыбкой произнес Асакава.

Только это и сказал. Ничего другого. И, почтительно склонившись на прощание, покинул гостиничный номер, не поворачиваясь ко мне спиной.

И я счастлив, что вновь, как встарь, увидел изумительные цветы дикорастущей сакуры. Побывал в японских садах, особенно в старинных парках древней столицы Киото, где ярко-зеленые мховые ковры под развесистыми кронами вековых деревьев привлекают множество ценителей живой природы.

Любовался безудержным шествием весны по земле японских островов. Убедился в том, что вместе с могучим ее дыханием ширится народное движение против ядерной опасности, угрожающей истреблением жизни на земле. Слово весенние травы, поглощающие почвенные соки, общественное движение пустило глубокие корни. Благородные цели у этого движения – спасти людей от ядерной катастрофы, увидеть страну, живущую в мире. Надежда и вера, которые не покидают людей. Ибо, если человек лишается надежды и мечты, он лишается всего.

© 1997 г.

КРИСТИНА БАКМАН (Швеция)

НОВОЕ О ШВЕДСКИХ ПРЕДКАХ В.И. ЛЕНИНА

О шведской родословной В.И. Ленина аудитория этой скандинавской страны узнала в 1970 г., когда отмечался столетний юбилей со дня его рождения. Работа Уно Виллера "Ленин в Стокгольме"¹ – маленький буклет, изданный Королевской библиотекой, куда российский революционер частенько заглядывал для своих штудий. Следующей была монография автора данной статьи о династии шляпников в Упсале, являвшихся предками Ленина². Недавно вышло в свет всеобъемлющее генеалогическое исследование того же автора о шведских предках Ленина³.

Остальной мир, не в последнюю очередь и сама Россия, судя по всему, не имеет ясного представления о шведской родословной Ленина. Об этом свидетельствует, в частности, и вышедшая на нескольких языках книга российского историка Д.А. Волкогонова "Ленин. Жизнь и наследие"⁴.

Цель очерка, подготовленного автором на основе работы "Шведские предки Ленина" и опирающегося на такие документы, как церковные, дворовые и фискальные записи, – прояснить ситуацию. Правда, хотя Швеции и посчастливилось располагать обширным массивом таких источников, определенные пробелы неизбежны.

СЕМЕЙСТВА ЭСТЕДТОВ И НЮМАНОВ

Советская писательница Мариэтта Шагинян в документальном романе "Семья Ульяновых"⁵, написанном в сотрудничестве с родственниками Ленина, первой указала, что его бабушка по матери Анна Гросшопф была дочерью шведки Анны Беаты Эстедт, вышедшей замуж за немецкого купца, проживавшего в Петербурге. Мать Ленина Мария Бланк была воспитана сестрой своей бабушки по материнской линии шведской гувернанткой Каролиной Эстедт, родившейся в Стокгольме в 1779 г. и прибывшей в быстро разрастающийся Петербург в 1782 г. (умерла приблизительно в 1860 г.).

Трудно сказать, в какой степени эти Эстедты действительно были шведами. В 1730 г. в описи населения Стокгольма появился Карл Рейнхольд Эстедт – 16-летний ученик перчаточника, "родившийся в Ливонии". Считается, что фамилия "Эстедт" образована от названия местечек, встречающихся в Швеции и Финляндии, но может происходить также и от названий населенных пунктов в Ливонии и других немецкоговорящих землях. Тем не менее, несмотря на интенсивные изыскания, не удалось ни найти такую семью на континенте, ни вывести происхождение Карла Рейнхольда от какого-

¹ *Willer U. Lenin i Stockholm. Stockholm, 1970.*

² *Backman Ch. En hattmakardynasti i 1700-taleys Uppsala. Uppsala, 1989.*

³ *Backman Ch. Lenin swenska anor. – Slakt och havd, 1995, № 1.*

⁴ *Волкогонов Д.А. Ленин. Жизнь и наследие. – Политический портрет, кн. 1. М., 1994. Английский перевод – Нью-Йорк, 1994.*

⁵ *Шагинян М.С. Семья Ульяновых. М., 1957. Немецкий перевод – Берлин, 1959.*

либо шведского или финского семейства. Разумеется, он мог быть первым носителем имени: для ученика было совершенно естественно заменить все еще преобладающее в Швеции отчество на более приличествующую его социальному положению фамилию. Однако тот факт, что он носил два христианских имени, свидетельствует о его бюргерском происхождении: крестьяне не могли позволить себе такого рода роскошь.

В начале XVIII в. простые шведы пользовались отчествами наподобие таких, как Персон или Персдоттер. Однако обычной практикой было давать завербованным солдатам или матросам фамилию: наиболее типичными были такие, как Дальпиль, Ньюман или Хёк (ястреб). Ученики, подмастерья и все остальные, кто стремился к городской профессии, брали себе соответствующую фамилию; священники, например, – с латинизированным окончанием на "ус". В результате родные братья могли носить различные фамилии, что сегодня непосвященного приведет в замешательство.

Всякому мастеру-ремесленнику полагалось иметь жену, и в 1740 г. Эстедт женился на Беате Элеоноре Ньюман, дочери сержанта артиллерии. Мудрее было бы взять в жены дочь какого-нибудь товарища по профессии. Отцом Беаты являлся Карл Ньюман, который начинал карьеру как ученик парикмахера, но в 1714 г. стал артиллеристом в армии беспрерывно восставшего Карла XII, где прослыл бравым сержантом. Зимой 1718/19 г., после смерти короля, он вместе с отступающими частями генерала Карла Густава Армфельта пересек норвежские горы. Войска были из рук вон плохо экипированы, жестокие морозы погубили жизнь множества солдат, но Ньюману посчастливилось уцелеть, хотя он сильно обморозил ноги и до конца жизни остался инвалидом. Его жена, Беата Персдоттер Дальпиль, была, судя по всему, дочерью солдата кавалерии Петера Дальпиля из местечка Стигтомта к югу от Стокгольма. Родителями Карла Ньюмана были Петтер Карлсон Ньюман, капитан торгового судна, погибший в 1706 г., возможно, в результате войны с Россией, и Мария Брюнельсдоттер Хёк. Петтер и Мария Ньюманы владели грамотой и имели собственный домик в южной части Стокгольма.

Карл Рейнхольд Эстедт как перчаточник открыл свое дело в Упсале, где он стал членом городского ополчения (милиции). Чистя пистолет, он случайно выстрелил, и пуля застряла в спине, так что вскоре он стал инвалидом и постоянно мучился от болей. В 1748 г., когда его финансовое положение стало отчаянным, он отправился на весеннюю ярмарку в Кристинхамн и там неожиданно умер. Товар его был разворован, и жена оказалась банкротом. С двумя оставшимися в живых детьми она перебралась в Стокгольм. Ее дочь, Анна-Лиза, дважды выходила замуж, но туберкулез подорвал здоровье и финансы ее семейства и после ее смерти два младших сына были отданы на воспитание в дома простых фермеров.

Оставшись без отца, Карл Фредрик Эстедт не опустил на дно. Он выучился на гравера по золоту и после нескольких лет ученичества за границей, прежде всего, в Петербурге, где в 1769 г. стал золотых дел мастером, поселился в Стокгольме и работал для двора, в частности для герцога Карла, будущего короля Карла XIII. В 1782 г. он направился в Петербург. В конце 1783 г. он получил признание при императорской академии художеств и вел класс работ по золоту, пока тот не был в 1788 г. закрыт ввиду нехватки учеников. Через год, в 1789 г., разразилась русско-шведская война, и Эстедта уволили из академии. В довершение бед он ввязался в длительную и дорогостоящую тяжбу с российским помещиком и подорвал здоровье. Попытки получить в Швеции какой-нибудь пост для себя или сына Фредрика, юноши, получившего образование в императорском Горнозаводском кадетском корпусе, оказались безрезультатными, и семейство вынуждено было остаться в России.

С матерью Фредрика, экономкой статского советника Аше Анной Кристиной Борг, Карл Фредрик Эстедт обвенчался в шведском приходе Св. Катаряны в Петербурге еще в 1772 г. Именно их старшая дочь, Анна Беата, родившаяся в 1773 г., вышла замуж, по всей видимости, за немецкого купца Йоганна Готлиба Гросшопфа, став матерью Анны, в замужестве Анны Бланк, бабушки Ленина по материнской линии. До взрослых лет дожили два сына Карла Фредрика и Анны Кристины – Фредрик Рейн-

хольд и Карл Магнус, но о их судьбе после 1797 г. ничего не известно. Уже упоминавшаяся Каролина – гувернантка Анны Бланк – была младшей из сестер.

Волкогонов, опираясь на авторитетное утверждение Д.Н. Шуба из его изданной еще в 1948 г. биографии Ленина⁶, утверждал, что еврейский дед Ленина, Мойша Ицкович Бланк, был женат "на шведке Анне Карловне Остедт" И далее: "Анна Григорьевна Гросшопф – девушка из состоятельной немецкой семьи", вышла замуж за Александра Бланка, сына Мойши⁷. Далее Волкогонов, цитируя, по-видимому, шведского исследователя-архивиста Л. Хааса, пишет, что "шведская ветвь" семейства Ульяновых, состоявшая в основном из "людей ремесла – парикмахеров, шляпников, портных", – вела свое происхождение "от богатого ювелира К.Ф. Эстедта, жившего в Упсале" и бывшего "поставщиком украшений ко двору короля Густава IV Адольфа"⁸.

В утверждении Волкогонова вкралась неточность. Фамилия Эстедт и раньше не раз становилась источником недоразумений. Викарий прихода Св. Катарини в Петербурге Таваст ошибочно записал ее "Эрстедт", вероятно, в силу особенностей произношения. В русском варианте она звучала как "Эшtedт", а позднее – "Эстедт" Таким образом, упоминавшиеся Волкогоновым "жена" Мойши Ицковича Бланка Анна Карловна Остедт и "основатель шведской ветви" семейства Ульяновых К.Ф. Эстедт на деле являлись супругами и родителями Анны "Григорьевны" Гросшопф, вышедшей замуж за сына Мойши – Александра!

СЕМЕЙСТВО НОВЕЛИУСОВ

Дед Анны Кристины Борг, Симон Новелиус, уроженец знаменитого своим университетом шведского города Упсалы, основал династию шляпников, просуществовавшую четыре поколения. Происхождение семейства Новелиусов не вполне ясно, но скорее всего его родоначальником был Берти Йёнсона из Арбоги. Он был капитаном торгового судна и в первой половине XVII в. являлся поставщиком в Стокгольм из Бергсладена, горнозаводского округа в Западной Швеции, преимущественно железа и меди.

Ближе к середине века Арбога пришла в упадок, зато расцвел другой порт – Вестерос, и именно там мы обнаруживаем Эрика Бертилсона – к тому времени процветающего шкипера, владельца большого дома в центре города. О его авторитете в городе свидетельствует то, что похоронен он был в кафедральном соборе. Одно время он, судя по всему, являлся мастером гильдии шкиперов. Из его семейных доживших до взрослых лет сыновей трое стали ремесленниками, старший преуспел на отцовском поприще в роли шкипера, а Йоханнес отправился в университет Упсалы и стал капелланом валлонского шахтерского прихода Лёвста-брук, где женился на дворянке. Из детей трое взяли отчество Эрсон, один стал Норманом, а Йоханнес и его младший брат Симон стали именовать себя Новелиусами – латинизированная фамилия, приличествующая священнику, но в высшей степени необычная для шляпника. Возможно, еще один сын Эрика Бертилсона взял себе какую-то иную фамилию или отчество, потому что его след в официальных записях того времени теряется.

Обеспечить приличным наследством такое количество претендентов-сыновей было вряд ли возможно. Двое – шкипер Ханс и шляпник Мортен – женились и обзавелись семействами. Оба умерли в нищете, и дети их ушли из жизни, не оставив потомства.

Став шляпником в крошечном городишке Торшелла и разорившись, Симон Новелиус в 1706 г. переехал в Упсалу, где стал уважаемым горожанином, хотя и не особо преуспевал в ремесле. Его жена Катарина Арнберг родилась в имении Окерё в Беттне, где ее отец был управляющим, и теперь помогала мужу шить шляпы. Имея перед глазами пример брата Йоханнеса, успешно взлетевшего вверх по социальной

⁶ Шуб Д.Н. Биография Ленина. Нью-Йорк, 1948.

⁷ Волкогонов Д.А. Указ. соч., с. 42.

⁸ Там же, с. 52.

лестнице, Симон отправил своих сыновей Йоханна и Симона сперва в кафедральную школу, а затем в университет Упсалы, изучать теологию.

Йоханн пошел проторенной тропой, женившись на дочери священника, у которого был помощником, тем самым заполучив в тестя викария округа Фрётхульт. Со временем он стал зажиточным сельским пастором. Его младшему брату, Симону, повезло гораздо меньше, и, ложно обвиненный в том, что он является отцом незаконно-рожденного ребенка, он заболел нервным расстройством. После всего случившегося он потерял возможность получить работу: то, что он страдал галлюцинациями, воображая себя внебрачным сыном короля Карла XII, и собирався жениться на российской императрице Елизавете Петровне, лишь ухудшало ситуацию. В молодости он нередко помогал отцу в работе. В то время при выделке шляп широко использовалась ртуть, ядовитые пары которой способны поражать нервную систему человека и вызывать душевные заболевания у работавших с ртутью. Вполне возможно, что именно это и имело место в случае с Симоном Новелиусом. Оба брата умерли бездетными.

СЕМЕЙСТВО БОРГОВ

Шляпная мастерская Симона Новелиуса перешла Карлу Боргу, его ученику, которому удалось соблазнить, а затем – ввиду беременности – женить на себе младшую дочь Симона, Анну Бриту.

На основании напечатанной хвалебной речи на смерть Пера Магнуса (Монса) представляется возможным идентифицировать его и Карин Кнутсдоттер в качестве родителей братьев Карла Персона, Магнуса и Нильса Боргов, хотя в записи о его крещении в церкви округа Виммерби, местом его рождения ошибочно названа ферма "Бергхульт", такой фермы не существовало вовсе. В дополнение к этому, Карин Кнутсдоттер из фермы Боргхульт неправильно записана как вышедшая замуж за Пера Нильсона. Если учесть, сколько Перов Нильсонов, Перов Монсонов, Перов Йёнсонов проживало в любом из приходов Швеции, описка священника не покажется столь уж необычной. В конце концов, речь шла сплошь о самых обыкновенных людях.

Все три брата, Магнус, Нильс и Карл, взяли себе фамилию Борг – в честь их родной фермы Боргхульт. Магнус стал процветающим мясником и владел несколькими домами в Стокгольме. Умер он от туберкулеза. Ни одному из его 12 детей судьба не улыбнулась, а некоторые также скончались от туберкулеза, чрезвычайно распространенного в те времена. Одна из дочерей Магнуса, Анна Катарина, вдова меховщика Йохана Готфрида Реймана, какое-то время проживала в Петербурге с сыном.

Второй из братьев, Нильс Борг, дубил замшу в Стренгнесе и был даже избран членом городского совета. Его младший сын Эрик стал искусным гравером и в 1766 г. сделал гравюру для диссертации Александра Карамышева, которая была посвящена естественной истории России. Юный диссертант родился в 1744 г. в Сибири и состоял в учениках у великого шведского натуралиста Карла Линнея, став со временем знаком горного дела и членом как российской, так и шведской академий наук.

"Головной болью" семейства оказался Карл Борг. Его имя постоянно встречается в судебных протоколах, и по ним можно судить, что он постоянно устраивал скандалы и ссорился со своей родней. Соседи жаловались на шум и пьянство, царившие в его доме, а однажды он не нашел ничего лучшего, как подстеречь в темноте невестку Беату и напасть на нее со шпагой. Тюрьма и тяжелые штрафы не вразумили его, и в 1748 г., погрязнув в долгах, он оставил Упсалу и родичей, отправившись искать счастья где-нибудь в другом месте, но по пути умер в Дегерби (ныне – город Ловиса в Финляндии). Этот буйный, агрессивный малый совершенно не походил на своих уважаемых братьев, и, вполне возможно, дело было все в том же отравлении ртутью, применявшейся в шляпном производстве.

В те времена в Швеции единственными женщинами, обладавшими правом на наследование профессии, были вдовы мастеров. Они всегда принимали самое активное

участие в работе и были вполне компетентны в этой области. Таким образом, Анна Брита Борг продолжала дело мужа до тех пор, пока ее сыновья не повзрослели и не приняли руководство в свои руки.

В декабре 1764 г. старший сын вдовы, Карл Магнус, стал мастером шляпного дела, принял мастерскую и женился. Первого июля 1765 г. у него родился сын, Карл Георг, а три недели спустя новоиспеченный отец навестил тещу, проживавшую в Баделунде близ Вестероса. Шокированные соседи через незанавешанные окна могли видеть, как они лежат вдвоем в постели, "одетые только в нижнее белье" Тещу бросили в тюрьму, а Карл Магнус бежал: заложил наряды жены, украл лошадь и исчез.

Проработав несколько лет как странствующий шляпник в разных местах – есть свидетельства о его пребывании в Германии и России (в Архангельске), – Карл Магнус и его младший брат Йоханнес в 1769 г. объявились в Петербурге, где старший брат основал шляпную фабрику. Первая жена развелась с Карлом, со второй, оказавшейся неверной ему, он развелся сам, женился в третий раз и стал отцом многодетного семейства. Он зарекомендовал себя как примерный церковный староста, а высоты своего общественного признания достиг в 1780 г., когда шведский король Густав Адольф стал крестным отцом его сына. Умер Карл Борг, по всей видимости, в Москве, ближе к концу 1805 г.

На протяжении XVIII – начала XIX в. Петербург привлекал многих шведских иммигрантов. Платили здесь лучше, и жизнь была не так строго регламентирована, как в Швеции. Из исследований известно, что сюда приезжали не одни только шведские ювелиры, но и многочисленные шведки и финки. Последние работали здесь экономками – как сестра Борга Анна Кристина, вышедшая замуж за золотых дел мастера Эстедта, – и им полагалось быть опрятными, честными и иметь хоть какое-то образование. Типичным был путь, когда один из членов семейства уезжал за границу, и, если он хорошо устраивался, перевозил сюда остальную родню. По крайней мере семь членов семейства Боргов перебравшись в Петербург, и большинство из них осело в России.

ПОСЛЕДУЮЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ

Жизнь ремесленников – предков Ленина в целом укладывалась в одну и ту же схему: не имея первоначального капитала для финансирования мастерских, они начинали свою профессиональную деятельность с долгов. Конкуренция, национальные и интернациональные катаклизмы, обилие детей и туберкулез подрывали их и без того неустойчивое финансовое положение, и жизнь они кончали в бедности и нищете, как и многие их коллеги.

Между тем с конца XVIII в. народонаселение Швеции начало заметно увеличиваться, что, наряду с земельными реформами, вело к росту как сельского, так и городского пролетариата. Социальная структура общества стала более дифференцированной, появились новые профессии, которыми могли заняться предприимчивые молодые люди. Однако большинство юных членов семейств Эстедтов и Боргов, доживших до взрослого возраста и оставшихся в Швеции, не сумело воспользоваться этим шансом и переместилось на более низкие ступени общественной лестницы. Например, Карл Густав, сын Карла Георга Борга, начинал как ученик шляпника, затем перебрался в Стокгольм и, судя по последнему упоминанию о нем, в 1828 г. был подручным извозчика. Его сестра, Фредерика, была поймана на воровстве и посажена в тюрьму. Йоханнес, единственный сын шляпника Йоханнеса Борга, оставил шляпное дело и подался в солдаты. С 1806 г. о нем ничего нет в записях.

Младшие члены семейств Боргов и Эстедтов, выросшие в Петербурге, действовали в более благоприятных экономических условиях и были хорошо образованы. Тем не менее, хотя нам известно, что Фредерик Рейнхольд Эстедт стал лейтенантом, а Карл Густав Борг, сын Карла Магнуса, получил в 1829 г. место на Кронштадтской таможне, ни об одном из них не удалось отыскать даже упоминания в доступных источниках.

Отмечено, что из многочисленных групп иностранцев, осевших в Петербурге в XVIII–XIX вв., именно шведы ассимилировались первыми, но не с коренными русскими, а с колонией немцев. Кузины Анна Ловиза Борг, дочь Карла Магнуса, и Анна Беата Эстедт вышли замуж за петербургских немцев: за преподавателя Инженерного корпуса Якоба Генриха Шмидера и купца Йоганна Готлиба Гросшопфа соответственно. Анна Беата и ее сестра Каролина, однако, по-прежнему держались родного шведского языка, передав его знание последующим поколениям. Сохранились свидетельства, что Мария, сестра Ленина, писала на хорошем шведском языке почтовые карточки и открытки. Каким образом будущий российский революционер воспринимал свои шведские корни, остается неясным, но то, что он отлично знал о своих зарубежных предках, сомнению не подлежит.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА СЕМЕЙСТВ НЮМАНОВ, ЭСТЕДТОВ И БОРГОВ (ВЫДЕЛЕНА ПРЕДКИ ЛЕНИНА)

НЮМАНЫ:

1) *Петер Карлсон* – шкипер, умер в 1706 г. (согласно описи имения), жена – *Мария Брюнельсдоттер Хёк*, умерла 24 декабря 1773 г. в Стокгольме; дети – *Карл*; *Элизабет*.

2) *Карл Петерсон*, родился в 1694 (?) г. в Стокгольме, сержант Шведского артиллерийского полка, умер 19 сентября 1737 г. в Стокгольме, с 17(?) июля 1715 г. женат на *Беате Персдоттер Дальпиль*, умершей 15 мая 1759 г. в Стокгольме, возможно – дочь сержанта Петтера Дальпиля из Стигтомты; дети – *Мария*; *Беата Элеонора*; *Анна*; *Ребекка*; *Карл*; *Йохан*.

ЭСТЕДТЫ:

1) *Карл Рейнхольд*, родился в 1714(?) г. в Ливонии, шляпник в Упсале, похоронен 13 марта 1748 г. в Кристенхамне, женился 3 июля 1740 г. на *Беате Элеоноре Нюман*, родившейся 17 октября 1718 г. и умершей 11 декабря 1759 г. в Стокгольме; дети – *Карл Фредрик*; *Петер*; *Беата*; *Анна Лиза*; *Эва*.

2) *Карл Фредрик*, родился 28 марта 1741 г. в Упсале, гравер по золоту, умер 1 июня 1826 г. в Петербурге, похоронен на кладбище церкви Св. Катаринины в Петербурге; 13 мая 1772 г. женился на *Анне Кристине Борг*, родившейся в Упсале 1 апреля 1745 г. и умершей 17 мая 1799 г. в Петербурге, похоронена там же; дети – *Анна Беата*; *Карл Густаф*; *Фредрик Рейнхольд*; *Каролина*; *Карл Магнус*.

НОВЕЛИУСЫ:

1) *Бертил Йёнсон*, шкипер, умер в Арбоге в 1657 (?) г., дважды женат; дети – *Матс*; *Эрик*; и еще двое детей, имена которых неизвестны.

2) *Эрик Бертилсон*, похоронен в 1620 (?) в Вестеросе, первый раз женился в Арбоге на неизвестной, второй – ранее 1658 г. на *Керстин Хансдоттер*, похороненной 10 декабря 1696 г. в Вестеросе; дети – имя ребенка от первого брака неизвестно; от второго – *Ханс Эрсон*; *Лисба*; *Йоханнес Новелиус*; *Эрик Эрикссон*; *Якоб Эрсон*; *Андерс*; *Мортен Норман*; *Симон Новелиус*; *Андерс Эрсон*.

3) *Симон Новелиус*, крещен 1 ноября 1671 г. в Вестеросе, шляпник, похоронен 3 июня 1733 г. в Упсале; женился в Торшелле 23 июня 1701 г. на *Катарине Арнберг*, родившейся в 1673(?) г. в Беттне, дочери *Эрика Эрикссона*, похороненной 18 сентября 1739 г. в Упсале; дети – *Эрик*; *Йоханн*; *Кристина*; *Беата*; *Анна Брита*; *Симон*.

БОРГИ:

1) *Пер Монсон*, родился в 1656(?) г., похоронен 17 апреля 1716 г. в Виммерби; женился 7 ноября 1697 г. в Виммерби на *Карин Кнутсдоттер* из Боргхульты, дочери фермера *Кнута*, умершей в 1704 г.; дети – *Магнус (Монс) Борг*; *Нильс Борг*; *Карл Персон Борг*; *Мария*; *Карин*.

2) *Карл Персон Борг*, родился в Виммерби в 1702–1705 гг., шляпник, умер 20 июня 1750 г. в Дегерби (ныне – Ловиса, Финляндия); женился 13 июля 1735 г. в Упсале на *Анне Брите Новелиа*, рожденной 27 сентября 1713 г. в Упсале и похороненной там же 20 мая 1764 г.; дети – Катарина; Петрус; Карл Магнус; Йоханнес; Никлас; *Ана Кристина*; Беата.

3) Карл Магнус, родился в Упсале 23.V.1739, шляпник, умер, вероятно, в Москве, около декабря 1805 г.; первый раз женился 17 октября 1764 г. в Упсале на Катарине Гёрансдоттер, развелся с ней в 1770 г.; 25 июля 1773 г. женился во второй раз в Петербурге на Марие Элизабет Веклем, развелся с ней в 1777 г.; в третий раз венчался 5 мая 1782 г. в Петербурге в церкви Св. Катарины с Элизабет Ловизой Ваккелин; дети от первого брака – Карл Георг; от третьего – Анна Ловиза; Йоханнес; София; Вильгельмина; Катарина; Карл Густав; Александер; Амалия; Барбара; Густав Адольф; Мария; Анна Мария.

Академик **Н.Н. БОЛХОВИТИНОВ**

Н.П. РЕЗАНОВ И ПЕРВОЕ РУССКОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ 1803–1806 гг.

ПОДГОТОВКА К КРУГОСВЕТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В результате русских географических открытий в Северо-Западной Америке и в северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. на американской земле возникла цепь поселений, основанных российскими промышленниками, купцами и моряками. В 1799 г. в результате слияния нескольких торгово-промышленных компаний возникла Российско-американская компания (РАК). Владения РАК стали называться Русской Америкой.

Одной из наиболее сложных задач, с которой русские колонии в Америке столкнулись уже в XVIII в., стало снабжение их продовольствием, одеждой, оружием, морскими припасами. Как правило, все необходимые товары доставлялись в колонии через Сибирь сухим путем и по рекам до Охотска, а затем морем до Павловской гавани на острове Кадьяк, в то время центре Русской Америки. Путь через бездорожную и малонаселенную Сибирь, Охотск и Камчатку был труден и сложен, требовал колоссальных затрат и подвергал "от перевозки казенных тяжестей" огромному изнурению всю Якутскую область. "Тяжеловесные вещи" вообще доставлять оказывалось невозможно, и корабельные якоря приходилось рубить на части, а затем в Охотске их сваривать. В результате "при великих издержках" нельзя было ожидать от них должной прочности. Оставляло желать много лучшего и качество самих судов. Остро ощущался недостаток материалов и квалифицированных мастеров. Состоявший на службе РАК мичман Г.И. Давыдов свидетельствовал, что судно "Св. Елизавета", построенное в Охотске "из лесу зимой срубленного, весь такелаж отменно худ, блоки и другие механические пособия казались сделаны были не для облегчения, но для затруднения работ. Я истинно не мог себе представить, чтобы в нынешнем состоянии мореплавания могли где-либо существовать столь худые суда, как в Охотске"¹.

Исследовать возможность снабжения Русской Америки морскими судами, минуя труднейший путь через Сибирь и затем строительство судов в Охотске, и было одной из главных целей кругосветного плавания, подготовлявшегося в Петербурге с начала 1800-х годов.

Наряду со снабжением Русской Америки продовольствием, имелись и другие важные причины организации первого российского кругосветного путешествия: необходимость подкрепить безопасность российских владений на Тихоокеанском севере, изучение Мирового океана, получение хорошей практики для моряков, открытие торговли с Японией и Китаем. И можно только удивляться, что кругосветное плавание удалось осуществить лишь в начале XIX в., хотя все предпосылки для этого существовали уже в XVIII в.

Еще в 1722 г. известный морской деятель Ф.И. Соимонов предлагал Петру I отправить корабли из Кронштадта на Камчатку, поскольку возможно "способнее и безубыточнее" до тех мест доходить, учитывая, что "ныне европейцы почти целые

¹ Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним, ч. 1–2. СПб., 1810–1812, ч. 1, с. 140.

полкруга обходить принуждены"². Десять лет спустя вопрос о посылке кораблей из Санкт-Петербурга на Камчатку вновь был поставлен в связи с подготовкой второй экспедиции Витуса Беринга. Речь идет о представлении вице-адмирала Н.Ф. Головина Анне Иоанновне от 12 октября 1732 г., "чтобы в будущую весну отправить отсюда в Камчатку чрез море два фрегата военные российские... на которых положить всякого провианту в запас на год или больше" Головин резонно полагал, что путь "отсюда чрез Большое море-океан" займет около 11 месяцев "понеже галанские корабли всякий год до японских островов ходят и назад в 18 и 16 месяцев возвращаются".

В полной мере понимая преимущества отправки "кругом света" морской экспедиции по сравнению с сухопутным путешествием через Сибирь и строительством кораблей в Охотске или на Камчатке, вице-адмирал Н.Ф. Головин писал, что после прибытия двух фрегатов из Кронштадта на Камчатку, "тогда оные могут снабдить командора Беринга и его команду материалами, и довольною амунициею" и по прибытии их "способно без всякого опасения везде ходить и выискивать всякие земли и острова" Помимо "изыскания" Америки, Головин предвидел, что в результате таких кругосветных экспедиций молодые "офицеры и матросы обучатся более, нежели при здешнем море в 10 лет"³. К сожалению, проект Головина не был осуществлен, а Беринг и Чириков получили предписание строить "два пакетбота" на Камчатке.

В дальнейшем идея кругосветных плаваний выдвигалась неоднократно, но всякий раз оставалась нереализованной. Причиной тому упадок флота после смерти Петра I, что удалось преодолеть лишь в царствование Екатерины II. Именно при Екатерине II идея посылки экспедиции из Кронштадта к северо-западным берегам Америки, казалось, наконец, получила практическое одобрение. Этому способствовала знаменитая экспедиция Дж. Кука (1776–1780), которая лишила Россию монополии на открытия на Тихоокеанском севере и сделала актуальной защиту российских владений в Америке. 22 декабря 1786 г. последовали указы Екатерины II Коллегии иностранных дел, Адмиралтейств-коллегии, а также иркутскому губернатору И.В. Якоби, которые призваны были обеспечить охрану открытых Россией земель и островов на Тихоокеанском севере. Соответственно Адмиралтейств-коллегия назначила командиром кругосветного плавания капитана 1-го ранга Г.И. Муловского и выделила в его распоряжение четыре корабля ("Колмогор", "Соловки", "Сокол" и "Тарухтан"), а также транспортное судно, нагруженное пушками, такелажем "и другими вещами, нужными для Охотского порта и других тамошних портов"⁴.

В соответствии с подробными наставлениями Адмиралтейств-коллегии экспедиция Муловского должна была обогнуть мыс Доброй Надежды, пройти через Зондский пролив и вдоль Японии достигнуть Камчатки, а затем и берегов Америки вплоть до Нутки. Цель плавания состояла, в первую очередь, в том, чтобы сохранить "право на земли, российскими мореплавателями открытые на Восточном море, утвердить и защитить торги по морю между Камчаткою и западными американскими берегами лежащими" На вновь открытых землях, "которые еще никакой европейской державе не покорены", Муловский уполномочивался "торжественно поднять Российский флаг по всей урядности"⁵.

К осени 1787 г. подготовка экспедиции была полностью завершена, но осуществить ее из-за осложнившейся международной обстановки не удалось. 28 октября последовал указ Екатерины II, в котором императрица "подготовленную в дальнее путешествие" экспедицию "по настоящим обстоятельствам" (война с Турцией. – Н.Б.) повелевала отменить⁶.

² Русская Тихоокеанская эпопея (далее – РТЭ). Сост. В.А. Дивин. Хабаровск, 1979, с. 526.

³ Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. (далее – ИРТО), т. 1–3. Под ред. А.Л. Нарочницкого и др. М., 1984–1994, т. 1, с. 114.

⁴ Там же, т. 2, с. 234.

⁵ Там же, с. 238–239.

⁶ Указ Екатерины II Адмиралтейств-коллегии, 28 октября 1787 г. – Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее – РГАВМФ). ф. 227, оп. 1, д. 50, л. 46.

Уже из приводимых данных видно, что проекты организации плавания из Санкт-Петербурга к северо-западным берегам Америки выдвигались неоднократно, и лишь в результате неблагоприятного стечения обстоятельств такая экспедиция не была осуществлена⁷. И.Ф. Крузенштерн (1770–1846), будущий командир "Надежды" и "Невы", отправленных в кругосветное плавание в 1803 г., служил под командованием Г.И. Муловского и был хорошо осведомлен о подготовке экспедиции 1787 г. В дальнейшем он получил большой опыт дальних плаваний на британских кораблях у берегов Северной Америки (1793), ходил в Южную Америку и Ост-Индию (1797–1799). Неудивительно поэтому, что именно Крузенштерн активно выступал с записками об организации кругосветных экспедиций из Кронштадта к берегам Камчатки и Северной Америки⁸.

Учитывая, что Охотск, Камчатка и русские колонии в Америке терпели "большой недостаток в жизненных припасах", Крузенштерн вместо долгой и дорогой доставки необходимых грузов по суше предлагал отправлять их из Кронштадта морским путем. В свою очередь, используя свои порты на Дальнем Востоке и в Северной Америке, россияне могли бы занять достойное место в торговле с Китаем и Японией, в частности, поставлять в Кантон пушные товары. Как и его предшественники, Крузенштерн считал, что одно морское путешествие на Камчатку принесет морякам больше пользы, чем "десятилетнее крейсерство в Балтийском море", и предвидел значительные выгоды от доставки товаров на Дальний Восток морским путем и от открытия торговли с Восточной Индией и Китаем.

Идея посылки морской экспедиции из Кронштадта в российские колонии в Америке получила в начале XIX в. поддержку и в кругах Российско-американской компании. 29 июля 1802 г. Главное правление РАК во "всеподданейшем донесении" Александру I сообщило, что считает необходимым "приступить к отправлению ныне в Америку транспортов своих от Санкт-Петербургского порта", и испрашивало на это "высочайшего соизволения" Выгоды "от отправления из Балтики в Америку судов" давно были очевидны, "но неопытность людей, недостаток познания" и капиталов "всегда останавливали компанию" Теперь же РАК брала на себя смелость представить императору многочисленные выгоды, проистекавшие от предлагавшейся "экспедиции": подкрепление Русской Америки необходимыми товарами, усиление русского присутствия на Тихом океане, освобождение жителей Якутской области от перевозок тяжестей, в частности, якорей и т.д. Компания особо обращала внимание на открытие выгодного для России торгового пути с Китаем (в Кантоне) и Японией, а также испрашивала из Государственного заемного банка ссуду в 250 тыс. рублей на 8 лет с уплатой всего 2% в год.

Ссылаясь на мнение Крузенштерна, РАК выражала надежду, что открытие торговли с Китаем и Японией позволит ей "выиграть над иностранными народами поверхность" Кроме того, "усовершенствовав на Курильском острове Александре начатое заселение (имеется в виду остров Уруп. – *Н.Б.*), может компания неприметным для Японии образом открыть с нею торговлю посредством мохнатых курильцев (*айн. – Н.Б.*) и, кроме служащих к роскоши вещей, выменивать у них пшено и другие к пище служащие произрастания и со временем снабжать ими Камчатскую и Охотскую области"⁹.

Хотя все основные предложения Главного правления РАК, включая награждение

⁷ Подробно этот вопрос рассмотрен: *Мезенцев Е.В.* Из предыстории организации первой кругосветной экспедиции русского флота в конце XVIII – начале XIX в. – Советские архивы, 1987, № 1, с. 73–76.

⁸ См., в частности, записку И.Ф. Крузенштерна П.А. Соймонову, составленную в 1799 г. на борту английского торгового судна "Бомбей". – РГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 22; записку И.Ф. Крузенштерна Н.С. Мордвинову от 1 января 1802 г. – *Пасецкий В.М.* Иван Федорович Крузенштерн. М., 1974, с. 17, 19–26.

⁹ Главное правление РАК – Александру I, 29 июня 1802 г. – Внешняя политика России XIX и начала XX века. (далее – ВПР). Под ред. А.Л. Нарочницкого. Серия первая. 1801–1815, в 8-ми т. М., 1960–1972, т. 1, с. 266–269; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 15 (Главное правление РАК по управлению в России), д. 1, ч. 1, л. 45–51.

правителя российских колоний в Америке А.А.Баранова "чином"¹⁰, не встретили возражений, саму экспедицию, учитывая необходимость покупки судов за границей, большую подготовку по ее организации, пришлось перенести на 1803 г. Как писал позднее Крузенштерн, он был назначен "начальником над двумя кораблями" 7 августа 1802 г., но осуществить экспедицию в том же году оказалось "не можно", так как "кораблей, на такой конец годных, не только совсем не было, но и сыскать их в России нельзя"¹¹. Именно поэтому в сентябре 1802 г. в Гамбург для покупки судов отправился капитан-лейтенант Ю.Ф. Лисянский. Поскольку там подходящих судов не оказалось, Лисянскому пришлось отправиться в Лондон, где он купил суда "Леандер" (450 т., 16 орудий) и "Темза" (370 т., 14 орудий), которые были соответственно переименованы в "Надежду" и "Неву"¹².

Торговля с Китаем, Японией и другими азиатскими странами живо интересовала в то время не только руководство РАК, но и правительство. Активным пропагандистом этой идеи был новый министр коммерции Н.П. Румянцев (1754–1825), ставший в дальнейшем (с сентября 1807) и руководителем ведомства иностранных дел.

Принципиальное значение имели две записки Румянцева Александру I "О торге с Японией" и "О торге в Кантоне" от 20 февраля 1803 г., которые были внесены в Комитет министров и "с высочайшего утверждения Комитетом апробованы". Министр коммерции подчеркивал, что, несмотря на все усилия по расширению торговли в Кяхте, РАК не сможет конкурировать с США и Англией на китайском рынке. "Англичане и американцы, доставляя из Нотки-Зунд и Шарлотиных островов рухлядь свою прямо в Кантон, всегда будут в торге сем преимуществовать и дотоле продолжаться сие будет, пока россияне сами в Кантон пути не проложат" Значительные выгоды Румянцев предвидел от открытия торга с Японией "не только для американских селений, но и для всего северного края Сибири", и предлагал использовать кругосветную экспедицию для отправки "к японскому двору посольства" во главе с человеком "со способностями и знанием политических и торговых дел"¹³. По всей видимости, уже в это время министр коммерции имел в виду героя настоящего очерка – Резанова.

Николай Петрович Резанов¹⁴ – действительный камергер императорского двора – родился 28 марта 1764 г. в семье судьи Петра Гавриловича Резанова, получил хорошее домашнее образование, служил правителем канцелярии графа И.Г. Чернышова, а затем Г.Р. Державина. Некоторое время Резанов служил также в канцелярии фаворита Екатерины II князя П.А. Зубова и исполнял отдельные поручения императрицы. Важный перелом в его жизни произошел в январе 1795 г., когда, находясь в Иркутске, он женился на Анне, юной дочери Григория Ивановича Шелихова – одного из основателей первых русских поселений в Америке. После смерти "Колумба русского" 20 июля 1795 г. на его плечи легло выполнение обширных планов покойного на всем Тихоокеанском севере. Именно Н.П. Резанову принадлежала решающая роль в организации в 1799 г. монопольной Российско-американской компании, а став "корреспондентом" компании в Петербурге, он фактически выполнял функции ее протектора, чему во многом способствовала его близость к императорскому двору.

Именно о Резанове шла речь в записке Румянцева, поскольку в ней предусмат-

¹⁰ Указ Сената о присвоении А.А. Баранову звания коллежского советника от 12 августа 1802 г. см.: РГИА, ф. 13, оп. 1, д. 50, л. 1–2. Получив "250 000 заимообразно из банка на 8 лет и исходатайствовав... купцу Баранову чин коллежского советника", Н.П. Резанов выражал надежду, что это положит начало к награждению чинами тех, кои споспешествуют "усердием своим пользе государственной". Н.П. Резанов – И.П. Крузенштерну 2 сентября 1802 г. – ИРТО, т. 3, с. 44.

¹¹ *Крузенштерн И.Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях "Надежда" и "Нева", М., 1950, с. 15.

¹² Ю.Ф. Лисянский – И.Ф. Крузенштерну 13 октября 1802 г. – ИРТО, т. 3, с. 46–47, 248 (прим. 38).

¹³ ВПР, т. 1, с. 386–389; ИРТО, т. 3, с. 49–51.

¹⁴ *Петров В.П.* Камергер двора. Вашингтон, 1973; Командор. Сост. Ю.П. Авдюков и др. Красноярск, 1995. Критический анализ работы см.: *Болховитинов Н.Н.* Не командор, а действительный камергер. – США – экономика, политика, идеология, 1996, № 9, с. 123–127; *Chevigny H.* Lost Empire. The Life and Adventures of Nikolai Petrovich Rezanov. New York, 1937.

ривалось, что "чиновник сей" после окончания японской миссии должен был обозреть русские владения в Америке, "образ управления ими" – "словом образовать край сей и, таковым благоустройством осчастливив сих отдаленных Вашего и. в-ва подданных, поселить в них явную к России приверженность"

И хотя официально рескрипт о назначении руководителем посольства в Японию Резанова датируется 10 июня 1803 г., фактически вопрос был решен гораздо раньше. Во всяком случае, уже в письме И.И. Дмитриеву (не позднее 3 апреля 1803 г.) Резанов сообщил, что император постепенно уговорил его принять на себя посольство в Японию. "Теперь готовлюсь к походу, – писал Резанов. – Два корабля купеческих, купленных в Лондоне, отдаются в мое начальство. Они снабжены приличным экипажем, в миссию со мною назначаются гвардии офицеры, а вообще для путешествия учинена экспедиция. Путь мой из Кронштадта в Портсмут, оттуда в Teneriff, потом в Бразилию и, обойдя кап Горн, в Вальпарезо, оттуда в Сандвичевы острова, наконец, в Японию и на 1805 год – зимовать в Камчатку. Оттуда пойду в Уналашку, в Кадьяк, в Принц–Виллиам–Зунд и спущусь к Ноотке, от которой возвращусь в Кадьяк и, нагрузясь товарами, пойду в Кантон, в Филиппинские острова... Возвращаться буду кругом мыса Доброй Надежды"¹⁵.

Из этого же письма видно, что Резанов на протяжении длительного времени тяжело переживал безвременную кончину в октябре 1802 г. своей жены Анны Григорьевны (1780–1802), и согласие отправиться в кругосветное плавание должно было вернуть его к активной жизни.

Между тем в соответствии с более ранним "соизволением" императора РАК приняла Крузенштерна на свою службу и 29 мая 1803 г. препоручила в его "начальство" два корабля, именуемые "Надежда" и "Нева". В специальном дополнении к п. XIV инструкции Главного правления РАК правление извещало о назначении Резанова главой посольства в Японию и уполномочивало "его полным хозяйским лицом не только во время вояжа, но и в Америке"¹⁶.

И наконец 10 июля 1803 г. Александр I утвердил официальные инструкции Резанову, в которых ясно были выделены слова: "Сии оба судна (т.е. "Надежда" и "Нева". – *Н.Б.*) с офицерами и служителями, в службе компании находящимися, поручаются начальству вашему"¹⁷. Одновременно Резанов получил детальные указания в отношении его дипломатической миссии, а несколько ранее Александр I подписал "небожителю" – "самодержавнейшему государю обширнейшей империи Японска" – письмо с предложением о развитии торговли и установлении добрососедских отношений¹⁸.

"Живейшее и деятельное участие" в экспедиции проявила Императорская академия наук, о чем сообщил ее президент, один из молодых и образованных друзей Александра I, член Негласного комитета граф Н.Н. Новосильцев. По его предложению Академия наук, "убежденная, что путешествие, предпринимаемое г-ном Резановым, будет плодотворным также и в научном отношении", приняла его в число своих почетных членов¹⁹. Академия, в частности В.М. Севергин, А.Ф. Севастьянов и Сме-

¹⁵ См. Русский архив, 1866, № 9, с. 1331–1334; ИРТО, т. 3, с. 52–53.

¹⁶ См. Инструкцию Главного правления РАК И.Ф. Крузенштерну, 29 мая 1803 г. – Исторический архив, 1962, № 6, с. 89–95; ИРТО, т. 3, с. 54–60.

¹⁷ Н.П. Румянцев – Н.П. Резанову, 10 июля 1803 г. – ВПР, т. 1, с. 492. Несмотря на всю определенность и однозначность предписания правительства с поручением Резанову начальства над обоими судами, в инструкции Главного правления РАК даже с учетом специального дополнения и XVI пункту сохранилась некоторая неясность, поскольку общие полномочия "его превосходительства" сопровождалась оговоркой о предоставлении "полному распоряжению" Крузенштерна "управление во время вояжа судами и экипажем, и бережением оною, как частию единственному искусству, знанию и опытности вашей принадлежащей". – ИРТО, т. 3, с. 60. Учитывая традиционное единоначалие капитана во время морского плавания, эта "неясность" в какой-то мере могла повлечь в будущем определенные осложнения.

¹⁸ Н.П. Румянцев – Н.П. Резанову, 10 июля 1803 г. – ИРТО, т. 3, с. 71–74; Александр I – японскому императору 30 июня (12 июля) 1803 г. – ИРТО, т. 3, с. 69–70; Русская старина, 1895, июль, с. 136–138.

¹⁹ ИРТО, т. 3, с. 64–65, 68–69; Протоколы заседаний конференции Императорской академии наук с 1725 по 1803 гг. (далее – ПЗКИАН). СПб., 1911, т. 4, с. 1094.

ловский, разработала научную программу наблюдений "в трех царствах природы", а академику П.Б. Иноходцеву еще ранее поручили стать наставником Крузенштерна в части "практической астрономии"²⁰.

В экспедиции участвовали ученые – ботаник В.Г. Тилезиус, доктор медицины Гёттингенского университета Г.И. Лангсдорф, астроном И.К. Горнер, рекомендованный знаменитым австрийским ученым Ф.К. Цахом, доктора медицины Брыкин и Лабанд, живописец С. Курляндцев и др.²¹

С особой тщательностью был подобран командный состав кораблей. Наряду с Крузенштерном в плавании участвовали Ю.Ф. Лисянский, командовавший "Невой", и ставшие впоследствии знаменитыми мореплавателями М.М. Ратманов, О.Е. Коцебу, Ф.Ф. Беллинсгаузен и др. Самым внимательным образом командиры выбрали и команды своих кораблей. "Желание увидеть отдаленные страны было так велико, – писал Крузенштерн, – что если бы принять всех охотников... то мог бы укомплектовать и многие и большие корабли отборными матросами Российского флота". Хотя Крузенштерну советовали принять несколько иностранных матросов, он, "зная преимущественные свойства российских... совету сему последовать не согласился"²².

Менее удачным оказался подбор свиты посланника, в которую вошли надворный советник Ф. Фоссе, майор Е.К. Фридрици, поручик граф Ф.И. Толстой (о последнем очень резко отзывался впоследствии А.С. Пушкин) и др. Впрочем, сам Резанов стремился привлечь к экспедиции наиболее образованных и знающих лиц и, в частности, уговаривал отправиться в плавание префекта Александро-Невской духовной академии Е.А. Болховитинова (1767–1837), ставшего позднее членом Российской и Императорской Академий наук и митрополитом Киевским Евгением. Резанов знал о его научных заслугах и имел с ним несколько общих знакомых, в первую очередь, Н.П. Румянцева и Г.Р. Державина. Выяснилось, однако, что Евгения не прельщали заграничные путешествия и слава первооткрывателя. С помощью Румянцева он смог отклонить уже согласованное с царем предложение.

Сообщая об этом одному из своих близких друзей, сам Евгений свидетельствовал: "Резанов, будучи мне коротко знаком, звал меня в сию экспедицию. Но Бог с ним! Пусть он один Куком будет. Не завидны мне все его азиатские почести. Он даже государю докладывал обо мне. Но, спасибо, граф Румянцев отклонил сие внимание на бедную мою голову. Лучше с вами проживем в России"²³.

Вместо Евгения в кругосветное путешествие отправился соборный иеромонах Александро-Невской лавры Гедеон (Гавриил Федотов), который был образованным и опытным педагогом, преподававшим французский язык, риторiku и математику²⁴. Преподавательский опыт и знания весьма пригодились Гедеону во время его пребывания в Америке, где он стал деятельным исполнителем замыслов Резанова "к утверждению между россиянами и американцами доброго согласия", поскольку "они составляют теперь один народ российский" и заинтересованы "сохранением повсюду взаимной пользы, уважением человечества и повиновением начальству"²⁵.

Резанов поручил Гедеону принять в особое попечение "кадыкскую школу и

²⁰ ПЗКИАН, т. 4, с. 1032–1033; ИРТО, т. 3, с. 48–49, 63–64; Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ), ф. Главный архив 1–7, 1802, д. 1, п. 29, л. 3–15, 16–19.

²¹ Резанов Н.П. Первое путешествие россиян около света, описанное Н. Резановым, чрезвычайным посланником ко Двору Японскому, и проч. – Отечественные записки, 4. 10. № 25 (май 1822), с. 215.

²² Крузенштерн И.Ф. Указ. соч., с. 21.

²³ Евгений – В.И. Македонцу, 29 мая 1803 г. – Русский архив, 1870, № 4–5, с. 825–826; Штурло В. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни 1767–1804. СПб., 1888, с. 366. Дружба Евгения с Румянцевым и Державиным продолжалась на протяжении многих лет. – Переписка митрополита Киевского Евгения с гос. канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым..., вып. 1–3. Воронеж, 1868–1872; Грот Я.К. Переписка Евгения с Державиным. – Сборник 2-го отделения Академии наук, т. V, ч. 1, с. 65–216. Именно ему была посвящена поэма Державина "Евгению. Жизнь Званская".

²⁴ Ляпунова Р.Г. Записки иеромонаха Гедеона (1803–1807) – один из источников по истории и этнографии Русской Америки. – Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1974, с. 218–219.

²⁵ Н.П. Резанов – Гедеону 25 декабря 1803 г. – Русская Америка. М., 1994, с. 46.

образовать в одной правильное училище... Ежели юношество там обучено уже грамоте, то дайте им истинное понятие о Законе Божием и естественном, займитесь между тем показанием им правил правописания, арифметики и положите первоначальные основания прочим наукам.

Хлебопашество, скотоводство и прочия хозяйственные заведения, хотя и не принадлежат к предметам в. пр-бия, но я вас как мужа просвещенного покорнейше прошу... не оставить начальство тамошнее вашими советами и содействовать к общей пользе и благосостоянию края того"²⁶.

Содействуя просвещению колоний, президенты императорских академий наук и художеств Н.Н. Новосильцев и А.С. Строганов прислали для экспедиции ценные собрания книг, ландкарты, картины, бюсты, эстампы; управляющий министерством морских сил П.В. Чичагов – модели и чертежи судов; Н.П. Румянцев – "прекрасное собрание путешествий и книг хозяйственных"²⁷. Их примеру последовали многие другие лица, включая писателей И.И. Дмитриева и М.М. Хераскова, издателя П.П. Бекетова и др. Эта ценная коллекция была доставлена на корабле "Нева" на остров Кадьяк, а впоследствии ее перевезли в новую столицу колонии Ново-Архангельск.

Содействие экспедиции было оказано и по официальным каналам. Министр иностранных дел канцлер А.Р. Воронцов предписал русским представителям в Англии, Испании, Франции, Португалии и Нидерландах просить соответствующие правительства оказать необходимое содействие экспедиции, если она посетит территориальные воды их владений. Британский посол в России Д.Б. Уоррен, а также ряд других иностранных дипломатов в Петербурге дали экспедиции открытый лист об оказании ей в своих владениях необходимой помощи"²⁸.

После тщательных приготовлений 26 июля 1803 г. "Надежда" и "Нева" покинули Кронштадт. Кругосветное плавание началось"²⁹.

Через Копенгаген, Фальмут, Тенериф, к берегам Бразилии, а затем вокруг мыса Горн экспедиция достигла Маркизских и к июню 1804 г. – Гавайских островов. Здесь корабли разделились: "Надежда" отправилась к Петропавловску-на-Камчатке, а "Нева" пошла на остров Кадьяк, куда под крики "ура" прибыла 13 июля.

В это время А.А. Баранов уже покинул Кадьяк и отправился к острову Ситха для восстановления своей власти на острове и наказания независимых индейцев-тлинкитов, уничтоживших русское поселение. Поэтому "Нева" в августе отправилась ему на помощь. Попытки мирного разрешения конфликта с индейцами окончились неудачно и 1 октября Баранов при поддержке отряда моряков во главе с лейтенантом П.П. Арбузовым предприняли штурм тлинкитской крепости. По отзыву последнего, "пушки были уже у самых ворот, и несколько выстрелов решили бы победу в нашу пользу, но трусость кадьякцев все испортила. Г. Баранов и г. Павалишин и все матросы, в деле сем находившиеся, были ранены, ис коих один матрос на другой день умер"³⁰.

Через несколько дней, испытывая недостаток в порохе и пулях, тлинкиты (их было не менее 800 человек мужского пола) решились "все бросить и бежать лесом"

²⁶ Там же, с. 46–47.

²⁷ Резанов Н.П. Указ. соч., с. 216.

²⁸ АВПРИ, ф. Главный архив 1–7, 1802, д. 1, л. 23–25, п. 24, л. 4–5; ИРТО, т. 3, с. 79, 250–251.

²⁹ Об этой экспедиции существует обширная специальная литература и богатые архивные материалы. Большую ценность представляют, в частности, записки самих участников экспедиции – Крузенштерна и Лисянского: *Крузенштерн И.Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах по повелению его императорского величества Александра Первого на кораблях "Надежда" и "Нева" Ч. 1–3. СПб., 1809–1812; *Лисянский Ю.Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах по повелению его императорского величества Александра Первого на корабле "Нева" под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана I ранга и кавалера Юрия Лисянского. Ч. 1–2. СПб., 1812; а также Ф. Шемелина, Г.И. Лангсдорфа, Н.П. Резанова, В.Г. Тилезуса и др. Многочисленные документальные материалы опубликованы в таких известных изданиях, как ВПР, т. 1, 2. М., 1960–1961; Россия и США. М., 1980, ИРТО, т. 3. М., 1994. Подробную библиографию см. ИРТО, т. 3, с. 258–264.

³⁰ Лисянский Ю.Ф. Указ. соч., ч. 2, с. 24.

"В крепости нашли мы, – писал Лисянский, – около 100 наших пушечных ядер... и две оставленные неприятелем небольшие пушки"³¹.

Командир "Невы" оказался едва ли не первым, кто оценил все выгоды месторасположения крепости, основанной русскими на неприступной горе на берегу обширного залива. По мнению Лисянского, Ново-Архангельск "должен быть главным портом Российско-Американской компании потому, что оный, исключая все вышеупомянутые выгоды, находится в средоточии самых важных промыслов. В окружности оного водится такое множество бобров, что ежели иностранные суда не воспрепятствуют, то каждый год можно будет вывозить оных, по крайней мере тысяч до восьми: нынеж, поелику граждане Соединенных Американских Областей торгуют здесь беспрестанно, то вывоз должно полагать до трех тысяч. Кроме того, Ситкинские деревья могут приносить не малую выгоду, когда наши суда будут чаще ходить в Кантон" Самого высшего мнения Лисянский придерживался и о Баранове, "который по дарованиям своим заслуживал всякого уважения"³².

РЕЗАНОВ И КРУЗЕНШТЕРН

Кругосветное путешествие омрачилось конфликтом по поводу полномочий между Крузенштерном и Резановым. По давней морской традиции во время плавания капитан является полновластным хозяином судна и его слово – закон для экипажа и пассажиров. Не удивительно поэтому, что большинство морских историков почти безоговорочно поддерживали Крузенштерна. "Человек тщеславный, невежественный в морском деле, не имеющий понятия о служебных отношениях во флоте и о важном значении командира в море, – писал В.В. Невский, – Резанов пытался разыгрывать роль начальника экспедиции, дискредитируя Крузенштерна и офицеров, и вызвал этим законное и справедливое их возмущение"³³.

После окончания плавания сам Крузенштерн и другие морские офицеры постарались закрепить версию о своей правоте, что облегчалось тем, что Резанов скоропостижно скончался и защитить себя в Петербурге не мог. Это заставляет историков отнестись к обстоятельствам этого дела особенно внимательно и объективно.

Следует напомнить, что в приводившихся ранее документах и прежде всего в общей инструкции Резанову, утвержденной Александром I 10 июля 1803 г., специально выделялись слова, что "оба судна с офицерами и служителями, и в службе компании находящимися, поручаются начальству вашему"³⁴. Правда, эти инструкции были даны довольно поздно, и Крузенштерн оправдывался позднее, что до плавания он, хотя и получил соответствующие документы, "продержал их, но не читал" (?!). Так или иначе, с самого начала плавания между Крузенштерном и Резановым установились неприязненные отношения, которые вылились весной 1804 г. в открытый конфликт. Поводом для этого послужил малозначительный случай, связанный с распоряжением Резанова приказчику РАК Ф.И. Шемелину на одном из Маркизских островов (Нукихива) "выменивать для Императорской Кунст-камеры" у островитян "разные вещи относительно их одежды и обычаев"³⁵. Крузенштерн, который всегда единовластно регулировал торговлю с местными жителями, потребовал объяснения, собрал экипаж "Надежды" и пригласил с "Невы" Лисянского и Берха. И хотя Резанов представил имевшиеся у него документы и даже зачитал "Высочайшее... поручение начальства", в ответ все офицеры, кроме лейтенанта П.Т. Головачева, заключили тему: "Ступайте, ступайте с вашими указами, нет у нас начальника, кроме Крузенштерна" При этом лейтенант М.И. Ратманов, "ругая поматерну, кричал: "Его скота заколотить в каюту"

³¹ Там же, с. 29–31.

³² Там же, с. 140–141, 209.

³³ Невский В.В. Первое путешествие россиян вокруг света. М., 1951, с. 154.

³⁴ ВПР, т. I, с. 491; АВПРИ, ф. Главный архив, 1802, д. 1, п. 28, л. 3 и далее.

³⁵ Шемелин Ф. Журнал первого путешествия россиян вокруг Земного шара, ч. 1–2. СПб., 1816, ч. 1, с. 116.

"Я едва имел силу уйти в каюту, – сообщал Резанов после прибытия в Петропавловскую гавань в начале июля 1804 г., – и заплатил жестокой болезнью, во время которой доктор ни разу не посетил меня, хотя все известны были, что я едва при конце жизни находился. Ругательства продолжались, и я принужден был, избегая дальнейших дерзостей, сколь ни жестоко мне было проходить экватор, не пользуясь воздухом, высидеть никуда не выходя, до самого окончания путешествия и прибытия в Камчатку вышел первый раз из каюты своей"³⁶.

По просьбе Резанова 1 августа 1804 г. из Нижнекамчатска в Петропавловск прибыл генерал П.И. Кошелев, 60 солдат и два офицера для производства судебного расследования. "Как ни старался Крузенштерн оправдать свои поступки, – пришел к выводу авторитетный исследователь вопроса, – но когда дошло до очных ставок и намерения Кошелева отрешить его от командования судном, он сознался в своей виновности и просил Кошелева принять на себя посредничество в примирении с Резановым" Пользу отечества Резанов поставил "выше всех личных... оскорблений" и согласился оставить свои бумаги без действия, но с "непременным условием, чтобы Крузенштерн и все остальные офицеры... извинились перед ним в присутствии Кошелева". Это предложение было принято.

8 августа Крузенштерн и все офицеры "Надежды" явились в полной парадной форме и принесли официальные извинения. "Сей день, – сообщал Шемелин, – был день радости для всякого подчиненного, развязавшего судьбу многих" Последовали торжественные обеды и ужины. Особенно торжественно происходил обед 21 августа. За здоровье Резанова и Кошелева несколько раз гремели пушечные выстрелы.

Надо отдать должное Резанову, что он не только великодушно простил Крузенштерна и других морских офицеров, которые доставили ему во время плавания столько неприятностей, но и дал самую высокую оценку профессионализму капитана "Надежды", неусыпное старание которого позволило сохранить во время плавания всех людей, кроме вольнонаемного повара, курляндца Ниланда, который "не мог вынести переменных климатов"³⁷.

Свита самого посланника, подобранная менее внимательно, подверглась в Петропавловске существенному изменению. "Жестокая каменная болезнь" лишила живописца академика С. Курляндцева возможности продолжать путешествие, и он был отправлен назад в Петербург в сопровождении "кандидата медицины" Брыкина. Резанов был вынужден исключить из миссии и отправить назад гвардии поручика Ф.И. Толстого, "раздоры во всей экспедиции посеявшего", с предупреждением, "чтоб он не проживал в Москве и действительно к полку явился". Зато миссия пополнилась поручиком Д.И. Кошелевым, капитаном Камчатского гарнизонного батальона И.И. Федоровым, а также почетным караулом из семи "видных солдат с унтер-офицером и барабанщиком". Из-за опасности мести со стороны японцев принявшему во время пребывания в России православие их соотечественнику переводчику Киселеву Резанов вынужден был отправить его в Иркутск. Благодаря своим способностям к языкам сам Резанов за время путешествия сумел в известной мере овладеть японским языком и надеялся "обойтись и без помощи сего переводчика"³⁸.

Во время пребывания на Камчатке команда "Надежды" под руководством Крузенштерна "денно и ночью" проводила работу по "выгрузке такелажа и товаров, починке корабля" и устранению возникшей в походе течи. Уже 18 августа "корабль на рейд вышел", а 26 августа после молебствия и орудийного салюта "Надежда" отправилась в Нагасаки, куда прибыла ровно через месяц.

³⁶ Текст цитируемого письма Резанова начальнику Камчатки П.И. Кошелеву см. *Сгибнев А.* Резанов и Крузенштерн (Эпизод из первого кругосветного плавания русских). – *Древняя и новая Россия*, 1877, № 4, с. 387–389. Позднее к аналогичным выводам и на основе тех же документов пришел К. Военский в статье "Русское посольство в Японию в начале XIX века". – *Русская старина*, 1895, № 7, 10.

³⁷ Н.П. Резанов – Александру I, 16 августа 1804 г. – ИРТО, т. 3, с. 88. См. также письмо Н.П. Резанова о передаче И.Ф. Крузенштерну руководства экспедицией 6 июня 1805 г. – Там же, с. 124.

³⁸ *Шемелин Ф.* Указ. соч., ч. 1, с. 168; ИРТО, т. 3, с. 88–90; *Сгибнев А.* Указ. соч., с. 390–391.

Здесь нет необходимости пересказывать все перипетии длительного и, в конечном счете, безуспешного пребывания российского посольства в Нагасаки. Это уже было сделано в XIX в. К. Военским, а во второй половине XX в. Дж.А. Ленсенем (1959), Э.Я. Файнберг (1960), Л.Н. Кутаковым (1988) и др. Как писал Военский, даже когда Резанову разрешили переехать в дом на берегу, он "был окружен вниманием и всевозможными знаками почтения и уважения, но в сущности все это было не что иное, как почетный плен, который японцы старались замаскировать вежливостью и ссылками на древние обычаи"³⁹. Тем не менее даже в этих условиях Резанов не терял времени даром и стремился создать у японцев наилучшее представление о России и русских. Продолжая усердно заниматься японским языком, он составил краткое русско-японское руководство по изучению языка и словарь, который содержал более 5000 слов и был позднее опубликован в Петербурге.

К удивлению самих японцев "великий сановник Ито" привез весной 1805 г. из Эдо категорический отказ: "Посольство император принять не может", "торговли не желает и просит, чтобы посол выехал из Японии" Не были приняты даже многочисленные подарки, которые были привезены Резановым, поскольку "Япония не столь богата, чтобы ответить равноценными дарами" Чтобы как-то подсластить отказ, "в знак благодарности за гостеприимство, японцам в России оказанное" и их возвращение на родину, "содержание экипажа "Надежды" за все шесть с половиной месяцев и отпуск на разные корабельные надобности материалов приняты на счет кубоского величества", т.е. японского императора. На обратный путь фрегат был снабжен двухмесячным запасом провизии, большим грузом соли, а также подарком "шелковых ват" (25 ящиков)⁴⁰. По свидетельству Резанова, "отказ в торге произвел сильное в народе впечатление" В Нагасаки уже приехали купцы из Эдо, Киото и Осаки. Шемелин писал, что даже "караульные офицеры изъявили послу свое сожаление, и все единодушно роптали на несправедливость своего правительства"⁴¹.

В отказе Японии принять посольство трудно винить Резанова. На протяжении всего своего шестимесячного пребывания в Нагасаки и в переговорах с японскими представителями Резанов вплоть до 23 марта (4 апреля) 1805 г. держался практически безупречно. Его нервы не выдержали лишь, когда совершенно неожиданно он получил категорический отказ. В результате посланник направил японскому правительству меморандум с требованием пересмотреть свое решение и назначить "на Матмае порт, в который можно приходить для торга... два места для учреждения российской фактории" при условии, что "все узаконения японской империи строго будут соблюдаться" В конце меморандума содержалась и прямая угроза в случае вторичного неуважения "принять те меры, которые в народе будут губительны и не возвратные произведут потери"⁴².

Повлиять на развитие событий и тем более изменить их ход меморандум Резанова, конечно, не мог. Решение об отказе было принято и было окончательным. Мнение Крузенштерна, будто Резанов "более заботился о выгоде Российско-американской компании, чем об интересах правительства", ни на чем не основано. Вполне справедливым представляется вывод Военского о том, что "отказ, решенный принципиально в Эдо, произошел вследствие причин посторонних, не зависящих от переговоров, веденных в Нагасаки Резановым" Еще Д.А. Позднеев отмечал борьбу в правительственных кругах Японии различных группировок. И хотя в связях с Россией были заинтересованы торговцы, промышленники и чиновники не только Нагасаки, но и Киото, Осаки и других городов, правительство, приверженное изоляционистским традициям, в своем решении опиралось на меморандум ученых из Эдо, которые

³⁹ Здесь и ниже цитируются материалы: *Военский К.* Указ. соч.

⁴⁰ Н.П. Резанов – И.Ф. Крузенштерну, 28 марта 1805 г. – ИРТО, т. 3, с. 115–116, 252.

⁴¹ *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875. М., 1960, с. 87–88.

⁴² ИРТО, т. 3, с. 115.

считали, что торговля с Россией приведет к проникновению в страну православия и постепенному захвату японских территорий⁴³.

Позиция, занятая японским правительством, вызвала недовольство тех групп купечества и самурайства, которые стремились к отмене изоляции страны от внешнего мира, расширению торговых связей, распространению европейских знаний. Впоследствии японский премьер-министр маркиз Окума Сигенобу отмечал, что "Резанов первый разбудил Японию от глубокого сна" и о нем в стране составилось весьма лестное мнение⁴⁴.

После категорического отказа японского правительства принять посольство и разрешить торговые связи Резанову не оставалось ничего другого, как покинуть 6 (18) апреля Нагасаки и вернуться на Камчатку. После 48-дневного плавания 24 мая 1805 г. "Надежда" вошла в Петропавловскую гавань. Последствия конфликта с Крузенштерном, по всей видимости, все еще сказывались и, как дипломатично писал Ф.И. Шемелин, Резанов "по известным ему причинам" не мог отправиться для обозрения российских владений в Америке на "Надежде". К счастью, в Петропавловской гавани в это время оказался бриг РАК "Мария", что позволило Резанову "неотменно отправиться в Америку", а Крузенштерну идти к острову Сахалин "для исследования и описания берегов его", а затем, посетив Кантон, вернуться в Петербург.

В свою очередь моряки "Невы", закончив изучение владений РАК в Америке, включая острова Кадьяк, Ситха и другие, и загрузившись товарами, 1 сентября 1805 г. отправились в Кантон, где в начале декабря появилась и "Надежда". Успев продать в Кантоне пушнину и закупив китайские товары, оба корабля направились в обратный путь вокруг мыса Доброй Надежды.

14 июня 1805 г. судно "Мария" покинуло Петропавловскую гавань⁴⁵. Началась наиболее важная и, во всяком случае, самая плодотворная часть путешествия Резанова. Хотя плавание на судне "Мария", "кривобоком построенного", сделало путешествие "весьма затруднительным". В конечном счете Резанов добрался до Капитанской гавани, где нашел «два компанейских судна – катер "Св. Константин", и судно "Св. Александр Невский"». Вслед за этим он посетил остров Кадьяк и Ново-Архангельск на острове Баранова (Ситха) и внимательно ознакомился с положением дел.

Находясь на Кадьяке, Резанов поручил отцу Гедеону вместе со служащими компании составить перепись населения колоний, включая коренных жителей Америки, избегать их отягощения разного рода повинностями, заботиться об обучении малолетних грамоте, "и буде, по засвидетельствованию директора школы, окажут к наукам способность, таковых приготавливать к занятию по времени высших ступеней, а других с меньшими дарованиями определять к мастерствам, ремеслам и рукоделиям"⁴⁶.

Учитывая острую потребность Русской Америки в военных судах, Резанов распорядился о постройке в Ново-Архангельске брига "длиною от 80 до 90 футов о 16 пушках", грузоподъемностью до 200 т. во главе с лейтенантом Н.А. Хвостовым и тендера "от 50 до 55 футов о 6 или 8 пушках" под командованием мичмана Г.И. Давыдова "для удобного приближения к берегам"⁴⁷. Соответственно, лично зная "добрую нравственность" корабельных мастеров Колюкина и Попова, Резанов поручил им устройство верфи, "чтобы ежегодно с эленгов по два судна спускать было можно"

⁴³ *Военский К.* Указ. соч.; *Позднеев Д.А.* Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материке Азии и России, т. 1–2. Иокогама, 1909, т. 2, ч. 2, с. 114, 115, 123; *Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. М., 1988, с. 81–84.

⁴⁴ *Файнберг Э.Я.* Указ. соч., с. 91 со ссылкой на кн.: *Новаковский С.И.* Япония и Россия, ч. 1. Токио. 1918, с. 103–104.

⁴⁵ Провожать Резанова с корабля "Надежда", кроме Шемелина, пришел только лейтенант Головачев, отличавшийся благородством, честностью, независимостью характера и не изменивший своего отношения к камергеру до самой разлуки. Такая независимость, по всей видимости, дорого обошлась Головачеву, и на острове Св. Елены 25 апреля 1806 г. он застрелился. См. *Шемелин Ф.* Указ. соч., ч. 2, с. 215–221, 418–423.

⁴⁶ Н.П. Резанов – Кадьякской конторе РАК, 6 августа 1805 г. – ИРТО, т. 3, с. 134.

⁴⁷ Н.П. Резанов – А.А. Баранову, 27 августа 1805 г. – Там же, с. 135.

Особого внимания заслуживает деятельность Резанова и Гедеона по распространению в колониях просвещения. Училище для мальчиков под руководством Гедеона было существенно расширено с обязательством "принимать на содержание компании всех детей мужского пола без всякого различия по происхождению" Кроме того, с каждым транспортом надлежало отправлять по 10 человек в Москву или Санкт-Петербург на пять лет "для обучения наукам, мастерствам и ремеслам"⁴⁸.

Весьма критически Резанов отнесся к деятельности духовной миссии, которая формально крестила "несколько тысяч", но не сумела "входить в обширные виды ни правительства, ни компании" Он стыдил монахов, "что не знают они Американского языка по сие время", и поручил им "собирать словарь", чтобы "не только все молитвы, но и самые проповеди на Американском языке сочиняемы были" Поскольку "всякое новое дело медведем кажется", Резанов сам приступил "к сочинению словаря сего, который довольных мне трудов стоил", и просил Главное правление РАК напечатать его "в пользу Американских училищ"⁴⁹.

Как показала Р.Г. Ляпунова⁵⁰, основная заслуга в возрождении училища на Кадыке принадлежала Гедеону, который с марта 1805 г. стал "главным директором" Уже в августе число учащихся возросло до 50 человек, а в следующем 1806 г. достигло 100 человек, включая тлинкитов, или, как их называли русские, "колошей", принявших "греко-российскую православную веру"

Из воспитанников Гедеона были подготовлены и учителя кадыкского училища, в частности Парамон Чумовицкий, который по предписанию Резанова начал подготовку словаря и грамматики местного языка. После своего отъезда из Русской Америки в июне 1807 г. Гедеон назначил своим преемником отца Германа, оставив ему "наставления" по делам духовной миссии и училищу. "С удовольствием поручаю особенному Вашего преподобия попечению заведенное мною Российско-Американское училище, – писал Гедеон. – В первом отделе должны обучаться чтению, письму и краткому катехизису; во втором – грамматике, арифметике, священной и светской истории и географии. Кроме того, не забывайте предметы, относящиеся к хозяйственной части; занимайтесь вместо отдыха, как приуготовить огороды, садить и сеять овощи, полоть, собирать нужные травы, коренья... Учителем признан Иван Кадыкский, товарищем его Христофор Прянишников и помощником при них Алексей Котельников. Парамону Чумовицкому при спомоществовании других вверено собирание словаря алеутского языка; он должен быть и переводчиком при вас. Также за отрядом учеников земледелия имейте должное смотрение и прилежание"⁵¹.

Самой острой проблемой, однако, стало снабжение Русской Америки продовольствием. Осенью 1805 г. колонии оказались перед угрозой настоящего голода. Для решения этой проблемы Резанов 24 сентября заключил контракт с американским торговцем Дж. д'Вульфом о приобретении судна "Юнона" с вооружением и грузом за 68 тыс. испанских пиастров. Для обратного пути Дж. д'Вульфу с экипажем предоставлялось судно "Ермак", а также вексель на 31 750 испанских пиастров на Главное правление РАК в Санкт-Петербурге⁵².

Сообщая Александру I о своем пребывании на Ситхе, Резанов писал, что "нашел здесь до 200 россиян и более 300 кадыкских американцев без всякой пищи и запасов... Предваряя бедствие, решился у бостонцев купить трехмачтовое судно со всем грузом

⁴⁸ Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. I–II. СПб, 1861–1863, ч. I, с. 139.

⁴⁹ Н.П. Резанов – Главному управлению РАК, 6 ноября 1806 г. – Тихменев П.А. Указ. соч., ч. 2. Приложение, с. 215.

⁵⁰ Ляпунова Р.Г. Указ. соч., с. 225; The Round the World Voyage of Hieromonk Gideon, 1803–1807. Kingston, 1989, p. 109.

⁵¹ Гедеон – отцу Герману, 11 июня 1807 г. – РГИА, ф. 795, 1809 г., оп. 90, д. 273, л. 69; The Round the World Voyage of Hieromonk Gideon, p. 118–119.

⁵² ИРТО, т. 3, с. 136–147; D'Wolf J. A Voyage to the North Pacific and a Journey Thru Siberia More than a Half Century Ago. Cambridge (Mass.), 1861.

его и некоторыми остатками жизненных припасов, которые... при умеренной нашей пище до весны всех облегчили... а как впереди та же к голодной смерти перспектива, то должен я идти в Калифорнию и просить у Гишпанского правительства в покупке жизненных припасов помощи"⁵³.

ЭКСПЕДИЦИЯ В КАЛИФОРНИЮ

25 февраля 1806 г. на корабле "Юнона" под командованием лейтенанта Н.А. Хвостова Резанов "с неопытными и цинготными людьми" отправился из Ново-Архангельска в Калифорнию "на риск с тем, чтоб или – спасти Области, или – погибнуть" и через месяц достиг залива Сан-Франциско⁵⁴.

Назвавшись "главным начальником" русских колоний в Америке, Резанов вступил в переговоры с местными властями. Для встречи с ним в апреле в Сан-Франциско приехал губернатор Верхней Калифорнии Хосе Арильяга. "Я искренне скажу Вам, – заявив Резанов губернатору, – что нужен нам хлеб, который получить можем мы из Кантона, но как Калифорния к нам ближе и имеет в нем избытки, которых никуда сбыть не может, то приехал я поговорить с Вами, как начальником мест сих, уверяя, что можем мы предварительно постановить меры и послать на благоразсмотрение и утверждение дворов наших"

Задача, стоявшая перед Резановым, была исключительно сложной. Мадридский двор тщательно ограждал свои колониальные владения от всяких внешних связей и строго запрещал любые контакты с иностранцами. Местные власти в колониях, хотя и испытывали большие затруднения от этого запрещения, не смели его открыто нарушать. За время своего шестинедельного пребывания в Калифорнии Резанов сумел проявить незаурядные дипломатические способности и завоевать расположение местного испанского начальства. Царский камергер и гордые испанцы довольно быстро нашли общий язык. Резанов сочувственно выслушивал их жалобы на "наглость бостонцев", суда которых "беспреданно смуглируют по берегам", "потаенную торговлю производят" и "всеми наглостями ищут средств... водвориться в испанских владениях"⁵⁵.

Со своей стороны калифорнийский губернатор "с большим удовольствием" выслушивал рассуждения собеседника о развитии "взаимной торговли" между американскими областями обеих держав, в результате чего "колонии процветать будут", а "берега наши, составляя взаимную между собой связь, всегда обеими державами равно будут защищаемы, и никто уже между ними водвориться не отважится"

Пребывание Резанова в Калифорнии и его переговоры с испанскими властями оказались неразрывно связаны с одной из самых романтических историй того времени. Будучи "обласкан" в доме команданте Сан-Франциско Хосе Дарио Аргуэльо, Резанов сблизился с его юной дочерью, прекрасной Концепсьон (Maria de la Concepción Marcella), или, как ее называли в семье, Кончитой, которая слыла "красою Калифорнии". В "исповеди частных своих приключений" графу Румянцеву Резанов писал: "Ежедневно куртизируя Гишпанскую красавицу, приметил я предприимчивый характер ее, честолюбие неограниченное, которое при пятнадцатилетнем ее возрасте уже только

⁵³ Н.П. Резанов – Александру I, 15 февраля 1806 г. – ИРТО, т. 3, с. 144.

⁵⁴ Поездка Резанова в Калифорнию получила детальное освещение в его пространном секретном донесении Н.П. Румянцеву от 17 (29) июня 1806 г., которое неоднократно цитируется ниже, см.: АВПРИ, Главный архив, 1–7, 1802, д. 1, л. 34, л. 20–62. Впервые опубликовано с сокращениями: Тихменев П.А. Указ. соч., ч. 2, Приложение, с. 253–281. Последняя публикация в сборнике "Взгляд в историю – взгляд в будущее". Сост. А.Н. Николоюкин. М., 1987, с. 51–77. Следует иметь в виду, что это письмо было написано в нескольких экземплярах, которые в деталях отличаются друг от друга. См. также: РГИА, ф. 13, оп. 1, д. 687, л. 1–21 (конец донесения в деле отсутствует).

⁵⁵ Подробно о появлении первых бостонских судов в Калифорнии и их конфликте с испанскими властями см.: *Ogden A. The California Sea Otter Trade, 1784–1848. Berkeley – Los Angeles, 1941, p. 32–44; Gibson J.R. Otter Skins, Boston Ships and China Goods. The Maritime Fur Trade of the Northwest Coast. 1785–1841. Montreal, 1992, p. 36–61.*

одной ей из всего семейства делало отчизну ее неприятною. Всегда в шутках отзывалась она о ней: "Прекрасная земля, теплый климат, хлеба и скота много, и больше ничего". Я представлял ей Российский посуровее, и при том во всем изобильный, она была готова жить в нем, и наконец нечувствительно поселил я в ней нетерпеливость услышать от меня что-либо посерьезнее до того, что лишь предложил ей руку, то и получил согласие. Предложение мое сразило воспитанных в фанатизме ее родителей, разность религий и впереди разлука с дочерью были для них громовым ударом. Они прибегли к миссионерам. Те не знали, как решиться, возили бедную Концепсию в церковь, исповедывали ее, убеждали к отказу, но решимость ее наконец всех успокоила. Святые отцы оставили разрешению римского престола, и я ежели не мог окончить женитьбой моей, то сделал на то кондиционный акт и принудил помолвить нас, на что соглашено с тем, чтоб до разрешения Папы сие было тайною"⁵⁶.

История любви Резанова и Концепсьон де Аргуэльо породила большую литературу. Для того, чтобы придать своему повествованию более занимательный характер, историки и литераторы не скупилась на разного рода красочные детали, и самого Резанова в английских изданиях обычно именовали "графом". Именно так называл Резанова Ф. Брет Гарт в своей поэме в 1874 г., возможно потому, что рифмовать слово "граф" (Count) легче, чем "камергер" (Chamberlain)⁵⁷. Искренняя любовь к 40-летнему камергеру доставила прекрасной Концепсьон слишком мало радости и слишком много печали, но зато помогла Русской Америке пережить один из наиболее трудных периодов ее истории. Разнообразные продовольственные товары и прежде всего хлеб после помолвки Резанова в таком изобилии потекли в трюмы "Юноны", что пришлось просить "остановить возку", так как судно не могло принять более 4300 пудов. "Начальный опыт торговли с Калифорнией" оказался, таким образом, весьма удачным. Как отмечал Резанов, "каждогодно" эта торговля может производиться "по малой мере на миллион рублей. Американские области наши не будут иметь недостатка; Камчатка и Охотск могут снабжаться хлебом и другими припасами; якуты, ныне возкой хлеба отягощенные, получают спокойствие; казна уменьшит издержки, на продовольствие военных чинов употребляемые... таможи дадут новый доход короне, внутренняя в России промышленность получит чувствительное ободрение"

Перед своим отъездом из Сан-Франциско Резанов обратился со специальным письмом к вице-королю Новой Испании Хосе Итурригараю, в котором подробно обосновал взаимные выгоды от развития торговли: "Новая Калифорния, в изобилии производящая разного рода зерно и скот, может сбывать свои продукты лишь в наши поселения, – писал Резанов вице-королю в Мехико, – она может быстрее всего находить помощь, получая все необходимое посредством торговли с нашими областями; лучшим средством добиться благосостояния миссий и привести страну к процветанию является обмен излишков ее продукции на товары, за которые не нужно платить наличными и ввоз которых не связан с трудностями... В той же мере близость перевозок облегчит существование наших поселений на Севере, которые ныне завозят издалека все то, в чем им отказывает суровость климата". Эти связи, по мнению Резанова, предопределены "самой природой" и призваны "навсегда сохранить дружбу между обеими державами, владеющими столь обширными территориями"⁵⁸.

Резанов прекрасно разбирался в политике, обладал большим кругозором, широким видением событий, чем, кстати, и пленил воображение своей юной невесты в Ка-

⁵⁶ Н.П. Резанов – Н.П. Румянцеву, 17 (29) июня 1806 г. – *Тихменев П.А.* Указ. соч., ч. 2, Приложение, с. 264–265. В другом варианте письма (РГИА, ф. 13, оп. 1, д. 687, л. 15) имеются такие слова: "Прекрасная Концепсия умножала день ото дня ко мне вежливости, разные интересные в положении моем услуги ее и искренность, на которые долгое время я смотрел равнодушно, начали не приметно наполнять пустоту в моем сердце". Вспомним, что жена Н.П. Резанова, Анна Григорьевна, скончалась в Петербурге осенью 1802 г. в возрасте 22 лет.

⁵⁷ *Iverson E. Nikolai Resanov and Concepcion Arguello: A Tale of Old California. The Siren Song of Poetry and Romance has led Historians Astray.* – *California Historian*, v. 42, № 4, Summer, 1996, p. 6. Ив Иверсон составила также подробную библиографию любовной истории Концепсьон и Николая, занимающую 16 страниц.

⁵⁸ Н.П. Резанов – Х. Итурригараю, 5(17) мая 1806 г. – ВПР, т. 3, с. 692.

лифорнии. Он принадлежал к той плеяде государственных деятелей России (Н.П. Румянцев, Н.С. Мордвинов и др.), которые видели вслед за Петром I огромные перспективы для России на Дальнем Востоке, в Северной Америке и на всем Тихоокеанском севере. Как и Шелихов, Резанов был настоящим строителем империи, одним из последних, наряду с главным правителем Русской Америки А.А. Барановым, кто попытался осуществить свою программу в этом районе на практике.

Летом 1806 г., предчувствуя свою возможную смерть, Резанов оставил Баранову "секретное предписание", в котором касался "многих предметов для того, чтобы на смертный обоих нас с вами случай видели преемники наши, что было о благоустройстве помышляемо, и при получении ими способов не опустили привести в исполнение те предложения, к которым на сей раз мы достаточных сил не имеем"⁵⁹.

Покидая "Северо-западный берег Америки", Резанов в первую очередь обращал внимание на важность создания в колониях постоянного населения и рекомендовал поощрять законтрактованных лиц соглашаться на постоянное жительство⁶⁰. Для поощрения строительства домов, заведения огородов, обустройства предлагалось передавать им землю "в вечное и потомственное владение" Русские колонии намечалось "обезопасить военным гарнизоном", для чего Резанов планировал "на первый раз" выслать "57 пушек и 4 мартиры с приличным числом военных снарядов", а затем ежегодно "со всяким из Петербурга транспортом" высылать 250 пудов пороха и 600 пудов свинца. Руководству РАК он предложил учредить в колониях пильный завод, госпиталь, церковь. Специальным распоряжением от 15 февраля 1806 г. действительный камергер и обер-прокурор Сената учредил выборный "суд под названием расправы промышленных и американцев", которому вменялось в обязанность "сопрягать правосудие с кротостью"⁶¹.

Значительный интерес представляют практические действия и соображения Резанова о развитии торговых связей и получении продовольствия из Калифорнии, Японии, Филиппинских островов и ряда других мест. "Самым надежнейшим средством" обеспечить снабжение русских поселений в Америке хлебом он считал "водворение" русских на "берегах Нового Альбиона" Этой же цели должны были служить "получение из Бостона нужного количества хлеба, который всегда в половину охотских цен обойдется" (п. VII), покупка судов у "Американских Штатов" (п. III) и т.д.

Среди других мер по улучшению управления Русской Америкой Резанов предлагал осуществить разделение руководства гражданскими и торговыми делами, так как их совмещение в одних руках не могло не вести к произволу и злоупотреблениям, открывать школы и больницы и направить в колонии новых священников.

Учитывая недостаток денег, Резанов предложил правлению РАК "сверх обещанных билетов... выбить особую для здешнего края монету" В этом случае он предвидел "умножение" промысла, сельского хозяйства и торговли. "Приходящие сюда на зимовку иностранные суда будут также данниками трудов жителей. Словом: теперь все мертво, но тогда единым обращением монеты весь край оживится" (п. X).

"Изъясняя Вам еще на сей раз мысли мои, – заключал Резанов, – оставляю искусству, с которым столь долгое время Вы здешним краем управляете, проводить волну к желаемой точке. Не скрою от Вас, что гордился бы я разделить с Вами труд сей, но обстоятельства к пользам же отечества влекут меня в столицу".

⁵⁹ Полный текст "секретного предписания" Резанова Баранову от 20 июля (1 августа) 1806 г., состоящего из 17 пунктов, хранится в рукописном отделе Библиотеки Конгресса США в коллекции Г.В. Юдина. – Library of Congress, Manuscript Division. G.V. Yudin Collection, Box 1, Folder 11. Заверенная копия. Отрывок из этого "завещания" (п. VII) опубликован в сборнике "Россия и США: становление отношений 1765–1815". М., 1980, с. 293–294. Полный текст см. Alaska History Research Project. Documents Relative to the History of Alaska. Directed by C.F. Robe, v. 1–15. Translated T.J. Lavrischeff. College (Alaska), 1936–1938, v. 9, p. 179–185.

⁶⁰ См. также "Список желающих остаться в Америке людей", где назывались имена и фамилии 34 человек, в основном из мещан и крестьян, "которые женаты на американках и детей имеют". – Library of Congress. Manuscript Division, G.V. Yudin Collection, Box 1.

⁶¹ Ibidem.

Высоко оценивая практическую деятельность и планы Резанова в отношении будущего Русской Америки, Камчатки и всего Тихоокеанского севера, следует отметить, что уже после отъезда из Ново-Архангельска 26 июля 1806 г. он принял свое самое непродуманное и трагическое решение, поручив командиру "Юноны" Н.А. Хвостову осуществить секретную экспедицию к Курильским островам и Сахалину. По всей видимости, посланник тяжело переживал неудачу своей миссии в Японии. Еще в меморандуме японскому правительству он предупреждал, "чтобы японская империя далее северной оконечности острова Матмая отнюдь владений своих не простирала", и грозил в случае "вторичного неуважения" "принять меры" 15 февраля 1806 г. в донесении Александру I Резанов сообщил о своем намерении в будущем году отправиться "к берегам японским" и вытеснить "из Сахалина водворение на нем соседий наших" и прислать в Америку "колонию пленных"⁶².

Теперь, имея в своем распоряжении "Юнону" и построенный в колониях тендер "Авось", Резанов поручил русским морякам войти в губу Анива "и, будя найдете японские суда, истребить их; людей, годных в работу и здоровых", доставить в Ново-Архангельск, а других отправить на северную оконечность Матмая, запретив им посещать Сахалин иначе, "как приезжая для торга, к которому россияне всегда готовы будут" "Чтобы как-то сгладить эти разбойные действия, Резанов обязал Хвостова "всюду сколько можно сохранять человечество, ибо весь предмет жестокости не против частных людей обращен быть должен, но против правительства, которое, лишая их торговли, держит в жестокой неволе и бедности"⁶³.

Теперь можно только удивляться, как образованный и мягкий человек мог решиться на отправку такой экспедиции. Видимо, понимая неправомочность своих действий, Резанов, накануне отъезда из Охотска, нашел нужным изменить инструкцию и поручить Хвостову "все прежде предписанное оставя, следовать вам в Америку к подкреплению людьми порта Ново-Архангельска". Вместе с тем в новом предписании сохранялась оговорка, что "ежели ветры без потери времени обяжут вас зайти в губу Аниву, то старайтесь обласкасть сахалинцев подарками и медалями и взгляните, в каком состоянии водворение японцев в нем находится. Довольно исполнение и сего делает вам чести, а более всего возвращение ваше в Америку, существенную пользу приносящее, должно быть главным и первым предметом вашего усердия"⁶⁴.

Не дав Хвостову каких-либо дополнительных разъяснений, Резанов в тот же день 24 сентября 1806 г. покинул Охотск, а командир "Юноны", решив следовать первоначальной инструкции, отправился в залив Анива, куда прибыл 6 октября, высадился на берег, взял в плен четырех японских купцов, вручил айнским старшинам документы, подтверждающие право России на Южный Сахалин, и сжег японский склад. В мае следующего года "Юнона" под командованием Хвостова и "Авось" под командованием Давыдова посетили Курильские острова. На Итурупе они взяли в плен пять японцев. Трех отпустили, а двух оставили как переводчиков. На Урупе и Кунашире сожгли японские склады, а затем вновь побывали в заливе Анива, где была основана русская колония, просуществовавшая до 1847 г. В письме от 28 мая 1807 г., отправленном через японцев губернатору Эдзо, Хвостов писал, что "соседство России и Японии заставило желать дружеских связей и торговли", но отказ посольству в Нагасаки и "распространение торговли японцев по Курильским островам и Сахалину, яко владениям Российской империи, принудило наконец сию державу употреблять другие меры"⁶⁵.

⁶² ИРТО, т. 3, с. 115, 144.

⁶³ Н.П. Резанов – Н.А. Хвостову, 8 августа 1806 г. – ИРТО, т. 3, с. 151–154. Хотя о действиях Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова в литературе было уже известно, только после публикации текста архивных документов читатели получили возможность составить достаточно полное представление об этих событиях.

⁶⁴ Н.П. Резанов – Н.А. Хвостову, 24 сентября 1806 г. – ИРТО, т. 3, с. 157.

⁶⁵ *Файнберг Э.Я.* Указ. соч., с. 101–102; РГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 183, л. 3–13. Хотя Давыдов не успел завершить обработку журнала плавания тендера "Авось" весной 1807 г., он представляет значительный интерес для исследователей. См. ИРТО, т. 3, с. 172–182.

Начальник Охотского порта капитан 2-го ранга И.Н. Бухарин расценил действия Хвостова и Давыдова как самоуправство и по возвращении кораблей в Охотск арестовал их командиров и подверг строгому допросу. Предприимчивым морякам, однако, удалось бежать и добраться в мае 1808 г. до Петербурга. В связи с войной со Швецией в качестве наказания оба моряка были отправлены в район боевых действий в Финляндии. За отменную храбрость их представили к награждению орденами, но Адмиралтейств-коллегия признала моряков виновными в бесчинствах против японцев, и Александр I в качестве наказания лишил их заслуженного награждения. Жизнь обоих моряков закончилась трагически – 14 октября 1809 г. при разводе мостов они утонули в Неве. Последствием их разбойных действий против японских поселений стало пленение на острове Кунашир в 1811 г. капитана В.М. Головнина и других офицеров шлюпа "Диана", освобожденных только через два года, когда японское правительство убедилось, "что прежнее грабительство" было сделано без ведома российского правительства⁶⁶.

ЭПИЛОГ

Трагической оказалась судьба и Резанова, который на протяжении всего кругосветного плавания чувствовал себя больным. Трудным для посланника оказалось и шестимесячное пребывание в Нагасаки, где он фактически находился под домашним арестом, а также путешествие в Америку. В плохом состоянии Резанов осенью 1806 г. отправился из Охотска "по многотрудному весьма пути верховою ездою" в Якутск. В пути его застигли "морозы и снега", он "жестоко изнурял себя и простудился". С трудом Резанова довезли до Якутска, "где и лечили его дней 10-ть доктором, а потом и до Иркутска доехал в слабом здоровье"⁶⁷.

На всем пути следования Резанова встречали необычайным радушием. "Приехав в Якутск, – писал Резанов первенствующему директору РАК М.М. Булдакову, – видел я благодарность соотчичей моих. Весь город за рекой встретил меня, и наперерыв угощали. Здесь в Иркутске, еще более видел ласки их, меня задавили поздравлениями... Как чиновники, так и граждане давали всякий день праздники, обеды, балы, ужины. Я из благодарности, хотя и без удовольствия, но таскался всюду, и из той же благодарности дал и я всему городу в доме училища на 300 человек обед, бал и ужин, который мне до 2 тыс. рублей стоил". "Как добрый купец" Резанов всюду вникал в дела РАК и "все силы употребил, чтобы в полном виде достичь звания сего". Не зная, как Главное правление отнесется к его плану, Резанов подчеркивал, что "не щадил для него жизни" и так им гордился, "что ничего, кроме признательности потомков" не желал бы. Ежедневно встречаясь с новым сибирским генерал-губернатором И.Б. Пестелем, Резанов много "говорил с ним о компании, о пользах ее, о невозможности Сибири существовать без нее в благоденственном виде". Не без труда он сумел "воспламенить" своими обширнейшими планами колеблющегося генерал-губернатора, который признался, что их свидание "решило для него этот гордиев узел"⁶⁸.

Между тем в результате утомительных встреч и приемов здоровье Резанова продолжало "преметно слабеть", и цитируемое письмо Булдакову по сути дела представляло собой его предсмертную исповедь и завещание. Подводя итоги своей жизни, он не переставал думать о двух любимых им женщинах – покойной жене Анне Григорьевне Шелиховой и своей юной невесте Консепсьон д'Аргуэльо.

"Наконец я в Иркутске! – начинал Резанов это свое самое печальное письмо. – Лишь увидел город сей, то и залился слезами. Я и день, взявшись за перо, лью слезы. Милый, бесценный друг мой живет в сердце моем одинаково! Сегодня день свадьбы

⁶⁶ ИРТО, т. 3, с. 228–229.

⁶⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ), ф. 204, оп. 32, д. 10.

⁶⁸ Н.П. Резанов – М.М. Булдакову, 24–26 января 1807 г. – ИРТО, т. 3, с. 165–167. Оригинал письма см. РГАДА, ф. 1605 (коллекция Г.В. Юдина), д. 273, л. 1–2. Впервые это письмо, хотя и с серьезными дефектами, было опубликовано Н.С. Ольховой по микрокопии в Государственном архиве Красноярского края (ф. 796, оп. 1, д. 273) в газете "Красноярский комсомолец" 20 октября 1987 г.

моей (свадьба Резанова с юной Анной Шелиховой состоялась, когда ей не исполнилось еще и 15 лет. Примерно столько же было в 1806 г. и прекрасной Консепсьон. Минимальный возраст для вступления в брак для женщин в России в то время был 13 лет, а для мужчин – 15 лет. – *Н.Б.*), живо смотрю я на картину прежнего счастья моего, смотрю на все и горько плачу. Я увижу ее прежде тебя... Силы мои меня оставляют. Я день ото дня хуже и слабее. Не знаю, могу ли я дотащиться до вас: разотчусь с собой и со временем и буде нет, то не хочу умирать на дороге и возьму лучше здесь место, в Знаменском, близ отца ее" (т.е. Г.И. Шелихова, который был похоронен на территории Знаменского монастыря в Иркутске).

"Патриотизм заставил меня изнурить все силы мои; я плавал по морям, как утка; страдал от голода, холода, в то же время от обиды и еще вдвое от сердечных ран моих".

В конце письма важная приписка: "Из калифорнийского донесения моего не сочти, мой друг, меня ветренницей. Любовь моя у вас в Невском, под куском мрамора, а здесь – следствие энтузиазма и новая жертва отечеству". Если бы Резанов поставил здесь точку, читатель мог заподозрить его в неискренности в отношении своей юной невесты. Но подтверждая любовь к своей безвременно умершей жене и исповедуясь перед смертью, Резанов счел необходимым сделать следующее добавление: "Контенсия (так в тексте. – *Н.Б.*) мила, как ангел, прекрасна, добра сердцем, любит меня; я люблю ее и плачу о том, что нет ей места в сердце моем. Здесь, друг мой, как грешник на духу, каюсь, но ты, как пастырь мой, сохрани тайну".

Эти слова вряд ли нуждаются в подробных комментариях. Думая перед смертью о своей покойной жене и заботясь о детях, Резанов со слезами хотел выбросить из своего сердца помолвку с Консепсьон, представив ее "как следствие энтузиазма" и жертву Отечеству. Остается, пожалуй, только пояснить, что Резанова огорчило неудовольствие по поводу его поведения графа Румянцева. "Я был огорчен до крайности, – признавался Резанов. – Так что ранее в гроб иду и думаю, что надобно видеть разницу между доброю и дурною нравственностью. Но я не виню графа, потому что нет ему пользы вредить мне, впрочем теперь, слава Богу, все кончилось".

Поражает трагическая тональность этого предсмертного письма. Резанов ясно видел приближение конца и утратил веру в возможность благополучного исхода. Он думал только о прошлом, писал о скорой встрече со своей умершей женой и уже не видел возможности нового счастья. Утрата веры в благополучный исход предопределила и дальнейшие события. Добравшись до Красноярска, он умер 1 (13) марта 1807 г. Как это у нас часто бывает, церковь и памятник в Красноярске были снесены в 1930-х годах. На месте предполагаемого захоронения усилиями общественности не так давно установлен скромный памятный камень с надписью:

Резанов Н.П. 17 $\frac{28}{III}$ 64 – 18 $\frac{14}{III}$ 07

К сожалению, дата смерти при ошибочном переводе на новый стиль (для XIX в. надо прибавлять 12, а не 13 дней) оказалась неверной, и ниже воспроизводится надпись, сделанная на первоначальном памятнике: "Лета 1831-го августа 16-го дня воздвигнут иждивением Российско-Американской компании в ознаменование незабвенных заслуг, оказанных ей Действительным камергером Николаем Петровичем Резановым, который, возвращаясь из Америки в Россию, скончался в городе Красноярске 1-го марта 1807-го года, а погребен 13 числа того же месяца".

В литературе, особенно зарубежной, распространена версия о том, что Консепсьон не было известно о точных обстоятельствах смерти своего возлюбленного вплоть до начала 1842 г., когда ей рассказал об этом директор компании Гудзонова залива сэр Джордж Симпсон, проехавший на пути в Америку через Сибирь и побывавший на могиле Резанова в Красноярске⁶⁹.

⁶⁹ *Петров В.П.* Указ. соч., с. 233; *America and Russia: A Century and a Half of Dramatic Encounters.* Ed. by O. Jensen. New York, 1962, p. 49.

Между тем в 1960-е годы в собрании бумаг И.А. Кускова в Библиотеке им. В.И. Ленина (бывшей Румянцевской, а ныне Российской государственной библиотеке) было обнаружено письмо главного правителя Русской Америки А.А. Баранова отцу невесты Хосе де Аргуэльо и брату Концепсьон, извещавшее о безвременной кончине Резанова⁷⁰.

Баранов сообщил, в частности, что Резанов покинул Ново-Архангельск 27 июля (8 августа) 1806 г., в сентябре благополучно добрался до Охотска и, следуя "по многотрудному весьма пути" в Санкт-Петербург, "занемог и скончался в городе Красноярске 1 (13) числа марта месяца 1807 г." Письмо Баранова свидетельствует также о том, что до своей болезни и смерти на пути в Санкт-Петербург, Резанов, по крайней мере, дважды подтверждал свое намерение выполнить данное им обещание. "По особливой ко мне благосклонности покойного, – указывал Баранов, – извещен я, что в бытность в Санкт-Франциской крепости вступил он с Вашим высокоблагородием в обязанность родства, сговоря прекрасную дочь Вашу Концепцию в законную невесту, обнадежь возвратится через 2 года к Вам" Перед отъездом из Ново-Архангельска, а затем из Охотска Резанов просил Баранова "при случающихся оказиях" подтвердить, "что выполнить он данное слово, в особливую честь себе поставляя всемерно тщиться... немедленно через Кадисский порт Вашего отечества в ныне текущем 1808-м году к Вам отправится". "Но Вышнему проведению, – писал Баранов, – не угодно было исполнить горячее его к родству Вашему желание. Постиг преждевременно общий всем смертный предел, а потому разрешиться должна обязанность и судьбою Вашей прекрасной дочери свободою, о чем за долг себе вменил известить Ваше высокоблагородие при случившейся теперь оказии"

Прекрасная Концепсьон не воспользовалась предоставленной ей свободой и продолжала хранить в сердце верность своему любимому на протяжении 50 лет, вплоть до смерти 23 декабря 1857 г. Не следует думать, однако, что она не принимала активного участия в жизни. Наоборот, все это время она помогала бездомным и голодным, "став чем-то вроде ранней Матери Терезы" В Калифорнии ее знали как "La Beata", "Благословенная" Более того, люди, знавшие Концепсьон, свидетельствовали, что она "распространяла смех и веселье, где бы не появлялась" В последние годы Концепсьон преподавала в Академии Св. Катерины сначала в Монтерее, а затем в Бенишие, где в 1851 г. постриглась, став первой монахиней, рожденной в Калифорнии⁷¹.

Известие о безвременной кончине Резанова быстро распространилось по России. Скептически настроенный митрополит Евгений (Болховитинов) писал из Новгорода в апреле 1807 г.: "Славный наш около света путешественник камергер Резанов, возвращаясь из Охотска в Петербург... по дороге умер прошлого Марта 1-го. Вот и предел славы! In Portu naufragium fecit! Как не сказать: суета суетствий и всяческая суета!!! А он меня еще уговаривал с ним пуститься по океану за славою"⁷².

Преждевременная смерть Резанова не умаляет, однако, его неоспоримых заслуг по обустройству русских владений в Америке. И хотя камергеру не удалось добиться

⁷⁰ Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений, 1775–1815. М., 1966, с. 323; ОР РГБ, ф. 204, к. 32, д. 10; Fedorova S.G. Russian America to the Personal Archival Collections of the Leaders of Russian-American Company. Sitka, Alaska, 1979, p. 21–25 (доклад на конференции). Семья Концепсьон, без сомнения, получила это сообщение, поскольку в 1808 г. Баранов посылал его дважды – через руководителей русских экспедиций в Калифорнию Швецова и Кускова. Последнему Баранов, в частности, писал: "Ежели же по каким ни есть ноне непредвиденным случаем будете иметь способы к сношению для переговоров с комендантом упоминаемой гишпанской Санкт-Франциской крепости г-ном Люизом, сыном бывшего тут прежде комендантом же г-на Акцени, с коим имел приятное свидание и дружбу бывший наш уполномоченный его превосходительство Николай Петрович Резанов в 1806 г. и была сговорена в супружество сестра первого, а дочь последнего прекрасная Концепсия, то известить изначалу о кончине покойного, сообразно письма, данного Швецову, с коего Вам сообщена конья". А.А. Баранов – И.А. Кускову, Ново-Архангельск, 14 (26) октября 1808 г. – ОР РГБ, ф. 204, к. 32, д. 34, л. 27–32; Россия и США: Становление отношений, 1765–1815. М., 1980, с. 346, 348.

⁷¹ Iverson E. Op. cit., p. 8, 11.

⁷² Е.А. Болховитинов – В.И. Македонцу, 27 апреля 1807 г. – Русский Архив, 1870, с. 856.

"открытия торгога" с Японией, успешное путешествие в Калифорнию спасло жителей Русской Америки от реальной угрозы голода.

В начале 1808 г. М.М. Булдаков обратился к Александру I с просьбой "исходатайствовать... согласие мадридского двора" на открытие торговли компании с испанскими владениями в Америке и разрешении "посылать каждый год не более двух своих кораблей в калифорнийские порты: Сант-Франциско, Монтерей и Сант-Диего"⁷³.

Представление РАК не осталось без внимания: 20 апреля (2 мая) 1808 г. министр иностранных дел и коммерции Н.П. Румянцев дал российскому посланнику в Мадриде Г.А. Строганову инструкции добиваться от испанского правительства разрешения на посылку ежегодно двух (а если возможно, то и более) русских кораблей в калифорнийские порты, что могло бы быть оформлено заключением соответствующей конвенции. Со своей стороны, российское правительство готово было разрешить "тамошним кораблям приходить не только в порты российско-американские, но в самую Камчатку, чрез что и откроются торговые сношения, обоим сторонам взаимно полезные"⁷⁴.

Бурные события в Испании весной 1808 г. помешали Строганову выполнить инструкции Румянцева, что видно из его донесения из Мадрида от 28 мая (9 июня)⁷⁵. Надежды Резанова на то, что торговля с Калифорнией "знаменитые и исполинские шаги делать будет", так и остались мечтами.

В то же время кругосветное плавание 1803–1806 гг. открыло целую серию русских путешествий вокруг света. С 1803 по 1849 г. русские моряки совершили 34 кругосветных путешествия – больше, чем англичане и французы, вместе взятые. В дальнейшем такие плавания происходили почти ежегодно, и до 1867 г. их было совершено по неполным данным еще около 40⁷⁶. Все эти путешествия, хотя некоторые из них не были кругосветными, так как происходили в одном полушарии, составили целую эпоху русских исследований Мирового океана, способствовали защите русских владений на Дальнем Востоке и в Америке и приобретению моряками ценного опыта дальних морских плаваний.

⁷³ М.М. Булдаков – Александру I, 28 января (9 февраля) 1808 г. – ВПР, т. 4, с. 163–164.

⁷⁴ Там же, с. 235–236.

⁷⁵ Г.А. Строганов – Н.П. Румянцеву, 28 мая (9 июня) 1808 г. – АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 7513, л. 680 и сл. О событиях 1808 г. см. *Майский И.М.* Испания 1808–1917 гг. М., 1957, с. 42–58.

⁷⁶ *Ивашинцев Н.А.* Русские кругосветные плавания с 1803 по 1849 год. СПб., 1872; *Ivashintsov N.A.* Russian Round-the-World Voyages, 1803–1849 with a Summary of Later Voyages to 1867. Translated by G.R. Burratt. Kingston, 1980, p. 111, 138–149, 150–156 (Later Russian circumnavigations and long voyages).

С.В. КРЕТИНИН

ОТТО БАУЭР (1882–1938) И АВСТРОМАРКСИЗМ

"БОЛЬШЕВИЗМ ИЛИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ?"

После публикации книги "Русская революция и европейский пролетариат" О. Бауэр пристальное внимание уделял событиям в революционной России. Особую актуальность эта тема получила после начала революции в Австрии, когда перед социал-демократами этой страны встала проблема отношения к большевистскому эксперименту и его применимости в Западной Европе.

Вскоре после Октября 1917 г. Бауэр, как и многие другие видные социал-демократы, дал в серии работ свою оценку большевизма. Он попытался разобраться с вопросом о сходствах и различиях между социал-демократическим и коммунистическим движением. Бауэр считал, что с большевизмом "нас связывает единство класса и единство цели. Что нас с ним разъединяет, так это его доктринерство"¹, в основе которого лежит отрицание других методов классовой борьбы, кроме избранных коммунистами.

И в дальнейшем Бауэр постоянно подчеркивал необходимость проявлять "солидарность с великой Русской революцией", протестуя при этом против методов "плебейско-диктаторской фазы буржуазной революции", используемых большевиками². В целом же в первой половине 20-х годов он стоял на позициях традиционного анти-большевизма.

В работе "Большевизм или социал-демократия?" Бауэр писал об октябрьских событиях 1917 г. в России как о "восстании против Керенского"³. Однако общий тон книги все же был явно критическим в отношении того содержания, которое большевики вкладывали на практике в понятие "диктатура пролетариата". В вышедшей годом позже работе "Новый курс в Советской России" Бауэр с традиционных для западной социал-демократии позиций оценил новую экономическую политику большевиков (нэп) как внедрение в экономику элементов государственного капитализма⁴.

Обе эти книги стали объектом резкой критики в Советской России. В.И. Ленин, ознакомившись с работой "Большевизм или социал-демократия?", оценил ее как "насквозь меньшевистский памфлет"⁵. Еще резче отозвался он о "Новом курсе в Советской России", назвав Бауэра, "у которого мы все когда-то учились", "жалким мещанином"⁶.

Бауэр, несмотря на резкую критику его работ Лениным, большевиками, все же надеялся на воссоединение всех ветвей международного рабочего движения. Такая перспектива казалась ему реальной в 1922 г., когда в Берлине собралась объедини-

Окончание. Начало см. № 2 нашего журнала за 1997 г.

¹ *Bauer O. Werkausgabe*, Bd. 1–9. Wien, 1976–1980; Bd. 9, S. 184.

² *Ibid.*, S. 457.

³ *Ibid.*, S. 252.

⁴ *Ibid.*, S. 430.

⁵ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 231.

⁶ Там же, т. 45, с. 84.

тельная конференция трех Интернационалов – Коммунистического (Коминтерна), II (Лондонского) и 2 1/2 (Венского). Однако камнем преткновения на этой конференции стал так называемый "грузинский вопрос"⁷. В речи на конференции Бауэр, затронув проблему Грузии, совершил ловкий политический маневр. "Я убежден, – заявил он, – что падение Грузии является для нас событием из ряда вон выходящим, которое попирает право народов на самоопределение". И тут же оговорился, что Грузия – не единственная страна, где "попирается право на самоопределение" И этот вопрос должен решаться не на уровне рабочих организаций, а на уровне правительств. Задачу же конференции Бауэр видел в том, чтобы сплотить пролетариат в "единый фронт" Неслучайно этот демарш был встречен криками "Совершенно верно!" со стороны делегатов от Коминтерна⁸.

Однако надеждам Бауэра на восстановление былого единства международного рабочего движения не суждено было сбыться. Берлинская конференция не увенчалась успехом. Вместо консолидации разразилась острая идеологическая война, длившаяся на протяжении многих десятилетий, между Коминтерном и воссоединенным Интернационалом западных социал-демократических партий – Социалистическим Рабочим Интернационалом (СРИ).

На Гамбургском конгрессе СРИ (1923 г.) Бауэр резко критиковал деятельность большевиков в России, отмечая, что "на смену контрреволюционному террору большевики принесли свой террор"⁹. Он на одну доску ставил советский и немецкий контрреволюционные "очаги опасности"¹⁰. Бауэр имел в виду вторжение французских войск в Рурскую область.

Однако даже в условиях преобладания антикоммунистических настроений среди западных социал-демократов Бауэр не опустился до воинствующего антисоветизма, как его учитель К. Каутский. Например, оба в 1924 г. написали на смерть Ленина статьи-некрологи. Но если Каутский сравнивал вождя большевиков с Далай-ламой и Бисмарком¹¹, то Бауэр подчеркивал, что "есть только два человека в истории народов, которых можно поставить рядом с Лениным: Оливер Кромвель и Максимилиан Робеспьер"¹². Как видим, Бауэр в отличие от Каутского не отказывал Ленину в сравнении с великими деятелями революций прошлого.

Бауэр, безусловно, внес свой вклад в борьбу с большевизмом. Однако следует констатировать, что в середине 20-х годов, когда в СРИ преобладали антикоммунистические настроения, он мало касался "русского вопроса", не желая, по-видимому, идти на конфронтацию с большинством западной социал-демократии.

Комментируя выступления российских меньшевиков на Втором конгрессе СРИ в Марселе в 1925 г., Бауэр постарался не делать упор на антибольшевистской критике, дипломатично и несколько иронично заявив, что "истинное положение большевизма нам осветила группа ведущих российских социал-демократов" – Р. Абрамович, Ф. Дан, Ю. Мартов. Но главная задача, по мнению Бауэра, состояла не в констатации необходимости свержения власти большевиков, к чему призывали меньшевики, а в выяснении того, готовы ли российские социалисты возглавить эту борьбу¹³. Он опасался, что антибольшевистское восстание привело бы к победе белой контрреволюции в России.

Лейтмотивом всех произведений Бауэра конца 10-х – первой половины 20-х годов, касавшихся России, был вопрос: большевизм или социал-демократия? На наш взгляд, при всей кажущейся безальтернативности в выборе ответа на него, Бауэр так и не

⁷ Незадолго до этого Грузия, провозглашенная грузинскими социал-демократами независимой республикой, была оккупирована советскими войсками, что вызвало резкие протесты западных социал-демократов.

⁸ *Bauer O.* Op. cit., Bd. 6, S. 81.

⁹ *Ibid.*, S. 91.

¹⁰ *Ibid.*, S. 93.

¹¹ *Kautsky K.* Ein Brief über Lenin. – In: *Kautsky gegen Lenin.* Berlin – Bonn, 1981, S. 82.

¹² *Bauer O.* Op. cit., Bd. 9, S. 18.

¹³ *Ibid.*, S. 102.

сумел с ним определиться и замер на перепутье – между умеренной социал-демократией и радикальным коммунизмом. Надо полагать, именно поэтому он получил от большевистских идеологов куда меньше критических стрел в свой адрес, нежели Э. Вандервельде, Р. Гильфердинг, К. Каутский, К. Реннер, П. Ренодель и другие активные критики большевистского коммунизма.

Касааясь отношения Бауэра к советской власти, большевикам, следует отметить, что, признавая достижения большевиков в деле борьбы за мир и против внешней контрреволюции, он постоянно и резко критиковал их за использование террористических, антидемократических методов господства и за конфронтацию с социал-демократическим движением Запада. Бауэр выступал "за демократический путь к социализму в странах Центральной и Западной Европы"¹⁴, в частности в Австрии. Завоевание политической власти в своей стране виделось ему возможным лишь посредством мирных, демократических способов, через институты парламентаризма. Обоснованию этого пути были посвящены его работы середины 20-х годов.

СЕРЕДИНА 20-х: В ПОИСКАХ ТРЕТЬЕГО ПУТИ К СОЦИАЛИЗМУ

Откат революционной волны на Западе и отстранение от власти в Австрии социал-демократии тяжело подействовали даже на такого оптимиста, как Бауэр. В поисках объяснения произошедших изменений в политической жизни страны Бауэр обратился к историческим аналогиям. Он сравнивал ситуацию в Австрии и Западной Европе с "переходным периодом между двумя революционными процессами"¹⁵, который переживала Европа с 1871 по 1914 г. В речи на Линцском съезде 1926 г. Бауэр подчеркивал, что социал-демократии предстоит пережить эпоху "длительного, органического, всестороннего развития классово-борьбы"¹⁶.

Новые условия требовали переосмысления тактики социал-демократии, определения приоритетных направлений в ее деятельности. Причины неудач социалистических преобразований австрийской социал-демократии в годы "равновесия классовых сил" Бауэр усматривал в недостаточной поддержке ее народными массами и в связи с этим призывал шире развернуть разъяснительную и агитационную работу для обеспечения партии полной победы на всеобщих выборах.

Эти идеи, изложенные им в ряде произведений середины 20-х годов, в частности в работе "Борьба за власть" (1924 г.), легли в основу его концепции "количественной демократии". Согласно ей, социал-демократия должна завоевать политическую власть в стране, получив на выборах абсолютное большинство голосов избирателей – 50% + 1 голос. "Цифры доказывают, – писал Бауэр, – что в течение нескольких лет с помощью избирательного бюллетеня мы сможем получить большинство и тем самым завоевать власть в республике"¹⁷. Бауэр подчеркивал, что в борьбе за власть социал-демократия должна была использовать не только методы политической демократии, но также "функциональную демократию" – систему внепарламентского давления масс на правительство, и хозяйственную (экономическую) демократию – систему самоуправления и контроля трудящихся на производстве.

Бауэр исходил из традиционных социал-демократических установок о необходимости определенного периода бескризисного развития капитализма для подъема рабочего движения. Его рассуждения базировались на утверждении, что в годы "высокой конъюнктуры", "процветания" происходит бурное развитие капитализма. Следовательно, растёт количество рабочих, особенно на крупных индустриальных предприятиях, что создаёт благоприятные условия для распространения среди них социалистических идей. В годы же кризисов и депрессий рабочее движение слабо и социал-

¹⁴ Schöler U. Otto Bauer and SowjetruBland. Berlin, 1987, S. 56.

¹⁵ Bauer O. Op. cit., Bd. 2, S. 859.

¹⁶ Ibid., Bd. 5, S. 400.

¹⁷ Ibid., Bd. 4, S. 201.

демократия не имеет такой мощной массовой поддержки, как во время экономического подъема. Таким образом, по Бауэру, "ритмы рабочего движения" напрямую зависят от уровня развития капитализма¹⁸.

Питая иллюзии относительно использования периода мира и спокойствия для решительного наступления на капитализм, Бауэр явно недооценивал факта смягчения классовых противоречий во время экономического подъема. Он не видел роста дифференциации среди рабочего класса, немалая часть представителей которого достигла высокого жизненного уровня и не собиралась рисковать достигнутым ради сомнительных интересов своих собратьев по классу. Бауэр также переоценил перспективы капиталистической стабилизации, ориентируя социал-демократию на длительные, бескризисные годы развития.

Разработанная Бауэром формула мирной, демократической революции, осуществляемой как парламентскими средствами, так и методами непарламентского давления, опиралась не только на умозрительные построения, но и на конкретный опыт, накопленный социал-демократией в годы революции, и сохраненные "острова социализма". Ее основные положения были использованы им при разработке новых программных установок австрийской социал-демократии, в частности в Аграрной программе 1925 г. и новой партийной программе, принятой в 1926 г. на Линцском съезде.

ТРИУМФ В ЛИНЦЕ

К середине 20-х годов социал-демократическая партия Австрии формально руководствовалась в своих действиях Венской программой 1901 г. За четверть века, прошедшие со времени ее принятия, эта программа сильно устарела, и в новых условиях партии необходимо было пересмотреть многие установки. Решением этой задачи и занялся Бауэр.

Главную задачу австрийской социал-демократии на ближайшую перспективу Бауэр видел в завоевании голосов большинства избирателей, что было невозможно без привлечения на свою сторону части непролетарских слоев, прежде всего крестьянства. Несмотря на экономический подъем Австрии в середине 20-х годов, в этой стране был по-прежнему велик слой крестьянства. Начиная с К. Маркса и Ф. Энгельса крестьянское хозяйство рассматривалось социал-демократами как часть мелкобуржуазного сектора экономики. Считалось, что осуществление социалистических преобразований на селе в целом будет идти так же, как и в промышленности. Поэтому никакой особой аграрной программы во II Интернационале выработано не было.

Однако обещанного теоретиками марксизма крушения мелкого сельскохозяйственного производства не произошло, и в послевоенной Европе перед социал-демократией остро встал аграрный вопрос.

При разработке Аграрной программы Бауэр со свойственной ему дотошностью изучил массу литературы. Он консультировался со считавшимся признанным авторитетом в области аграрного вопроса Каутским, направив ему 16 сентября 1925 г. проект Аграрной программы, который он представил партийной комиссии¹⁹.

Обосновывая необходимость принятия Аграрной программы, в статье, приуроченной к съезду партии, Бауэр подчеркивал, что в ближайшее время ожидать таких темпов индустриализации, которые сделали бы "большинством населения одних рабочих и служащих", в Австрии не приходится. Поэтому перед социал-демократией встает задача поиска союзников, наиболее перспективным из которых является крестьянство²⁰.

Аграрная программа состояла из трех взаимосвязанных частей. В первой содержались ближайшие требования по преобразованию сельского хозяйства; во второй – по

¹⁸ Ibid., Bd. 7, S. 364–366.

¹⁹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее – РЦХИДНИ), ф. 213, оп. 1, д. 511, л. 1.

²⁰ Bauer O. Op. cit., Bd. 9, S. 106.

улучшению положения сельского пролетариата, а третья определяла пути перехода к социалистическому сельскому хозяйству.

Первая часть программы предусматривала решение двуединой задачи на селе: ликвидацию феодальных пережитков и освобождение крестьян от гнета капитала. Бауэром был выработан широкий план таких популярных преобразований, как принудительная ликвидация чересполосицы, обязательная мелиорация и строительство дорог в сельской местности, борьба с вредителями, улучшение пород скота и отбор семенного фонда. Для облегчения положения селян предусматривались широкое кредитование со стороны государства, смягчение налогового пресса, введение государственной монополии на ввоз–вывоз продуктов питания, создание сети сельскохозяйственных школ.

Особое внимание в программе уделялось положению наемных рабочих на селе, которые должны были быть приравнены к городским рабочим. При этом Бауэр учитывал и специфику сельского хозяйства: ратуя за 8-часовой рабочий день для сельскохозяйственных рабочих, он оговаривался, что эта норма может повышаться во время посевной и жатвы и снижаться зимой.

Требования двух первых разделов представляли собой программу аграрной реформы в Австрии. При определенных шероховатостях и неясностях (например, не был определен механизм и источники государственного кредитования селян) это была реальная программа, осуществление которой давало толчок развитию сельского хозяйства Австрии по капиталистическому пути. Сложнее обстояло дело с определением путей перехода сельского хозяйства к социализму.

Третий раздел предусматривал отчуждение в собственность государства – "социализацию" – частных и церковных крупных лесных владений, а также национализацию крупных сельскохозяйственных предприятий. Социализация крупных имений допускалась с целым рядом оговорок: если эти имения вклиниваются в крестьянские хозяйства, если они преобладают в данной местности, если земля используется не помещиком, а арендаторами и т.п. Специфику австрийского аграрного сектора Бауэр видел прежде всего в том, что там можно было избежать конфликтов, связанных с разделом помещичьих земель, ибо большинство из них приходилось на лесные угодья.

Главным носителем прогресса в сельском хозяйстве Бауэр признавал крупные аграрные предприятия, создаваемые на кооперативной основе и полностью независимые от владельцев земли. До того как созреют предпосылки для перехода к кооперативному хозяйству, национализированную землю планировалось сдавать в аренду прежним владельцам или оставлять ее у теперешних арендаторов, но под контролем государства²¹.

В явившейся комментарием к Аграрной программе работе "Борьба за землю" Бауэр выражал сомнение относительно неизбежности соединения крестьянских хозяйств при развитии социализма в общественные артели²².

Можно критиковать Аграрную программу Социал-демократической рабочей партии Немецкой Австрии (СДРПНА) за утопизм и несовершенство ее отдельных статей, однако принятие этого документа создавало прецедент, которого еще не знала история социал-демократического движения. Впервые социал-демократическая партия выработала пакет конкретных мероприятий по улучшению положения крестьянства, которое рассматривалось не как обреченный класс, а как союзник в борьбе за политическую власть. Этот факт давал основание сравнивать положения Аграрной программы с большевистской политикой в отношении крестьянства. Один из большевистских идеологов А. Мартынов в связи с этим подчеркивал, что "австрийские

²¹ Das sozialdemokratische Agrarprogramm. Beschlossen vom Parteitag zu Wien an 16. November 1925. – In: Bauer O. Op. cit., Bd. 3, S. 1002–1013; Modelle für die Zukunft. Die österreichische Sozialdemokratie und Ihre Programme. Wien, 1993, S. 44–57.

²² Bauer O. Op. cit., Bd. 3, S. 230. Имеется русский перевод этой работы: Бауэр О. Борьба за землю. Л., 1926.

социал-демократы стремятся в настоящее время в постановке аграрного вопроса подражать большевикам"²³.

Влияние большевистского опыта, несомненно, прослеживается и в отдельных положениях программы. В частности, обращает на себя внимание требование, хотя и половинчатое, раздела крупных земельных владений, а пункт о создании крупных сельскохозяйственных кооперативов опережал и предвосхищал идеи большевистской коллективизации.

Принятая съездом партии аграрная программа получила широкий отклик среди западных социал-демократов. Один из вождей СДПГ Гуго Заупе писал, что разработанная Бауэром "аграрная программа получила широкое освещение в немецкой партийной прессе"²⁴. Аграрная программа явилась своего рода прелюдией к созданию Бауэром новой программы партии. Формально для разработки программы была создана специальная партийная комиссия в составе М. Адлера, Ф. Адлера, К. Реннера, К. Каутского и др. Эта комиссия поручила написать проект программы Бауэру.

Утвердить новую программу должен был съезд партии, открывшийся 30 октября 1926 г. в г. Линце. В своем выступлении по принципиальной части программы Бауэр акцентировал внимание на ее принципиальных новациях, которые заключались в определении "проблем, связанных с переходом от капитализма к социализму"²⁵. В программе отмечалось, что она опирается на опыт международного и австрийского рабочего движения. В частности, было дано определение характера Австрийского государства как "демократической республики" и в соответствии с марксистской концепцией подчеркивалось, что "история демократической республики является историей классовой борьбы между буржуазией и рабочим классом за господство в республике"²⁶.

В программе была зафиксирована бауэровская формула "количественной демократии" о завоевании государственной власти "путем победы на всеобщих выборах" как следствии привлечения большинства народа на свою сторону. Был использован и другой тезис Бауэра: социал-демократическая партия не ставит целью своей борьбы создание коалиционного правительства²⁷.

В третьем параграфе раздела "Борьба за государственную власть" Линцской программы было записано, что СДРПНА, завоевав власть в "демократической республике", будет осуществлять ее демократическими методами. Однако в случае, если возникнет угроза демократии со стороны "реакции и фашизма" и контрреволюционные силы возобладают в стране, "рабочий класс может завоевать государственную власть только через гражданскую войну"²⁸.

В программе подчеркивалось, что социал-демократия привержена демократическим методам управления, но вместе с тем она может использовать и силу для подавления сопротивления классовых врагов: "Если буржуазия будет выступать против переустройства общества, являющегося задачей власти рабочего класса, путем насильственных вооруженных выступлений, путем тайного сговора с иностранной контрреволюцией, то рабочий класс будет вынужден сломить сопротивление буржуазии средствами диктатуры"²⁹.

Этот параграф вызвал наибольшую дискуссию среди участников Линцкого съезда и комментаторов программы. Данная формулировка звучала весьма двусмысленно, поражая созвучностью с основополагающим принципом большевистской концепции диктатуры пролетариата. Конечно, ни о каком заимствовании теоретических положений

²³ Мартынов А. Бауэр и Дан лицом к деревне. О новой аграрной программе австрийской социал-демократии. М.–Л., 1926, с. 3.

²⁴ РЦХИДНИ, ф. 213, оп. 1, д. 539, л. 1об.

²⁵ Bauer O. Op. cit., Bd. 5, S. 420.

²⁶ Programm der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei Dutschösterreichs. Beschlossen vom Parteitag zu Linz an 3. November 1926. – In: Bauer O. Op. cit., Bd. 3, S. 1019.

²⁷ Ibid., S. 1020.

²⁸ Ibid., S. 1024.

²⁹ Ibid., S. 1025.

ний большевизма программой СДРПНА не могло быть и речи. Да и сама постановка вопроса о применимости "средств диктатуры" была не нова. Еще в 1921 г. Бауэр дал определение диктатуры пролетариата, почти дословно совпадавшее с фрагментом Линцской программы о сопротивлении буржуазии власти рабочего класса. В этом случае Бауэр признавал, что демократическому парламенту необходимо действовать "средствами диктатуры" "Тогда, – писал он, – возникает диктатура пролетариата" Но эта диктатура будет отличаться от большевистской тем, что она явится "не диктатурой против демократии, а диктатурой демократии"³⁰.

В программе также закреплялись и другие положения Бауэра, в частности, необходимость развития и использования в борьбе за социализм средств хозяйственной демократии и проведение постепенной социализации, основанной на использовании уже "сконцентрированных самим капитализмом средств производства и обмена"³¹.

Линцская программа в целом сохраняла верность марксистским идеалам, декларируя необходимость свержения власти "класса буржуазии" и проведения широких социалистических мероприятий. Но два момента значительно снижали ценность новых программных установок австрийской социал-демократии. Во-первых, самого употребления терминологии, созвучной с пугающим европейца словосочетанием "диктатура пролетариата", оказалось достаточно, чтобы реакционные круги смогли обвинить австрийскую социал-демократию в том, что она "сразу же по приходу к власти собирается использовать диктаторские методы управления"³². Во-вторых, программа "фиксировала... реформистские иллюзии относительно демократического пути к социализму"³³, что вызывало у социал-демократов чувство самоуспокоения и мешало увидеть реалии наступления сил правой реакции, которые через восемь лет – в феврале 1934 г. – нанесли партии сокрушительный удар.

Принятие Аграрной программы и Линцской "Программы принципов" было огромным успехом, можно даже сказать, триумфом Бауэра. В этих документах нашли отражение практически все его основные теоретические положения, разработкой которых он занимался в послевоенные годы. Особо следует отметить, что новые программные документы во многом были построены на традиционном для Бауэра принципе "золотой середины": он не брал за основу ни аналогичные установки западной социал-демократии, ни положения большевистской теории. В итоге эти программы были ориентированы на поиск своего, особого, австрийского пути к социализму.

Принятие новых программ австрийской социал-демократии, автором которых был Бауэр, сделало его ведущим идеологом международной социал-демократии. Бауэр выдвинулся и на лидирующие позиции в Социалистическом Рабочем Интернационале, который во второй половине 20-х – начале 30-х годов стал неофициальным доменом, вотчиной австрийской социал-демократии. Секретарем этой организации являлся Ф. Адлер; ее патриархом, признанным марксистским теоретиком был австриец по происхождению К. Каутский, который, проживая с 1924 г. в Вене, принимал самое активное участие в деятельности СДРПНА, и, наконец, Бауэр стал главным идеологом СРИ.

Однако триумф Бауэра оказался кратковременным. Вооруженная новым идеологическим оружием СДРПНА уже на апрельских выборах 1927 г. смогла получить более 1,5 млн. голосов избирателей (42%), что давало ей почти половину мест в парламенте. Это был самый большой успех партии за всю ее историю. Казалось, еще одно усилие – и большинство населения пойдет за социал-демократами. Однако события 15 июля 1927 г. поставили крест на этих планах.

³⁰ Ibid., Bd. 2, S. 350.

³¹ Ibid., Bd. 3, S. 1034.

³² Центр хранения историко-документальных коллекций (далее – ЦХИДК), ф. 701, оп. 1, д. 25, л. 15.

³³ Häupl M., Matzka M., Pelinka P. Überholer Austromarxismus? Otto Bauers Bedeutung für Marxisten in der SPÖ – In: Otto Bauer und der "dritte" Weg. Frankfurt a. M., 1979, S. 130.

В пятницу 15 июля 1927 г. утренние австрийские газеты вышли с сообщениями об оправдании судом присяжных боевиков из полуфашистской организации "хаймвер", расстрелявших рабочую демонстрацию в городке Шаттендорф. Этот факт вызвал взрыв негодования на предприятиях Вены. Рабочие покинули свои места и организованными колоннами двинулись к центру города. Полиции не удалось остановить демонстрантов. Возбуждение народа нарастало – штурмом был взят полицейский участок, захвачен и подожжен дворец юстиции.

В этой ситуации руководство социал-демократической партии растерялось. Общим стремлением лидеров партии было не допустить дальнейших беспорядков. Так, депутат парламента социал-демократ Ф. Глекель пытался уговорить полицейских пропустить колонны рабочих, а руководитель шуцбунда Ю. Дойч безуспешно устанавливал кордоны из военизированных отрядов СДРПНА – шуцбунда, чтобы разделить полицию и рабочих. При этом Дойч был избит, а созданный для обеспечения порядка и спокойствия и натренированный специально для участия в уличных столкновениях шуцбунд не смог, к сожалению, предотвратить кровопролития.

Всеобщее недовольство вызвал бургомистр Вены социал-демократ К. Зейтц, который дал полиции разрешение на применение оружия. Любивший щегольнуть модной одеждой, бургомистр был забросан камнями и оплеван с головы до ног. Прибывший на место событий Бауэр попытался "спасти то, что еще можно было спасти" Однако он был поражен тем фактом, что даже самые спокойные и рассудительные рабочие были готовы взяться за оружие. Некоторые социал-демократы (В. Элленбоген, И. Шорш) предложили, раз уже началось вооруженное столкновение, продолжить борьбу организованно. Но Бауэр решительно воспротивился этому, опасаясь не столько силы правительства, сколько вмешательства иностранной реакции – фашистской Италии и хортистской Венгрии. В результате было принято решение лишь объявить на одни сутки всеобщую забастовку.

В полдень к полиции подошло подкрепление, и демонстранты, собравшиеся на площади перед дворцом юстиции, были расстреляны. Погибло около 80 человек, несколько сотен было ранено. Июльские события потрясли всю страну. Речь Бауэра в парламенте "Июльская катастрофа" многократно прерывалась возгласами недовольства со стороны депутатов от буржуазных партий, и председателю приходилось постоянно призывать к порядку³⁴.

Июльским событиям Бауэр посвятил брошюру "Кровавое 15 июля" (1927 г.), ряд статей и выступлений. Его трактовка явилась официальной социал-демократической версией происшедшего.

В речи на партийном съезде 29 октября 1927 г. Бауэр указывал, что 15 июля "только часть венских рабочих бросила работу и вышла на улицы", протестуя против произвола властей. Полиция применила силу, тогда как не ожидавший такого поворота событий шуцбунд не сумел вовремя предотвратить кровопролитие³⁵. Бауэр, признавая, что отказ партии от призыва к организованным действиям протеста сразу же после оглашения приговора по делу "убийц из Шаттендорфа" был ошибкой, вместе с тем подчеркивал, что социал-демократы не ставили и не ставят своей целью насильственное свержение существующего строя. "Сегодня по всей Австрии только и говорят о подготовленной попытке путча, путем которого социал-демократия собиралась свергнуть правительство и установить диктатуру пролетариата", – с горечью констатировал он. Результаты этой пропагандистской кампании привели к тому, что если до 15 июля мелкобуржуазные слои шли "плечом к плечу" с социал-демократией, то после этих событий союзники партии откровенно испугались³⁶.

Бауэр считал, что, применив 15 июля силу, буржуазия этим продемонстрировала

³⁴ Bauer O. Op. cit., Bd. 5, S. 899–936.

³⁵ Ibid., S. 472.

³⁶ Ibid., S. 473.

свою слабость. Она испугалась, что после успеха на апрельских выборах социал-демократы смогут "заковать власть демократическим путем"³⁷. Понимая, что случившееся ставит под удар все парламентские успехи социал-демократии, Бауэр тем не менее был далек от мысли об изменении тактики. Он рассчитывал, что партия сможет извлечь правильные уроки из июльских событий и что положение еще можно исправить.

Не вступая в дискуссию о том, была ли возможность у социал-демократии в ходе июльских событий взять власть в свои руки, отметим крайнюю пассивность ее фракции, ограничившейся лишь призывом к отставке правительства. Хотя Линцская программа и предусматривала приход к власти путем "гражданской войны" в ответ на наступление контрреволюции, Бауэр не смог понять, что события 15 июля 1927 г. – не только и не столько проявление слабости правящего режима, сколько проба сил той самой контрреволюции и реакции, которую олицетворяли хаймвер и "зеленый" австрофашизм³⁸.

После июля 1927 г. австрийская социал-демократия оказалась в незавидном положении. Руководство партии, не сумевшее осуществить руководство массами, потеряло часть бывшего авторитета и популярности. Общественное мнение было настроено против социал-демократов, к которым прочно приклеилось название "австромарксисты". Практически все несоциалистические средства массовой информации были едины во мнении, воспроизведенном в 1938 г. фашистскими историками, о том, что успех на выборах 1927 г. был лишь необходимой "почвой для марксистского восстания 15 июля 1927 г."³⁹

Силы реакции почувствовали, что социал-демократия не готова к решительным столкновениям, и взяли курс на подготовку антидемократического переворота. Июльский провал не прибавил авторитета СДРПНА и среди социал-демократических партий Запады. Коммунисты же в свою очередь развернули пропагандистскую кампанию, обвиняя социал-демократов в удушении пролетарского восстания в Вене⁴⁰.

Таким образом, в Австрии сложилась крайне сложная политическая ситуация, при которой молодой буржуазно-демократической республике угрожали не только социал-демократия с ее иллюзиями о легитимной преемственности власти, но и ее противники, открыто грозившие прибегнуть к более радикальным средствам: фашисты, легитимисты – сторонники восстановления Габсбургской монархии, и коммунисты.

1927 г. справедливо считается временем наивысшего успеха австрийской социал-демократии. Это было время победы бауэровской тактики, рассчитанной на мирный, парламентский путь к власти. Однако расчеты Бауэра, ориентированные на длительную перспективу, не оправдались прежде всего из-за переоценки им возможностей капиталистической стабилизации и явной недооценки потенциала дестабилизирующих, антидемократических сил.

МЕЖДУ АВСТРОМАРКСИЗМОМ И НАЦИЗМОМ

События 15 июля 1927 г. нанесли сокрушительный удар по престижу социал-демократической партии Австрии. Что делать дальше? – этот вопрос волновал всех: от простого члена партии до ее вождя. На Бауэре лежала особая ответственность. Он должен был определить линию партии. Однако Бауэр проявлял удивительное спокойствие, объяснявшееся в значительной степени результатами выборов 1930 г., на которых социал-демократы потеряли лишь около 23 тыс. голосов, собрав более 41% голосов (против 42% в 1927 г.). Вместе с тем следует признать, что Бауэр одним из

³⁷ Ibid., Bd. 7, S. 647.

³⁸ "Зелеными" называли австрийских фашистов, ориентировавшихся на Италию (в отличие от "коричневых" нацистов).

³⁹ ЦХИДК, ф. 701, оп. 1, д. 25, л. 16.

⁴⁰ См.: Андронов И., *Варшавский Л.* На баррикадах Вены. М.–Л., 1927; *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: первые десять лет. М., 1993, с. 84–100.

первых в партии стал бить тревогу по поводу угрозы фашизма. Еще выступая на I конгрессе СРИ в Гамбурге в 1923 г., он указывал на "опасность итальянского фашизма" Однако в то время Бауэр видел главную угрозу для демократии в Австрии не со стороны Италии, а со стороны Венгрии, представлявшей, по его мнению, "серьезную контрреволюционную опасность, бастион контрреволюции"⁴¹. Бауэр часто, к сожалению, не мог объективно оценить международную обстановку, и это негативно сказывалось на политическом курсе партии. Практически в любом антидемократическом режиме он усматривал агрессивную субстанцию, угрожающую демократии в Европе. Выступая на IV конгрессе СРИ (1931 г.), он чрезмерно драматизировал ситуацию в Польше, подвергая резкой критике "капральский садизм Пилсудского"⁴².

Следует все же отдать должное Бауэру за его тонкие и убедительные оценки развития ситуации в Германии. По его мнению, в этой стране уже с мая 1932 г., когда к власти пришло правительство фон Папена, была "уничтожена демократия" и образовалась диктатура "юнкеров и генералов"⁴³. После прихода Гитлера к власти в Германии Бауэр в Париже в августе 1933 г. предупредил делегатов V конгресса СРИ, что "мы можем пережить крупнейшую после 1918 г. трагедию в нашей жизни, если не осознаем значения победы фашизма в этой стране для всего остального мира"⁴⁴.

А между тем сложно развивались события и внутри Австрии. После выборов 1930 г. социал-демократы почувствовали себя вновь уверенно. Однако силы реакции тоже не дремали. После ухода в отставку правительства Зайпеля активизировались хаймверовцы. Еще в декабре 1929 г. были внесены поправки в конституцию, ограничивавшие прерогативы парламента и расширявшие права президентской власти. Были также приняты меры, направленные на то, чтобы лишить Вену, находившуюся под контролем социал-демократов, особого статуса. Реакция переходила в наступление. В сентябре 1931 г. в Штирии австрийские нацисты предприняли попытку вооруженного путча.

В апреле 1932 г. правительство возглавил один из лидеров быстро правящей Христианско-социальной партии (ХСП) Э. Дольфус, ориентировавшийся в своей политике на фашистскую Италию. Демократическая республика в Австрии доживала последние дни. Деятельность нового руководства страны подверглась резкой критике со стороны социал-демократов. Парламентские заседания проходили в напряженной атмосфере. На одном из них Бауэр крикнул Дольфусу: "Одну неделю Вы носите шапку демократа, другую – шапку хаймверовца!" Тот раздраженно парировал: "А вы всегда остаетесь большевиком!". В ответ Бауэр опубликовал небольшую статью под характерным названием "Мы – большевики", в которой подчеркивал, что, тогда как в СССР достигнут огромный технический и социальный прогресс, в Австрии "отсутствует современная цивилизация". Бауэр писал, что если Дольфус называет достижения социализма большевизмом, "то я – большевик!"⁴⁵.

Однако противодействие наступлению австрофашизма свелось для социал-демократических лидеров к словесным перепалкам. В марте 1933 г. Дольфус распустил парламент под предлогом его неработоспособности и провозгласил "авторитарную систему правления" Численность хаймвера была увеличена до 100 тыс. человек. Чуть меньше членов насчитывал социал-демократический шуцбунд. Вскоре были ограничены демократические свободы, распущен шуцбунд, запрещена компартия.

В этой ситуации лидеры СДРПНА растерялись. На чрезвычайном съезде партии в октябре 1933 г. в докладе "О политическом положении" Бауэр развил идею о необходимости сохранения в Вене "острова социализма" Касаясь вопроса о возможном за-

⁴¹ *Bauer O.* Op. cit., Bd. 6, S. 95.

⁴² *Ibid.*, S. 162.

⁴³ *Ibid.*, S. 457.

⁴⁴ *Ibid.*, S. 199.

⁴⁵ *Ibid.*, Bd. 7, S. 488.

прещении СДРПНА, он сказал: "Не имеет принципиального значения, будет ли наша борьба делом легальных или нелегальных организаций, массовых или конспиративных групп"⁴⁶.

Тем не менее съезд призвал рабочий класс быть готовым к вооруженной борьбе, провозгласил необходимость организации всеобщей стачки⁴⁷. Но было уже поздно. Социал-демократия Австрии и ее лидер Бауэр не смогли в должной мере оценить угрозу реакции в стране. Рассчитывая, что в Австрии нет той социальной базы для фашизма, которая была в "обиженных" Версальской системой Италии и Германии, Бауэр и его коллеги глубоко заблуждались. И все, что им оставалось, – это дать последний бой фашизму.

ФЕВРАЛЬ 1934 г. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ С ФАШИЗМОМ

12 февраля 1934 г. в городе Линц хаймверовцы и полиция попытались произвести обыск в Рабочем доме, принадлежавшем социал-демократической организации. Шуцбундовцы штурмом овладели домом, выбив оттуда боевиков. В тот же день начались ожесточенные бои в Вене, продолжавшиеся пять дней. Об этой акции социал-демократическому руководству в Вене было известно заранее, однако Бауэр не решился выступить с инициативой вооружения рабочих, тем более нанесения превентивного удара. Был выдвинут лозунг всеобщей стачки.

Формально власти проводили вполне законную операцию по ликвидации незаконных вооруженных формирований, так как шуцбунд был распущен в апреле 1933 г. Фактически это был акт окончательного подавления оппозиции в лице социал-демократической партии.

С самого начала шуцбундовцы избрали оборонительную тактику. Они забаррикадировались в больших коммунальных домах, отражая атаки правительственных войск. "Восстание республиканского шуцбунда... Упорная борьба с рабочими – социал-демократами в Вене, Линце, Штейере... Использовались все вооруженные средства федеральной армии"⁴⁸, – так лаконично были охарактеризованы эти события в фашистской секретной "Истории Австрии"

Бои еще продолжались, когда О. Бауэр и Ю. Дойч, сопровождаемые судетонемецким журналистом Э. Паулем, одним из руководителей немецкой социал-демократической партии в Чехословакии, покинули Вену и перешли границу с Чехословакией. 15 февраля 1934 г. в Братиславе Бауэр и Дойч опубликовали "Декларацию", в которой опровергли сообщения властей о своем участии в боях на баррикадах. Словно оправдываясь, они заявили, что "находились в Венском округе, на своих постах"⁴⁹.

Сразу же по горячим следам Бауэр написал работу "Восстание австрийского пролетариата", где подробно проанализировал уроки февральских боев и указал на то, что в Австрии имело место антифашистское восстание, но реакция, как и в Германии, в лице "аристократов, генералов, капиталистов выжидала момент, чтобы установить фашистскую диктатуру"⁵⁰. И все же Бауэр считал, что в отличие от германского рабочего класса пролетариат Австрии сумел оказать достойное сопротивление силам реакции. По этому поводу между ним и Каутским развернулась полемика.

В изданной анонимно в Карлсбаде брошюре "Границы насилия" Каутский признавал, что в Германии рабочий класс "капитулировал без борьбы" Австрийский же пролетариат доказал, что он более, чем германский, "здоров" морально и сплочен организационно, но только в столице – в Вене. Основная же масса австрийского

⁴⁶ ЦХИДК, ф. 1306, оп. 2, д. 4, л. 18.

⁴⁷ Там же, л. 15.

⁴⁸ Там же, ф. 701, оп. 1, д. 25, л. 79.

⁴⁹ Bauer O. Op. cit., Bd. 7, S. 718.

⁵⁰ Ibid., Bd. 4, S. 997.

рабочего класса оставалась пассивной. "Большинство австрийских рабочих, которые не приняли участия в восстании, неправы, – писал Каутский, – они капитулировали без борьбы", так же, как и их германские товарищи⁵¹. Возражая Каутскому, Бауэр подчеркивал, что австрийский пролетариат в феврале 1934 г. "вел героическую борьбу с фашизмом", тогда как германский пролетариат потерпел "поражение без боя"⁵². Каутский писал в октябре 1934 г. Э. Вандервельде, что эта полемика еще более усугубила расхождения во взглядах между ним и Бауэром⁵³.

Поражение февральского восстания имело катастрофические последствия для СДРПНА: партия была запрещена, многие ее руководители арестованы. Хотя справедливости ради следует заметить, что тотального террора против социал-демократов не было. К. Реннер и М. Адлер остались в Австрии, отойдя от активной политической деятельности. В Вене спокойно жил и Каутский, который в марте 1935 г. писал П. Гарви, что без энтузиазма относится к эмиграции Бауэра и Дойча, и что сам не собирается уезжать⁵⁴.

Поражение выступления австрийского пролетариата можно считать своеобразным рубиконом в жизни Бауэра. Ю. Браунталь отмечал: "Крах австрийской социал-демократии Бауэр переживал и как личную трагедию"⁵⁵. Бауэр до конца сохранял верность демократическим иллюзиям. Однако после катастрофы февраля 1934 г. он оказался вынужденным заново переосмысливать целый ряд своих теоретических положений. И главным ориентиром для него становится уже не призрачный, умоглядный социализм, идеологическому обоснованию которого он посвятил множество работ, а реалии строительства нового общества в СССР.

БАУЭР И СССР

Бауэр никогда не отличался воинствующим антибольшевизмом. Даже во время острых идеологических споров между Коминтерном и СРП он не переставал говорить о необходимости защиты Страны Советов от угрозы внешней контрреволюции. В апреле 1926 г. он отмечал: "Мы учимся у русских коммунистов. Нет другой такой сплоченной и дисциплинированной партии в мире"⁵⁶.

Успехи СССР в деле индустриализации и коллективизации, контрастировавшие с падением престижа австрийской социал-демократии после июля 1927 г., быстро привлекли внимание Бауэра. В его работах конца 20-х – начала 30-х годов начинают проскальзывать новые, уже не только сочувственные, но почти восхищенные нотки.

Анализируя современную ему ситуацию, Бауэр проводил прямые исторические аналогии со временем, когда в России после победы большевиков и в странах Западной Европы, в том числе и в Австрии после крушения империи Габсбургов, встала одна и та же проблема: демократия или диктатура. В России, указывал он, большевики сделали выбор в пользу диктатуры, и в результате была одержана победа над белой контрреволюцией и иностранной интервенцией. "Красная диктатура" выстояла и победила, тогда как "демократические революции в Центральной Европе закончились установлением классового господства буржуазии в Чехословакии, победой военных диктатур в Польше и Югославии"⁵⁷.

⁵¹ *Kautsky K. Grenzen der Gewalt. Karlsbad, 1934, S. 35.*

⁵² *Bauer O. Op. cit., Bd. 9, S. 430.* В ЦХИДК хранится реферат неизвестного о событиях 12 февраля 1934 г. Маловероятно, что его автором был Бауэр. Однако написан он явно в бауэровском духе. Автор сочинения утверждает, что "борьба была неизбежна", и превозносит стойкость и героизм рабочих. См. ЦХИДК, ф. 1306, оп. 2, д. 27, л. 17.

⁵³ РЦХИДНИ, ф. 213, оп. 1, д. 372, л. 1.

⁵⁴ Там же, д. 373, л. 1.

⁵⁵ *Braunthal J. Otto Bauer. Ein Lebensbild. – Otto Bauer. Eine Auswahl aus seinem Lebenswerk. Wien, 1961, S. 90.*

⁵⁶ *Bauer O. Op. cit., Bd. 6, S. 414.*

⁵⁷ *Ibid., Bd. 9, S. 131, 132.*

Такой подход Бауэра к историческому опыту большевиков резко отличался от общепринятых в западной социал-демократии антибольшевистских взглядов. Не случайно в мае 1930 г. Каутский писал известному российскому меньшевику А.Н. Потресову о "несовпадении" его и Бауэра взглядов по русскому вопросу⁵⁸.

Окончательный поворот в отношении Бауэра к большевизму связан с выходом в 1931 г. первой части его фундаментальной работы "Капитализм и социализм после мировой войны". Большую часть книги занимало рассмотрение Бауэром новой экономической ситуации в мире со времени окончания мировой войны. Он констатировал технические нововведения, внедрение новых методов организации труда и рассуждал о новых задачах, которые вставали в связи с этим перед социал-демократией. Однако своего рода сенсацию вызвали заключительные страницы книги, где был дан анализ экономических преобразований в СССР. Бауэр подчеркивал, что за годы гражданской войны хозяйство России было почти полностью уничтожено. Однако большевики не только восстановили его, но и начали грандиозные мероприятия по быстрой коллективизации и индустриализации.

Показательно, что Бауэр в основном констатировал первые успехи СССР в области "социалистического строительства", воздерживаясь от критики по поводу насилия над кулаками при проведении коллективизации. Соответственно звучат в связи с этим и его выводы. В большинстве индустриально развитых стран Запада, по его мнению, существуют условия для прихода пролетариата к власти демократическим путем. Однако там, где не создан такой демократический механизм, рабочему классу противостоят силы реакции и "путь к социализму лежит через кровавые опустошения и гражданские войны", которые "всегда в истории приводили к установлению диктатуры"⁵⁹. Таким образом, Бауэр развивал идею о различных путях перехода к социализму: посредством парламента, т.е. мирными средствами в демократических странах, и через гражданскую войну, т.е. насильственным путем, там, где нет возможности использовать демократию.

В работах 30-х годов, посвященных характеристике коммунистического строя в СССР, основное внимание Бауэр уделял хозяйственным достижениям большевиков, с одной стороны, и проблемам соотношения принципов социалистической демократии и большевистской "диктатуры пролетариата" – с другой. Особое восхищение вызывали у него темпы и результаты индустриализации. "Знаете ли вы, что такое трактор? – с этим вопросом обратился он к аудитории в одной из своих речей в 1931 г. – Это автомобиль сельского хозяйства"⁶⁰. Живописуя достижения советского тракторостроения, Бауэр даже так и назвал одну из своих статей: "Каждые две с половиной минуты – трактор!"⁶¹.

В последние четыре года жизни (1934–1938) Бауэр пристально следил за развитием СССР. Только в журнале "Кампф" за эти годы он опубликовал 27 статей по "русскому вопросу". Но Бауэра занимали не только проблемы пятилетних планов, новостроек, стахановского движения. Его глубоко волновала и внутрисполитическая ситуация в стране. Признавая достижения Советского Союза в экономической области, он с горечью констатировал отсутствие в стране демократических свобод. Особое сожаление у него вызвали политические репрессии в СССР – среди объявленных "врагами народа" были и его старый знакомый Л.Д. Троцкий, и встречавшийся с ним в 1934 г. Н.И. Бухарин, приезжавший для закупки у германской социал-демократии прав на издание сочинений Маркса и Энгельса. Бруно Крайский, бывший одним из лидеров "Революционных социалистов", ведших нелегальную борьбу после разгрома СДРПНА в феврале 1934 г., вспоминал о своем посещении Бауэра в Брно в январе 1936 г. Тот выглядел неважно, жаловался на ревматические боли в левой руке. Но Хелена Бауэр

⁵⁸ РЦХИДНИ, ф. 213, оп. 1, д. 367, л. 1.

⁵⁹ Bauer O. Op. cit., Bd. 3, S. 940.

⁶⁰ Ibid., Bd. 6, S. 537.

⁶¹ Ibid., Bd. 9, S. 960. Бауэр имел в виду производительность Сталинградского тракторного завода.

заметила, что эта боль вызвана не болезнью, а является следствием реакции Бауэра на московские процессы, по поводу которых он сильно переживает⁶².

Бауэр обвинял И.В. Сталина в том, что он, победив своих главных оппонентов (Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева), стремился "к неограниченной власти в большевистской партии и к неограниченному господству в Советском Союзе" Он справедливо полагал, что в СССР происходит перерождение диктатуры коммунистической партии в личную диктатуру⁶³.

Однако после катастрофы февраля 1934 г. Бауэр все чаще не только критиковал большевистскую диктатуру, но и пытался найти для нее оправдания. Бауэр в своем стремлении противопоставить опыт советской власти неудачам, поражениям, которые потерпели западные демократии, и наступлению реакции во многих странах Европы во многом даже идеализировал советские достижения. Например, колхоз виделся ему как "коллективное хозяйство, являющееся демократическим самоуправляющимся товариществом"⁶⁴, что было весьма далеко от действительности. Бауэр отмечал и другие положительные изменения в СССР, в частности, принятие демократической конституции 1936 г., не замечая при этом бесчисленного множества поправок к ней.

Изменение отношения Бауэра к большевизму вызвало в целом негативную реакцию как среди его соратников, так и, к сожалению, в коммунистическом стане. Австрийские коммунисты обвиняли Бауэра в том, что он якобы хотел обмануть рабочий класс, борясь на самом деле "плечом к плечу вместе с капиталистами"⁶⁵. Советские же авторы стремились доказать, что хотя Бауэр и "слишком тонкий дипломат, чтобы открыто петь дифирамбы капитализму, но он такой же враг СССР, как и Каутский"⁶⁶.

По-иному подходили к оценке происходивших в СССР перемен и коллеги Бауэра по партии. Ф. Адлер считал, что "сталинский эксперимент – это индустриализация посредством первоначального накопления капитала, но без участия частных капиталистов"⁶⁷. Каутский, до конца жизни остававшийся убежденным противником большевиков, отрицательно относился к внутренней политике советского правительства и даже свою, видимо, последнюю работу назвал так – "Крушение иллюзий: Отто Бауэр и большевистский эксперимент"⁶⁸. В ней он хотел подвести итог многолетним изысканиям по истории большевизма и поделиться своими наблюдениями по поводу политики большевиков, но закончить не успел – помешала смерть.

Сопоставляя отношение этих двух выдающихся вождей западной социал-демократии к СССР, западногерманский марксист В. Абендрот полагал, что оценки Бауэра, в отличие от Каутского, от статьи к статье, от книги к книге становились "все объективнее и правильнее"⁶⁹. На наш взгляд, такое утверждение носит скорее идеологический, нежели научный характер. Хотя нельзя, впадая в другую крайность, утверждать, что с начала 30-х годов произошла резкая смена акцентов в отношении Бауэра к большевизму.

Объективности ради следует признать, что Бауэр остался верен себе, не допуская ни явных славословий в адрес большевиков, ни огульного охаивания их экспериментов. Эта тенденция, основанная на принципе "золотой середины", была сохранена и в его последнем крупном произведении "Между двумя мировыми войнами?"

⁶² Kreisky B. Zwischen den Zeiten: Erinnerungen aus fünf Jahrzehnten. Berlin, 1986, S. 240.

⁶³ Bauer O. Op. cit., Bd. 9, S. 560.

⁶⁴ Ibid., S. 930.

⁶⁵ Föhnberg F. Otto Bauer über die Sowjetunion. Hamburg – Berlin, 1931, S. 22.

⁶⁶ Ковчегов П. Учение Отто Бауэра о революции. М., 1930, с. 63–64. См. также: Рубинштейн А.Я. Отто Бауэр – теоретик австрийской социал-демократии. Л., 1935.

⁶⁷ Der Kampf. 1932. № 1, S. 9.

⁶⁸ РЦХИДНИ. ф. 213, оп. 1, д. 375, л. 1–2.

⁶⁹ Russische Revolution und die europäische Arbeiterbewegung. Interview mit W. Abendroth. – In: Schöler U. Op. cit., S. 79.

"МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ?"

В отличие от ряда своих товарищей по партии, отошедших от дел, Бауэр продолжал работу в эмиграции, возглавив Иностранное (Заграничное) бюро партии, разместившееся в чехословацком городе Брно. После февраля 1934 г. Бауэр был единственным крупным идеологом австрийской социал-демократии. Это накладывало на него особую ответственность за разработку вопросов стратегии и тактики в условиях фактического раскола партии. После февраля 1934 г. из партии выделилась группа молодых социалистов, взявших курс на нелегальную деятельность, – так называемые "Революционные социалисты", которые часто не согласовывали свои действия с эмигрантским руководством, выступая порой вопреки его указаниям.

Бауэр положительно оценивал деятельность группы "Революционные социалисты" сами же "Революционные социалисты" так же высоко ценили Бауэра, подчеркивая его "неоспоримый вклад" в деятельность группы⁷⁰.

В 1935 г. Бауэр вместе со своим старым другом – российским меньшевиком Ф. Даном и левым французским социалистом Ж. Жиромским опубликовал тезисы "Интернационал и война", в которых подчеркивалось, что в случае начала войны рабочий класс Запады должен поддержать крупнейшего противника фашизма – СССР. "Интересы международного пролетариата требуют, чтобы немецкий фашизм был повержен. Интересы международного пролетариата требуют победы Советского Союза. Интересы международного пролетариата требуют, чтобы война привела к установлению во всех странах власти рабочего класса"⁷¹, – говорилось в тезисах. Эти идеи Бауэр развил и в последнем крупном произведении, пророчески названном "Между двумя мировыми войнами?" (1936 г.)⁷², формально являвшемся второй частью вышедшей в 1931 г. книги "Капитализм и социализм после мировой войны".

В работе "Между двумя мировыми войнами?" Бауэр продолжил анализ тенденций и перспектив развития капитализма, особое внимание сосредоточив на экономическом кризисе 1929–1932 гг., ставшем, по его мнению, одной из главных причин торжества реакции в таких странах, как Австрия, Болгария, Литва, Югославия. По Бауэру, кризис был вызван притоком сельскохозяйственных товаров в Европу из стран Америки, Азии, Австралии, так как война лишила европейское сельское хозяйство рабочих рук. Поэтому кризис, начавшись в сельском хозяйстве, больно ударил прежде всего по странам, бывшим до первой мировой войны ведущими экспортерами сельскохозяйственной продукции.

В 1929 г. кризис сельского хозяйства перекинулся на промышленное производство. Бауэр даже подсчитал, что со времени окончания наполеоновских войн начавшийся кризис стал 13-м по счету⁷³. Сделав подробный политико-экономический анализ последствий кризиса для отдельных стран Запады, Бауэр повторил вывод Маркса о неизбежности новых кризисов. Особенности кризиса 1929–1932 гг. Бауэр видел в том, что он повлек за собой и кризис демократии. "Величайшим триумфом" демократии Бауэр считал годы первой мировой войны⁷⁴. Однако это был, по его словам, триумф буржуазной демократии.

Исходя из новых реалий политической ситуации, Бауэр по-новому стал трактовать соотношение между понятиями "демократия" и "социализм". Он не только отказался от постановки знака равенства между ними, но и прямо заявил: "Демократия – это форма классового господства буржуазии" В интересах антифашистской борьбы пролетариат должен выбирать "демократические свободы"⁷⁵.

Демократические революции 1918 г. закончились, согласно Бауэру, контрреволю-

⁷⁰ ЦХИДК, ф. 1306. оп. 1, д. 18, л. 7.

⁷¹ *Bauer O.* Op. cit., Bd. 4, S. 33.

⁷² Фрагмент рукописи этого произведения находится в ЦХИДК, ф. 1306, оп. 2, д. 15, л. 1–35.

⁷³ *Bauer O.* Op. cit., Bd. 4, S. 95.

⁷⁴ *Ibid.*, S. 134.

⁷⁵ *Ibid.*, S. 292.

цией, которая приняла в Италии, Германии и Австрии особую форму фашизма. "Фашизм, – писал Бауэр, – это результат трех взаимосвязанных социальных процессов" Первый из них во время мировой войны привел к деклассированию огромной массы населения, особенно в проигравших войну странах, что в свою очередь породило бурный расцвет национализма и реваншизма. Второй процесс "вызвал обнищание широких масс мелкой буржуазии и крестьянства в результате послевоенного экономического кризиса". Эти слои, ориентировавшиеся ранее на идеи буржуазной демократии, стали рекрутами фашизма. И третий процесс был, по Бауэру, связан с резким снижением в годы послевоенного экономического кризиса доходов капиталистов, вернуть которые они попытались за счет установления режима жесткой власти⁷⁶.

Победа фашизма в таких цитаделях социал-демократии, как Германия и Австрия, означала для Бауэра "кризис социализма" Первая мировая война сорвала "покров революционной фразеологии, которым прикрывали свою реформистскую практику социал-демократические партии в довоенной Европе"⁷⁷. После войны произошел раскол международного рабочего движения на социал-демократическое и коммунистическое направления.

Наступление фашизма в начале 30-х годов явилось, по Бауэру, катализатором образования двух лагерей внутри социал-демократии: реформистского (ревизионистского) и революционного. В новых условиях Бауэр считал необходимым сближение "реформистского рабочего движения с революционным социализмом"⁷⁸. Конкретным примером такого синтеза он считал французских социалистов, находившихся где-то между британским лейборизмом и российским большевизмом.

Эти идеи легли в основу концепции "интегрального социализма" Бауэра, согласно которой должно происходить постепенное обогащение революционного социализма наследием "демократического социализма"; революционный же социализм сплотит рабочих для революционного завоевания власти. Таким образом Бауэру виделось объединение реформистского и революционного социализма "в синтезе интегрального социализма"⁷⁹. По мнению западногерманского исследователя, профессора Бременского университета Д. Альберса, в центре этой "концепции Отто Бауэра лежит представление о процессе взаимообучения" социал-демократов и коммунистов⁸⁰. Но это вовсе не означало, что Бауэр отказался от критики негативных явлений коммунистического режима в СССР, хотя критика эта носила уже не обвинительный характер, как в 20-е годы, и не сводилась к констатации фактов нарушения демократии, а скорее оправдывала антидемократические действия большевиков специфическими условиями России.

Большевизм, подчеркивал Бауэр, возник в условиях царского режима, где бороться можно было только в подполье. На него наложили отпечаток также условия крестьянской среды, засилье иностранного капитала. Для Бауэра большевизм – "это идеология рабочего класса, находящегося на иной ступени развития"⁸¹.

Бауэр считал, что только через "диктатуру пролетариата" большевики смогли победить в специфических условиях России. Одним из оправданий установления диктатуры большевистской партии он называл тот факт, что в годы первой мировой и гражданской войн значительная часть трудящихся была физически истреблена. Но большевистская диктатура в отличие от фашистской "всегда содержала в себе демократический элемент", проявлявшийся в соединении государственной и партийной бюрократии с рабочим классом⁸². В результате этого синтеза часть пролетариата

⁷⁶ Ibid., S. 137.

⁷⁷ Ibid., S. 259.

⁷⁸ Ibid., S. 306.

⁷⁹ Ibid., S. 324.

⁸⁰ Albers D. Otto Bauer und die Konzeption des "Integralen Sozialismus". – In: Otto Bauer und der "dritte" Weg, S. 39.

⁸¹ Bauer O. Op. cit., Bd. 4, S. 303.

⁸² Ibid., S. 173–174.

оказалась допущенной к управлению страной. Более того, Бауэр усматривал в "сталинском СССР" процесс смягчения традиционных противоречий между рабочим классом и крестьянством, что в свою очередь должно было привести к расширению социального "базиса диктатуры", и, как следствие, – к созданию условий для ее постепенной демократизации⁸³.

Главная угроза этому процессу виделась Бауэру со стороны сил реакции. "В войне с Советским Союзом капиталистические государства выступят единым лагерем"⁸⁴, – предупреждал он. Бауэр считал, что "мировой экономический кризис создал предпосылки новой войны"⁸⁵, которая, если ее не удастся предотвратить, станет решающим столкновением между силами реакции и социализма. В этих условиях поражение СССР будет означать победу контрреволюции, а этого рабочий класс допустить не должен.

Как подметил австрийский общественно-политический деятель и историк В. Райман по поводу книги "Между двумя мировыми войнами?", "тот, кто знаком только с этой книгой Бауэра, может легко впасть в заблуждение, посчитав, что ее автор всю жизнь в душе был большевиком"⁸⁶. Действительно, Бауэр не просто констатировал достижения большевизма, но и призывал использовать его опыт, вступать в союз с коммунистами для борьбы с фашизмом, одобрил положения Коминтерна о едином фронте. Он даже признал, что "построение социализма возможно в условиях таких значительных стран, как Россия"⁸⁷. К тому же, как мы отмечали выше, Бауэр никогда не был воинствующим противником большевиков. Поэтому его пробольшевистские высказывания в этой работе можно считать вполне логическим развитием более ранних положений.

Бауэр до конца жизни сохранял оптимизм и веру в лучшее будущее. В годы эмиграции (1934–1938 гг.) он вел активную общественную и публицистическую деятельность. Ему удалось наладить выпуск газеты "Арбайтерцайтунг" и журнала "Кампф" – особенно большое внимание в те годы он уделял вопросам международных отношений и, в частности, проблемам сопротивления фашизму в Испании и Франции⁸⁸. Бауэр считал организацию Народного фронта, базисом которого должен быть "единый пролетарский фронт"⁸⁹, наиболее эффективной формой сопротивления фашизму.

Однако если во Франции и на время – в Испании фашизму был поставлен заслон, то страны Центральной Европы были обречены. Австрия, бывшая камнем преткновения между Германией и Италией, в итоге досталась сильнейшей. Воссоединение двух немецкоязычных стран – аншлюс, о котором так много говорил и писал Бауэр, состоялся в марте 1938 г.

Вскоре после этого, в начале мая, Бауэр оказался вынужденным оставить Чехословакию, которой также угрожала гитлеровская Германия. Последние два месяца жизни он провел в Париже.

ПАРИЖСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

Бауэр тяжело переживал аннексию Австрии гитлеровской Германией. Давило на него и чувство ответственности, ибо фашистская контрреволюция использовала бауэровскую идею аншлюса. После прихода Гитлера к власти пункт об аншлюсе был изъят из Линцской программы СДРПНА. Германский фашизм использовал также идеи

⁸³ Ibid., S. 172, 173.

⁸⁴ Ibid., S. 313.

⁸⁵ Ibid., S. 221.

⁸⁶ Reimann V. Zur gross für Österreich: Seipel und Bauer im Kampf um die Erste Republik. Wien – Frankfurt a.M. – Zürich, 1968. S. 363.

⁸⁷ Bauer O. Op. cit., Bd. 7, S. 206.

⁸⁸ ЦХИДК. ф. 662, оп. 1, д. 19 "а", л. 25–27.

⁸⁹ Bauer O. Op. cit., Bd. 9, S. 719.

австрийских социал-демократов, протестовавших против включения в состав Чехословакии областей с компактным проживанием немецкого населения, прежде всего Судетской области. Сравнивая ситуацию 1938 г. с ситуацией 1848 г., Бауэр не без иронии замечал, что чехословаки и немцы спустя 90 лет поменялись местами. Теперь уже немцы оказались на положении национального меньшинства, ведущего борьбу "за право на самоопределение", которая оказалась "одним из средств борьбы фашистской контр-революции"⁹⁰.

Несмотря на сложности жизни в эмиграции – Отто и Хелена даже не могли позволить себе снять приличную квартиру, – Бауэр сумел вновь, как и в Чехословакии, наладить выпуск газеты "Арбайтерцайтунг" и журнала "Социалистишер кампф"

Бауэр все теснее сближался с группой "Революционные социалисты", в которой видел главную силу нелегальной борьбы против фашизма в Австрии. 1 и 2 апреля 1938 г. в Брюсселе в результате переговоров Ф. Адлера, О. Бауэра и других членов эмигрантского руководства с лидерами "Революционных социалистов" – М. Аккерманом, О. Лейхтером, К. Зайлером и О. Поллаком произошло перераспределение ролей в Иностранном (Заграничном) бюро социалистов Австрии⁹¹.

Председателем бюро стал Ф. Адлер, секретарем – Аккерман, Бауэру пришлось довольствоваться скромным постом уполномоченного⁹². Еще совсем недавно Бауэр вел ведущей политической фигурой австрийской социал-демократии. Его друг журналист Ф. Шлезингер писал ему в ноябре 1937 г. из Франции, что там распространено мнение, будто "Австрия может выбирать только между Отто (Бауэром. – С.К.) и Гитлером"⁹³. Теперь же Бауэру оставалась лишь роль теоретика.

Незадолго до смерти Бауэр работал над рукописью новой книги "Нелегальная партия", завершить которую он не успел. "Нелегальную партию" можно назвать развернутой инструкцией по организации работы социал-демократии в подполье. На широком историческом фоне – что всегда было характерно для произведений Бауэра, – в частности, была дана оценка индивидуального террора российских народовольцев, Бауэр проводил мысль о необходимости овладения социал-демократами всеми формами и методами подпольной деятельности – от распространения нелегальных изданий до работы в легальных фашистских организациях. Книга Бауэра суммировала опыт нелегальной борьбы, известный социал-демократическому и революционному движению, вплоть до советов по конспирации.

Надо отдать должное мужеству и стойкости Бауэра, до конца своих дней разрабатывавшего концепцию деятельности нелегальной партии в условиях триумфа фашизма, когда все его надежды и планы на скорую победу социализма пошли прахом. Осознание краха идей всей его жизни сильно угнетало Бауэра. Но он ничем не показывал своих чувств, все держал в себе. В последние дни вел обычный образ жизни. Никаких признаков болезни у него не проявлялось. Но внутренние переживания сделали свое дело.

Отто Бауэр умер в ночь с 4 на 5 июля 1938 г. Накануне они с женой в компании Фридриха и Кати Адлер были в ресторане. Возвращались домой уже после полуночи. Около двух часов ночи у Бауэра случился сердечный приступ, и через час его не стало. "Он лежал, как будто мирно спал, расслабившись, словно отдыхая после прогулки"⁹⁴, – вспоминала Хелена Бауэр.

Смерть Бауэра вызвала широкий резонанс в социал-демократической эмиграции. Эмигранционные издания социал-демократов Австрии, в том числе и "Социалистишер кампф", посвятили этому трагическому событию специальные выпуски. Полулегальный информационный бюллетень Иностранного бюро "РС-Корреспондент" толь-

⁹⁰ Ibid., S. 865.

⁹¹ ЦХИДК, ф. 1306, оп. 1, д. 18, л. 6.

⁹² Там же, л. 8.

⁹³ Там же, ф. 662, оп. 1, д. 19 "а", л. 43.

⁹⁴ Braunthal J. Op. cit., S. 100.

ко для перечня пришедших в адрес Хелены Бауэр соболезнований выделил специальный раздел "На смерть Отто Бауэра"⁹⁵.

Тело Отто Бауэра было кремировано. "РС-Корреспондент" так описывал церемонию: "Зал крематория не смог вместить тысячи товарищей", пришедших проститься с покойным. В их числе были Р. Гильфердинг и Р. Брейтшайд. Многим пришлось стоять на улице⁹⁶.

Урна с прахом Бауэра была захоронена на кладбище Пер-Лашез, рядом с героями Парижской коммуны и бойцами-интернационалистами, павшими в борьбе с фашизмом в Испании. После окончания второй мировой войны останки Бауэра были перенесены на родину, в Вену, и захоронены в мраморном гробу возле обелиска героям мартовских боев 1848 г.⁹⁷

БАУЭР И АВСТРОМАРКСИЗМ

Традиционно имя Отто Бауэра употребляется в неизменном сочетании с понятием "австромарксизм". Различные авторы по-разному трактуют это понятие. Один из представителей левого течения Социалистической партии Австрии Й. Хиндельс подчеркивал "антидогматическую сущность" австромарксизма, определенную поиском некоего "третьего пути" к социализму⁹⁸.

Признанный авторитет по проблеме австромарксизма профессор Зальцбургского университета Н. Лезер считает, что в межвоенный период "термин австромарксизм использовался применительно к политической стратегии Бауэра". Он даже отказывает К. Реннеру в праве называться австромарксистом⁹⁹.

Отечественный исследователь сотрудник Института сравнительной политологии и проблем рабочего движения РАН доктор исторических наук В.Я. Швейцер считает, что австромарксизм – это "условное обозначение научных и политических концепций австрийской социал-демократии первой трети XX в." Среди наиболее видных представителей австромарксизма он на первое место ставит Бауэра¹⁰⁰.

В книге российских ученых Д.А. Миронова и А.В. Перцева "Австромарксизм, позитивизм и рабочее движение" также подчеркивается особое значение Бауэра в совмещении марксистского понимания истории с новым философским учением о мире и познании, которое и было принято Бауэром в качестве своего рода кредо нового идеологического течения – австромарксизма¹⁰¹.

При определенных различиях в понимании и трактовке австромарксизма почти все исследователи сходятся в признании за Бауэром позиции ведущего идеолога австромарксизма.

На наш взгляд, понятию "австромарксизм" не может быть дано точного, четкого определения. Оно относится к таким аморфным понятиям, скорее даже идеологическим штампам, как "реформизм", "центризм", "панславизм", "пангерманизм"; да и само понятие "марксизм" из той же категории. До сих пор в историографии нет четкого

⁹⁵ ЦХИДК, ф. 1306, оп. 2, д. 49 "а", л. 13. После смерти мужа Хелена жила в Париже с дочерью от первого брака, хотя в реестре австрийских эмигрантов за 1939 г., хранящихся в ЦХИДК, ее фамилию обнаружить не удалось. – ЦХИДК, ф. 662, оп. 1, д. 60, л. 1, 80. Впоследствии она переехала в Швецию. См. *Leichter O.* Otto Bauer: Tragödie oder Triumph. Wien– Zürich–Frankfurt a.M., 1970, S. 363.

⁹⁶ ЦХИДК, ф. 1306, оп. 2, д. 49 "а", л. 16.

⁹⁷ *Braunthal J.* Op. cit., S. 101.

⁹⁸ *Hindels J.* Otto Bauer und die österreichische Arbeiterbewegung. – In: Otto Bauer und der "dritte" Weg, S. 12.

⁹⁹ *Leser N.* Zwischen Reformismus und Bolschewismus. Der Austromarxismus als Theorie und Praxis. Wien, 1985, S. 27.

¹⁰⁰ *Швейцер В.Я.* Социал-демократия Австрии: критика политических концепций и программ. М., 1987, с. 4–6; Современная социал-демократия. Словарь-справочник. М., 1990, с. 255.

¹⁰¹ *Миронов Д.А., Перцев А.В.* Австромарксизм, позитивизм и рабочее движение. Свердловск, 1990, 12–13.

определения австромарксизма. Нам представляется наиболее приближенным к истине определение израильского историка П. Мерчава (1913–1978), данное им в книге "История марксизма" (Турин, 1980), воспроизведенное позже, после его смерти, на немецком языке: "Под австромарксизмом понимают марксизм австрийской социал-демократии, с одной стороны, и совокупность работ немецкоязычной элиты социал-демократических теоретиков, в частности Виктора Адлера, Густава Экштейна, Карла Каутского, Рудольфа Гильфердинга, Отто Бауэра, Карла Реннера, Фридриха и Макса Адлеров – с другой"¹⁰².

Нам представляется также, что австромарксизм был попыткой приблизить марксистскую теорию и идеологию к практике рабочего социал-демократического движения в межвоенные годы. Не секрет, что в той же Германии социал-демократия сильно дистанцировалась от проблем теории и идеологии, сосредоточившись на конкретных политических действиях. В Австрии мы наблюдаем другую картину. Здесь ведущие социал-демократы (Бауэр, Реннер, Адлеры) были также и ведущими партийными функционерами, в отличие от Германии, где во главе партии стояли "чистые" практики Ф. Шейдеман, Ф. Эберт, Г. Носке, а теоретики типа К. Каутского, Г. Кунова, Р. Гильфердинга оказались оттесненными от партийной жизни. Кроме того, австромарксизм был призван сохранить единство социал-демократического движения, что в значительной мере удалось посредством пропаганды идеи "третьего пути". В итоге коммунисты в Австрии не имели такой силы и влияния, как, например, коммунисты в Германии. Но австромарксизм был приемлем лишь в короткий промежуток времени – с 1918 по 1934 г. Фактически после "кровавого 15 июля 1927 г." начинается его кризис. Социал-демократия не сумела переориентироваться в условиях наступления фашизма. Поражение социал-демократии в Австрии в феврале 1934 г. стало одновременно и поражением австромарксизма.

И тем не менее, на наш взгляд, следует говорить о трех основных опорах, на которых зиждется австромарксизм. Это – совокупность политических учений австрийской социал-демократии о "третьем", отличном и от большевистского, и от реформистского, пути к социализму; особая форма марксизма, возникшая в специфических условиях многонациональной Австро-Венгрии и развивавшаяся в рамках искусственно созданной Немецкой Австрии; совокупность идейно-теоретических и политических воззрений и установок Отто Бауэра.

По многим ключевым проблемам международного социал-демократического движения – по национальному вопросу, по отношению к большевизму, по вопросу о возможности завоевания власти в Австрии, по аграрному вопросу и т.д. – Бауэр занимал срединное положение. Все это обусловило "возвращение" к австромарксизму после второй мировой войны, "ренессанс" Бауэра и австромарксизма в 70–80-е годы¹⁰³.

С конца 60-х – начала 70-х годов резко возрос интерес к жизни и деятельности Бауэра и истории австромарксизма. В 70-х годах в Социалистической партии Австрии развернулась дискуссия по вопросу пересмотра программы 1958 г., навязанная активизировавшимся в партии левым течением, рассматривавшим себя наследником дела "Революционных социалистов", а следовательно, и Бауэра. Левые в партии, как и в прошлом "Революционные социалисты", склонялись к идее "третьего пути", пытались разработать программу, находящуюся посередине между коммунизмом и реформизмом. "Ренессанс" Бауэра был также тесно связан с популярностью идей распространившегося тогда во многих социалистических и коммунистических странах Западной Европы еврокоммунизма. Имя Бауэра ставилось рядом с именем А. Грамши, и многие

¹⁰² *Merchav P. Sozialdemokratie und Austromarxismus. – Der Weg der Arbeiterbewegung nach 1917: Zur sozialistische Theorie in der Zwischenkriegszeit. Frankfurt a.M. – New York, 1965, S. 82.*

¹⁰³ О причинах "ренессанса" О. Бауэра и австромарксизма в 70–80-х годах подробнее см. *Швейцер В.Я. Указ. соч., гл. 1.*

австрийские и итальянские ученые активно и плодотворно разрабатывали идеи Бауэра и австромарксизма¹⁰⁴.

Говоря о значимости идейно-теоретического наследия Бауэра для дня сегодняшнего, следует иметь в виду, что в его основе лежит приверженность демократическим идеалам. В то же время Бауэр не идеализировал современную ему демократию, указывая, особенно после 1934 г., на ее незащищенность перед лицом вооруженной реакции. Актуальны также разработки и прогнозы Бауэра по национальному вопросу, особенно его предупреждения против недооценки национального фактора в истории.

Все это свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки проблем, связанных с историей австромарксизма, деятельностью его идеологов и прежде всего Отто Бауэра.

¹⁰⁴ Bourdet J. *Otto Bauer et la révolution*. Paris, 1968; *Marramao G. Austromarxismo et socialismo di sinistra fra le due guerre*. Milano, 1977; *Bottomore T., Good P. Austro Marxism*. London, 1978; *Zukunft*, 1978. H. 7, S. 32; *Der Weg der Arbeiterbewegung nach 1917: zur sozialistische Theorie in der Zwischenkriegszeit*. Frankfurt a.M. – New York, 1965.

© 1997 г.

Член-корреспондент РАН

В.С. МЯСНИКОВ

РЕФОРМЫ И РЕВОЛЮЦИИ В КИТАЕ

Эпоха национально-освободительных и народно-демократических революций в Азии выдвинула на арену мировой политики ряд крупных политических фигур, таких, как Сунь Ятсен и Махатма Ганди, Хо Ши Мин и Джавахарлал Неру. Особое место среди них принадлежит Чжоу Эньлаю, государственному деятелю, заслужившему неподдельную любовь и огромное уважение китайского народа, широко известному во всем мире как тонкий политик и искусный дипломат. Чжоу Эньлай был исторической фигурой такого масштаба, что его не смогла заслонить тень даже Мао Цзэдуна, около 40 лет возглавлявшего КПК и 27 лет правившего КНР.

Новая книга академика С.Л. Тихвинского¹, советника Президиума РАН, председателя Национального комитета российских историков, – очередной этап в исследовании целого комплекса проблем восточноазиатской цивилизации, а точнее, ее китайского конгломерата, исследовании, которое ведется автором с неослабевающим интересом к предмету изучения на протяжении почти полувека². Конечная дата хронологических рамок книги – 1949 г. Это знаменательная дата в истории китайского народа – 1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика.

В этот день к С.Л. Тихвинскому как генеральному консулу СССР в Пекине после окончания церемонии провозглашения народной республики прибыл секретарь только что назначенного министром иностранных дел Чжоу Эньлая Хань Сюй и привез адресованное консулу письмо Чжоу Эньлая, в котором содержалась просьба известить правительство СССР о провозглашении КНР и поставить вопрос о признании ее советским правительством. Текст письма был незамедлительно передан генеральным консулом в Москву и уже на следующий день Советский Союз – первым из иностранных государств – признал КНР. С.Л. Тихвинский стал поверенным в делах посольства СССР в КНР.

В эти же дни советский дипломат был принят в семье знаменитого китайского реформатора конца XIX столетия Кан Ювэя, дочь которого, Кан Тунби, любезно предоставила ему как ученому-китаисту рукопись "Автобиографии" своего отца. Так было положено начало созданию огромного исторического полотна, которое можно было бы условно назвать "Реформы и революции в Китае" и которое было исполнено в виде триптиха: историко-биографических портретов Кан Ювэя, Сунь Ятсена, Чжоу Эньлая.

¹ Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949. По материалам биографии Чжоу Эньлая. М., 1996.

² А.Дж. Тойнби в свое время пронизательно заметил, что "без вдохновения, которое подстегивается любопытством, никто не может стать историком, поскольку без него невозможно разорвать состояние Инь – состояние инфантильной восприимчивости, невозможно заставить свой ум метаться в поисках разгадки тайны Вселенной. Невозможно стать историком, не имея любознательности, как невозможно и остаться им, если ты утратил это качество". Английский классик исторической науки не без гордости засвидетельствовал, что он посвятил созданию своего основного труда – "Постижение истории" свыше 30 лет (Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1996, с. 511).

Показ исторического процесса через призму биографий выдающихся деятелей эпохи. казалось, не новый прием в исторической науке. Он тесно связан с жанром политического портрета, который в наши дни обрел особую популярность. Но что такое политический портрет? Что это – характерные черты политического деятеля, система его взглядов, нюансы политической практики? Передает ли политический портрет характер, существо человека? В.Г. Белинский в "Статьях о Пушкине" подчеркивал, что "некоторые из наших литераторов, имея способность более или менее верно списывать портреты, не имеют способности видеть в настоящем свете лица, с которых они пишут портреты: мудрено ли, что в их портретах нет никакого сходства с оригиналами" Конечно, не к А.С. Пушкину это относилось. Ведь именно им была заложена традиция написания политического портрета в русской художественной и исторической литературе. Его строки:

Властитель слабый и лукавый,
жестокий деспот, враг труда,
нечаянно пригретый славой,
над нами царствовал тогда...

звучали для многих поколений образцом неприятия абсолютизма личной власти.

Удивительной способностью видеть в настоящем свете лица тех, чьи портреты ему приходилось публиковать, обладал К. Маркс. В его портретах поражают емкость и точность при лаконизме средств. В "Первом наброске гражданской войны во Франции" он в нескольких словах обнажил сущность характера Тьера: "Он подвизается 40 лет на публичной арене. Он ни разу не был инициатором ни одной полезной меры в какой-нибудь области государственного управления или жизни. Тщеславный, скептический эпикуреец, он никогда не писал и не говорил ради дела. В его глазах само дело было лишь предлогом, дававшим ему возможность блистать пером или языком, за исключением его жажды доходных мест и видного положения все в нем ненастоящее – даже его шовинизм" А в работе "Лорд Джон Россель" К. Маркс создал потрясающий образ британского политического деятеля, используя убийственную иронию. "Его поразительно ограниченный взгляд на вещи, – писал К. Маркс, – как зараза, сообщался другим и в гораздо большей степени, чем самое гениальное крючкотворство, порождал смещение понятий у его слушателей. Его истинный талант заключался в способности низводить все, чего бы он ни коснулся, к своим собственным карликовым размерам, сводить весь внешний мир к безгранично малому масштабу и превращать его в вульгарный микрокосмос своего собственного изобретения. Его инстинкт умялять великое может быть превзойден только его способностью придавать ничтожному видимость величия"

Но здесь мы видим портреты, написанные, так сказать, в жанре шаржированной миниатюры. Когда же речь идет об исторических трудах, в центре которых стоит фигура того или иного государственного мужа, то оценка его потомками спустя десятилетия имеет такое же значение, как свет, используемый художником при написании портрета, и как освещение, при котором готовая картина предстает перед зрителем. Различие между историческим портретом и живописным заключается в том, что художник схватывает суть персонажа лишь в тот или иной момент, в определенный период его жизни, историк же должен показать динамику развития личности, т.е. по сути дела, дать серию портретных зарисовок. Эти зарисовки – или этюды – будут так же различны, как живописные портреты, относящиеся к разному времени.

Как же историк преодолеть статичность фрагментарных зарисовок? Очевидно, только путем раскрытия взаимодействия поступков, совершаемых в разное время героем. Диалектическая связь деяний, падающих на различные периоды, скрепляется единой нитью, в качестве которой выступают личностные качества. Характер проявляется в поступках, т.е. деяния, поступки были бы порой невозможны без тех или иных черт характера.

Итак, характер и поступки являются необходимыми компонентами историко-биографического портрета. Но такой портрет не обязательно будет портретом

политическим. Нужен третий компонент. Им является теоретически осмысленная политическая практика. Думается, что иерархия этих трех главных компонентов политического портрета складывается на основе обычных жизненных законов. Человек формируется как личность всю жизнь, но характер его определяется в раннем детстве. Политический деятель обязан всю жизнь заниматься теорией, но основы теоретических знаний приобретаются в годы учебы. Что касается политической практики, то она начинается тогда и постольку, когда и поскольку личность соприкасается с политическим движением.

С.Л. Тихвинский решает стоявшую перед ним задачу достаточно оригинально. Во-первых, автор следует традиции героизировать "благородных мужей", тех, кто служил народу, отдавал жизнь спасению Отечества. Этот принцип китайской историографии и определил состав "троицы", исключив возможность для "боровшихся в долине тигров" – Чан Кайши и Мао Цзэдуна – попасть в этот ареопаг. Во-вторых, на историческом материале конца XIX – первой половины XX в. решаются несколько узловых проблем новой и новейшей истории Китая: соотношение революционного и реформаторского потенциалов нации; влияние личностных факторов на исторический процесс; пределы "конструктивности" национализма, которые отделяют его здоровую сущность от угрожающих миру его же граней: шовинизма, сепаратизма и национально-религиозного фундаментализма.

Именно метод глубокого проникновения в различные пласты исторического действия отличает труды С.Л. Тихвинского от широко распространенного жанра "биографий", многие авторы которых в погоне за сенсационными сведениями, за разоблачениями и дегероизацией исторических персонажей не стесняются нарушать даже врачебную этику и преподносят читающей публике псевдоисторические опусы.

Из сказанного видно, что для С.Л. Тихвинского биографический материал является чем-то вроде трансфокатора в кино- и телекамерах – он позволяет в несколько раз укрупнять отдельные планы. Обогащаемое детальными картинами повествование становится более ярким, и в общей панораме событий выявляются ключевые позиции, на которых концентрируется внимание. Мы столь подробно остановились на методике подачи материала потому, что именно благодаря ей читатель заряжается тем интересом к явным и скрытым ходам истории, который испытывает и сам автор. А.Дж. Тойнби, цитата из основного труда которого мы приводили выше, прав: историк не может и не должен занимать позицию стороннего наблюдателя. Разрывая состояние Инь, он воспитывает и интерес, и вкус к глубокому и реалистическому восприятию порой непростого хода исторического процесса. Тем более, когда историк имел возможность не только на основе архивных документов и других источников воспроизвести картины прошлого, но и сам, как это было с автором рецензируемого труда, в силу сложившихся обстоятельств принимал во многих из них живое и непосредственное участие.

В книге как бы сфокусировались все три луча, которыми С.Л. Тихвинский высвечивает новую и новейшую историю Китая. Первым явилось изложение учения Кан Ювэя³, вторым – учение и практика Сунь Ятсена⁴, и, наконец, третьим – реализация идеи национального единения и возрождения Китая, последовательным адептом которой был Чжоу Эньлай.

Перед историком всегда стоит задача приращения знаний. Он, как и любая творческая личность, обязан следовать правилу Л.Н. Толстого: писать драму имеет право только тот, кому есть что сказать публике. Первые работы С.Л. Тихвинского о

³ Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй. М., 1959; изд. 2-е, доп. М., 1980.

⁴ Тихвинский С.Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика (Из истории национально-освободительной борьбы китайского народа (1885–1925). М., 1964; *его же*. Вступительная статья. – Сунь Ятсен. Избранные произведения, 2-е изд., исправл. и доп. М., 1985, с. 5–44; *его же*. Завещание китайского революционера. Сунь Ятсен: жизнь, борьба и эволюция политических взглядов. М., 1986.

Чжоу Эньлае появляются в конце 80-х годов⁵. В эту пору еще не успел остыть интерес читателей к двухтомнику по новейшей истории Китая, подготовленному большим коллективом исследователей Института Дальнего Востока АН СССР⁶. Выступить с новым фундаментальным трудом, охватывающим практически тот же исторический период, исследователю-одиночке было непросто. Нужны были научная смелость и уверенность в собственном творческом опыте. Импульсом же служил тот самый неизбывный интерес к предмету, о котором упоминает А.Дж. Тойнби.

В чем же новизна подхода С.Л. Тихвинского? Как и все, к чему прикасается рука Мастера, решение оказалось простым и изящным. Взаимосвязь и взаимозависимость реформаторского и революционного путей в новейшей истории Китая – вот лейтмотив его нового труда. Такой подход появился в результате длительного и упорного изучения закономерностей развития великой азиатской страны в XIX–XX столетиях. Факты убедительно свидетельствовали, что, когда власти сопротивляются реформам, отбрасывают их, страну ожидает революция. Синьхайская революция 1911 г. была закономерным ответом народа и его передовой части в лице патриотически настроенной интеллигенции на антиреформаторский курс Цинского правительства, в штыки встретившего реформы Кан Ювэя. Но и после Синьхайской революции борьба двух начал, двух линий продолжалась.

В отечественной историографии по проблемам новейшей истории Китая казалось аксиомой, что только революционный взрыв может вывести страну из полуфеодалного, полуколониального состояния. В трудах зарубежных авторов, наоборот, делались попытки вообще отвергать революционный метод преобразования общества. С.Л. Тихвинскому удалось найти тот баланс между двумя подходами, который заключается в их диалектическом единстве.

Отсюда и главным героем исторического процесса становится Чжоу Эньлай – революционер во имя реформ и реформатор во имя революции, понявший, что каждый новый революционный взрыв является ответом на попытки затормозить движение Китая по пути превращения в современную, передовую державу. Для него революционный взрыв подобен взрыву в шахтном забое, без него не двинешься вперед, он вынужденная мера, чтобы в упорном труде реформ продвигаться к цели. Он истинный творец обновления Китая, тот "вечный работник", который не стремился к высоким постам и державному руководству, а был хранителем высшей идеи, идеи объединения страны и ее обустройства во имя народа. Он принимал эстафету от Кан Ювэя и Сунь Ятсена. Именно это давало ему силы и внутреннюю правоту при принятии решений.

В школьные годы на вопрос учителя "Зачем вы учитесь?", Чжоу Эньлай, не задумываясь, ответил: "Чтобы возвысить Китай!" (с. 34). Формирование личности достигает своего пика в юношеском возрасте. 17-летний Чжоу Эньлай в своем первом публичном выступлении "говорил о сплочении нации во имя подъема экономики страны и усиления Китая, призывал отомстить за позор, не допустить превращения китайцев в рабов иностранцев и гибели государства" (с. 36). Этот морально-психологический заряд он пронес через всю свою жизнь.

В 1919 г., вернувшись из Японии, Чжоу Эньлай включился в общекитайское освободительное движение, начавшееся событиями "4 мая" Но вскоре ему пришлось уехать во Францию, где он провел три с половиной года, занимаясь созданием европейских отделений гоминьдана и КПК. В Китай он возвратился в сентябре 1924 г. Из Европы на Родину приехал профессиональный революционер, которому Исполком европейского отделения Коммунистического союза китайской молодежи дал следующую характеристику: "Сердечный и добрый, обладает неутомимой активностью, его

⁵ Тихвинский С.Л. Чжоу Эньлай. – Вопросы истории, 1988, № 6, с. 168–187; *его же*. Замечательный сын китайского народа. Рец. на кн.: Чжоу Эньлай яньцзю вэньсюань (Сборник статей по изучению Чжоу Эньлая). – Проблемы мира и социализма, 1988, № 11, с. 87–88; *его же*. Китай в моей жизни (30–90-е годы). М., 1992; *его же*. О "секретном демарше" Чжоу Эньлая и неофициальных переговорах КПК с американцами в июне 1949 г. – Проблемы Дальнего Востока, 1994, № 3.

⁶ Новейшая история Китая. 1917–1927. М., 1983; Новейшая история Китая. 1928–1949. М., 1984.

ораторское искусство привлекает людей. Обладает живым литературным стилем, глубоко разбирается в вопросах теории. Его можно считать полностью пролетаризировавшимся. Сравнительно хорошо владеет английским языком, читает книги и газеты на французском и немецком языках. Является одним из основателей настоящего отделения Союза. Избран членом исполнительного комитета Союза третьего созыва. Мужественно переносит лишения, в работе всегда добивается успеха" (с. 107–108).

С тех пор Чжоу Эньлай в течение четверти века вел непрерывную борьбу за спасение своей страны; участвуя в "команде" Сунь Ятсена в строительстве революционной армии южан два Восточных и Северный поход; руководя восстанием рабочих Шанхая в поддержку Северного похода в 1927 г.; затем встав во главе Наньчанского восстания 1 августа 1927 г., когда было положено начало созданию Красной Армии Китая; в 1928–1931 гг. руководя подпольной работой в гоминьдановском тылу, за его поимку было обещано 25 тыс. юаней; руководя Реввоссоветом Центрального советского района Китая в 1931–1934 гг.; участвуя в эвакуации Центрального советского района и в Великом походе, в результате чего был создан Особый район на севере провинции Шэньси, теперь уже за его голову было обещано 80 тыс. американских долл.; активнейшим образом борясь за создание единого фронта для отпора японской агрессии; участвуя в борьбе против новой гражданской войны в 1946–1949 гг.; борясь против американского вмешательства в гражданскую войну, за сплочение всех патриотических сил, готовых строить независимый Китай, участвуя в создании Китайской Народной Республики, провозглашенной 1 октября 1949 г. Жизненный путь легендарного человека.

Чжоу Эньлая отличали широкий кругозор, реальное видение мировых событий. Он в ранние годы побывал во Франции, в России, Японии. Он знал мир и его знали в мире. Проведение переговоров с Чан Кайши, в ходе которых произошло оформление единого национального антияпонского фронта, выдвинуло Чжоу Эньлая на роль официального дипломатического представителя КПК. Начало этому было положено в середине декабря 1936 г., когда Чан Кайши был арестован в Сиане Чжан Сюэляном и Ян Хучэном. Чжоу Эньлай в течение двух недель вел переговоры об урегулировании конфликта. При этом первоначально Мао Цзэдун и его сторонники в КПК вопреки установкам Коминтерна и решениям политбюро ЦК КПК требовали отстранения Чан Кайши от власти и суда над ним. Лишь благодаря выступлению Коминтерна, последовательно ориентировавшего КПК на создание единого антияпонского фронта, удалось добиться мирного урегулирования сианьского инцидента. Чжоу Эньлай стал связным между Мао Цзэдуном и Чан Кайши. Зимой 1937/38 г. он провел в Ухани в качестве заместителя директора политического департамента Комиссии по военным вопросам, одновременно являясь главным редактором газеты "Синьхуа жибао". Гоминьдановцы, американцы, генералы, дипломаты и журналисты составляли круг постоянных знакомых Чжоу Эньлая, среди которых он оттачивал свои дипломатические способности.

Апофеозом этой межкитайской дипломатии можно считать переговоры между КПК и гоминьданом, проходившие с 28 августа по 10 октября 1945 г. в Чунцине. Делегация КПК во главе с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и Ван Жофэем добилась подписания соглашения, направленного на предотвращение гражданской войны. Оценивая эти переговоры, Мао Цзэдун подчеркивал, что делегация КПК "действовала острием против острия". Причем этот дипломатический прием, подобно многим другим его постулатам, мог толковаться как угодно: "В одном случае не идти на переговоры – значит действовать острием против острия, а в другом случае идти на переговоры – значит действовать острием против острия". На переговорах в Чунцине, "действуя острием против острия", Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай пошли на серьезные уступки Чан Кайши, согласившись уступить восемь освобожденных районов и сократить численность НОАК. Однако это не смогло предотвратить наступления гоминьдановских армий на освобожденные районы (с. 306–369). 13 ноября в Чунцине Чжоу Эньлай,

выступая на банкете, на котором присутствовало более 100 деятелей культуры, рассказал им о ходе переговоров между КПК и гоминьданом.

"Непобедимость заключена в себе самом, возможность победы – в противнике", – учил великий китайский стратег Сунь Цзы. Чтобы вывести Китай в число великих держав, необходимо было знать старых противников – вчерашних и сегодняшних колонизаторов и особенно хорошо представлять себе тех, кто из них будет располагать наибольшим весом завтра, т.е. в послевоенном мире. Сделав ставку на США, чанкайшистская дипломатия уже проложила путь для будущих руководителей нового Китая. Первым, очевидно, это понял Чжоу Эньлай, для которого пребывание в Чунцине стало своеобразным дипломатическим университетом. Не случайно западная пресса заговорила о нем как о "китайском сфинксе"

Еще в 1942 г. Чжоу Эньлай попытался установить контакт с представителем президента Ф. Рузвельта Л. Каррие. И хотя ответственный американский чиновник счел неразумным в тот момент встречаться с представителем КПК, тем не менее ему было передано через сотрудников американского посольства послание Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, в котором говорилось, что руководство КПК "приветствовало бы визит в районы, контролируемые КПК, одного или нескольких представителей американского правительства"

Когда в декабре 1945 г. в Яньань прибыла американская миссия, возглавлявшаяся генералом Дж.С. Маршаллом, именно Чжоу Эньлай в течение четырех дней вел с ним интенсивные переговоры. Маршалл был не первым американским визитером в Яньань. Там помнили весьма надменного генерала П. Хэрли, побывавшего в пещерной столице в 1944 г. и назначенного послом США в Чунцине. Впоследствии П. Хэрли заявил, что китайские коммунисты отлучаются от фермеров Оклахомы якобы только тем, что они вооружены. Дж.С. Маршалл был дипломатом иного плана.

Контакты Чжоу Эньлая с американскими представителями имели место в Яньани на глазах у многочисленных кадровых работников, ветеранов китайской революции. Скрыть сам факт попыток какого-то поиска взаимопонимания было невозможно. Лишь Чжоу Эньлай имел с Дж. Маршаллом около 600 встреч. Реализуя замысел руководства КПК, Чжоу Эньлай "пошел, – по словам Дж. Маршалла, – на многие компромиссы". Американскому дипломату пришлось даже выступить адвокатом своего партнера. "Дело дошло до того, что я вступился за него", – свидетельствует Дж. Маршалл, – и ходатайствовал перед Мао Цзэдуном, потому что одно время казалось, что они (КПК) снимут его. Они считали, что он слишком себя скомпрометировал"⁷.

"Лично я извлек четыре урока из этих переговоров, – сказал впоследствии Чжоу Эньлай. – Каждая сторона должна подходить к другой с взаимным пониманием, а не с взаимной враждой. Они должны вести дискуссию на двусторонней основе, не допуская диктата одной стороны. Они должны идти на уступки и требовать – и что более важно – они должны идти на уступки, прежде всего выдвигать требования; и они должны состязаться лишь в том, кто быстрее сможет урегулировать затруднения"⁸.

Для Чжоу Эньлая не существовало проблемы взаимоотношения патриотизма и демократии, он отчетливо видел взаимосвязь и взаимодополняемость этих явлений. Созданный им летом 1937 г. в беседе с американским журналистом Т.А. Биссоном образ, по сути дела, является работающей моделью для общества, находящегося в глубоком кризисе: "Следует рассматривать подготовку к войне с Японией (главным элементом этой подготовки было создание всекитайского патриотического единства. – В.М.) и демократизацию как два колеса велосипеда: одно идет перед другим, а не как два колеса коляски рикши. Другими словами, подготовка к войне с Японией должна идти впереди, а вслед за ней – движение за демократию, которое может толкать вперед первое колесо" (с. 514).

⁷ American Policy Toward China. Round Table Discussion. US Dept of State, 6, 7, 8.X.1949. Washington, 1950, p. 16; Проблемы Дальнего Востока, 1979, № 3, с. 162.

⁸ *Roots J.M. Chou. An Informal Biography of China Legendary Chou En-lai.* New York., 1978, p. 94.

В естествознании, технических дисциплинах принято оценивать научные достижения, соотнося их с мировым уровнем разработок. Отсюда произошло выражение "техника нового поколения". Если с такого рода шкалой подойти к труду С.Л. Тихвинского, то следует сказать, что он относится к самому "новейшему поколению" произведений отечественной и мировой исторической науки. Автору первому удалось собрать воедино и обобщить последние достижения китайской исторической науки, разработки японских и западных авторов, существенно пополнив их результатами собственных розысканий. Практически все командировки в Китай, Японию, Францию в конце 80-х – начале 90-х годов С.Л. Тихвинский посвятил настойчивому поиску документов, материалов, опросу лиц, работавших с Чжоу Эньлаем или встречавшихся с ним. Китайские коллеги, в первую очередь президент Академии общественных наук КНР профессор Ху Шэн, профессора Цзинь Чунци и Лю Си помогли российскому ученому обеспечить надежную документальную базу исследования. Китайская сторона сделала максимум возможного не только чтобы поддержать интерес зарубежного коллеги к памяти высоко чтимого в Китае премьера Чжоу Эньлая, но и потому, что этим зарубежным коллегой оказался российский академик С.Л. Тихвинский, на протяжении многих лет лично знавший Чжоу Эньлая и широко известный в Китае как ученый и общественный деятель, отдающий всю свою творческую энергию делу укрепления связей и взаимопонимания народов двух великих соседних стран.

Особо следует отметить, что С.Л. Тихвинский внимательнейшим образом обследовал музейные коллекции провинциальных городов Китая, где имеются богатые письменные и материальные экспонаты, связанные с именем Чжоу Эньлая, с фактами и событиями революционной борьбы китайского народа. И, наконец, Сергей Леонидович был активным участником ряда научных конференций, проходивших в Китае в последние годы. Это дало ему возможность изучить различные точки зрения китайских, в частности и тайваньских, и западных ученых, получить информацию об их самых последних исследованиях и публикациях.

Заметим, что только на рубеже 80–90-х годов в Китае было издано более 20 книг о Чжоу Эньлае и опубликованы десятки статей о различных сторонах его биографии. К этому следует добавить десятки работ западных специалистов. В целом библиография использованных С.Л. Тихвинским трудов насчитывает 435 названий.

Ряд интереснейших данных был извлечен С.Л. Тихвинским из отечественных архивохранилищ, в первую очередь из Архива Президента РФ. Среди этой категории документов особое внимание привлекает переписка Чжоу Эньлая и Чан Кайши с И.В. Сталиным (с. 520–524). Интересной находкой является и обнаруженный С.Л. Тихвинским в архиве Коминтерна перевод брошюры Чжоу Эньлая об организационной работе в КПК. Эта работа была подготовлена в Шанхае в 1929 г. в условиях строгой конспирации, в ее основу был положен доклад на заседании политбюро ЦК КПК (с. 214–215).

Поэтому помимо концептуальной новизны работы поражает обилие в ней новых данных, уникальных фактов, редких штрихов, из которых, собственно, и состоит здоровая ткань живого исторического действия. Приведем два примера. Мало кому даже из узких специалистов было известно, что Чжоу Эньлай находился пусть в дальнем, но в родстве с "китайским Горьким" – выдающимся писателем Чжоу Цзожэнем, известным у нас и во всем мире под псевдонимом Лу Синь (с. 484); к таким же ранее не освещавшимся фактам относится и эпизод в самолете в 1945 г., когда в крайне опасной ситуации Чжоу Эньлай отдал свой парашют дочери знаменитого военачальника Е Тина (с. 533).

Фотодокументы давно уже стали важными историческими источниками. Чаще всего они не нуждаются в специальных комментариях. За годы работы над книгой Сергей Леонидович собрал интересную коллекцию фотографий. Помещенные компактно, в разделе "Примечания", фотоиллюстрации, действительно, дают право сказать, что история оживает в лицах. Ибо здесь проходит и портретная галерея китайских, советских и американских персонажей книги, и можно увидеть лица крестьян, делищих

имущество помещицкой усадьбы, и лица горожан, проводивших антиамериканскую демонстрацию в Пекине в 1946 г.

Чжоу Эньлаю было 37 лет, когда в Освобожденном районе побывал американский корреспондент Э. Сноу. Вот созданный им портрет, отлично дополняющий имеющиеся в книге фотографии. "Появился молодой стройный офицер с густой черной бородой. Он подошел ко мне и спросил хорошо поставленным приятным голосом: "Хэлло, вы кого-то ищете?" Он произнес это по-английски... Он обладал стройной фигурой среднего роста, скорее хрупким телосложением; он выглядел по-юношески, несмотря на свою длинную черную бороду. У него были большие, теплые, глубоко посаженные глаза. От него определенно исходил какой-то магнетизм, порожденный удивительным сочетанием застенчивости, личного обаяния и твердой уверенности в правильности принимаемых им решений... Чжоу Эньлай произвел на меня тогда впечатление человека, обладающего холодным, логическим и творческим умом" (с. 512–513).

Хотел бы обратить внимание читателей на обширные авторские примечания, вынесенные за корпус основного повествования, но органически с ним связанные. Часть из них является историческими мини-исследованиями, другие сообщают интересные сведения о конференциях, архивных и музейных разысканиях автора, наконец, многие примечания уточняют данные мировой историографии по тем или иным проблемам, с которыми столкнулся автор в ходе своей работы. И то, что эти данные соотнесены с новейшей документальной базой, перепроверены и откорректированы, дает основание в дальнейшем обращаться к труду именно С.Л. Тихвинского как к последнему слову науки, который еще длительное время будет питать нас новыми знаниями.

5 марта 1998 г. исполнится 100 лет со дня рождения Чжоу Эньлая. Российское китаеведение, наша историческая наука в целом благодаря новому фундаментальному труду С.Л. Тихвинского приходят к этой дате с существенным вкладом в мировую историографию проблем китайской революции и роли в ней одного из наиболее выдающихся ее лидеров. На наш взгляд, необходимо перевести книгу С.Л. Тихвинского на иностранные языки, чтобы доступ к новым знаниям, содержащимся в ней, получили и китайские, и западные историки.

И.В. ЛЕБЕДЕВ

ПОСОЛ МОСКВЫ ПРИ ШЕСТИ ПРЕЗИДЕНТАХ США

Книга А.Ф. Добрынина¹ уже заинтересовала широкий круг читателей, особенно тех, которые следили за развитием советско-американских отношений или были непосредственно в них вовлечены с начала 60-х годов вплоть до советской "перестройки". В течение почти четверти века в международных отношениях на практике шел процесс утверждения реалий "ядерной эпохи". Многие в это время происходило впервые и стало прецедентом для будущего.

В работе одного из старейших дипломатов нашего времени отражены уникальные события недавнего прошлого. Рассматриваемый труд является правдивым памятником этому периоду мировой политики, созданным деятельным и активным участником международного политического общения на самом высоком уровне.

Одно из основных достоинств книги А.Ф. Добрынина состоит в том, что она написана последовательным сторонником нормализации и улучшения отношений между Москвой и Вашингтоном, обеспечения стратегической стабильности и партнерства при равной безопасности сторон и учете национальных интересов друг друга. Принимая во внимание приоритетную роль, которую играл в прошлом и продолжает играть сейчас российско-американский диалог в современной системе международных отношений, можно предположить, что политическая нацеленность книги на позитивные результаты диалога, содержащиеся в ней советы насчет того, что необходимо сделать, чтобы достичь их в будущем, – делает ее полезным "путеводителем" по сложным и запутанным лабиринтам двусторонних отношений с США. Положительный настрой автора книги в отношении страны пребывания, стремление досконально разобраться в ее политической культуре, расстановке сил, механизме принятия решений при его готовности последовательно отстаивать интересы направившего дипломата на работу в Вашингтон государства несомненно могут служить верной методической рекомендацией любому практическому работнику внешнеполитической службы.

Труд А.Ф. Добрынина уже был опубликован в США², теперь он издан и в России, а также в Китае и Греции. Книга готовится к изданию во Франции и в Испании. Нет сомнения, что воспоминания видного нашего дипломата будут и далее завоевывать все новые читательские круги.

В 9 частях и 38 главах мемуаров русского издания А.Ф. Добрынина (американское издание имеет 8 частей и 34 главы) содержится большой фактический материал, раскрывающий центральные направления обмена мнениями между руководителями СССР и США, когда в СССР ими были Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко и М.С. Горбачев, а в США – Дж.Ф. Кеннеди, Л.Б. Джонсон, Р.М. Никсон, Дж. Форд, Дж. Картер и Р.У. Рейган. Жанр книги – мемуары посла – предопределил последовательность изложения. Фактически каждому из перечисленных выше президентов США, с которыми А.Ф. Добрынину довелось лично иметь дело,

¹ *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1996.

² *Dobrynin A.* In Confidence. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents (1962–1986). New York, 1995.

отведена отдельная часть этого увлекательного труда, отличающегося живым, доходчивым языком (кстати, за рубежом отмечен прекрасный стиль книги и на английском языке, на котором самим автором написана ее значительная часть).

При всем обилии имен, дат, названий, дипломатических и военно-технических терминов, характеристик политических деятелей и исторических событий книга вовсе не кажется ими перенасыщена, наоборот, их ровно столько, сколько нужно, как говорят – из песни слова не выкинеш. Чувствуется не только профессионализм дипломата мирового класса, отлично владеющего историческим материалом, но и личная увлеченность человека, придирчиво, критическим взглядом, но с удовлетворением оглядывающего пройденный путь. "Лучшие годы моей жизни – а они охватывают 50 лет дипслужбы – были отданы работе в качестве посла", – пишет Анатолий Федорович в предисловии к книге.

А.Ф. Добрынин был назначен на должность посла СССР в Вашингтоне 4 января 1962 г. на заседании Президиума ЦК КПСС. Этому предшествовала более чем 20-летняя учеба и работа сначала в качестве авиаконструктора, а затем дипломата. Родившись в семье кадрового рабочего, А.Ф. Добрынин смог приобрести высшее техническое образование в Московском авиационном институте и стал работать авиаконструктором на одном из ведущих авиазаводов страны. Но по решению высших инстанций в конце войны он был вновь направлен на учебу, на этот раз дипломатическую, а затем и работу в МИД СССР. Такая судьба была тогда типична для выходцев из рабочих семей, ставших инженерами на производстве, транспорте или в других отраслях народного хозяйства. Новое поколение технически грамотных специалистов руководство страны тогда считало естественным резервом для роста и выдвижения на ключевые посты в государстве. Многие из них, как и А.Ф. Добрынин, стали впоследствии государственными деятелями.

А.Ф. Добрынин с благодарностью вспоминает годы работы на авиационном заводе. Они "сослужили все же мне добрую службу в дипломатических делах, особенно, когда начались советско-американские переговоры по разоружению, которые охватывали и область авиации, и ракетных сил разного назначения. Мне было гораздо легче, чем многим моим коллегам – "чистым дипломатам", – осваивать эту достаточно сложную своими техническими деталями область"³. Двухгодичное обучение в Высшей дипломатической школе, аспирантура и защита диссертации на тему "Дальневосточная политика США в период русско-японской войны", работа в учебном отделе МИДа и секретариате заместителя министра иностранных дел В.А. Зорина позволили не просто освоить "азы дипломатии", но и узнать изнутри процесс формирования взглядов руководства на многие крупные внешнеполитические вопросы. Автор мемуаров приводит имена видных советских ученых, дипломатов, с которыми ему довелось встречаться в тот период – С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова, С.Б. Крылова, послов А.А. Трояновского, Б.Е. Штейна, Ф.Т. Гусева, а также руководителей МИДа В.А. Зорина, А.Я. Вышинского и В.М. Молотова. Отчасти общение с этими людьми, а также накопленный собственный дипломатический опыт позволили А.Ф. Добрынину понять механизм принятия внешнеполитических решений в советском, да и не только в советском руководстве, и эти знания помогли ему на протяжении всей его последующей деятельности.

Опыт длительной зарубежной работы А.Ф. Добрынин приобрел, занимая уже последующие ступени служебной дипломатической лестницы. В 1952–1955 гг. он советник, а затем советник-посланник (т.е. второй после посла по значению дипломат) в посольстве СССР в Вашингтоне, а в 1957–1960 гг. заместитель генерального секретаря ООН в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла. В эти годы он приобрел опыт участия в организации визитов в США на высоком (поездка В.М. Молотова в Сан-Франциско на празднование 10-летней годовщины ООН) и высшем (визит Н.С. Хрущева на сессию Генеральной Ассамблеи ООН в 1959 г.) уровнях. Затем –

³ Добрынин А.Ф. Указ. соч., с. 10.

два года труда "в центре" на руководящей работе в качестве члена Коллегии МИД, заведующего Отделом стран Америки.

Когда его назначили послом СССР в Вашингтоне, он был уже опытным, прекрасно зарекомендовавшим себя на практической работе дипломатом высшего ранга. Трудно сказать, рассматривались ли в Президиуме ЦК КПСС иные кандидатуры на эту должность. Однако уверенно можно заключить, что его кандидатура была вполне подходящей.

Кто знает, в каком состоянии могли бы быть сейчас российско-американские отношения, да и мир в целом, займи эту ключевую должность в советском дипкорпусе менее подготовленный и менее компетентный дипломат.

Показательно само название книги – "Сугубо доверительно" – в нем заключается лейтмотив мемуаров, напоминание о том сугубо доверительном канале межгосударственных отношений, который А.Ф. Добрынин как посол СССР негласно поддерживал от имени высшего руководства страны с президентами США наряду с официальными и формальными методами дипломатического общения через государственный департамент.

Тема существования двух параллельных каналов общения между Москвой и Вашингтоном, у одного из которых – официального – был более широкий круг допущенных к нему должностных лиц, а у другого – неофициального – круг допущенных с обеих сторон можно было пересчитать по пальцам, проходит красной нитью через всю книгу. Такая схема общения позволяла руководителям двух государств уверенно вести переговоры. Когда официальный диалог заходил в тупик, то действовал механизм для доверительного диалога на высшем уровне: президент США – генеральный секретарь ЦК КПСС. Даже в сложных, а иногда, казалось, безвыходных ситуациях компромисс обычно находился.

Справедливо и другое. Книга свидетельствует о том, что, когда конфиденциальный канал бездействовал по различным причинам, что, как выясняется, было в начальный период работы администрации Дж. Картера и во время первой администрации Р. Рейгана, уровень отношений двух сверхдержав снижался до опасной отметки, а поиски взаимоприемлемых решений оказывались затруднены.

Историкам небезынтересно знать свидетельства А.Ф. Добрынина о том, кто для него из вашингтонских деятелей был официальным, а кто доверительным каналами доступа на самый верх. Официальные отношения, разумеется, поддерживались через государственных секретарей: Д. Раска – при Дж. Кеннеди и Л. Джонсоне, У. Роджерса, а после 3 сентября 1973 г. Г. Киссинджера – при Р. Никсоне, Г. Киссинджера – при Дж. Форде, С. Вэнса – при Дж. Картере, А. Хейга, а с лета 1982 г. Дж. Шульца – при Р. Рейгане. Из книги можно понять, что наименьший деловой эффект от общения со всеми перечисленными госсекретарями США по официальной линии был у посла, отнюдь не по его вине, с У. Роджерсом, которого сам Р. Никсон часто держал в неведении о переписке на высшем уровне, и с твердолобым А. Хейгом, хотя в личном плане отношения с обоими были достаточно хорошие.

Интересен вопрос, кому те же президенты поручали вести доверительное общение с нашим послом в Вашингтоне. При Дж. Кеннеди, подтверждает А.Ф. Добрынин, это был младший брат президента, министр юстиции Р. Кеннеди, отчасти госсекретарь Д. Раск. При Л. Джонсоне в качестве доверительного канала выступал отнюдь не его помощник по национальной безопасности У. Росту, как можно было бы предположить. По свидетельству А.Ф. Добрынина, У. Росту начиная с первой встречи с ним в июне 1966 г. "не проявил интереса к разоружению и никогда его не проявлял в последующих беседах"⁴. Роль доверительного канала пришлось играть все тому же государственному секретарю Д. Раску. Неадекватность положения почувствовал и сам президент Л. Джонсон, который, поняв сложившуюся ситуацию, сам дал А.Ф. Добрынину свой прямой личный телефон. При Р. Никсоне и Дж. Форде доверительный

⁴ *Dobrynin A. Op. cit., p. 142.*

канал прочно закрепился за помощником президента по национальной безопасности Г. Киссинджером. Интенсивность обменов по этому каналу достигла своего пика в 1972 г. – у А.Ф. Добрынина с Г. Киссинджером состоялось более 130 доверительных бесед по поручениям руководства с обеих сторон⁵. Р. Никсон даже распорядился провести из Белого дома от Г. Киссинджера к А.Ф. Добрынину прямой защищенный телефон – для беспрепятственного доверительного общения. Существование и функционирование этого телефона было большой государственной тайной, он действовал до президента Р. Рейгана.

При администрации Дж. Картера доверительный канал функционировал в основном через государственного секретаря С. Вэнса, хотя сперва и не очень активно. Постепенно интенсивность его использования увеличилась. Так, в первой половине 1979 г., т.е. в самый активный период подготовки встречи в верхах в Вене, с С. Вэнсом состоялось две дюжины встреч наедине. Доверительные контакты через помощника президента по национальной безопасности З. Бжезинского также осуществлялись, но гораздо реже. К тому же он обычно не участвовал в текущих переговорах по конкретным проблемам, это осталось за Д. Раском⁶.

В целом А.Ф. Добрынин справедливо отмечает, что внешнеполитический курс США претерпел в 70-е годы значительную эволюцию. От известного содействия разрядке международной напряженности, некоторой нормализации советско-американских отношений в начале десятилетия, американская политика к концу этого периода резко сдвинулась вправо. В этом смысле годы президентства Дж. Картера во многом были периодом упущенных возможностей.

После прихода Р. Рейгана в Белый дом конфиденциальный канал связи совсем прекратил свое существование до февраля 1983 г., когда постепенно через госсекретаря Дж. Шульца он стал возобновляться. Интересно, что инициативу в этом проявил сам Р. Рейган – во время встречи у него на квартире с А.Ф. Добрыниным в присутствии Дж. Шульца американский президент высказался за установление с Ю.В. Андроповым личного доверительного канала связи, "минуя бюрократию" Таким каналом могли бы стать контакты через Шульца и советского посла. 1 августа 1984 г. Ю.В. Андропов в своем последнем послании Р. Рейгану, по свидетельству автора, выразил намерение приветствовать предметный и откровенный обмен мнениями доверительным образом через посла в Вашингтоне⁷. Но этот канал Рейганом использовался вяло. "Думается, – пишет А.Ф. Добрынин, – что у него (президента. – *И.Л.*) не было в тот момент конкретных мыслей, как практически использовать этот канал". Шулец, по наблюдениям посла, также вначале "ничего практически не делал в этом направлении", все время оглядываясь на президента⁸. Понадобилась пара лет для его активизации.

Знание существа проблем, наблюдения на месте и опыт позволяли А.Ф. Добрынину с позиции посла в Вашингтоне экспертно давать для Москвы анализ военно-политических и разоруженческих вопросов в советско-американских отношениях, т.е. на ключевом их направлении. Интересными, как представляется, являются предложенные им точки отсчета советско-американского диалога по вопросам стратегических и ядерных вооружений. Так, начало дискуссий по вопросам стратегических ракет и противоракетной обороны (ПРО) на базе запрошенных им правительственных указаний по проведенному им предварительному зондажу А.Ф. Добрынин относит к 18 марта 1966 г., когда состоялась его негласная беседа с директором Агентства по контролю над вооружениями и разоружению У.Фостером, специально посвященная вопросам установления контроля над гонкой в области ракетного оружия. В ходе этой встречи представитель США впервые поднял вопрос о возможности взаимного отказа

⁵ Ibid., p. 240.

⁶ Ibid., p. 420.

⁷ Добрынин А.Ф. Указ. соч., с. 515.

⁸ Там же, с. 549.

от развертывания систем ПРО и от стратегических ракет, но было высказано это скорее в полуофициальном плане⁹.

Первым официальным посланием на высшем уровне, в котором шла речь о стратегических вооружениях (как бы в развитие негласного диалога с Фостером с учетом и наших контрпредложений), А.Ф. Добрынин называет письмо президента США Л. Джонсона от 27 июня 1966 г., в котором предлагалось провести в Женеве советско-американскую встречу для обсуждения вопросов ограничения развертывания систем ПРО, а также были выражены идеи установления "взаимоприемлемого и стабильного соотношения стратегических сил, легко проверяемого национальными средствами", и таким образом предотвратить гонку в области стратегических вооружений¹⁰.

Впервые вопросы ядерной стратегии США в увязке с контролем над стратегическим ядерным оружием члены американского кабинета стали обсуждать с нами с весны 1967 г. Пионером в этом стал министр обороны США Р. Макнамара. Во время негласной беседы на обеде вдвоем у него дома А.Ф. Добрынину была подробно прокомментирована доктрина "взаимного гарантированного уничтожения", которой в то время придерживались США. В целях повышения стабильности в области ядерных вооружений Макнамара предложил возможный план взаимного отказа двух стран от развертывания дорогостоящих систем ПРО¹¹. И А.Ф. Добрынин и Р. Макнамара вскоре стали участниками единственной в период президентства Л. Джонсона встречи в верхах в Глассборо, где советскую сторону представлял А.Н. Косыгин. Эти дискуссии и встречи, по свидетельству автора мемуаров, «заложили предварительную основу того, что затем стало "переговорами по ограничению стратегических вооружений или ОСВ"», которые начались уже при администрации Р. Никсона.

Мало кто знает, что после отказа Л. Джонсона добиваться переизбрания на второй президентский срок в 1968 г. некоторое время рассматривалась возможность проведения еще одной советско-американской встречи в верхах (в августе 1968 г. он даже был приглашен в Москву) или участие Л. Джонсона в качестве главы американской делегации на начальном этапе предложенных обеими сторонами переговоров по ограничению стратегических вооружений. А.Ф. Добрынин подробно рассказывает об этом¹². Вообще политическая фигура Л. Джонсона в мемуарах предстает в непривычном свете. Это фигура деятеля, которому, похоже, история не оставила шанса реализовать полностью его положительный потенциал в отношениях с Москвой. Немало значило, однако, уже то, по свидетельству А.Ф. Добрынина, что Л. Джонсон "стремился по возможности оберегать отношения с СССР от серьезных последствий вьетнамской войны"¹³.

В мемуарах А.Ф. Добрынина содержатся интересные детали, важные для понимания исторических событий. В частности, в августе 1968 г. республиканский кандидат в президенты Р. Никсон, посетивший президента-демократа Л. Джонсона, обещал ему продолжить переговоры по стратегическим ядерным вооружениям с Москвой, что получило положительную оценку со стороны президента и госсекретаря Д. Раска¹⁴.

Другая интересная деталь: даже события в Чехословакии в августе 1968 г. не помешали Л. Джонсону добиваться новой встречи на высшем уровне. В частности, такую встречу предлагалось провести в середине декабря 1968 г., т.е. уже после президентских выборов в США, но еще до вступления нового президента в должность, посвятив ее, в основном, вопросам ограничения стратегических вооружений¹⁵. Но она не состоялась, во многом из-за возражений только что избранного нового президента Р. Никсона.

⁹ Там же, с. 150.

¹⁰ *Dobrynin A.* Op. cit., p. 151.

¹¹ *Ibid.*, p. 151–153.

¹² *Ibid.*, p. 178.

¹³ *Добрынин А.Ф.* Указ. соч., с. 134.

¹⁴ *Dobrynin A.* Op. cit., p. 178.

¹⁵ *Ibid.*, p. 186.

Еще одно любопытное воспоминание о том, что могло бы произойти, но не произошло: оказывается, демократ Д. Раск вполне мог бы быть послом республиканца Р. Никсона в Москве, президент сделал ему такое предложение. Но бывший государственный секретарь Д. Раск отказался.

По свидетельству А.Ф. Добрынина, с приходом Р. Никсона в Белый дом в январе 1969 г. переговоры по ограничению стратегических вооружений (или ОСВ) не рассматривались им в качестве первоочередных на начальной стадии его президентства. Не было случайностью то, что в меморандуме, подготовленном в Белом доме Советом национальной безопасности весной 1969 г., ОСВ не находилось в числе американских приоритетов. Наиболее приоритетными вопросами в тот период были война во Вьетнаме, Ближний Восток и программа военного строительства. Так это было и одобрено президентом. Только постепенно ОСВ продвигалось на более видное положение, пока оно не стало основным предметом советско-американских соглашений, достигнутых на московской встрече в верхах 1977 г.¹⁶, особенно соглашение о неразвертывании систем противоракетной обороны, имеющее ключевое значение до сих пор.

20 октября 1969 г. А.Ф. Добрынин передал Р. Никсону сообщение о готовности советской стороны начать официальное обсуждение ограничения стратегических вооружений, а 25 октября обе стороны объявили, что переговоры по ОСВ начнутся в Хельсинки 17 ноября. "В течение многих лет переговоры являлись барометром наших отношений"¹⁷. Переговоры продолжались вплоть до московской встречи в верхах в 1972 г.; всего в Хельсинки и Вене состоялось восемь их раундов.

Несмотря на успешное в целом завершение переговоров, их неудачей и упущенной возможностью в тот период А.Ф. Добрынин называет неспособность сторон – ввиду негативной позиции США – предотвратить на ранней стадии развертывание стратегических баллистических ракет с разделяющимися головными частями (РГЧ). Это более чем на 20 лет (соглашение о запрете ракет с РГЧ было достигнуто в 1993 г.) осложнило подсчеты и договоренности в области стратегического паритета¹⁸.

Переговоры по стратегическим вооружениям продолжались при сменявшем Р. Никсона Дж. Форде, хотя новый президент столкнулся по приходе в Белый дом с сильной критикой со стороны правых. Тем не менее состоявшаяся 23–24 ноября 1974 г. рабочая встреча Л.И. Брежнева и Дж. Форда близ Владивостока "в небольшом местном районном клубе" была интенсивной и напряженной. "Главное место в переговорах с Фордом в ходе, в общем-то, весьма непродолжительной встречи, – пишет А.Ф. Добрынин, – заняли вопросы, касающиеся выработки нового долгосрочного соглашения по ограничению стратегических наступательных вооружений, причем переговоры были нелегкими"¹⁹. В результате были достигнуты важные договоренности: были установлены равные количественные суммарные уровни стратегических вооружений обеих стран, а также равное количество ракет, которое стороны имеют право оснащать с РГЧ. Короче, констатирует автор, фиксировался важный принцип равенства и одинаковой безопасности сторон.

Интересны описания того, как готовились и проводились и другие встречи на высшем уровне – с Дж. Картером в Вене 15–18 июня 1979 г. и с Р. Рейганом в Женеве 19–25 ноября 1985 г. Если результатом первой встречи в Вене был крупный успех, считает посол, – подписание договора об ограничении стратегических вооружений ОСВ-2, то в Женеве договориться по вопросам космических и ядерных вооружений не удалось. Мало что можно было ожидать от администрации, предложения которой с самого начала носили односторонний характер. Реализация предложений Рейгана о сокращении стратегических вооружений "привела бы к тому, что в составе стратегических сил США оказалось бы примерно в 1,5 раза больше носителей,

¹⁶ Ibid., p. 201.

¹⁷ Ibid., p. 202.

¹⁸ Ibid., p. 213.

¹⁹ Добрынин А.Ф. Указ. соч., с. 315.

чем у СССР. По числу же ядерных зарядов на таких носителях США получили бы трехкратное превосходство над Советским Союзом"²⁰. Не дав конкретных результатов в области договоренностей по ограничению стратегических ядерных вооружений, Женева, однако, все же позволила изменить климат в отношениях двух стран, взять курс на практическое взаимодействие с Рейганом, что привело в дальнейшем к изменениям в советско-американских контактах.

Не все руководители и с советской стороны были в состоянии вести диалог с США по сложной проблематике стратегических вооружений. Так, по словам автора, при К.У. Черненко переговоры по стратегическим вооружениям не велись в течение года²¹.

Из книги А.Ф. Добрынина ясно, что столь быстро центральное место в советско-американских отношениях переговоры по ядерным вооружениям заняли во многом благодаря наглядной демонстрации опасностей конфронтации в этой области в период Карибского кризиса 1962 г., возникшего, с одной стороны, из-за угроз со стороны США вторгнуться на Кубу, а с другой – в результате скрытого размещения советского ядерного оружия на острове. Трудное положение советского посла в Вашингтоне, которого вначале вообще не проинформировали о принятом в Москве решении о размещении ракет, выправилось только после того, как Н.С. Хрущев и Дж. Кеннеди убедились, что более компетентного и быстрого доверительного канала связи, чем советский посол, для общения в ситуации кризиса им не найти.

Весьма поучительно описание кульминации кризиса – 26–28 октября 1962 г.: "Кризис дал обоим правительствам и лично мне как послу хороший дипломатический урок: сохранение негласных контактов между противоборствующими сторонами, особенно в период острых кризисов, имеет большую ценность"²². Положительными результатами Карибского кризиса он считает то, что впоследствии – ни в 1963 г., ни позднее – не создавались новые серьезные кризисные ситуации, связанные с другим опасным очагом – Берлином. Не возникало больше и угрозы американского вторжения на Кубу. Негативным последствием кризиса, однако, стала начавшаяся интенсивная гонка ракетно-ядерных вооружений.

Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, подписанный 5 августа 1963 г. в Москве, стал первым реальным шагом к замедлению этой гонки, хотя, по мнению автора мемуаров, уже тогда можно было бы добиться и большего – полного запрещения испытаний, если бы американская сторона в тот момент не "затягла длительный спор об увеличении числа инспекций"²³. И это было в условиях, когда СССР впервые в принципе согласился на такие инспекции. Короче – еще одна упущенная возможность договориться.

Наряду с вопросами, касающимися переговоров о стратегических ракетах, читатель, несомненно, обратит внимание на важные подробности, связанные с историей переговоров и заключением договора о нераспространении ядерного оружия. Для историков этого вопроса полезно помнить о том, что практически сразу после Карибского кризиса первый шаг в этой области был сделан еще в апреле 1963 г. Д. Раск поправил проект совместной декларации о непередаче ядерного оружия от имени США, СССР, Англии и Франции. Переговоры по этому вопросу затянулись. В свою очередь уже советское руководство решило поставить вопросы нераспространения в центр переговоров с США уже в октябре 1966 г. из-за НАТО и угрозы доступа Германии к ядерному оружию, пусть даже под американским контролем²⁴. Это тем более нелишнее напомнить сейчас, когда речь идет о перспективе приближения военной инфраструктуры, а возможно и ядерных арсеналов НАТО к границам России. Тогда, в 1966 г.,

²⁰ Там же, с. 528.

²¹ Там же, с. 575.

²² Там же, с. 78.

²³ Там же, с. 86.

²⁴ *Dobrynin A. Op. cit., p. 147.*

переговоры о нераспространении пошли быстро и завершились договором к концу 1967 г. "Договор в значительной степени помог предотвращению распространения ядерных вооружений, хотя и с исключениями (Индия и Пакистан, Израиль и арабские страны, Северная и Южная Корея), – пишет А.Ф. Добрынин в американском издании книги²⁵. Вопросы наиболее полного нераспространения ядерного оружия после Л. Джонсона активно обсуждались со всеми президентами США, начиная с первой встречи А.Ф. Добрынина с Р. Никсоном. "Договор был и все еще остается одним из основных соглашений ядерного века, нацеленным на уменьшение возможности ядерной войны", – отмечает автор мемуаров²⁶.

Книгу А.Ф. Добрынина можно считать и историей отношений между СССР и США в конкретных областях гражданского сотрудничества. В частности по экономической теме из книги можно почерпнуть факты о настроениях Генри Форда-второго в отношении строительства Камского автозавода, заинтересованности других "капитанов американского бизнеса" в развитии советско-американской торговли, роли "зернового лобби" в США как политического фактора, работавшего на разрядку, устранение двойного налогообложения деловых кругов, участвовавших в торговле, и т.д. Конечно, на годы деятельности А.Ф. Добрынина в США выпали и сильные испытания – принятие дискриминационных в отношении СССР поправок Джексона–Вэника и Стивенсона к закону о торговле 1974 г., увязавших торговлю с политикой и надолго ограничивших уровень торгового оборота между двумя странами.

Канву книги составляют и менее драматичные, чем ракетно-ядерные вооружения, области диалога. Их простое перечисление тоже впечатляет: сотрудничество в космосе (стыковка "Союза" и "Аполлона"), научно-технические связи, мирное использование ядерной энергии, медицина (борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями и др.), установление прямого воздушного сообщения (соглашение было подписано в ноябре 1966 г.), морское судоходство, энергетика, строительство, транспорт, рыболовство, консульская конвенция и переговоры об открытии консульств в Нью-Йорке и Киеве, начало межпарламентских обменов и многое, многое другое.

Заслуживает самостоятельного обозрения вопрос о региональной проблематике в советско-американских переговорах. В повестке дня советско-американских отношений были в основном проблемы Европы, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, главным образом в ситуациях, когда стороны считали, что затрагиваются их интересы. Активный характер обмен мнениями по событиям в регионах обрел во времена администрации Р. Никсона, которая предложила в качестве одной из целей диалога "создание системы советско-американских консультаций для взаимного сдерживания действий во взрывоопасных регионах"²⁷. Еще в ходе первой в качестве президента встречи с А.Ф. Добрыниным Р. Никсон 17 февраля 1969 г. выразил желание вести консультации по, как он выразился, "периферийным вопросам" третьего мира, дабы избежать конфронтации. Однако избежать советско-американского соперничества не удалось. Уже при Дж. Форде, а затем и Дж. Картере американская сторона стала публично использовать термин "конфронтация", когда речь шла об отношениях с СССР в третьем мире.

Большой и самостоятельной темой книги являются также отношения в треугольнике СССР–США–КНР.

Когда-то наш выдающийся дипломат И.М. Майский утверждал в воспоминаниях "Путешествие в прошлое", что мемуары это не историческое исследование, где особенно необходима полнота фактов и точность формулировок, а "капризная запись памяти о людях и событиях прошлого" И он написал прекрасные мемуары. Но у каждого свой подход. Стиль мемуаров А.Ф. Добрынина – абсолютная точность и документальность.

²⁵ Ibid., p. 148.

²⁶ Ibid., p. 198.

²⁷ Ibid., p. 195.

Безусловно, книга много выигрывает от изобилия используемых источников и архивных документов. Только ключевых дипломатических материалов – посланий руководителей друг другу, бесед посла с президентами, госсекретарями, переписки министра иностранных дел СССР А.А. Громыко с госсекретарями США – приводятся многие десятки, причем подавляющее большинство вводятся в оборот впервые. Цитируются также десятки фрагментов важных директив послу, записки руководителей, отвечавших за вопросы внешней и оборонной политики в ЦК КПСС. Наиболее важные для правильного понимания существа проблем материалы даются целиком.

Начиная от обмена посланиями на высшем уровне во время Карибского кризиса (октябрь 1962 г.), когда мир стоял на грани термоядерной катастрофы, до последнего послания на высшем уровне – письма М.С. Горбачева Р. Рейгану, которое А.Ф. Добрынин передал в свой "прощальный" визит в Вашингтон перед встречей с американским президентом 8 апреля 1986 г., уже получив в Москве новый пост, – все эти документы уникальны для историков как источники. С откровенными комментариями автора они приобретают двойную ценность – у читателя создается "эффект присутствия" при осуществлении политического диалога.

Если по прочтении мемуаров А.Ф. Добрынина мысленно начертить график развития советско-американских отношений в 1962–1986 гг., то он выглядел бы, наверное, так. Восходящая линия прошла бы через весь период с конца 1962 г. по 1969 г. "За период с 1963 г. по 1969 г., – пишет А.Ф. Добрынин, приводя ссылку на мемуары Л. Джонсона, – было заключено больше советско-американских соглашений, чем за 30 предыдущих лет" Затем после двухлетнего затишья линия отношений вновь пошла бы по восходящей. Пик графика пришелся бы на 1973 г., время поездки Брежнева в США. Важно отметить, что уже тогда отношения были такими, что помогли локализовывать региональные конфликты. «Достигнутый тогда "новый уровень" отношений между двумя странами позволил удержать в локальных рамках опасную напряженность, возникшую в ходе октябрьского (1973 г. – *И.Л.*) арабо-израильского конфликта на Ближнем Востоке, не дал ему разрастись и перекинуться на всю сферу советско-американских отношений, а также на положение в мире в целом», – свидетельствует А.Ф. Добрынин²⁸. Затем после 1974 г. линия пошла бы постепенно вниз, крутизна ее падения увеличивалась, а в конце 1979 г. пошла бы круто вниз. Нижняя точка графика пришлось бы на 1983 г. "Советско-американские отношения, – отмечено в книге, – переживали в 1983 г. самый жестокий кризис за последнее десятилетие" И лишь через год уровень отношений вновь стал бы подниматься.

Героями книги наряду с президентами США и руководителями СССР являются также окружавшие А.Ф. Добрынина и помогавшие ему в его нелегкой деятельности люди: члены семьи, супруга, дочь, дипломаты посольства, военные, люди разных профессий. Приятное впечатление оставляют части воспоминаний, в которых рассказывается о поддержке со стороны супруги – Ирины Николаевны Добрыниной, которой посвящена книга и которая играла незаменимую роль в контактах с семьями американских государственных и политических деятелей, в дипломатическом корпусе и колонии соотечественников в Вашингтоне.

Составителям будущих дипломатических словарей будет интересно изучать мемуары А.Ф. Добрынина еще и для того, чтобы лучше понять, как на практике действовала "добрынинская школа" дипломатии. Коллегами А.Ф. Добрынина в этой школе, по его определению, в разное время были будущий министр иностранных дел А.А. Бессмертных, первые заместители министра иностранных дел Г.М. Корниенко, Ю.М. Воронцов, заместители министра иностранных дел В.Г. Комплектов, Г.Э. Мамедов и В.И. Чуркин, Чрезвычайные и Полномочные Послы О.М. Соколов, В.Ф. Исмаков, В.М. Васев и др.

²⁸ Добрынин А.Ф. Указ. соч., с. 248.

Министр иностранных дел Российской Федерации Е.М. Примаков, выступая 15 января 1997 г. в Москве на презентации по случаю выхода книги А.Ф. Добрынина "Сугубо доверительно", охарактеризовал ее автора как выдающегося дипломата, который во многом определил очертания внешней политики нашей страны в последней трети XX в.

Основываясь на этой оценке, может быть, уместно выразить еще одну мысль. Книга, как и вся деятельность А.Ф. Добрынина в качестве посла в США, способствует развитию партнерских отношений между нашими странами. Как представляется, она вообще могла быть издана двумя престижными издательствами по обе стороны океана только в период нормализации российско-американских отношений. Сам по себе выход книги является хорошим признаком утверждения в отношениях двух стран таких полезных качеств, как открытость, доверие и предсказуемость.

**ПИСЬМО ПОСЛА США В МОСКВЕ
в 1987–1991 гг. Дж. МЭТЛОКА**

Уважаемый г-н редактор!

Позвольте поблагодарить Вас за публикацию моих телеграмм в государственный департамент США от 1989 г. ("Новая и новейшая история", 1996, № 1). После внимательного ознакомления с их переводом и комментарием я, как непосредственный их автор, счел своим долгом написать свой собственный комментарий. Надеюсь, что редакция сочтет возможным напечатать мои соображения по поводу этих донесений в одном из последующих номеров журнала.

Ознакомившись с публикацией своих донесений в государственный департамент США от февраля 1989 г., я был одновременно польщен таким их быстрым появлением в русской печати и огорчен неточностями, допущенными в интерпретации этих телеграмм. Поэтому я счел необходимым сам объяснить читателям контекст и суть моих рекомендаций в этих документах.

Во-первых, надо отметить, что автор, Владислав Зубок, почему-то не напечатал документы полностью, опустив некоторые важные пункты, а, кроме того, представил телеграммы не в том порядке, в котором они были посланы. Телеграмма, которую он обозначил как "Документ № 1", на самом деле была третья по порядку. Документы № 2 и № 3 (в хронологии В. Зубока) в оригинале были первым и вторым посланием.

Изменив порядок донесений и оставив без внимания пункты, важные для их понимания, исследователь усложнил читателю знакомство с анализом и рекомендациями, содержащимися в этих телеграммах. Такое расположение материала очень похоже на то, как если бы, печатая пьесу, издатель поместил акт третий вначале, а акты первый и второй считались бы, соответственно, вторым и третьим. Это, безусловно, озадачило бы читателя, с трудом понимающего, что же на самом деле имеет в виду драматург.

Но это еще не все, к сожалению. При публикации была пропущена следующая информация, необходимая при прочтении текста телеграмм:

Время, указанное в так называемом документе № 1 – 221518Z Feb. 89, – означает, что телеграмма была послана 22 февраля 1989 г. в 15 час. 18 мин. Moscow 04648 – место отправления и номер телеграммы. Далее идут сноски – Ref: (A) Moscow 2962 (B) Moscow 3850.

В так называемом документе № 2 время отправления 031826Z Feb. 89 (3 февраля 1989 г., 18 ч. 26 мин.). Его номер 02962. Сноски здесь вообще отсутствуют, потому что на самом деле эта телеграмма была послана первой.

Так называемый документ № 3 отправлен 031826Z Feb. 89 (13 февраля 1989 г.), за серийным номером 03850 и только с одной сноской – Ref. Moscow 2962.

Как видите, порядок прочтения донесений несложен. Кроме того, для получения документа из архива необходимо знать его серийный номер, так что трудно предположить, что историк В. Зубок, сам работающий в архиве, не понимал значения всех этих цифр и чисел. Телеграммы были задуманы как единое целое в трех частях. Каждая и читалась, и рассматривалась Вашингтоном именно в таком общем контексте.

Мое второе и более важное замечание – в своих комментариях г-н Зубок не

учитывает политический контекст, обстановку, в которой писались телеграммы, и таким образом искажает некоторые мои взгляды и положения.

Документы были отправлены в то время, когда новая администрация Соединенных Штатов во главе с Джорджем Бушем только начинала свою деятельность, делая всесторонний обзор и пересмотр политики. Только некоторые члены новой администрации были вовлечены в создание внешней политики во время предыдущей администрации Рейгана. Некоторые же вообще сомневались, что политика Рейгана по возобновлению дружеских отношений с СССР отвечает действительным интересам США.

При написании телеграмм моя задача была объяснить ситуацию, как я ее понимал, и в особенности убедить скептиков в том, что политику Рейгана необходимо продолжать, более того, углублять и развивать. Анализ происходивших в СССР процессов, сделанный в моих первых двух посланиях (кстати, даже сейчас, много лет спустя, он мне кажется довольно точным и объективным), был использован в третьем послании для подтверждения отдельных рекомендаций во внешней политике.

Одновременно я пытался ненавязчиво опровергнуть некоторые идеи, широко распространенные среди внешнеполитической команды президента Буша. Такие, например, как убеждение, что внешняя и интернациональная политика Советского Союза не изменилась в своей основе и что наши страны по-прежнему находятся в отношениях "нулевого итога" Или утверждения, что перестройка только сделает Советский Союз сильнее и, таким образом, увеличит его опасность для Соединенных Штатов. И, наконец, точка зрения, что Горбачев в скором времени будет смещен, а, значит, Америке незачем серьезно сотрудничать с ним.

Основной упор моего анализа был сделан на опровержение всех этих трех положений. Я не был согласен с такими официальными лицами, как Гейтс, Чейни и Скоукрофт, на формирование взглядов которых повлияли эти ошибочные мнения, даже если они и не были настроены категорически. Придерживаясь противоположной точки зрения, я использовал язык, который считал наиболее убедительным для скептиков. Таким образом, я настаивал на том, что советская политика фундаментально изменилась и что мы больше не следуем правилам игры "нулевого итога". Это означало, что мы наконец можем служить интересам обеих стран одновременно. Соответственно, когда я говорил о служении американским интересам в своем третьем послании (первом по хронологии В. Зубока), я рассматривал эти интересы вне конфликта с интересами Советского Союза.

Касательно же того, что перестройка может являться опасностью, я замечал, что это не соответствует действительности. Хотя я и был убежден, что перестройка не сможет исправить экономического положения СССР, если она не будет сопровождаться полной демократизацией. Я также не сомневался, что демократический Советский Союз не будет опасен Соединенным Штатам независимо от своей возможной мощи. Кроме того, я знал, что неререформированный, недемократический Советский Союз быстро потеряет свою военную силу и, в любом случае, не сможет больше угрожать США. Таким образом, Америке нечего бояться перестройки, а, наоборот, следует сотрудничать с ней.

Что же касается Горбачева, я предполагал, что его способность удержать власть достаточна, чтобы оправдать попытки заключения с ним соглашения. Останется ли он у власти на три года или на пять лет, тогда было не так существенно для формирования американской политики. Важно было убедить Вашингтон, что, скорее всего, он не будет смещен в ближайшем будущем.

Конечно, я формулировал свои рекомендации в соответствии с интересами США. (Если г-н Зубок считает это странным, ему не мешало бы вспомнить, что посол страны все-таки представляет интересы этой страны.) Тем не менее необходимо заметить, что я определял эти интересы согласно с объявленной Горбачевым политикой перестройки и гласности. Я призывал Вашингтон поддержать эту политику, потому что она соответствовала интересам обеих стран.

Г-н Зубок пишет об "уступках" Горбачева. На самом деле ни американская, ни советская стороны не рассматривали политику этого периода как просто "уступки". Этого слова, кстати, в телеграммах вообще нет, хотя в своем комментарии В. Зубок даже ссылается на книгу M. Bescloss, S. Talbot "Af the Highest Level" как на подтверждение американской теории горбачевских "уступок". Должен, однако, заметить, что и в этой книге ничего о подобных уступках не говорится. На самом деле мне уже тогда было очевидно, что прекратить гонку вооружения и положить конец "холодной войне" было в интересах обеих стран. Основываясь на этом, я и строил свою аргументацию.

Соображение г-на Зубока о том, что я был неискренен, когда убеждал Горбачева в "оптимистичности" моих донесений, является очередным недоразумением. Я считаю свои донесения (которые, буквально, составляют тысячи телеграмм в дополнение к трем опубликованным) в основном оптимистическими, несмотря на наш (американский) скептицизм по поводу плана экономических реформ, способного быстро улучшить экономическое положение СССР. Мой оптимизм касался политических реформ, которые, если продолжатся (я на это рассчитывал, хотя телеграммы были посланы до мартовских выборов 1989 г. и разных других изменений в политике, произошедших позднее в том же году), станут залогом создания более свободного общества, которое со временем сможет освободить советских людей от давления авторитарного строя. В этом смысле я был оптимистом.

Комментарии В. Зубока не только не передают главную цель моих рекомендаций, но временами даже искажают ее в очевидном желании представить собственную интерпретацию, более соответствующую его взглядам. И несмотря на то, что в основном смысл моих телеграмм передан правильно, русский вариант оставляет впечатление негативное, пессимистическое, иногда даже трагическое. Например, В. Зубок употребляет слово "хаос" ("Нынешний хаос во внутривнутриполитической жизни СССР..." , с. 107 русского текста) для перевода английского "disarray", что скорее обозначает "неразбериху". В этом же параграфе английское "latent influence" переведено как "скрытое влияние". В моем контексте "latent" необходимо понимать, как "потенциальный". Ведь "скрывать" можно намеренно, но "latent" не является результатом намерения, а скорее чем-то изначально присутствующим, хотя и не видимым на поверхности.

И, наконец, последнее замечание. На с. 113 В. Зубок объясняет статью XI гражданского кодекса США применительно к моему положению, что "Советский Союз, по сути дела, объявил о банкротстве своей системы, и, как в случае с корпорацией, подпавший под действие параграфа XI, обратного хода быть не может". В. Зубок, кажется, не совсем правильно понимает мое сравнение – в параграфе XI речь идет не о "санации" или "попытке выправления своих дел", но о полной перестройке (restructuring). Это сравнение говорит о моем оптимистическом отношении к возможному успеху перестройки. Если бы речь шла о настоящем банкротстве, я бы скорее цитировал статью VII кодекса США (полная ликвидация предприятия, оказавшегося неспособным к перестройке). Такая судьба ожидала Советский Союз, если бы он задумал повернуть вспять. Именно продолжение перестройки было необходимо, чтобы избежать полного банкротства.

В заключение я хотел бы поблагодарить редакцию журнала за публикацию этих материалов, предоставивших русскому читателю возможность ознакомиться с точкой зрения американской стороны.

Джек Мэтлок
22 октября 1996 г.
Принстон

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция журнала признательна г-ну Мэтлоку за внимание, проявленное им к публикации в журнале его донесений, относящихся ко времени пребывания г-на Мэтлока в Москве в качестве посла США в СССР (1987–1991 гг.).

Что касается толкования политики США в период, к которому относятся документы, то здесь возможны разные мнения. Приводим ответное мнение, высказанное в письме г-ну Мэтлоку д.и.н. В.М. Зубоком, автором предисловия к опубликованным донесениям, который в значительной мере способствовал тому, чтобы российский читатель получил возможность ознакомиться с этими уникальными документами:

"С большим вниманием и интересом прочитал Ваши комментарии к публикации Ваших телеграмм в журнале "Новая и новейшая история".

Я принимаю в известной мере Ваши критические замечания в отношении моего введения и со своей стороны приветствовал бы их публикацию... Ваши комментарии свидетельствуют о том, как рискованно подчас выносить суждение о взглядах и деятельности дипломата на основании фрагментарных свидетельств и скороспелых публикаций, написанных по горячим следам... На одном из выводов, содержащихся в моем предисловии, я, однако, продолжаю настаивать, а именно – на том, что эти телеграммы оказали незначительное влияние на позицию администрации Дж. Буша. (Мог бы добавить, что на перемену "климата" в Вашингтоне решающее воздействие оказало давление на Буша со стороны средств массовой информации и западно-европейских союзников и явная нечувствительность к "паузе" в американо-советских отношениях.)

Одно важное замечание относительно горбачевских уступок. Ваши комментарии меня не вполне убедили. Действительно, конечная цель – положить конец гонке вооружений и "холодной войне" – была в интересах и той, и другой стороны – двух главных действующих лиц на мировой арене. Но очевидно было, что с 1987 г. в области контроля над вооружениями Горбачев шел на односторонние уступки (в отношении тактического оружия, в количественных показателях и т.д.), а в конце концов в декабре 1988 г. выдвинул предложение о значительном одностороннем сокращении Вооруженных Сил СССР. Я понимаю, что терминология "глобального отступления" и "уступок" при нынешнем политическом климате в России может восприниматься в негативном контексте, но именно это и произошло, и сегодня это осознают и американцы, и русские, и либералы, и национал-коммунисты. Я по-прежнему полагаю, что точно выразил точку зрения Чейни и, в особенности, Гейтса о том, что Вашингтону следовало добиться больших уступок от Горбачева и Шеварднадзе – хотя, возможно, я по недосмотру приписал эти взгляды Бешлосу и Тэлботу".

Г-н Мэтлок высказывает также некоторые замечания в отношении самой публикации. Причины, по которым не расшифровано время отправления телеграмм и изменен их порядок – отсутствие связи с публикатором, находившимся тогда в США (вопрос сколь технический, столь и финансовый). Отметим только, что в предисловии указаны даты отправления телеграмм – хотя и без привязки к конкретным депешам.

Г-н Мэтлок известен как блестящий знаток русской словесности и наверняка может сам привести из области литературы или журналистики массу примеров того, как звучание текста вступает в противоречие с изначальной установкой, а эффект, производимый на публику, оказывается неожиданным, а то и вовсе не желанным для автора. И здесь существует два пути: или самому редактировать перевод, что не всегда возможно, или принимать как данность тот факт, что сторонний читатель, переводчик или исследователь обнаруживает в документе несколько иной контекст, чем это видится автору.

Кстати, аналогичное впечатление вынес от текста и В.М. Зубок, не имевший возможности до публикации читать русский перевод. В письме, присланном в редакцию, он пишет: "Что касается содержательной стороны послания г-на Мэтлока, то всегда полезно, когда тебя поправляет очевидец и автор. Мне было известно, что г-н Мэтлок по-своему оценивал перемены в СССР, но я все же стою на своей точке зрения, что в телеграммах – а они носят концептуальный характер, в отличие от других "тысяч" телеграмм, о которых упоминает бывший посол, – тон далеко не оптимистический. Да и было бы странно ожидать от посла иного оптимизма, кроме оптимизма в том смысле, что перемены в СССР выходят из-под контроля партии и руководства и становятся необратимыми".

Как бы то ни было, редакция считает, что публикация этих интересных документов по истории американско-советских отношений на заключительном этапе "холодной войны" проливает новый свет на проблему в целом.

В. Л. Мусатов. ПРЕДВЕСТНИКИ БУРИ. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М.: изд-во "Научная книга", 1996, 300 с.

Вышедшая книга зам. директора Второго Департамента стран СНГ МИД РФ к.и.н. В.Л. Мусатова примечательна тем, что речь в ней идет не о прожитых и уже успевших забыться страницах истории народов Венгрии, Чехии, Словакии, Польши, России. Политические кризисы в упомянутых странах – это трудная тема, обсуждение которой и сейчас еще далеко от завершения. Очень многое из описанного в книге прошлого в той или иной мере присутствует в сегодняшней реальности этих стран. Именно актуальность затронутой в книге проблематики не только позволяет, но и требует попытаться извлечь полезные уроки из этого прошлого.

В работе рассказывается о драматических сторонах отношений СССР с тремя странами Восточной Европы – Венгрией, Чехословакией и Польшей в 50–80-х годах. Речь идет о восстании в Венгрии осенью 1956 г., о демократическом движении в Чехословакии в 1968 г., названном "пражской весной", и об обстоятельствах введения военного положения в Польше во время острого кризиса 1980–1981 гг. Эти кризисы в социалистических странах имели свои национально-исторические причины и формы проявления, но их объединяла одна черта – стремление народов к свободе и лучшей жизни.

Соответственно рассмотрению трех кризисов в социалистических странах построена и структура книги, состоящей из предисловия, трех глав: "О событиях 1956 г. в Венгрии: от мирной демонстрации к восстанию", «Москва и "пражская весна" 1968 г.» и "Советский Союз и польский кризис 1980–1981 гг.", а также приложения, в котором приводятся многочисленные архивные документы. Автор широко использовал материалы из Архива Президента РФ, Архива внешней политики РФ, Центра хранения современной документации, воспоминания и работы государственных деятелей Н.С. Хрущева, К. Аденауэра, Ф.-Й. Штрауса, М. Тэтчер, В. Ярузельского, Э. Герека, Л. Валенсы, З. Млынаржа, А. Дубчека, И. Гаяка, В. Гавела, многочисленные газеты, журналы, литературу на английском, немецком, венгерском, чешском и польском языках.

В.Л. Мусатов уже длительное время и основательно занимается изучением последнего этапа

развития стран Восточной Европы и его наблюдения и выводы заслуживают особого внимания¹.

Автор показал основные причины возникновения политических кризисов в этих странах Восточной Европы. Одна из них связана с тем, что в рамках мировой социалистической системы монополия на истину была сосредоточена в руках коммунистических партий. Более того, в этих странах "любая трансформация политического курса допускалась в пределах пути или опыта, познанного в центре – в Советском Союзе. Разработка теории была прерогативой идеологов КПСС" (с. 126). Очевидно, что определение путей развития общества замкнутой группировкой "теоретиков" и не могло привести к бескризисному развитию. Вдвойне печально, что значительную, а порой и решающую роль в принятии решения брала на себя КПСС, не владевшая в полной мере особенностями культуры, традициями, да и политической обстановкой в восточноевропейских странах.

Другая причина разрастания политических кризисов в упомянутых странах связана с использованными методами развязывания подобных сложных узлов. Вряд ли найдется в мире страна, которая могла бы похвастаться беспроблемным развитием. Проблемы есть у всех. Вопрос в том, как они решаются. При разнообразии условий возникновения и протекания кризисов, национальных особенностей этих стран под давлением СССР во всех случаях применялись силовые методы решения. И хотя сейчас отрицательный эффект их использования очевиден, способ решения чеченской проблемы показывает, что восточноевропейский опыт не пошел впрок. История дает достаточный материал для того, чтобы не наступать на одни и те же грабли хотя бы в относительно короткий исторический отрезок.

¹ См.: Мусатов В.Л. Восточная Европа: процесс перемен. – Новая и новейшая история, 1991, № 1; *его же*. СССР и венгерские события 1956 года. – Новая и новейшая история, 1993, № 1; *его же*. Пятьдесят шестой. – Новое время, 1993, № 8; *его же*. Осмысление истории. М., 1996, и др.

Книга В.Л. Мусатова дает возможность извлечь несколько таких уроков. Первый из них состоит в том, что никто лучше собственного народа не разберется в перипетиях своего развития. Учитывать иностранный опыт необходимо, но при этом твердо стоять на отечественной почве. Иначе будет казаться, что иностранные советники лучше знают, что делать полякам или венграм, чехам или россиянам в той или иной области. Во внешней политике, помня печальный финал Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского Договора (ОВД), России полезно было бы избежать патернализма и всезнайства в отношениях с государствами – членами Содружества Независимых Государств.

Второй урок, вытекающий из рассматриваемых событий, заключается в том, что политические проблемы вряд ли поддаются решению с помощью военных средств. Их можно на некоторое время заморозить, загнать в подполье, но потеря времени, откладывание решения по существу может привести впоследствии к бесспорному проигрышу. Как справедливо отмечает В.Л. Мусатов, "правящие компартии, усиливая после 1956 г. борьбу с "ревизионизмом" и империалистическими происками, не сделали самокритичных выводов о дефектах и пороках социалистической системы и не осознали необходимости проведения коренных реформ" (с. 111).

Третий урок заключается в ущербности попыток насадить однообразие, стандартность в путях развития различных стран. Ведь чем разнообразнее будут жить народы, тем богаче – и устойчивее! – будет наш мир. В этом смысле вызывают сомнения попытки США в соответствии с ныне действующей американской стратегией национальной безопасности сколотить мировой клуб, в который принимались бы страны по критериям развития демократии и рыночных отношений. К тому же такие действия пахивают блоковой идеологией, делением на своих и чужих.

Хотелось бы отметить интересную особенность книги В.Л. Мусатова. В ней анализ официальных позиций соответствующих стран и СССР, а вернее компартий этих стран дополняется и личными наблюдениями автора. Благодаря этому события предстают перед читателем более зримо, выпукло.

Книга, несомненно, вызовет интерес у широкого круга читателей. С учетом небольшого тиража автору уже сейчас можно было бы подумать о подготовке ее второго издания. Какие доработки следовало бы при этом сделать? Прежде всего, для более комплексного освещения проблемы возникновения и развития политических кризисов в Восточной Европе было бы логично шире представить позицию Запада. Она отражена в работе (с. 93, 226, 240), но в большей степени в виде выдержек из мемуаров видных политических деятелей прошлого и современности. А ведь послевоенный период, особенно 50–60-е годы, характеризуется обычно как время острого противостояния, идеологического и военного, между странами ОВД и НАТО. Какова же роль западных стран в возникновении восточноевропейских политических кризисов? Каково было влияние Запада на принятие решения об их тушении силовыми методами? Эти и другие вопросы ждут более полного освещения.

Было бы интересно познакомиться с обобщениями автора политологического характера, касающимися трех рассмотренных кризисов. При чтении книги чувствуется, что такие обобщения у автора имеются, но они содержатся как бы между строчками. Возможно, в таких более общих политологических рамках яснее проявятся и некоторые мысли автора, которые в не связанном единой логикой контексте могут представиться спорными или недостаточно обоснованными, например, мысль о роли авторитарной личности в истории (с. 80) или о том, что политику в белых перчатках не делают (с. 77).

Пожалуй, можно согласиться с автором в том, что в опыте прошлого можно обнаружить немало интересного и полезного для строительства новых отношений России с ее соседями. И в этом смысле книга В.Л. Мусатова что-то приоткрывает, на многое заставляет посмотреть по-новому, о чем-то задуматься.

А.Н. Михайленко,
кандидат исторических наук,
консультант Управления
межпарламентских связей
Аппарата Государственной Думы РФ

В. Л. М а л ь к о в . "МАНХЭТТЕНСКИЙ ПРОЕКТ". РАЗВЕДКА И ДИПЛОМАТИЯ. М.: изд-во "Наука", 1995, 271 с.

Новая книга известного российского историка-американиста, руководителя Научного центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН, доктора исторических наук, профессора, лауреата Государственной премии СССР В.Л. Малькова посвящена истории

создания американской атомной бомбы, последствиям ее боевого применения и роли, которую начало играть атомное оружие в политике и общественной жизни мирового сообщества в первые послевоенные годы. Подзаголовком "Разведка и дипломатия" автор как бы ограничил свою

задачу, но на деле содержание его труда вышло за рамки указанной темы. охватило широкий круг вопросов политики, стратегии, психологии, морали, историографии.

Книга включает 15 глав, охватывающих различные аспекты проблемы с начала 40-х годов до 1949 г., краткое авторское введение, примечания и обширную библиографию (более 500 наименований). Завершает книгу "Summary", где кратко излагаются основные выводы автора.

Архивные документы, рассекреченные в последние годы, в частности, из Национального архива США, архивные фонды Библиотеки Конгресса США, рукописные фонды библиотеки Принстонского университета, архивные фонды Хаутоновской библиотеки Гарвардского университета, документы из Архива внешней политики РФ, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории позволили В.Л. Малькову глубоко и всесторонне исследовать события, связанные с историей американской атомной бомбы, дать аргументированный анализ всей совокупности имеющихся документов и научных трудов в этой области. Огромная литература по "биографии" атомного оружия военных лет и начала "холодной войны" рассматривается на основе сопоставления вчера еще секретных документов с тем, что писалось о бомбе в течение десятилетий. Анализ различных подходов к теме, взглядов на проблему, раздумья автора над уже известными фактами и теми, что все еще остаются "за кадром", критический разбор историографии составляют главное содержание книги. Некоторые ее страницы воспроизводят рассекреченные материалы, которые проливают новый свет на, казалось бы, уже устоявшиеся оценки событий. Автор дает ответы на такие имеющие разные трактовки в литературе и интригующие общественность вопросы, как степень осведомленности И.В. Сталина о тайных работах западных союзников над "Манхэттенским проектом" (кодовое название программы создания атомной бомбы в США), приводит документы Национального архива США, касающиеся докладов Управления стратегических служб (УСС) относительно работ в СССР над атомной бомбой (с. 175–178), анализирует причины, обусловившие "атомную дипломатию" администрации президента США Г. Трумэна, соотношение роли советской науки и разведки в создании атомного оружия в СССР, вопрос о доверии между союзниками, о позиции военных и др.

Достоинством книги является и то, что в ней автор разбирает проблему в комплексе, во взаимосвязи и взаимозависимости всех ее составляющих: политики и науки, дипломатии и военного фактора, психологии и морали. История "Манхэттенского проекта" излагается в контексте советско-американских отношений, причем в центре внимания находятся такие свидетельства – "особые досье", дневниковые записи государствен-

ных деятелей, оценки, прогнозы, ситуационные анализы спецслужб, – которые позволяют выйти на новые трактовки многих аспектов истории начала "атомной эры".

В историографии стран НАТО времен "холодной войны", освещавшей проблемы, связанные с появлением и развитием атомного оружия, все сводилось к детективной стороне: шпионажу и контршпионажу, интригам разведчиков и политиков. Были работы и по морально-этическому аспекту вопроса о применении атомной бомбы. Появившиеся новые документы позволяют расширить рамки исследования, а история последних десятилетий наглядно показала, что главной проблемой международных отношений была и будет проблема доверия.

В книге раскрывается механизм решения проблемы доверия или – точнее – недоверия между СССР и США во всем, что касалось ядерного оружия.

В западной военно-исторической литературе при рассмотрении истории создания атомной бомбы преобладает мнение, что США и Англия окутали тайной весь этот процесс, потому что Сталин проводил политику экспансии в Восточной Европе и необходимо было создать такое оружие, которого не имела Москва и с помощью которого можно было бы оказывать давление на СССР, удерживая его от попыток установить свою гегемонию на Европейском континенте. Но приведенные в книге новые документы показывают, что не все так просто. В равной степени правомерен вопрос: а может быть, крайняя законспирированность работ над созданием атомной бомбы, о чем, как явствует из документов, Сталин знал, удвоила подозрительность последнего относительно послевоенных намерений союзников, побудила его форсировать "урановый проект" в СССР и советизацию Восточной Европы? Если атомная политика США была, как назвал ее автор (помоему, весьма удачно), стратегией "опережающих действий", то советскую атомную программу можно было бы охарактеризовать, как оправданную "гонку за лидером".

Показательно в этой связи, что в ходе Ялтинской конференции на обеде 8 февраля 1945 г. Сталин, произнося тост, заявил: "В нашем союзе его участники не должны обманывать друг друга" (с. 63). Это было сказано в Ялте, когда взаимное доверие "Большой тройки", казалось, достигло пика. Но уже через месяц оно нарушилось ("миссия" Вольфа в Швейцарию, польский вопрос и др.). И в этом нарастающем недоверии атомная проблема была одной из важнейших. В США было немало людей, призывавших администрацию Трумэна поделиться секретом атомной бомбы с СССР, установить сотрудничество в овладении атомной энергией, наладить международный контроль за работами в этой области (см., например, письмо Дж. Дэвиса Трумэну – с. 155).

Но возобладало стремление использовать атомную монополию как орудие давления на Москву.

Отрицательные результаты атомной дипломатии сказались уже на Лондонской (сентябрь 1945 г.) и Московской (декабрь 1945 г.) конференциях министров иностранных дел. Ответом было ужесточение политики СССР. В Москве не могли понять причин противодействия США и Англии желанию советского правительства иметь на западных границах СССР дружественных соседей вместо довоенного "санитарного кордона". В Восточной Европе шел процесс создания народных демократий. Советизация началась позднее и не в последнюю очередь как реакция на враждебную политику США и их союзников по отношению к СССР. В СССР также были люди, которые советовали Кремлю не обострять обстановку в связи с проблемой атомной бомбы и терпеливо вести диалог с Западом. В книге приведено письмо М.М. Литвинова В.М. Молотову по этому вопросу (с. 164). Однако победила политика силы. Вашингтон использовал атомную бомбу как жупел, Москва, форсированно работая над созданием атомного оружия, напоминала, что атомное оружие не может "содействовать восстановлению доверия в мире" (с. 201), а Сталин утверждал, что "атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных" (с. 246). Секретность работ над атомным оружием в США и СССР и боязнь, что "потенциальный противник" может проникнуть в тайну, все более отравляли атмосферу, порождали шпиономанию и ксенофобию. Был упущен исторический шанс сохранить союзнические отношения, обратить атомную энергию на созидание, а не на разрушение.

А такие возможности были. Автор приводит многочисленные свидетельства того, что с самого начала работ в Англии и США над атомной бомбой ученые и некоторые политики предлагали привлечь к этой работе ученых всех стран антигитлеровской коалиции, предупреждали, что современное состояние науки не позволит сохранить монополию на длительный период. Характерным документом в этом отношении является письмо Н. Бора президенту Ф. Рузвельту от 7 сентября 1944 г. (с. 46).

В книге освещается и такой важный, но недостаточно раскрытый аспект проблемы, как эволюция планов применения атомной бомбы. Широко распространено мнение, что первоначальной целью создания бомбы были удары по Японии. Однако документы, в частности, командования ВВС США свидетельствуют, что в апреле 1945 г., когда Трумэн стал президентом, рассматривался вопрос не о Японии, а о том, что монополия на бомбу делает США вершителем судеб послевоенного мира (с. 80–81), и это – главный козырь в отношениях с СССР. Такой подход подтверждает и тон беседы Трумэна с Молотовым 23 апреля 1945 г. (с. 74–75). Только летом в связи с

испытаниями в Аламогордо на повестку дня практически встал вопрос об атомной бомбардировке Японии.

Автор подчеркивает роль, недооцененную в историографии Запада, которую играли в определении атомной политики и стратегии США военные, особенно руководителя ВВС и ВМС. Рассекреченные документы показывают, что решающее слово в определении атомной стратегии США принадлежало не дипломатам или ученым, а генералам. "Они, – пишет В.Л. Мальков, – оставаясь в густой тени, оказывали возрастающее влияние на процесс принятия решений, постепенно подталкивая правительство к форсированию программы атомных вооружений" (с. 208).

По-новому выглядит в книге и деятельность разведслужб США и СССР. Распространенная версия о том, что советская атомная бомба обязана созданием лишь усилиям разведки КГБ, не подтверждается фактами. Да, о том, что на Западе ведутся такие работы, в Москве было известно уже в сентябре 1941 г. Но с 1943 г. лаборатория № 2 И.В. Курчатова разрабатывала свою атомную бомбу. Добровольный агент К. Фукс, участник "Манхэттенского проекта", вышел на советскую разведку в 1941 г., а его доклады по устройству атомной бомбы начали поступать в СССР в 1945 г. Его сведения были весьма важными, но они играли лишь вспомогательную роль. В докладе УСС (стратегическая разведка США) 18 сентября 1945 г. говорилось, что "СССР потребуется 2–5 лет, чтобы создать эквивалентное оружие" (с. 179). И хотя первая атомная бомба, взорванная в СССР в 1949 г., была копией американской (это был приказ Сталина), советские ученые уже в то время заканчивали разработку двух вариантов технически более совершенных бомб с оригинальным взрывателем. Они были мощнее и легче, чем сделанные в США.

Ограниченный размер рецензии не позволяет остановиться и на многих аспектах роли атомного оружия в жизни мирового сообщества, затронутых в книге и проанализированных автором. В то же время книга не свободна и от недостатков. Видимо, она только выиграла бы, если бы автор уделил больше внимания сравнительному анализу работ по атомной бомбе в США и СССР на основе материалов 90-х годов, рассмотрел концепцию американского воздушно-атомного "блицкрига" против СССР в первые послевоенные годы и реальные возможности осуществления его на практике. Стоило бы подробнее сказать об американской реакции на иранский кризис 1946 г. и попытке атомного шантажа в связи с жалобой Ирана в ООН. Имеются фактические неточности. Например, Дж. Маршалл именуется председателем Объединенного комитета начальников штабов, тогда как он был начальником штаба армии США (с. 19). Есть опечатки: "Ширер" вместо "Шпеер" (с. 10); пропуск многих фамилий в

указателе имен, например, Норстэд, Александров, Хохлов и др. Но все это частности. Высокие научные достоинства книги в целом бесспорны.

Представляется целесообразным подготовить второе издание книги в связи с появившимися в последнее время новыми документами из отече-

ственных архивов, воспоминаниями советских разведчиков и создателей атомной бомбы в СССР.

А. С. Орлов,
доктор исторических наук,
академик РАН

МОНАРХИ ЕВРОПЫ. СУДЬБЫ ДИНАСТИЙ. М.: изд-во "Республика", 1996, 615 с.

Большой коллектив талантливых научных работников из Института всеобщей истории РАН и журналистов создал нужную книгу на весьма актуальную тему. Многие годы поставленная в исследовании проблема не пользовалась в нашей исторической науке должным вниманием. Монархии по методологическим соображениям или игнорировались или оценивались предвзято. Между тем в период, о котором идет речь в книге, императоры, короли и другие царственные особы играли в истории своих стран и в мировой истории весьма важную роль. Этими соображениями определяется научная актуальность данного труда.

Британский историк Р. Блейк в статье, посвященной английским монархам, писал: "Есть что-то мистическое, почти непостижимое в монархии как символе национального единства, стоящей над партийными разногласиями и объединяющей население страны каким-то загадочным путем, который не может использовать ни один из глав государств"¹. Секуляризация общества в XX в. лишила королевских особ их священного ореола, но элемент таинственности все же остался.

В 1966 г. в Соединенном Королевстве во время правления лейбористского кабинета, возглавлявшегося Г. Вильсоном, частная служба провела опрос общественного мнения. Спрашивали, что должно превалять, если мнение королевы и премьер-министра вступят в конфликт. Большинство опрошенных посчитало, что мнение королевы должно быть предпочтительным². Результат входил в противоречие с конституционным устройством страны, где монархам оставлена лишь представительская функция.

В настоящее время ностальгию по королевской власти испытывает некоторая часть населения тех государств, в которых монархическое управление осталось в прошлом.

Возникает вопрос об источниках влияния этого традиционного института, через который прошли народы европейского континента.

Ответ на этот вопрос и попытались дать авторы рассматриваемого фундаментального труда, который благодаря увлекательности своего изложения может поспорить с художественным произведением. Книга посвящена главным образом последним трем векам в истории европейских династий.

В центре внимания авторов книги – личности королей, царей и князей с их благополучными или трагическими судьбами. При этом немало интересных фактов читатель может почерпнуть и по такой актуальной теме, как женщина и власть. Здесь и непосредственные правительницы, и наперсницы, и фаворитки, стоящие за троном своих мужей и возлюбленных.

Концепция эволюции института монархии с древних веков до настоящего времени дана в кратком, но содержательном введении (автор С.П. Пожарская).

Основному изложению предпослан общий раздел (автор В.Н. Малов), в котором ставится задача: представить династическую карту Европы, как она выглядела на определенное историческое время – в 1789 г., год начала Великой французской революции. С этой задачей В.Н. Малов успешно справился. Важно подчеркнуть и мысль автора, заключающуюся в том, что революция открыла для европейских монархов полуторазековую эпоху трансформаций, в ходе которой они должны были превратиться из особ сакрального характера, хозяев и самодержцев своих стран в глав конституционных государств там, где этому институту вообще суждено было сохраниться (с. 7–8).

В очерке обращается внимание на традиционные браки между династиями близких в географическом и культурном отношении стран. Переплетенные такими связями королевские дома составляли как бы единую династическую систему, распадавшуюся в Европе XVIII в. на две ветви: католическую и протестантскую.

Избранная авторами структура основной части книги позволила им избежать полемики о приоритете того или иного королевского дома. Изложение разделяется на две части: царствующие и нецарствующие династии, а в каждой из частей европейские страны располагаются по алфавиту.

¹ The Monarchy and Its Future. Ed. by J. Murray-Brown. London, 1969, p. 24.

² Ibid., p. 12.

Очерки об отдельных династиях, собранные воедино, разнолики и по манере написания и по выбранным сюжетам. Часть из них близка к жанру эссе, другие к историческим исследованиям. В связи с этим объединить их в группы для проведения сравнительного анализа не представляется возможным. Каждый очерк заслуживает внимания и должен быть представлен читателю.

Исходя из роли европейских государств в современном мире, мы решили в первую очередь обратиться к истории династий трех держав: Великобритании, Германии и Франции. Каждая из этих династий представляет совершенно особый тип, а кроме того, все они оказали воздействие на общеевропейскую жизнь королевских домов.

Британская монархия считается старейшей монархией континента. В начале XVIII в., как отмечается в очерке (автор В.А. Матвеев), ко времени утверждения на престоле Ганноверской династии, благодаря Славной революции и принятию "Билля о правах" были закреплены полномочия парламента и ограничена прерогатива короля. Англия пошла по пути утверждения конституционной монархии, утрачивающей первоначально законодательную, а в дальнейшем исполнительную власть. Попытка Георга III (1760–1820 гг.) вернуться к "правлению сильной руки" не увенчалась успехом.

Особенно удался жизнеописание королей – Виктории (1837–1901 гг.), представительницы Саксен-Кобургской династии, и нашей современницы Елизаветы II, начавшей свое правление в 1952 г. и продолжившей Виндзорскую династию. Главное различие между Викторией и Елизаветой II автор видит в том, что в эпоху Виктории, связанную с зенитом могущества страны и названную ее именем (с. 82–85), происходило расширение имперских территорий Англии, в то время как Елизавета II должна была примириться с утратой колониальных владений и превращением могучей империи в аморфное Содружество наций (с. 105).

Читатель узнает также, что в характере двух королей имеется ряд общих черт и, в первую очередь, их религиозность и стремление быть нравственным образцом для своих подданных. Вместе с тем, если Виктория благополучно пристроила своих многочисленных детей в королевские дома Европы и впоследствии стала именоваться "бабушкой европейских монархов", то семья Елизаветы II оказалась в глубоком кризисе. Дело в том, что крайне свободные нравы второй половины XX в. проникли и за дворцовые стены. Распалась семья трех детей королевы: наследника престола принца Уэльского Чарльза, принцессы Анны и принца Эндрю, а младший сын принц Эдвард предпочитает вести холостяцкую жизнь. Расторжение браков королевских детей и ажиотаж, поднятый вокруг этого многими средствами массовой информации, подрывает моральные устои

монархии и в какой-то степени ставит под сомнение будущее этого института.

С другим типом монархии можно ознакомиться в очерке, посвященном династии Гогенцоллернов (автор Б.М. Туполев). Раздел написан в профессиональной исторической манере. События внутренней или внешней политики связаны с деятельностью курфюрстов, а в дальнейшем королей. Много внимания уделено роли династии Гогенцоллернов в объединении Германии, что, как нам представляется, вполне оправданно. Раскрывается механизм укрепления абсолютной монархии в Бранденбурге-Пруссии в XVIII в. – милитаризм, которому не препятствовали территориальная раздробленность и экономическая отсталость страны.

Типичным прусским королем в очерке представлен Фридрих Вильгельм I (1713–1740 гг.), "фельдфебель на троне", любивший все, что было связано с военными делами (с. 313–315). Читатель получает также полное впечатление об облике и вкусах его преемников.

Конституционная монархия, как мы узнаем из очерка, была установлена в Пруссии в результате революции 1848 г., значительно позднее, чем в Англии и Франции. При этом доминирующая роль короны сохранялась. Вильгельм I, взошедший на престол в 1861 г., прославившийся тем, что он объединил Германию "железом и кровью", значительно больше считался со своим министром-президентом Бисмарком, чем с парламентом. Характерно высказывание последнего Гогенцоллерна, короля Пруссии и германского кайзера Вильгельма II, сделанное в 1891 г.: "В стране лишь один господин – это я и другого я не потерплю" (с. 335). Личную волю кайзера отражали законопроекты об усилении армии, о государственном перевороте, направленном против социал-демократов. При этом и в XX в. Вильгельм II не отказался от принципа сакрализации своего правления.

Автор весьма убедителен в своих оценках, а изложенное кажется вполне логичным, что абсолютистский и милитаристский режим, установленный Гогенцоллернами в XVII в. и мало изменившийся за два столетия, не смог пережить глубоких мировых потрясений XX в. – поражения в первой мировой войне и Ноябрьской революции 1918 г.

В несколько ином ключе, но не менее интересно и профессионально написан очерк о французских монархиях: Бурбонах, Орлеанах и Бонапартах. Автор (А.В. Ревякин) склонен к оригинальным теоретическим обобщениям и историческим аналогиям.

Повествование начинается с трагических событий Великой французской революции: новоизбранный Национальный конвент в сентябре 1792 г. упразднил абсолютную монархию и провозгласил республику, король Людовик XVI и его супруга

Мария-Антуанетта были казнены. Чудовищный эксперимент был проведен над восьмилетним наследником престола Луи Шарлем. Имея в виду перспективу дальнейшего противоречивого развития Франции, автор очень удачно, на наш взгляд, определяет эти события как первый акт растянувшейся на целое столетие драмы прощания Франции с монархией.

Заинтересует читателя оригинальная схема смены политических режимов во Франции в конце XVIII–XIX в. (с. 499). По мнению автора, политическое развитие страны происходило в этот период по спирали: традиционную монархию последовательно сменяли демократическая республика, а затем авторитарная империя. Первый цикл был пройден в 1789–1814 гг.: провозглашенная в 1792 г. республика закончила свое существование в 1799 г. в результате военного переворота Наполеона Бонапарта. Цикл повторился в 1815–1870 гг.: конституционная монархия Бурбонов, а затем Орлеанов пала под натиском революции 1848 г., основавшей Вторую республику. Последняя через три года стала жертвой нового диктатора Луи Наполеона Бонапарта, восстановившего империю, теперь уже вторую. Подобные этапы политического развития Франция прошла в 70–80-е годы XIX в.: власть от монархистов, удерживавших ее в республике, перешла к собственно республиканской партии, едва не ставшей жертвой кандидата в диктаторы во время буланжистского кризиса. На этот раз республика выстояла.

В текст очерка гармонично вписаны яркие биографические портреты представителей династии Бурбонов, Орлеанов и Бонапартов.

Истории монархий трех ведущих европейских стран дают читателям обширный материал для размышлений о специфике развития этого традиционного института в каждой отдельной стране.

Далее истории династий крупных стран мы рассмотрим, руководствуясь географическим принципом и в алфавитном порядке. Это касается остальных стран Западной, а также Центральной и Восточной Европы, затем скандинавского региона и, наконец, Южной Европы. Россия благодаря своему евроазиатскому географическому положению и особому пути развития заслуживает отдельного анализа.

Австро-Венгрия, распавшаяся в результате революционных потрясений 1918 г. на ряд государств, в XVIII и XIX вв. была могущественной империей. Все императоры-Габсбурги, как скрупулезно описано в очерке (автор Е.В. Когова), пытались решить одну задачу – создать централизованное государство с единой нацией. Среди них были и одаренные политики как, например, императоры Иосиф II (1765–1790 гг.) и Леопольд II (1790–1792 гг.), пытавшиеся править в духе "просвещенного абсолютизма", и бесцельные, ординарные личности. Каждому из них автор дает

меткие характеристики. Для всех интересующихся началом первой мировой войны полезно будет познакомиться с историческим портретом эрцгерцога Франца Фердинанда (с. 274–275), наследника престола, убитого в Сараево в июне 1914 г.

Династиям малых стран Европы отведено в книге меньше места, хотя их история столь же богата событиями. В результате не по вине авторов некоторые интересные факты выпали, а часть изложения превратилась в хронику. Общая черта династий всех малых стран, отмеченная в книге, – путем династических браков с ведущими европейскими державами обеспечить их поддержку в международных делах. Правда, случалось и так, что родственные связи мешали монарху небольшой страны при изменении внешнеполитической ситуации вовремя переориентироваться. В результате страдали национальные интересы малого государства.

Ряд очерков, посвященных династиям Бельгии (авторы А.С. Намазова, А.М. Балебанов), Нидерландов (автор А.С. Намазова), а также государств-карликов: Люксембурга (автор А.С. Намазова), Лихтенштейна и Монако (автор Г.П. Драгунов) привлечет внимание читателей прежде всего малоизвестной информацией, содержащейся в них.

Рассказывая о монархах стран Бенилюкса, авторы обстоятельно рассмотрели последовательную смену правителей на престолах, их деятельность, частную жизнь и семейные дела, связанные с межевропейскими династическими браками. Специальный раздел повествует о великой княжне Анне Павловне, дочери российского императора Павла I (с. 216–217), оказавшейся на нидерландском престоле в результате ее брака с королем Виллемом II (1840–1849 гг.).

Власть короля в Бельгии и Нидерландах и великого герцога в Люксембурге, как следует из текста, ограничена скорее складывающейся традицией, чем самой конституцией. Так, в соответствии с основным законом Бельгии министры ответственны перед монархом, но фактически его прерогатива определяется тремя словами: советовать, поощрять, предупреждать (с. 59). Именно из этих принципов исходил в своей активной общественной деятельности бельгийский король Бодуэн I (1951–1993 гг.).

Следует отметить также трогательный рассказ, почти легенду, о жизни и любви героев Бельгии – короля Альберта I и королевы Елизаветы (с. 49–50).

Удачей Г.П. Драгунова можно назвать небольшие очерки о правителях крошечных княжеств Лихтенштейна и Монако. Читатель познакомится с одним из самых демократических правителей Европы, нынешним князем Лихтенштейна Хансом Адамом II (с. 179–181), и узнает о том, что его современник князь Монако Ренье III единолично представляет свое княжество в сношениях с

другими государствами и может без санкции парламента заключить с ними международные договора.

С высоким профессионализмом написаны очерки о династиях стран Северной Европы – Дании, Норвегии и Швеции (автор В.В. Рогинский). Благодаря точному изложению событий и их анализу читатель получает полное представление о внутривнутриполитической и внешнеполитической обстановке, в которой действовала та или другая королевская личность. Прослеживается эволюция института монархии в каждой из скандинавских стран. Так, абсолютизм в Дании пал в 1849 г., в 1866 г. полномочия короля были несколько расширены, в 1901 г. был введен принцип парламентаризма, т.е. ответственности правительства перед парламентом, конституция 1952 г., несмотря на личную популярность короля, ограничила власть короны чисто представительскими функциями.

Норвегия в 1814 г., как отмечает автор, сделала огромный исторический скачок: из фактически бесправной провинции датского королевства с самодержавной властью она превратилась в конституционную монархию, хотя в том же году по шведско-норвежской унии королем Норвегии стал шведский монарх. В 1884 г. либералам и демократам удалось добиться утверждения принципа парламентаризма, при этом в 1905 г., после разрыва шведско-норвежской унии, плебисцит подтвердил приверженность норвежцев монархии. Интересны и примечательны факты о руководящей роли норвежского короля Хокона VII (1905 – 1957 гг.) в норвежском Соппротивлении в годы второй мировой войны (с. 229–232).

Исторически достоверно изложена история шведской династии Бернадотов, начиная с ее основателя – бывшего генерала французской революции и наполеоновского маршала Жана Батиста Бернадота, вступившего на престол под именем Карла XIV Юхана (1818–1844 гг.).

Из стран Юго-Западной, Южной и Юго-Восточной Европы оригинальными подходами к теме, высоким профессионализмом и яркой формой изложения привлекает очерк об испанской династии Бурбонов (автор С.П. Пожарская).

В повествовании точно передана атмосфера жизни и деятельности испанских монархов за последние три века. Первой наиболее колоритной фигурой предстает перед читателем Карл III (1759–1788 гг.). Его имя связано с периодом "просвещенного абсолютизма", авторитарной и патерналистской революцией сверху (с. 145–146).

События нашего века, описанные в очерке, носят драматический характер. Вместе с тем они свидетельствуют о том, что король, обладающий ограниченной властью, но, по выражению автора, умеющий "слушать время", может сыграть значительную роль в примирении враждующих лагерей и объединении нации.

Читатель узнает новые факты о тоталитарном

режиме генерала Франсиско Франко, о его решении, принятом в послевоенные годы, восстановить монархию после своей смерти. Примечательно, что это решение было подтверждено в 1947 г. плебисцитом. На роль будущего монарха Франко выбрал внука последнего испанского короля Альфонса XIII – Хуан Карлоса. Автор подробно останавливается на личности нового короля, человека широких демократических взглядов, рискнувшего в стране, разделенной на "две Испании", признать все политические партии, включая коммунистическую, и, в конце концов, добившегося национального примирения и мирного перехода государства к демократии.

В остальных странах Юго-Западной, Южной и Юго-Восточной Европы: соседней с Испанией Португалии, Италии, Румынии и государствах Балканского полуострова – Болгарии, Греции и Югославии монархия в разное время и по разным причинам прекратила свое существование.

История Браганской династии Португалии (автор А.П. Черных) второй половины XVII–XIX в. полна гражданских и династических войн, закончившихся для королевского дома трагически: революция 1910 г. упразднила монархию (с. 398). Для читателя будет интересно также узнать о связи Браганской династии с Бразильской империей. Так, король Португалии Педру IV был императором Бразилии под именем Педру I (1822–1831 гг.).

В очерке о Савойском королевском доме (автор Л.П. Замойский) показано, что монархия Сардинского королевства была во главе процесса национального объединения Италии. Решающий этап собирания итальянских земель падает на правление сардинского короля Виктора Эммануила II, ставшего в 1861 г. королем Италии.

Вместе с тем в заключении вполне обоснованно автор дает неоднозначную оценку роли Савойской династии в истории Италии. С одной стороны, конституционное монархическое управление, установленное в 1848–1849 гг. еще в Сардинском королевстве, а в дальнейшем в тех же рамках утвердившееся в объединенной Италии, способствовало становлению буржуазных отношений, с другой – реакционные позиции ряда королей и особенно союз Виктора Эммануила III (1900–1946 гг.) с фашистским диктатором Муссолини способствовали ликвидации монархии в 1946 г. (с. 387).

В истории династии Гогенцоллернов-Зигмарингенгов, правивших в Румынии (автор Н.Н. Морозов), обращается внимание на то, что князьям, а в дальнейшем королям этой страны приходилось постоянно учитывать противоречившие друг другу интересы могущественных держав Европы. В годы первой мировой войны король Кароль I Гогенцоллерн (1866–1914 гг.) испытал трагическое противоречие между национальными чувствами, побуждавшими его присоединиться к

Германии, и государственными интересами, требовавшими поддержать страны Антанты (с. 484). Неоднозначно и обоснованно оценивает автор и поведение в годы второй мировой войны последнего румынского короля Михая (с. 490–491).

Хорошее впечатление благодаря своей обстоятельности и профессионализму оставляет очерк о болгарской династии Кобургов (автор В.Д. Вознесенский). Подчеркивается роль России в укреплении независимости Болгарии от Турции. в превращении ее из княжества в царство со сменой титула князя Фердинанда I Кобургского в 1908 г. на титул царя. Всесторонне характеризуется становление авторитарного режима царя Бориса III (1918–1943 гг.). Интересные данные приведены автором о его загадочной смерти. Читатель узнает также об обстоятельствах конца монархического правления в Болгарии, отвергнутого на общенародном референдуме в 1946 г., а также о настроениях в современном болгарском обществе в отношении восстановления монархического института, представляемого ныне Симеоном II, проживающим в Испании.

Устойчивость трона греческого короля, как показывается в очерке, посвященном династии Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбург (автор В.В. Малышев), всегда зависела от великих держав. Излагается ход острой борьбы между республиканцами и монархистами. Дважды королю Константину (1913–1917, 1920–1922) приходилось отречься от трона, а в 1935 и 1946 гг. в Греции проводился плебисцит, давший победу сторонникам монархии. Лишь в 1974 г. страна проголосовала за республику.

Повествуя о драматической полуторавековой истории борьбы за югославский престол двух династий: Карагеоргиевичей и Обреновичей, автор очерка (Е.П. Кудрявцева) более подробно останавливается на судьбе первых, что соответствует их исторической роли. Именно при Карагеоргиевичах в начале XX в. было положено начало возрождению сербской государственности после многовекового турецкого ига. Обстоятельно рассказывается о политической обстановке в стране в апреле 1941 г. в связи с нападением гитлеровской Германии и падением королевской власти в Югославии.

История Российского Дома Романовых занимает особое место среди историй европейских монархий. Авторы очерка (Н.В. Попов, Н.Г. Георгиева, Т.А. Александрова) учли, что в последние годы вышло немало трудов по рассматриваемой ими теме. Свою задачу они видели в том, чтобы сосредоточить внимание на чисто династических вопросах: в какой обстановке утвердилась в 1613 г. новая династия, как менялся порядок престолонаследования и проходило занятие трона, каков был уровень подготовки наследников к их высокой роли и кто входил в их ближайшее окружение. роль династических браков в судьбах

монархии. С поставленными задачами авторам удалось успешно справиться.

Авторами рассмотрены наиболее значительные события в истории Российской империи. Так, анализ реформ Алексея Михайловича (1645–1676 гг.), проводившихся на национальной основе, без насильственной ломки существовавших общественных и государственных структур, и преобразований Петра Великого (1682–1725 гг.), приведших к крутым переменам и перенесению на российскую почву некоторых западных традиций, позволяет читателям яснее представить тот извилистый путь, который прошла Россия.

Много интересного, собранного воедино, читатель узнает о семейных делах российских царей, в частности о том, что Петр I покончил с "кровной изоляцией" династии России.

Важно также, что даются разные точки зрения на деятельность того или иного российского монарха, сравниваются этапные события в истории династий, как, например, переворот Елизаветы Петровны в 1741 г. и переворот Екатерины II в 1762 г. (с. 419, 423).

Такие явления, как фаворитизм, свойственный особенно российским императрицам, и дворцовые перевороты 1725–1762 гг., отмеченные авторами, роняют российскую историю династий с историей европейских королевских домов.

Отвечает интересам читательской аудитории и то, что деятельность и частная жизнь трех последних монархов рассмотрена в книге более подробно. При этом каждому из трех самодержцев: Александру II (1855–1881 гг.), Александру III (1881–1894 гг.) и Николаю II (1894–1917 гг.) авторы дают краткие, но емкие характеристики, а в дальнейшем останавливаются на их деятельности и судьбах. Реформы Александра II оцениваются как гибрид самодержавного режима и буржуазных принципов. Политика Александра III сравнивается с политикой Николая I (с. 452).

Нет сомнения, что особый интерес читателей вызовет описание обстоятельств отречения российского императора Николая II и последних месяцев жизни царской семьи.

В заключение хотелось бы отметить большую научно-организационную и редакторскую работу, проделанную редактором-составителем Н.В. Поповым. Именно благодаря его усилиям стало возможным издание рассматриваемой книги. Особо стоит сказать также об удачном подборе многочисленных иллюстраций, украшающих книгу, подробных генеалогических таблицах по каждой монархической династии и библиографии, данным в приложении. Все это увеличивает ценность вышедшего труда.

Имея в виду не столь большой тираж книги и уже проявившийся значительный интерес к ней со стороны российской общественности, надо полагать, что авторам предстоит готовить второе

издание. В связи с этим хотелось бы высказать ряд пожеланий.

Во-первых, историческая эпоха, которой посвящена книга, была временем создания грандиозных колониальных или иных империй. За раздел и передел мира велись тяжкие многочисленные войны. Австрийский писатель и историк Стефан Цвейг утверждал: "Из гранита жестокости и несправедливости воздвигаются великие государственные сооружения, и неизменно фундаменты их скреплены кровью"³. Монархи в этих процессах играли очень важную роль. Хотелось бы, чтобы в следующем издании эта роль была показана более выпукло.

Во-вторых, интересно было бы знать, как много государственных средств расходуется на содержание монархии в тех странах, где она сохранилась, и как велико богатство каждого из

монархов. И, в-третьих, есть ли политические партии или группы, которые выступают за ликвидацию этого архаического института.

И еще одно пожелание: рассказать о религиозных взглядах королей и королев и в какой-то степени затронуть тему "Монархия и церковь", особенно в тех странах, где монарх является главой государственной церкви.

В целом же книга вызовет самый широкий интерес российской читательской аудитории, а за рубежом будут ждать ее перевода на национальные языки.

Академик

В.Г. Трухановский,

Г.С. Остапенко,

доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Института
всеобщей истории РАН

³ Цвейг С. Мария Стюарт. М., 1959, с. 345.

КАФЕДРА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

В 1953 г. в Московском университете по инициативе академика М.Н. Тихомирова была основана первая в стране специальная кафедра источниковедения. По оценке преемника М.Н. Тихомирова в должности руководителя кафедры академика И.Д. Ковальченко, "нужно было обладать исключительно глубоким проникновением в ход развития науки, чтобы в то время взять на себя смелость доказывать необходимость создания кафедры источниковедения и добиться этого"¹. Отметим, что сам И.Д. Ковальченко, который без малого три десятилетия (1966–1995 гг.) возглавлял кафедру, также проявил и научную прозорливость, и смелую настойчивость, и человеческую мудрость, и административную решительность, чтобы доказать необходимость дальнейшего развития кафедры источниковедения и добиться этого.

Сегодня кафедра, возглавляемая д.и.н., проф. А.Г. Голиковым, представляет собой коллектив высококвалифицированных преподавателей и исследователей, которые обеспечивают изучение студентами факультета определенной системы специальных исторических дисциплин и ведут научные изыскания в области источниковедения, историографии, методов исторического исследования. Достаточно отметить, что на кафедре работают семь докторов наук, все преподаватели имеют ученые степени. В составе кафедры работают две научно-учебные лаборатории – Археографии (заведующий – д.и.н. И.В. Поздеева) и Исторической информации (заведующий – д.и.н., проф., к. техн. н. Л.И. Бородкин). Как учебное подразделение кафедра источниковедения обеспечивает на дневном и вечернем отделениях преподавание для студентов, изучающих проблемы отечественной истории. дисциплин специализации (источниковедение, историография, архивоведение, историческая география, палеография); чтение для всех студентов факультета общих лекционных курсов (количественные методы в исторических исследованиях, математика и информатика, методологические проблемы исторических исследований); проведение со студентами второго

курса библиотечно-археографической практики; подготовку студентами кафедры дипломных работ; научное руководство диссертационными исследованиями.

Основополагающим принципом университетского образования является фундаментальность. Свой вклад в фундаментальную профессиональную подготовку специалистов в области отечественной истории кафедра источниковедения вносит, строя учебные курсы как сквозные, т.е. в хронологических рамках – с древнейших времен до наших дней. В результате студенты получают целостное представление о развитии корпуса исторических источников, процесса познания прошлого, системы архивохранилищ, исторической географии и других специальных отраслей исторической науки на протяжении всего периода отечественной истории.

В годовом курсе "Источниковедение", который читают профессор С.В. Воронкова и А.Г. Голиков, д.и.н. В.А. Плагин, доц. Т.А. Круглова, последовательно прослеживаются возникновение и эволюция видов письменных исторических источников от летописных свидетельств "Повести временных лет" и до современной периодической печати включительно. Теоретико-методологическим стержнем курса является учение об информации, на возможность применения положений которого для решения проблем источниковедения обратил внимание еще в 70-е годы И.Д. Ковальченко². Сегодня эффективность высказанных им идей о развитии источниковедения доказана опытом преподавания этой дисциплины в МГУ. Важную роль в подготовке профессиональных

¹ Ковальченко И.Д. М.Н. Тихомиров – основатель и руководитель кафедры источниковедения Московского университета. – Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974, с. 181.

² Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (К постановке вопроса). – Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции. Новороссийск, 1979. См. также: Источниковедение истории СССР. 2-е изд. Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981, с. 4–17; Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (К постановке проблемы). – История СССР, 1982, № 3; *его же*. Методы исторического исследования. М., 1987, глава 3. "Исторический источник и исторический факт".

историков, наряду с лекциями, играют практические занятия. В курсе "Источниковедение" они дают возможность студентам под руководством преподавателей выработать навыки самостоятельного анализа информации исторических источников, овладеть методическими приемами их научной критики.

Курс "Историография", который ведут доценты Ю.А. Мошков, Г. Р. Наумова, А.Е. Шикло, знакомит студентов с возникновением и развитием исторических знаний в России, историей отечественной исторической науки от ее зарождения и до наших дней. Познание прошлого рассматривается как процесс, этапы которого определяются совокупностью изменений в источниковой базе и методах ее исследования, в изучаемой проблематике, но главное – в теории, на основе которой в то или иное время анализировался и обобщался конкретный материал. Студенты учатся соотносить факты, усвоенные ими из общего курса отечественной истории, с научными концепциями, в рамках которых эти факты были получены и интерпретированы. Так же, как и в курсе "Источниковедение", лекционный материал закрепляется в ходе семинарских занятий.

Важное значение хранящихся в архивах документов для профессиональной деятельности историков определяет место в учебном плане курса "Архивоведение", читаемом А.Г. Голиковым и к.и.н. Д.М. Володихиным. В нем прослеживаются закономерности формирования комплексов документов, отложившихся в архивохранилищах: характеризуются состав и организация Архивного фонда РФ и научно-справочный аппарат, раскрывающий местонахождение и содержание его структурных единиц; излагаются принципы и правила рационального поиска в отечественных архивах документов, в которых могла быть зафиксирована информация по теме исследования. Хотя в современном общественном сознании проблема открытости архивов связывается с регламентацией законом срока и порядка допуска внешних пользователей к хранящимся там документам, для профессионального историка доступность последних определяется, прежде всего, состоянием научно-справочного аппарата архивов. Сегодня принципиально изменились требования к качеству и способам получения необходимой информации. МГУ, Росархивом и РАН с 1993 г. ведется разработка комплексной государственной научно-технической программы "Информатизация государственных архивов РФ". Кафедра источниковедения представляет МГУ в этом и ряде других проектов, направленных на повышение эффективности работы историков в архивах. В апреле 1996 г. в университете состоялась совещание историков вузов и архивистов России³, в ходе работы ко-

торого создана постоянная комиссия по координации сотрудничества историков и архивистов.

Неотъемлемыми составляющими системы университетской подготовки профессиональных историков являются учебные курсы "Историческая география" (лектор – доц. А.В. Власов) и "Палеогеография" (преподаватели – Т.А. Круглова, Д.М. Володихин).

Преподавание дисциплин специализации в хронологических рамках XI–XX вв. стало возможно в значительной мере вследствие широты диапазона научных интересов сотрудников кафедры. В специальных семинарах студентами кафедры ведется подготовка дипломных работ по проблемам: источниковедение изобразительных источников XI–XVII вв.; источники и методы изучения традиционной материальной и духовной культуры старообрядчества XV–XX вв.; национальные традиции русской исторической мысли XVIII–XX вв.; политика, экономика, массовое сознание в информации периодической печати XIX–XX вв.; источники и методы изучения социально-экономической истории России XIX–XX вв.; моделирование и создание баз данных по истории российского парламентаризма в начале XX в.; история специальных исторических дисциплин. Лучшие выпускники кафедры становятся ее аспирантами. Главным образом из числа аспирантов кафедры формируется состав ее сотрудников. Так складываются научные направления работы, в рамках которых вырастают традиционные для университета коллективные исследования по комплексным проблемам. Итогом более чем десятилетней работы кафедры источниковедения стала публикация в 1979 г. двухтомной коллективной монографии о массовых источниках⁴. В ней были обобщены результаты нескольких десятков дипломных и диссертационных исследований.

Изучение проблем отечественной истории ведется на кафедре в контексте всемирной истории. Очевидно, что изучение истории иностранных капиталов в экономике дореволюционной России (спецсеминар проф. В.И. Бовыкина) было бы невозможно только в географических границах империи. Исследование проблем источниковедения периодической печати (спецсеминар А.Г. Голикова) осуществляется и по публикациям русских газет в начале XX в., и по публикациям, например, лондонской "Таймс" о России в конце XX в.

Жизнь постоянно требует учета новых факторов, определяющих развитие науки. Научно-

история, 1996, № 6; Голиков А.Г. Историк и архивист: опыт, проблемы и перспективы сотрудничества. – Вестник Московского университета. Серия 8. История, 1996, № 6.

⁴ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979; Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979.

³ См.: Корноухова И.А. Совещание историков вузов и архивистов России. – Новая и новейшая

технические достижения второй половины XX в. создали предпосылки для интеграции гуманитарного, естественнонаучного и технического знания, в том числе в рамках исторической науки. В том, что Московский университет оказался готов ответить на это требование времени, немалую роль сыграл зав. кафедрой источниковедения И.Д. Ковальченко. Еще в 1967 г. он впервые прочитал для студентов кафедры специальный курс о возможностях применения количественных методов и ЭВМ в исторических исследованиях, а в 1975 г. инициировал включение в учебный план для всех студентов-историков МГУ общего курса "Количественные методы в исторических исследованиях". Многие годы И.Д. Ковальченко сам читал этот курс и способствовал его становлению. В настоящее время его ведут член-корр. РАН Л.В. Милов, А.В. Власов. Впоследствии ему удалось доказать необходимость проведения, наряду с лекционными, семинарских занятий по курсу "Количественные методы в исторических исследованиях" и добиться этого.

Понимая, что эффективное использование математико-статистических методов обработки и анализа информации исторических источников на базе применения ЭВМ и современных информационных технологий возможно только при участии специалистов в этой области, И.Д. Ковальченко пригласил для работы на кафедре группу математиков. Современная компьютерная революция, следствием которой стало широкое внедрение персональных ЭВМ в практику работы историков, подтвердила правильность ориентации на сотрудничество историков и математиков при осуществлении научных проектов в области истории с использованием технических и технологических достижений конца XX в. Сотрудники созданной в составе кафедры лаборатории "Исторической информатики" (с 1996 г. она носит имя своего основателя И.Д. Ковальченко) разрабатывают методики компьютерной обработки и компьютерного анализа информации исторических источников, консультируют и оказывают содействие в применении их при проведении источниковедческих и конкретно-исторических исследований, ведут занятия со студентами по курсу "Математика и информатика" (лектор – Л.И. Бородкин). Его освоение дает

необходимые теоретические знания и практические навыки для применения компьютера историком в его профессиональной деятельности.

Особое место в системе специальных исторических дисциплин, преподавание которых обеспечивает кафедра источниковедения, принадлежит курсу "Методологические проблемы исторических исследований" под руководством проф. Н.Б. Селунской. Курс предложен, разработан и более полутора десятилетий читался И.Д. Ковальченко, на его основе написана фундаментальная монография "Методы исторического исследования" (М., 1987), за которую автор удостоен Государственной премии СССР. Учитывая, что слушатели – студенты четвертого предвыпускного курса – лектор синтезирует уже освоенный ими фактический материал и на его основе дает системное изложение общих логико-методических вопросов научного познания прошлого. Н.Б. Селунская разработала новый раздел курса "Методологические проблемы исторических исследований", посвященный анализу различных школ и направлений в методологии истории, которые за последнее столетие оказывали и продолжают оказывать существенное влияние на развитие мировой исторической науки. Представляется, что в современных условиях, когда нередко исследования по одной и той же проблеме осуществляются на основе разных теоретико-методологических принципов, важная задача этого курса – показать и объяснить студентам конкретные отличия в результатах, которые получены, исходя из того или иного подхода. Только на такой базе возможны, как осознанное предпочтение одной из теорий, так и реализация в исследовательской практике идеи теоретико-методологического синтеза.

Состав тем, которые разрабатываются, и учебных дисциплин, которые преподаются сотрудниками кафедры источниковедения, постоянно обновляется. Это открытая система. Здесь зафиксирован определенный этап ее развития. Высокий уровень концентрации научного потенциала – традиция Московского университета. Но университет никогда не был только московским: его опыт и достижения – общее достояние.

А.Г. Голиков

ПЕРВЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНГРЕСС ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТОВ

Летом 1996 г. в г. Саламанка, Испания, состоялся Первый Европейский конгресс латиноамериканистов. Инициаторами созыва этого крупного научного форума выступили Европейский совет социальных исследований по Латинской Америке (СЕЙСАЛ), объединяющий национальные ассоциации латиноамериканистов и наиболее известные исследовательские институты этого профиля в Ев-

ропе, и Испанский совет ибероамериканских исследований. Роль непосредственного исполнителя взял на себя Институт изучения Иberoамерики и Португалии Университета Саламанки, старейшего университета Испании, основанного в 1218 г. и пользующегося известностью далеко за пределами страны.

Организаторы конгресса в Саламанке поста-

вили перед собой три главные цели: рассмотреть концептуальные подходы к изучению в Европе проблем Латинской Америки и определить приоритеты на будущее, обсудить перспективы сотрудничества между Европой и Латинской Америкой по вопросам исследований и университетского образования и создать постоянно функционирующую инфраструктуру для контактов, обменов и тесного взаимодействия европейских латиноамериканцев.

Открыл конгресс вступительной речью президент СЕЙСАЛ Ромэн Гиньярд (Франция).

Первый Европейский конгресс латиноамериканцев приобрел широкий международный характер. Хотя преобладали специалисты из стран Европы, на конгрессе были также представлены латиноамериканцы США и ученые из стран Латинской Америки. К сожалению, организаторам конгресса не удалось привлечь к работе ученых из Азии, где латиноамериканские исследования и специализированные центры уже получили развитие – в КНР, Японии, Индии и на Тайване.

Тема конгресса "Латинская Америка: реальность и перспективы" давала возможность принять к обсуждению любую заявку и привлечь максимальное количество участников. Такой подход оправдал себя: в работе Первого Европейского конгресса латиноамериканцев участвовало около 1 тыс. ученых. В его программе фигурировало 819 научных докладов. Для их заслушивания и обсуждения было создано 62 тематических секции, в которых проходила основная работа конгресса.

Одновременно шли заседания специальных секций, где представители крупных научно-исследовательских центров и научных журналов по латиноамериканской тематике рассказывали о планах своей деятельности. В кулуарах была развернута большая выставка-продажа печатной продукции по проблемам Латинской Америки и Испании ведущих издательств, университетов и центров стран Европы. Наибольшее внимание здесь привлекала продукция Института европейско-латиноамериканских отношений в Мадриде, ориентированная в основном на запросы Европейского Союза и отличающаяся высокой оперативностью, нацеленностью на наиболее актуальные проблемы, информационной насыщенностью и самой высокой ценой.

Демонстрационный зал был выделен для Дней современного ибероамериканского кино.

Самую многочисленную группу активных участников конгресса составляли, по понятным причинам, испанские ученые, предложившие темы докладов в 25 из 62 секций. Это наложило отпечаток на научную программу форума, в которой традиционные темы исторического и юридического характера, популярные в Испании, заняли заметное место. Латиноамериканцами из других стран Европы было предложено 16 тем, 11 тем было сформулировано учеными из Ла-

тинской Америки, остальные темы выдвинули исследователи США и работники международных и региональных организаций, таких, как Латиноамериканский факультет социальных наук (ФЛАКСО) и др.

Хотя наиболее актуальные современные проблемы не доминировали в программе, именно они оказались в центре внимания участников конгресса. Это относится прежде всего к четырем темам: "Глобализация и Латинская Америка", "Интегральные процессы в Западном полушарии", "Взаимоотношения Европы и Латинской Америки" (в различных сферах – от экономики до духовной культуры), "Современное положение и перспективы развития Кубы". В программе конгресса были также широко представлены темы социального, политического и культурного характера, среди которых можно выделить следующие направления, ставшие объектом особенно пристального внимания: "Соотношение модернизационных процессов в социально-экономической и политической областях"; "Социальная цена неолиберального варианта модернизации и возможных альтернатив"; "Соотношение демократии и рынка"; "Особенности становления гражданского общества в Латинской Америке".

Среди докладчиков было немало приверженцев неомодернистских взглядов, которые считают, что события конца XX в. выявили несостоятельность исторических концепций предшествующей эпохи и настаивают на императивном характере неолиберальной модели перехода от традиционного общества к современному, основанному на рыночной экономике, политической демократии и правах человека. В ходе дискуссии в соответствующих секциях эти неомодернистские концепции были подвергнуты разноаспектному, нередко критическому анализу с позиций латиноамериканских реалий. В частности отмечалось, что немало проблем, квалифицируемых как устаревшие, в действительности не сняты с повестки дня в Латинской Америке.

Значительное место в работе форума было уделено культурной проблематике, которая рассматривалась в шести секциях. Особый интерес вызвал вопрос о характере взаимоотношений европейской цивилизации и латиноамериканских культур. Отметим, что многие темы политического и социального характера рассматривались участниками с учетом культурно-цивилизационного аспекта.

Особый интерес вызвала работа секции "Индеанизм, метисация и изменения в культуре Латинской Америки". Проблемным подходом к теме были отмечены доклады Анхеля Эспины Баррио (Университет Саламанки) "Антропология и изменения в культуре Ибероамерики", Кеес Коонингса (Утрехтский университет, Нидерланды) "Вопрос этнического сознания в формировании наций в Латинской Америке и Карибском бассейне". Были

доклады и более узкого характера, отличавшиеся детальной разработкой тем, как доклады французских ученых Стефании Аленда (Высшая школа социальных исследований, Париж) «Представление о родине, или политическая самоорганизация "чолахе" в Боливии» и Жюльи Армани (Люмьерский университет, Лион) «Культурное наследие как средство оценки коллективного сознания: пример индейцев "чачис" в Эквадоре».

Наибольшее внимание привлекли выступления на вечерних заседаниях, посвященные проблемам социально-экономического и политического развития Латинской Америки в контексте быстро меняющегося современного мира. Доклад Эдельберто Торреса Риваса (Университет Коста-Рики), многие годы возглавлявшего ФЛАКСО, носил название "Трудные вопросы переходной эпохи". Тема доклада профессора Высшей школы социальных наук в Париже Алена Турена "Латинская Америка между хаосом, авторитаризмом и демократией". По обоим выступлениям развернулась оживленная дискуссия участников конгресса, студентов и преподавателей Саламанкского университета. Это в какой-то мере компенсировало полное отсутствие пленарных заседаний. О необходимости таких заседаний, на которых обобщались бы результаты работы различных секций, говорили многие участники конгресса. Они справедливо указывали на слабую связь между секциями как на очевидный недостаток в работе первого форума европейских латиноамериканцев.

В работе конгресса благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда приняли участие два российских ученых из Института Латинской Америки РАН: д.и.н., проф. А.Н. Глинкин представил доклад "Закономерности и особенности структурных преобразований переходного периода в государствах-гигантах (опыт Бразилии и возможности его использования в России)"; ведущий научный сотрудник, к.и.н. Я.Г. Шемякин выступил с докладом: "Ценности модернизации и ибероамериканские политические традиции: перспективы демократии в Латинской Америке".

Наряду с проблемным подходом на заседаниях ряда секций рассматривались темы, посвященные отдельным странам – Мексике, Бразилии, Венесуэле, Колумбии, Аргентине. Наибольший ре-

зонанс получили выступления на секции "Будущее Кубы". Внимание, которое привлекла эта секция, и острые дискуссии, происходившие на ней, свидетельствуют о том, что мировая научная общественность проявляет большой интерес к судьбе этой страны. К сожалению, кубинская тематика у российских исследователей, которые раньше шли в авангарде изучения проблем истории и экономики Кубы, оказалась ныне забытой.

Различные аспекты настоящего и будущего Кубы были рассмотрены в докладах Энрике Балойтры (Университет Майами, США) "Сегодняшние руины и здание будущего", испанских ученых профессора Университета Саламанки Игнасио Дельгадо Гонсалеса "Тяжелый гнет национального примирения", Франсеса Байо Фортниэса "Испанская политика содействия прогрессу демократии на Кубе", Кристиана Фререса "Европейский Союз и Куба: поиски сотрудничества".

Подведению итогов Первого Европейского конгресса латиноамериканцев было посвящено заседание XX Генеральной ассамблеи СЕЙСАЛ, состоявшееся накануне официального закрытия форума. Все выступавшие в целом положительно оценили первый опыт и высказались в пользу регулярного, один раз в два года, проведения подобных масштабных научных встреч в Европе.

Ассамблея приняла ряд решений, имеющих важное значение для деятельности этой организации, а также для тех институтов и организаций, которые с ней сотрудничают. В первую очередь заслуживает внимания утвержденный календарь проведения международных мероприятий латиноамериканцев, а также мероприятий с их участием по 2000-й год включительно:

очередное заседание исполкома СЕЙСАЛ в 1997 г., на котором должен быть образован научный комитет для подготовки предложений о тематике и организационном формате Второго Европейского конгресса латиноамериканцев; международный конгресс американцев в Кито, 1997 г.; Второй Европейский конгресс латиноамериканцев, Германия, Халле, октябрь 1998 г.; Всемирный конгресс американцев в Варшаве, 2000 г.

*А.Н. Глинкин,
Я.Г. Шемякин*

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР "США И ВНЕШНИЙ МИР"

В Институте США и Канады РАН (ИСК) под эгидой созданной в 1995 г. Ассоциации американцев высших учебных заведений России и при содействии Информационного агентства США состоялся научный семинар, посвященный проблемам переоценки роли и места США в контексте исторического развития цивилизации XX в.

В работе семинара приняли участие более 120 историков России, Украины и Белоруссии, а также гости из США. Семинар носил междисциплинарный характер и был призван способствовать широкому обмену мнениями по актуальным проблемам взаимоотношений США с внешним миром. В центре внимания участников

находились дискуссионные и малоизученные вопросы контактов между США и Россией в сфере политики, экономики, культуры.

С приветственным словом к собравшимся обратился президент Ассоциации д.и.н., проф. Е.Ф. Язьков (МГУ). Он подвел первые итоги работы Ассоциации со дня ее создания, особо подчеркнул необходимость поиска новых, комплексных подходов к изучению проблем современной американистики. В этой связи Ассоциация планирует провести в 1997 г. международную конференцию по всему спектру актуальных вопросов исследования США.

На пленарном заседании участники семинара заслушали выступления Чрезвычайного и Полномочного посла, консультанта МИД РФ О.А. Трояновского "США в системе международных отношений: прошлое и настоящее", зам. директора ИСК д.и.н. В.А. Кременюка "Российско-американские отношения: между конфронтацией и партнерством" и декана факультета журналистики МГУ д.филол.н. Я.Н. Засурского "Образ России в американских средствах массовой информации. 1985–1995" О.А. Трояновский остановился на дипломатических просчетах советской стороны в отношениях с США в конце 80-х годов, в частности по германскому вопросу, и системе общеевропейской безопасности. В.А. Кременюк подчеркнул общую неудовлетворенность характером и степенью развития российско-американских отношений на современном этапе, выделив несколько аспектов проблемы вхождения посткоммунистической России в цивилизованный мир. Я.Н. Засурский обратил внимание собравшихся на эволюцию восприятия нашей страны в американском общественном мнении на протяжении последнего десятилетия: от образа "империи зла" до представлений о возможности партнерства и сотрудничества между Вашингтоном и Москвой.

Затем началась работа по секциям.

Участники секции "США в борьбе за мировое лидерство" (руководитель – д.и.н., проф. А.С. Манькин, МГУ) – обсудили ряд докладов и сообщений, связанных с проблемами глобальной роли США после второй мировой войны. В докладе д.и.н. Г.А. Трофименко (ИСК) "К проблеме российско-американского соревнования" отмечалось обострение внутри- и внешнеполитических проблем Америки после завершения "холодной войны". В докладе к.и.н. Р.А. Сетова (МГУ) «"Холодная война" – глобальный конфликт или мировой порядок» содержался анализ развития bipolarной системы международных отношений на фоне локальных конфликтов и кризисов.

Более конкретным вопросам политики США на международной арене были посвящены доклады д.и.н. Н.И. Егоровой (ИВИ) "Формирование концепции национальной безопасности США на Ближнем и Среднем Востоке (1944–1946)", к.и.н. С.В. Юрченко (Симферопольский государственный

университет) "Внешняя политика США в 50-е годы (по материалам личных бумаг Дина Г. Ачсона)", к.и.н. А.А. Сергунина (Нижегородский государственный университет) "Аппарат СНБ при Г. Трумэне: структура, полномочия, функции", к.и.н. Е.А. Степанова (МГУ) "Политика администрации Клинтон в области регулирования региональных конфликтов от ООН до НАТО", к.и.н. С.Н. Картамышевой (Курский педагогический университет) "Конфронтация или сотрудничество: основные принципы формирования внешней политики США относительно СССР во второй половине 80-х годов", к.и.н. Г.А. Агафоновой (ИВИ) "Восточноевропейская федерация в планах США после второй мировой войны" Заключительное сообщение к.и.н. Л.Н. Еремина (МГУ) было посвящено оценке последнего футуристического труда американского ученого Ф. Фукуямы "Конец истории", вызвавшего оживленную полемику среди мировой научной общественности.

Участники секции "США в мировом хозяйстве" (руководитель – д.э.н., проф. А.А. Пороховский, ИСК) рассмотрели ведущие тенденции экономического развития США на фоне глобальных изменений системы международных отношений в процессе перехода к информационно-технологическому типу цивилизации. С докладом "Проблемы переходного состояния мировой экономики и их воздействие на экономическую политику США" выступил А.А. Пороховский. Сообщения сделали также д.э.н., проф. Б.М. Смитиенко (МГУ) "Америкоцентризм" и полицентризм в мировой экономике на рубеже XX – XXI вв.", д.э.н. М.А. Портнов (ИСК) "Положение США на мировом рынке капитала", д.э.н. А.Б. Парканский (ИСК) "Региональные аспекты развития экономики США", д.э.н., проф. В.Н. Сумароков (Финансовая академия) "Новые явления в структуре государственных расходов США накануне XXI в.", д.э.н. Р.И. Зименков (ИСК) "Зарубежные инвестиции США – роль государства", к.э.н. Н.М. Андреева (ИМЭМО) "Аграрный сектор американской экономики и мировое хозяйство", к.э.н. В.Б. Сулян (Центр социально-экономических исследований и проектов) "Международная миграция рабочей силы".

На заседании секции "Российско-американские отношения" (руководитель – д.и.н., проф. В.О. Печатнов, ИСК) оживленную дискуссию вызвал доклад д.и.н., проф. А.И. Уткина (ИСК) "Американо-российские отношения на современном этапе". В полемике по вопросам, затронутым докладчиком, выступили академик Н.Н. Болховитинов (ИВИ), доктора исторических наук Э.А. Иванян, А.Д. Богатуров, В.О. Печатнов (все – ИСК), к.и.н. Е.Ю. Сергеев (ИВИ).

В сообщениях к.и.н. В.И. Батюка (ИСК) "О нынешнем состоянии российско-американских отношений", д.э.н. В.Б. Спандарьяна (ИСК) "Экономический компонент российско-американских отно-

шений", д.и.н. Н.А. Косолапова (ИМЭМО) "Лидерство и роли субъектов в мировой политике", д.и.н. О.А. Колобова (Нижегородский государственный университет) "США: проблемы глобального лидерства и равноправия межгосударственных отношений с обновляющейся Россией на современном этапе", к.и.н. Н.Н. Соколова (Томский государственный университет) "Проблема федерализма в США на современном этапе" были затронуты различные вопросы двусторонних отношений: трудности и проблемы на пути их развития, экономический аспект, проблемы лидерства и равноправия, развитие федерализма в США и России.

В секции "Литература США и внешний мир" (руководитель – д.филол.н., проф. А.С. Мулярчик, Московский государственный педагогический университет) внимание выступавших было акцентировано на проблеме взаимосвязей американской культуры с духовной жизнью других стран и народов. С докладом "Проблематика литературных взаимосвязей на американских конференциях 1980–1990-х годов", который содержал анализ основного круга вопросов и методологической основы компаративистских литературоведческих исследований на ежегодных научных встречах специалистов по США за последние десять лет, выступил А.С. Мулярчик.

Различные аспекты взаимовлияний культур в исторической перспективе проанализированы в сообщениях докторов филологических наук Т.Д. Венедиктовой (МГУ), Э.Ф. Осиповой (Санкт-Петербургский государственный университет), Е.А. Стеценко (Институт мировой литературы РАН), Б.А. Гиленсона (Орехово-Зуевский пединститут), В.И. Солодовника (Государственный университет), Т.Е. Комаровой (Белорусский государственный педагогический университет), кандидатов филологических наук Г.В. Алексеевой (Государственный музей-усадьба "Ясная поляна"), О.Ю. Анциферовой (Ивановский государственный университет), И.Е. Лунинной (МГПУ), О.О. Не-

смелова (Казанский государственный университет), Н.А. Кубанева (Арзамасский педагогический институт), О.Н. Рединой (МГПУ), О.Е. Осовского (Саранский педагогический институт), С.В. Моташковой (Воронежский государственный педагогический институт).

Заключительным аккордом семинара стал "круглый стол" "Современная компаративистика: дефиниции и рабочая методология" (руководитель – д.филолог.н., проф. Т.Д. Венедиктова). Его участники заслушали и обсудили сообщения, связанные с анализом сравнительного метода в исторических и социокультурных исследованиях. В докладах д.и.н., проф. О.М. Медушевской (РГГУ) "Современная компаративистика: проблемы методологии", докторов философ. наук М.Ф. Румянцевой (РГГУ) "Проблема критерия в сравнительно-историческом исследовании", И.П. Ильина (Российская Академия театрального искусства) "Культура как вечный диалог глухих со слепыми, или актуальность компаративистики", А.С. Панарина (МГУ) "Предчувствие неоконсервативной войны в российско-американских отношениях", д.филол.н. А.М. Зверева (РГГУ) "Методологический кризис в истории литературы", д.и.н. И.М. Савельевой (ИМЭМО) "Проблемы междисциплинарности в исторической науке", д.и.н. Е.И. Кравченко (МГУ) "Методологические возможности и границы сравнительного метода" подчеркивалась необходимость поиска новых методологических подходов в гуманитарных науках, одним из которых может стать компаративный метод, модернизированный с учетом современных требований и применяемый в комплексе с другими инструментами познания процессов общественной жизни. Завершающее выступление к.и.н. Ю.Н. Роголева (МГУ) было посвящено проблеме сопоставления американского опыта и глобальных процессов исторического развития.

Е.Ю. Сергеев

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

3 октября 1996 г. Институт всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) посетил директор Центра исследований в области европейской интеграции, проф. Жильбер Трауш (Люксембург). Перед сотрудниками института он выступил с докладом на тему: "План Робера Шумана и европейская интеграция". Эта встреча была проведена в рамках исследовательского проекта "Европейская интеграция и СССР", выполняемого в ИВИ РАН при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).

В докладе Трауша были затронуты как общие проблемы истории европейской интеграции, свя-

занные с особенностями культуры и цивилизации "старого континента", так и конкретные обстоятельства разработки ее программы, известной как "план Шумана".

На развитие современной Европы, подчеркнул ученый, наложила глубокий отпечаток идея государства-нации. В своей западноевропейской версии эта идея возникла очень давно, когда в эпоху позднего средневековья образовались современные государства – Франция, Великобритания и Испания. Но в Центральной и Восточной Европе государства подобного типа появились недавно. И возникли они там под влиянием Французской

революции XVIII в., выдвинувшей принципы национального суверенитета и прав народов.

Хотя, по мнению Трауша, эта идея в настоящее время признана универсальной ценностью, он не скрывает своего критического к ней отношения. Он считает, что, будучи экспортирована в Латинскую Америку и в Африку, она привела там к катастрофическим последствиям. Многие историки в настоящее время возлагают на идею государства-нации ответственность за возникновение первой и второй мировых войн. Во многом дискредитированная этими событиями, идея государства-нации в значительной мере утратила после 1945 г. свой престиж, во всяком случае, в крайних – шовинистической, националистической – формах проявления.

Ученый считает, что по отношению к идее государства-нации между Западом и Востоком Европы начиная с середины XX в. наметились значительные различия. После окончания второй мировой войны в Западной Европе не наблюдалось территориальных изменений. В Центральной и Восточной Европе, напротив, произошли большие территориальные изменения. В Западной Европе развернулась дискуссия вокруг таких проблем государства-нации, как его легитимность и пределы его реализации в условиях наднациональной организации, прав меньшинств и т.д. В Восточной же Европе подобной дискуссии не было, да она и не могла возникнуть, поскольку там считалось, что национальный вопрос находит свое полное разрешение в рамках интернационалистской политики правящих коммунистических партий. Это привело, в частности, к тому, что национальные проблемы в Центральной и Восточной Европе на самом деле были не решены, а лишь "заморожены". Поэтому в 1989–1991 гг. они вдруг встали с той же остротой, как и в 1945 г., а может быть, не меньшей, чем в августе 1914 г.

Таким образом, уроки второй мировой войны во многом побудили западноевропейцев критически отнестись к идее государства-нации и сделать свой выбор в пользу "единой Европы". Но перед ними сразу же возник вопрос: какую форму придать этой единой Европе? Представлялись возможными два пути: развитие тесного сотрудничества между государствами на основе межправительственных соглашений при уважении национального суверенитета каждой страны, или интеграция государств с передачей ими части своего суверенитета наднациональным органам, иначе говоря – федерализации, создания некой разновидности Соединенных Штатов Европы.

Опыт первых послевоенных лет показал, что продвигаться по пути западноевропейской интеграции можно было лишь медленно, поэтапно. Лучше других понимал это Жан Монне, французский государственный деятель, обладавший широким кругозором. Весной 1950 г. он разработал план, который предусматривал поэтапную инте-

грацию небольшими дозами. Для начала был выбран самый чувствительный сектор экономики – производство угля и стали. Для руководства этим сектором создавалась наднациональная "Высшая власть", решения которой были обязательными для стран-членов.

Этот план явился плодом сотрудничества двух политиков: Ж. Монне выдвинул основные идеи, разработал общую концепцию этого плана, а Р. Шуман использовал свои полномочия министра иностранных дел Франции для его претворения в жизнь. Под именем последнего он и вошел в историю как "план Шумана".

Оба деятеля были убежденными сторонниками европейского единства. Они считали, что к мировым войнам, из-за которых Европа утратила свое превосходство над остальным миром, привело соперничество между европейскими государствами. Эти войны можно было бы рассматривать как гражданские, т.е. внутриевропейские. Чтобы восстановить могущество Европы, следовало создать ее единство.

Но, как отметил докладчик, план европейской интеграции, предложенный Монне и Шуманом, преследовал и сугубо национальную цель. Объединенная Европа, по их мнению, должна была служить орудием защиты французских интересов.

Франция всегда болезненно относилась к германской проблеме, особенно тогда, когда вследствие холодной войны Германия оказалась расколота на две части. Нельзя было исключать того, что для достижения своего единства она попытается прийти к соглашению с СССР, т.е. сработает своего рода "комплекс Рапалло". Германия весьма быстро восстанавливала после войны свое промышленное и финансовое могущество, в особенности же наращивала производство стали.

Оба политика считали, что на вызов Германии Франция должна ответить быстро, пока еще располагала преимуществами своего статуса державы-победительницы в мировой войне.

Традиционно – в 1918–1919, а затем в 1944–1945 гг. – Франция проводила по отношению к Германии политику с позиции силы, стремясь помешать росту ее могущества, подчинить ее своему влиянию, а в идеале – даже добиться ее расчленения (в этом случае Франция рассчитывала получить от Германии левый берег Рейна и установить свой контроль над Рурским бассейном). Подписание Францией договоров о союзе с СССР 10 декабря 1944 г. и с Великобританией 4 марта 1947 г. было логическим продолжением такой политики. Ее проводили правительства генерала де Голля и Жоржа Бидо в первые послевоенные годы. И, судя по всему, Р. Шуман некоторое время вполне разделял эту политику.

Но принципиальным французским политикам уже тогда было ясно, что Франция в одиночку не выдержит соперничества с Германией. Бесспорным свидетельством тому было поражение Франции в

споре с Великобританией и США по вопросу о слиянии оккупационных зон в Германии в 1946–1947 гг.

Эти соображения и побудили ведущих французских государственных деятелей коренным образом пересмотреть германскую политику своей страны. Считается, что это было сделано в результате прихода Р. Шумана на Кэ д'Орсэ в июле 1948 г. На самом деле, отметил докладчик, в новом духе действовал уже Бидо весной 1948 г. А новейшие исследования показывают, что германская политика была пересмотрена еще в 1947 г., начало чему было положено правительством Леона Блюма в феврале 1946 г. Поэтому, по мнению Трауша, нельзя сказать, что новой политикой Франция была обязана только Р. Шуману. Тем не менее он первый, кто стал проводить ее на Кэ д'Орсэ последовательно, хотя и осторожно.

Фактическими, а не декларированными целями новой политики Франции в германском вопросе докладчик считает следующие:

1) Решить германскую проблему путем создания такого объединения европейских государств с участием Германии, которое бы крепко привязал ее к Западу, и при помощи которого можно было бы осуществлять за ней контроль, хотя и иными методами, ничего общего не имеющими с прежней политикой недоверия и неравноправия.

2) Модернизировать французскую промышленность, в особенности металлургию. Это было предметом большой озабоченности не столько Шумана, сколько Монне, который хотел заставить французских промышленников научиться конкурировать с немцами.

3) Сохранение Францией ранга великой державы. Речь шла о том, чтобы окончательно

ликвидировать последствия поражения 1940 г., серьезно подорвавшего престиж страны. Учитывая, что Франция уже не могла самостоятельно претендовать на статус великой державы, задача заключалась в том, чтобы, опираясь на Германию, встать во главе объединенной Европы.

По мнению Трауша, "план Шумана" сыграл в истории создания единой Европы очень большую роль. Благодаря ему в основу строительства европейского сообщества с самого начала были положены идеи интеграции и ограничения национального суверенитета наднациональными органами власти. Значение "плана Шумана" заключается в том, что именно он, а не Римский договор 1957 г. определил пределы наднационального начала в сообществе. Следующие крупные шаги в этой области связаны впоследствии с "Единым актом" 1985 г. и Маастрихтским договором 1991 г.

"План Шумана" определил и ту модель взаимодействия наднациональных органов европейского сообщества, которая применялась на практике вплоть до настоящего времени. Лишь недавно эта модель была подвергнута сомнению как устаревшая, поскольку она была создана для сообщества в составе всего лишь шести государств и не отвечает новым условиям, когда его членами являются уже 15 государств и предвидится дальнейшее расширение его состава.

В заключение доклада Трауш ответил на многочисленные вопросы слушателей. В частности, он подчеркнул необходимость изучения вопроса о политике СССР по отношению к европейской интеграции и выразил надежду, что российские историки внесут достойный вклад в эту область исследований.

А.В. Ревякин

ВЛАДИМИРУ ГЕОРГИЕВИЧУ РЕВУНЕНКОВУ – 85 ЛЕТ

В сентябре 1996 г. исполнилось 85 лет доктору исторических наук, профессору кафедры истории нового времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Владимиру Георгиевичу Ревуненкову.

Научное творчество В.Г. Ревуненкова яркое, своеобразное, историографическое явление. Около 60 лет своей жизни он отдал отечественной исторической науке, оставаясь, естественно, далеко не безучастным к тому, что происходило и происходит в стране и в мире. Однако исходить при анализе трудов историка только из очевидной взаимосвязи: человек–время, значит обречь себя на неудачу. Секрет любой творческой личности в двуедином контакте с окружающей социально-экономической, политической и научной средой. Исследователь одновременно зависим и независим, несвободен и свободен от нее. Причем, и это принципиально важно, отрешенность от сиюминутных обстоятельств, способность мыслить объективно, приверженность долгу ученого и науке всегда преобладали. Порукой этому были скрупулезное исследование источников, уважение к историческому факту, внимательный учет историографической ситуации, а главное, историчность подхода к рассматриваемым явлениям, событиям, персонажам.

Центральной темой В.Г. Ревуненкова в последние 30 с лишним лет является история Великой французской революции. Он опубликовал монографии о якобинской диктатуре, парижских санкюлотах революционной поры, Парижской Коммуне 1792–1794 гг., трижды переиздавал свой фундаментальный труд об этой революции в целом¹, написал не один десяток статей, касающихся ее событийной стороны, теоретического

осмысления, истории изучения. В советской историографии эти события трактовались порой неисторично и догматически, четко просматривалась так или иначе варьировавшаяся тенденция преподносить диктатуру якобинцев как власть революционного плебейства. Это имело очевидную идеологическую подоплеку. От якобинцев, нередко представлявшихся в виде блока крайне левых сил, исторический мостик перекидывался к июньскому восстанию в Париже в 1848 г., затем к Парижской коммуне 1871 г., а далее и к октябрьским событиям 1917 г. в России. Все работы французского цикла В.Г. Ревуненкова показывали, что якобинская диктатура – не революционно-демократическая диктатура низов, плебеев, санкюлотерии, не предтеча октябрьских перемен в России, увеченная там в названиях улиц, кораблей, набережных и т.п., а буржуазная революционная власть.

Очень долгое время в советской учебной и научной литературе Великая французская революция фактически ограничивалась периодом от взятия Бастилии до термидорианского переворота. Этим тоже пытались затушевать ее буржуазную сущность. В первом и втором изданиях своих обобщающих "Очерков" В.Г. Ревуненков довел изложение до 18 брюмера 1799 г. и этим убедительно продемонстрировал, что так называемый "нисходящий этап революции" был ее закономерным, отнюдь не "нисходящим", а, напротив, победоносным для буржуазии этапом, временем дележа добычи, раздела и передела земли, недвижимости, капиталов. Революция фактически лишилась сотканного в СССР флера романтизма и героики. Она предстала как кровавая драма, влекущая за собой не только гибель массы людей, но и хаос, голод, материальную нищету для большинства тех, кто остался жив, как катастрофа, завершающаяся социальной новацией, которая, доделывая незавершенное революцией, одновременно попирала ее лозунги и идеалы. Это ярко показано в третьем издании упомянутых "Очерков", где революции отводится уже четверть века, вплоть до крушения наполеоновской империи.

В 1977 г. появилась статья В.Г. Ревуненкова, трактовавшая июньское восстание 1848 г. во французской столице как выступление разных слоев буржуазии, а не как хрестоматийное про-

¹ *Ревуненков В.Г.* Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л., 1966; *его же.* Парижские санкюлоты эпохи Великой французской революции. Л., 1971; *его же.* Парижская Коммуна. 1792–1794. Л., 1976; *его же.* Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии. Л., 1982; *его же.* Очерки по истории Великой французской революции. Якобинская республика и ее крушение. Л., 1983; *его же.* Очерки по истории Великой французской революции. 1789–1799, 2-е изд., доп. Л., 1989; *его же.* Очерки по истории Великой французской революции. 1789–1814, 3-е изд., доп. СПб., 1996.

летарское восстание². А историк, пока еще в устных выступлениях, уже подступал к Парижской коммуне 1871 г., которая трактовалась в советское время как первый опыт пролетарской диктатуры. Он снова не нашел в ней ничего пролетарского и снова говорил о разных слоях буржуазии.

Примечательно и другое. В.Г. Ревуненков на французском материале показывал исторический характер, обусловленность своей эпохой, зависимость от нее, а поэтому совсем не всевременную сущность концепций К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина.

И все же французская тема, оставаясь главной, является далеко не единственной в творчестве В.Г. Ревуненкова. Оно отличается разнообразием сюжетов, сохраняя при этом новизну оценок и смелость подходов как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях. Проблемы революций, смены одного общественного строя другим, утверждения буржуазного правопорядка, разумеется, всегда были для него приоритетными. В 1941 г. историк выступил с оригинальной монографией о приходе Бисмарка к власти³. Он исследовал один из важнейших этапов преобразования германских земель на буржуазных началах, вскрыл существо компромисса между буржуазией и юнкерством. Автор показал, как представитель последнего – Бисмарк "заставил Вильгельма распрощаться со своими легитимистскими иллюзиями, со всеми своими наивными надеждами на общегерманскую солидарность немецких князей" и повернуть "прусское юнкерское государство на путь самого ускоренного проведения буржуазной политики в национальном вопросе"⁴.

В 1959 г. под редакцией М.А. Гуковского были изданы "Очерки по истории Италии". Главы, созданные В.Г. Ревуненковым, охватывают период с 1789 по 1870 г., т.е. почти всю историю Рисорджименто, все итальянские революции XIX в. По четкости и взвешенности формулировок эта часть упомянутого труда во многом не превзойдена в учебной литературе до сих пор.

В 1964 г. внимание научной общественности привлекла статья В.Г. Ревуненкова "К вопросу об особенностях и историческом значении английской буржуазной революции XVII века"⁵, содержащая критику основополагающего в те времена академического двухтомника на эту тему, который был подготовлен десятилетием раньше. Ученый

задался целью выяснить, обладала ли английская революция чертами, которые дают основание считать ее рубежом нового времени, положила ли она конец феодализму в Англии, знаменовала ли становление общества индустриально-капиталистического типа, как считали Е.А. Косминский и некоторые другие историки. В.Г. Ревуненков ответил на упомянутые вопросы отрицательно, поскольку революция XVII в. не решила ни аграрный вопрос, ни вопрос о переходе власти в руки буржуазии, не произвела коренной ломки социально-экономических отношений в стране.

Привлекла В.Г. Ревуненкова и история международных отношений. В 1957 г. он опубликовал капитальный труд о реакции европейской дипломатии на польское восстание 1863 г.⁶ Ученый исследовал, какое значение имел польский вопрос для русско-французских отношений, как прусская и английская дипломатия, используя разногласия в этом вопросе между Александром II и А.М. Горчаковым, с одной стороны, и Наполеоном III – с другой, искусно сталкивали Россию и Францию, какие цели преследовали берлинские и лондонские политики, каковы были итоги международного кризиса начала 60-х годов XIX в. "Садовая и Седан, Северо-Германский союз и Германская империя обязаны в значительной мере тому факту, что в резерве прусской военщины стоял русский царизм", – писал В.Г. Ревуненков со свойственным ему умением видеть далеко идущие последствия исторического события⁷.

В 1968 г. В.Г. Ревуненков опубликовал статью о периодизации нового времени, в которой, в какой уж раз вопреки официальным канонам, настаивал на том, что его начало – рубеж XV–XVII вв., что новейшая история не является особой эпохой мировой исторической эволюции, а составляет интегральную часть новой⁸.

Как редактор и основной автор В.Г. Ревуненков принял участие в создании целой библиотеки учебных пособий и учебников для средней и высшей школы как в СССР, так и за его пределами. В 1955 г. курс лекций В.Г. Ревуненкова по новой истории был опубликован на китайском языке в КНР. В 1958–1960 гг. вышло четыре издания подготовленного им первого в СССР пособия по новейшей истории для средней школы. Оно издавалось не только на русском, но и на украинском, белорусском, армянском, азербайджанском, грузинском, казахском, киргизском, латышском, литовском, молдавском, таджикском, туркменском, узбекском, эстонском, татарском, уйгурском, венгерском, польском, испанском, китайском

² Ревуненков В.Г. Новое в изучении июньского восстания 1848 г. в Париже. – Вестник Ленинградского университета, № 20, 1977, с. 37–45.

³ Ревуненков В.Г. Приход Бисмарка к власти (политическая борьба в Пруссии в 1859–1862 гг.). Л., 1941.

⁴ Там же, с. 111.

⁵ Вестник Ленинградского университета, № 2, 1964, с. 65–78.

⁶ Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957.

⁷ Там же, с. 351.

⁸ Ревуненков В.Г. О периодизации новой и новейшей истории. – Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968, с. 170–197.

языках. В 1959–1960 гг. двумя выпусками вышло из печати учебное пособие по новейшей истории стран Западной Европы и Америки, а в 1961 г. – учебник по новой истории 1871–1917 гг., предназначенные для студентов педагогических институтов. Пособие по новейшей истории переиздавалось в виде двухтомника в 1967–1968 и 1975–1978 гг. В упомянутых книгах В.Г. Ревуненкову принадлежат главы по истории Германии, Англии, Франции, Италии, Испании, Австрии, Греции, Чехословакии, Польши, Румынии, Венгрии, Болгарии, Югославии, Аргентины, Бразилии, Чили, Мексики, Гватемалы, а также главы, посвященные отдельным проблемам.

Следует особо отметить, что в 1963 г., используя свой опыт создания отдельных глав по истории латиноамериканских стран в изданном ранее учебном пособии, В.Г. Ревуненков опубликовал первую отечественную "Историю стран Латинской Америки в новейшее время". Это было смелое начинание. Латиноамериканистика делала тогда у нас первые шаги. Монографические исследования почти отсутствовали. В немногочисленных научных изданиях весьма фрагментарно освещалась лишь история Мексики, Аргентины, Бразилии. Между тем В.Г. Ревуненков предложил свою трактовку гражданской истории в XX в. не только этих, но и семи других стран: Кубы, Боливии, Венесуэлы, Гватемалы, Колумбии, Перу и Чили.

Профессор В.Г. Ревуненков пришел в Ленинградский государственный университет в 1939 г. В последующие десятилетия он был деканом исторического факультета, был и продолжает являться членом разных ученых и специализированных советов, но главной его университетской должностью было заведование кафедрой истории нового и новейшего времени в 1957–1989 и в 1992 гг. В годы крайней идеологизации исторического знания он отстаивал на кафедре принципы научной объективности, воспитывал в этом духе

коллег и студентов, содействовал интеграции российской историографии в мировой процесс самопознания человеческого общества. На кафедре сложилась особая творческая атмосфера, культивировался научный поиск, поощрялись увлеченность процессом познания, выбор, если это диктовалось необходимостью, самого трудного пути исследования. Личность заведующего имела при этом решающее значение. Сказывались многие черты ученого: его аскетизм, непритязательность во всем, что касалось материальной стороны жизни, и полная сосредоточенность на ее духовных началах, огромная эрудиция, строгая доказательность и критики, и одобрения, кажущаяся бесконечной работоспособность. Он всегда был и остается способным увидеть новое, неординарное, перспективное в работе окружающих и отворачивается от посредственности, серости, безличности, своекорыстия, поиска дешевой популярности, эффектных, скорых, но малообоснованных выводов. Под его внешней мягкостью, улыбчивостью, деликатностью скрывается острый ум и непоколебимая верность объективно-научному знанию. Такого руководителя далеко не каждый был в состоянии любить, но для всех ближайших сотрудников профессор В.Г. Ревуненков – навсегда "шеф", а всеобщее уважение к нему – константа кафедрального и факультетского климата.

Профессор В.Г. Ревуненков остается одним из самых популярных лекторов исторического факультета. Он читает историю нового времени XVII–XIX вв., историю международных отношений этого периода, важнейшие разделы европейской историографии новистки XVIII–XX вв. Историк полон творческих планов. Задуман новый труд – "Наполеон и революция". Подвижническое служение любимому делу продолжается.

Б.Н. Комиссаров

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФРАНСИСКО ДЕ МИРАНДЫ

Великий гражданин Венесуэлы Франсиско де Миранда (1750–1816) вошел во всемирную историю как Предтеча испаноамериканской независимости. Знаменательная дата – 250 лет со дня его рождения будет отмечаться в 2000 г. И хотя впереди еще немало времени, подготовка к юбилею уже началась.

Импульс к ней был дан официальными, общественными и научными кругами Венесуэлы в лице Исполнительного комитета по празднованию 200-летия со дня рождения другого великого сына этой страны – Симона Боливары (1783–1830). Постоянно действующий Исполнительный комитет, ко-

торый возглавляется видным историком, общественным и государственным деятелем д-ром Х.Л. Сальседо Бастардо, направил в адрес институтов по изучению Латинской Америки и ученых-латиноамериканистов большинства стран мира обращение, в котором содержалась идея о желательности проведения юбилейных мероприятий в связи с 250-летием со дня рождения Миранды в рамках двухуровневой структуры – Международного научного комитета и национальных рабочих групп.

Приглашение стать членами Международного научного комитета получили ученые-латиноаме-

риканисты из более чем трех десятков стран – Мексики, Испании, Англии, Кубы, США, Швеции, Италии и др. В Россию это приглашение было направлено д.и.н. М.С. Альперовичу – ведущему научному сотруднику Института всеобщей истории РАН, известному специалисту по проблемам освободительного движения в Испанской Америке.

Одновременно М.С. Альперовичу поступило предложение способствовать образованию Рабочей группы в нашей стране. Российские латиноамериканисты с энтузиазмом отнеслись к идее создания такой группы и подключения к международным научным мероприятиям. Благодаря активной поддержке директора Института всеобщей истории РАН, члена-корр. РАН А.О. Чубарьяна и директора Института Латинской Америки РАН (ИЛА) д.и.н. В.М. Давыдова такая внеструктурная междисциплинарная Рабочая группа, включающая историков, философов, филологов, была сформирована и приступила к своей деятельности в ноябре 1996 г. В ее состав помимо ряда сотрудников этих академических учреждений вошли представители Министерства иностранных дел РФ, Российского комитета сотрудничества с Латинской Америкой, исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Московского государственного института международных отношений, Волгоградского государственного университета, Института мировой литературы РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, журнала "Латинская Америка" и др.

На первом заседании Рабочей группы, состоявшемся в декабре 1996 г., обсуждался план ее деятельности на 1997–2000 гг. Он включает разнообразные мероприятия научно-издательского, ме-

морального, учебного и организационного характера. Среди них: проведение книжно-иллюстративных выставок, подготовка публикаций монографии "Франсиско де Миранда в российской и зарубежной историографии", сборника документов "Россия и Венесуэла – от Миранды до наших дней", проведение совместного заседания Ученых советов ИВИ и ИЛА, "круглых столов" и публикаций статей в журналах "Латинская Америка" и "Новая и новейшая история", выпуск почтовой марки с изображением Миранды и т.п.

Руководителем Рабочей группы был избран М.С. Альперович. Его имя давно и хорошо известно в научных кругах Венесуэлы. Он автор многих трудов по истории освободительного движения в американских колониях Испании, среди них специальной работы о Миранде: "Франсиско де Миранда в России" (М., 1986), изданной в 1989 г. и на испанском языке.

Летом минувшего года М.С. Альперович был избран членом-корреспондентом венесуэльской Национальной академии истории от России. Это большая честь, которой удостоиваются немногие. В почетном дипломе подчеркивается, что избрание является "знаком признания интеллектуальных заслуг" М.С. Альперовича. В том же 1996 г. М.С. Альперович был удостоен высокой правительственной награды Венесуэлы – ордена Франсиско де Миранды I-й степени. План деятельности Рабочей группы уже претворяется в жизнь. 18 марта 1997 г. перед студентами и преподавателями исторического факультета МГУ с лекцией о Миранде выступил Чрезвычайный и Полномочный посол Венесуэлы Х.Ф. Сукре Фигарейа.

Э.С. Дабагян

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ МАНУСЕВИЧ

17 января 1997 г. на 84-м году ушел из жизни один из видных представителей отечественной исторической науки Заслуженный деятель науки РСФСР, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, доктор исторических наук Александр Яковлевич Манусевич.

А.Я. Манусевич родился 28 января 1913 г. в г. Никополе. Его отец Яков Михайлович работал в банке служащим, мать Евгения Самойловна была художником. Трудовой путь Александр Яковлевич начал в 1930 г. после окончания средней школы с работы токарем на Ленинградском сталепрокатном заводе. В 1932 г. он поступил на исторический факультет Ленинградского института истории, философии, литературы, который в 1936 г. вошел в Ленинградский государственный университет. В 1937–1940 гг. Александр Яковлевич находился в аспирантуре ЛГУ.

Учителем А.Я. Манусевича был Е.В. Тарле – историк с мировым именем. Это в значительной мере и определило первые шаги А.Я. Манусевича в науке. В течение ряда лет он изучал историю Великой французской революции и затем историю Франции XIX–XX вв. В 1940 г. Александр Яковлевич защитил кандидатскую диссертацию "Французский империализм в борьбе против Советской России (1917–1919)" и был направлен на работу в качестве доцента в Петрозаводский государственный университет.

В 1941 г. с началом Великой Отечественной войны А.Я. Манусевич ушел добровольцем в Красную Армию. Там он был направлен на курсы военных юристов в Военно-юридическую академию в Москву. В октябре 1941 г. он, будучи курсантом, участвовал в обороне Москвы в районе Пахры. С начала 1942 г. А.Я. Манусевич стал

преподавать историю государства и права в Военно-юридической академии. С 1944 г. он научный работник Института истории АН СССР.

В 1947 г. вышла первая книга А.Я. Манусевича "Борьба за демократию во Франции". Одновременно в исследовательской работе А.Я. Манусевича обозначился интерес к истории Польши, которая и стала главным делом его научной жизни.

А.Я. Манусевич отдал исторической науке почти 60 лет, из них 45 лет он был сотрудником Института славяноведения и балканистики. За эти годы им было создано более 650 научных работ, опубликованных не только на Родине, но и во многих зарубежных странах. География изданий его работ не ограничивается рубежами Европы: здесь и Гавана, Буэнос-Айрес, Токио.

В 40–60-е годы А.Я. Манусевич работал в исторической редакции БСЭ. Эта специфическая работа требовала глубоких знаний и широкого кругозора, которые были ему присущи и накладывали отпечаток на все его исследования – от статьи до монографии. Разносторонние знания позволили А.Я. Манусевичу быть и хорошим редактором и хорошим руководителем молодежи. Он являлся заместителем главного редактора Ежегодника БСЭ. В 1947 г. А.Я. Манусевич был одним из учредителей Всесоюзного общества "Знание".

Совмещая работу в БСЭ с работой в Институте славяноведения и балканистики РАН, А.Я. Манусевич формировался как полонист. Он стал одним из авторов и редакторов трехтомника "История Польши". К этой фундаментальной работе он подошел через написание ряда книг и статей, среди которых "Польский народ в борьбе за свободную независимую Польшу" (1945), "Очерк по истории Польши" (1952).

В 1964 г. вышла коллективная монография "Очерки истории Народной Польши", где А.Я. Манусевич выступал автором и редактором.

Его обобщающие исследования по истории Польши XX в. завершились в 1993 г. выходом в свет "Краткой истории Польши с древнейших времен до наших дней". В этой книге ему принадлежит ряд глав по истории первой мировой войны и межвоенного 20-летия.

В 60–80-е годы в центр научных интересов А.Я. Манусевича выдвинулась проблема Октябрьской революции и участия в ней поляков. За монографию "Польские интернационалисты в борьбе за победу советской власти в России", изданную в Москве и Варшаве, ему была в 1965 г. присуждена ученая степень доктора исторических наук.

А.Я. Манусевич реализовал свои научные изыскания по этой проблеме как в написании ряда индивидуальных монографий, так и участием в коллективных трудах "В.И. Ленин и польское

рабочее движение", "Ленин в Кракове", "Очерки революционных связей народов России и Польши", "Октябрь и революционные движения в Европе".

Главной работой по этой проблеме стал двухтомный труд "Интернационалисты" (1967). Для подготовки его академик И.И. Минц и А.Я. Манусевич создали творческий коллектив отечественных историков и по сути дела сформировали поколение ученых, вопреки всем трудностям осваивавших богатство наших архивов от центральных до областных и районных. Благодаря введенным в научный оборот уникальным источникам, эти книги, написанные в условиях жесткой идеологической цензуры и общественного зстоя, сохраняют свою научную ценность.

В 70–80-е годы А.Я. Манусевич возглавил группу ученых Института славяноведения и балканистики, приступивших к сравнительно-историческому анализу социально-экономических преобразований второй половины 40-х годов в странах Восточной Европы. Был совершен переход от чисто страноведческих исследований к региональным. Под его редакцией была подготовлена и в 1977 г. вышла из печати монография "Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы", выдержавшая два издания. В 1985 г. при участии А.Я. Манусевича была опубликована коллективная монография "Народные и национальные фронты в освободительной борьбе и революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы".

Эти книги во многом подготавливали почву для отказа от схематизма и идеологических императивов в исторических исследованиях.

А.Я. Манусевич много, постоянно и плодотворно сотрудничал с журналом "Новая и новейшая история", опубликовав на его страницах содержательные статьи, очерки, рецензии.

А.Я. Манусевич принадлежал к тем ученым, которые создали свою научную школу. Его ученики – кандидаты и доктора исторических наук – работают сегодня в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Воронеже, Киеве, Львове, Минске, Кишиневе, Ереване, Варшаве, Праге, Софии, Будапеште и других городах.

Александр Яковлевич Манусевич прожил долгую и творчески насыщенную жизнь. Память о нем, крупном ученом и душевном человеке, навсегда останется в сердцах его близких, коллег и учеников.

Институт славяноведения и балканистики РАН.

Редакционная коллегия и коллектив сотрудников редакции журнала "Новая и новейшая история"

CONTENTS

Congratulations on the 40th Anniversary of the *Novaya i noveishaya istoriya* journal

Articles. Academician **Bogomolov O.T.**, **Glinkina S.P.** First Lessons in Economic Transformations in Central and East-European Countries in the 1990s; **Semenov E.V.** On the Russian Humanitarian Scientific Foundation's Activities; **Freidson V.I.** The Essence and Historical Roots of Nineteenth-Century Yugoslavism; **Lin Tsyun** (CPK). Soviet Diplomacy and China in the 1920s. Documents of the Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; **Tvardovskaya V.A.**, **Itenberg B.S.** Karl Marx and M.A. Bakunin: the Struggle of Ideas and Ambitions; In the Department of History of the RAS; Corr. Mem. RAS **Chubaryan A.O.** The 60th Anniversary of the RAS Institute of World History; **Karasev A.V.** The 50th Anniversary of the RAS Institute of Slav and Balkan Studies; **Discussion s.** Methodological Problems of Historical Informatics and Quantitative History; **Borodkin L.I.**, **Piotukh N.V.** Introduction; **Doorn P.** (Netherlands). More about Methodology. The Old and Beautiful: "Soap Opera" on Misunderstanding between Historians and Modalities; **Taller M.** (Germany). Commentary to P. Doorn's Article; **From the Archive of the US National Security.** The US Administration's Attitude to Bringing the Soviet Troops into Afghanistan in 1979; **From the History of World Culture.** Corr. mem. RAS **Fedorenko N.T.** "The Tokyo Notebook". Meditations on Confucianism; **Documentary Essays.** **Backman C.** (Sweden). New Data on V.I. Lenin's Swedish Ancestors; Academician **Bolkhovitinov N.N.** N.P. Resanov and the First Russian Voyage Around the World. 1803–1806; **Kretinin S.V.** (Voronezh). Otto Bauer (1882–1936) and Austrian Marxism (the End); **Historiography and Source Studies.** Corr. Mem. RAS **Myasnikov V.S.** Reforms and Revolutions in China; **Lebedev I.V.** Ambassador to Moscow under Six Presidents of the USA; **Letters and Notes**; **Book Reviews**; **Scientific Life.**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОГОМОЛОВ Олег Тимофеевич, действительный член РАН, директор Института международных экономических и политических исследований РАН, специалист по проблемам мировой экономики и международных отношений, экономическим и социально-политическим проблемам постсоциалистических государств, автор многих работ по данной тематике.

БОЛХОВИТИНОВ Николай Николаевич, действительный член РАН, профессор, руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, автор более 250 трудов, включая 12 монографий, опубликованных в России, США и Западной Европе, среди них "Становление русско-американских отношений, 1775–1815" (М., 1966), "Русско-американские отношения 1815–1832" (М., 1975), "Россия и война США за независимость. 1775–1783" (М., 1976), "США проблемы истории и современная историография" (М., 1980), "Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867" (М., 1990), "Россия открывает Америку. 1732–1799" (М., 1991).

ГЛИНКИНА Светлана Павловна, кандидат экономических наук, директор Центра восточноевропейских исследований Института международных экономических и политических исследований РАН, автор многочисленных работ по социальному и экономическому развитию постсоциалистических государств.

ИТЕНБЕРГ Борис Самуилович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник-консультант Института российской истории РАН, специалист по общественному движению и международным революционным связям пореформенной России, автор монографий "Первый Интернационал и революционная Россия" (М., 1964), "Движение революционного народничества. Народнические кружки и "хождение в народ" в 70-е годы

XIX в." (М., 1965), "Россия и Парижская Коммуна" (М., 1971), "Южно-российский союз рабочих. Возникновение и деятельность" (М., 1974), "П.Л. Лавров в русском революционном движении" (М., 1988), "Россия и Великая французская революция" (М., 1988), а также глав в коллективной монографии "Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов" (М., 1983).

ЛЕБЕДЕВ Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, директор Историко-документального департамента МИД России. Специалист в области истории международных отношений. Автор ряда научных работ в этой области.

МЯСНИКОВ Владимир Степанович, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, автор монографий "Империя Цин и Русское государство в XVII в." (М., 1980; 2-е изд. Хабаровск, 1987); "Краткий очерк истории дипломатии КНР (60-е – начало 80-х годов)" (М., 1988); "Договорными статьями утвердили. (Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII–XX вв.)" (М., 1996) и других работ по истории Китая и международным отношениям на Дальнем Востоке.

СЕМЕНОВ Евгений Васильевич, доктор философских наук, профессор, Генеральный директор Российского гуманитарного научного фонда. Автор монографий "Наука как вид духовного производства" (Новосибирск, 1981), "Кооперация деятельности как проблема исторического материализма" (Новосибирск, 1983), "Наука и образование в структуре НТР" (Новосибирск, 1986), "Огонь и пепел науки" (Новосибирск, 1990) и других научных работ в области философии.

ТВАРДОВСКАЯ Валентина Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, специалист по общественному движению и внутренней политике пореформенной России, автор монографий "Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов" (М., 1969), "Идеология пореформенного самодержавия. М.Н. Катков и его издания" (М., 1978), "Н.А. Морозов в русском освободительном движении" (М., 1983), "Достоевский в общественной жизни России. 1861–1881" (М., 1990), а также глав в коллективных монографиях "Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов" (М., 1983), "Русские самодержцы" (М., 1993).

ФРЕЙДЗОН Владимир Израилевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, специалист по истории южных славян XIX – начала XX в., автор более чем 170 публикаций, в том числе – ответственный редактор и автор глав двухтомника "Освободительные движения народов Австрийской империи" (М., 1980–1981), автор монографий "Борьба хорватского народа за национальную свободу" (М., 1970), "Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии в XIX – начале XX в." (М., 1994), "Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в." (в производстве), а также разделов по истории южных славян в учебниках "Новая история" ("Высшая школа").

Технический редактор *Е.Н. Ларкина*

Сдано в набор 03.02.97

Подписано к печати 08.04.97

Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆

Печать офсетная

Усл. печ. л. 21,1

Усл. кр.-отг. 21,4 тыс.

Уч.-изд. л. 25,3

Бум. л. 8,0

Тираж 3590 экз.

Зак. 1561

Адрес редакции: 117810, Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26, тел. 238-43-21
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала "Новая и новейшая история" принимает статьи до 30 стр., исторические очерки до 50 стр., историографические обзоры – до 20 стр.; рецензии, письма и заметки – 5–6 стр.; коротко о книгах – 2–3 стр. Материалы принимаются после предварительного согласования тематики с редакцией (во избежание дублирования) и представляются в трех (первом, втором и третьем) экземплярах, отпечатанные с полями на стандартной машинке (текст через два интервала, сноски через два интервала), вставки (после доработки материала), тексты и сноски на иностранных языках также должны быть отпечатаны на машинке. В случае отклонения рукописи автору возвращается два экземпляра, один остается в архиве редакции.

Рукописи, превышающие установленный объем или присланные в редакцию в единственном экземпляре, могут быть возвращены автору без рассмотрения.

Автору посылается копия подготовленного к набору экземпляра рукописи, которую он подписывает в печать. Правка в верстке не допускается.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Результаты научной деятельности институтов отделения истории РАН в 1996 г.

Итоги и перспективы работы отечественных военных историков

Наркоминдел, советские посольства и консульства в годы Великой Отечественной войны по воспоминаниям советских дипломатов

Из архива МИД РФ. Советско-китайские отношения в начале 20-х гг.

Посол Сингапура в Москве об исторических факторах современных успехов страны

Воспоминания советского военного атташе в Швеции

Социализм и либерализм в середине XIX в.

Европейская политика Александра I

Греция и ее соседи: проблемы послевоенного мирного урегулирования (новые архивные материалы)

"Круглый стол" по проблемам преподавания новой истории Средней Европы

Портреты историков: М.М. Ковалевский

Многоликий Маннергейм

Уважаемые подписчики научной периодики Издательства "НАУКА"!

В последние годы наблюдается падение подписки на академические журналы. Суммарный сбор экспортных заказов на 1997 год сократился более чем вдвое по сравнению с 1996 годом. Проведенные исследования и контакты с зарубежными фирмами и торговыми организациями показывают, что это никак не связано с падением реального спроса на российские академические издания за рубежом. Напротив, наблюдается очевидное перераспределение заказов на академическую периодику в пользу различных организаций и частных лиц внутри России, занимающихся перепродажей изданий РАН зарубежным контрагентам в обход нашего Издательства.

Главной причиной, создающей благоприятную среду для подобных операций, служат ножницы внутренних и экспортных цен на нашу периодику. Это позволяет закупать подписку по сниженным ценам, действующим внутри России, и далее перепродавать ее за твердую валюту по экспортным тарифам. **Академия наук фактически дотирует из госбюджета частных лиц, не вкладывающих никаких средств в издание журналов.**

Руководством РАН принято решение о резком сокращении ценовых "ножниц" путем приведения занижавшихся ранее цен на подписку внутри России к уровню экспортных цен на научную периодику, начиная со II полугодия 1997 года. Одновременно РАН предоставляет российским академическим, библиотечным, вузовским, отраслевым научно-исследовательским организациям и учреждениям, их сотрудникам и аспирантам, **возможность подписки по специальным (сниженным) ценам.**

Индивидуальные подписчики этих учреждений и организаций смогут оформить подписку по сниженным ценам на наши издания в редакциях соответствующих журналов, либо непосредственно в Издательстве по предъявлении служебного удостоверения. Лица, желающие получить подписные издания прямо на свои почтовые адреса, или иногородние подписчики, смогут оформить подписку по специальным абонеентам, формы которых будут разосланы по библиотечным, научным и учебным учреждениям. Индивидуальная подписка будет проводиться по принципу "Один специалист – одна подписка".

Коллективные подписчики (научные учреждения, библиотеки, вузы, докторантуры, аспирантуры, некоторые другие организации) должны будут для оформления подписки направить в Издательство "НАУКА" надлежаще оформленные бланк-заказы, формы которых также будут им разосланы.

При положительном рассмотрении Издательством полученных заявок оплата должна быть произведена через отделение банка или путем почтового перевода на основании полученного подписчиками счета ЗАО "Агентство подписки и розницы" (АПР) – официального распространителя изданий Издательства "НАУКА" по подписке внутри России.

Специализирующиеся на комплектовании научных и вузовских библиотек академические организации (БАН, БЕН, ИНИОН, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН и др.) смогут осуществить подписку, как и прежде, непосредственно в издательстве, предварительно согласовав с ним список пользующихся их услугами организаций и количество льготных подписок.

Более подробную информацию о новых условиях подписки по специальным (сниженным) ценам с соответствующими формами абонеентов и бланк-заказов Издательство готово выслать по запросам, направляемым по адресу Издательства НАУКА: 117864, ГСП – 7 Москва, В – 85 Профсоюзная ул., 90, ком. 430 факсы – 334-76-50, 420-22-20.

Надеемся, что научная общественность с пониманием отнесется к предпринимаемым нами вынужденным шагам и что все, кто имеет право на специальную подписку, своевременно воспользуется им.

Некоторые трудности с оформлением специальной подписки носят временный характер. При ее последующем возобновлении лицам и организациям, однажды получившим право подписки по специальным ценам, достаточно будет лишь подтвердить свой заказ.

